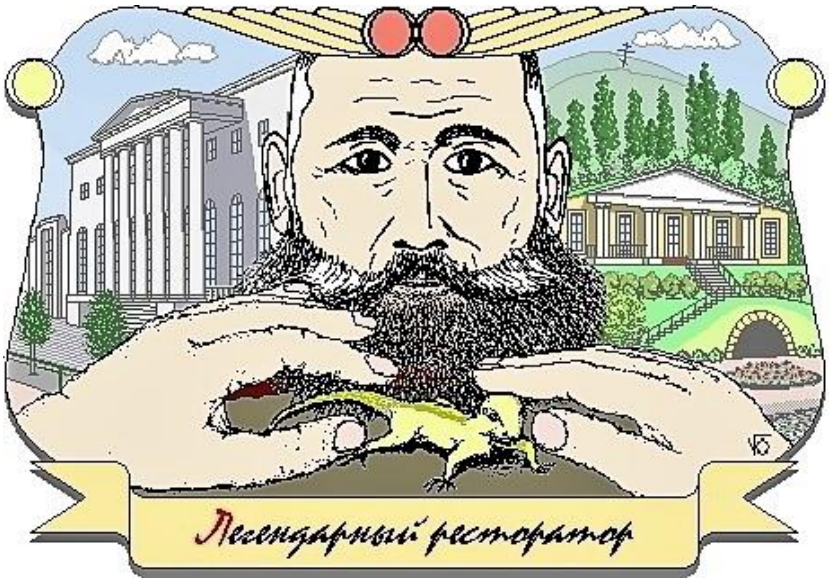
ТВОРЦЫ

гостеприимства

Валентин Богданов

Валентин Богданов

Творцы гостеприимства

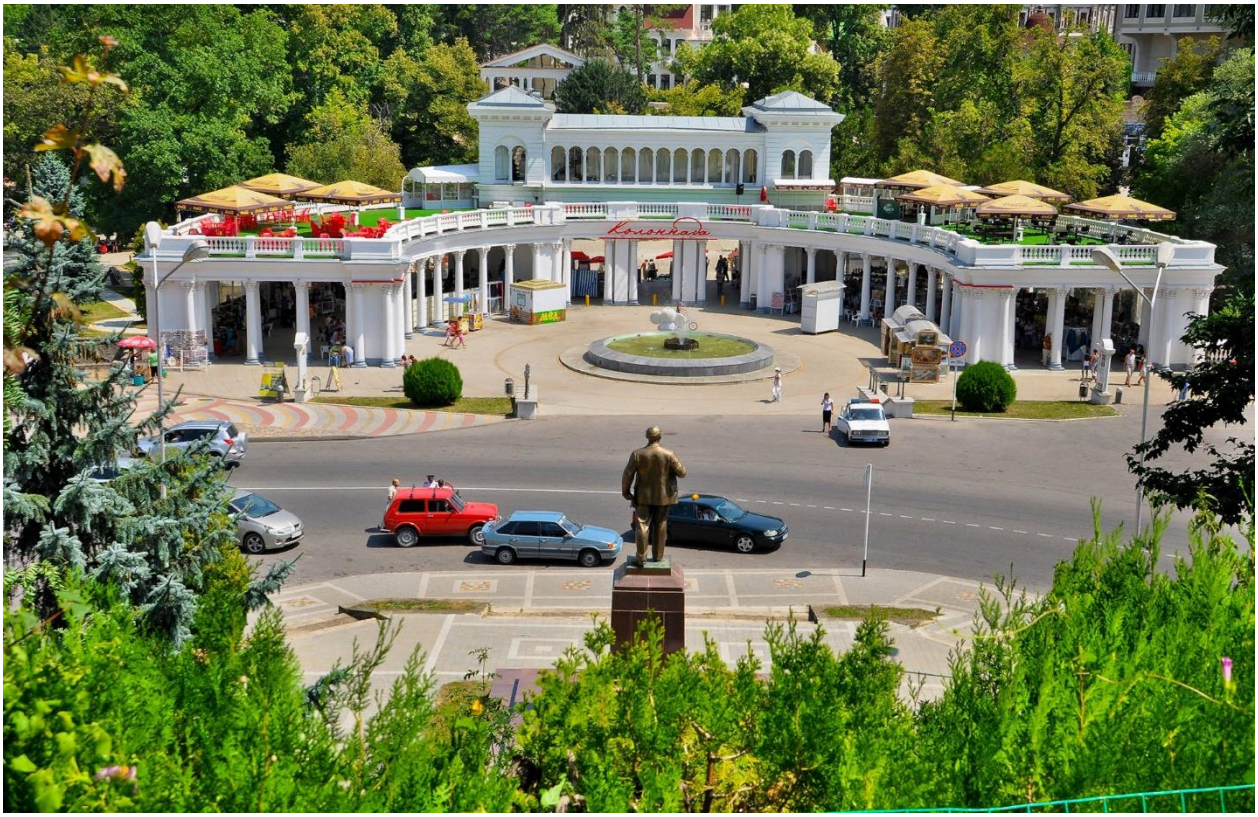
Конвергентная редакция

Кисловодск, 2025

Светлой памяти
Найтаки
Марии Петровны
и Богданова
Анатолия Андреевича

Предисловие

У кавказских народов удивительно сильны традиции. Всем известно, что люди, оберегающие прошлое, имеют будущее. Земля, полная памятников, помогает этому. Знаменитый город Кисловодск сохраняет свои памятники.

Колоннада в центре Кисловодска

В центре города стоит прекрасная Колоннада, возведенная по поводу 100-летия победы в войне 1812 года. Позади неё на Лермонтовской площадке возвышается белоснежный памятник в виде классического портика старинного дома.

Двести лет назад в этом деревянном доме, сложенном для императрицы вдовы Павла I, благородное собрание открыло гостиницу с ресторацией. Она была первой на Водах. Осенью рядом посадили аллею променада -- первую аллею будущего Национального парка, самого большого в Европе.

В царском доме побывало множество знаменитостей. Вот некоторые наиболее известные: А.С. Пушкин, возвращаясь из Арзрума, усердно лечился нарзаном, М.Ю. Лермонтов во время ссылки завершил лечение ревматизмов, Л.Н. Толстой заезжал, когда долечивал простуду, князь М.С. Воронцов проводил в этом доме часть летнего сезона, как и многие другие. В первые годы здесь не было ничего особенного кроме романтической обстановки и прекрасного лечения нарзаном.

Но с 1835-го года казенные гостиницы с ресторациями в Пятигорске и Кисловодске, а также частную в Ставрополе арендовал купец грек Петр Афанасьевич Найтаки. Ему помогали сыновья Егор и Алексей. В обстановке Кавказской войны эта троица придала местным гостиницам столичный блеск. Гостеприимство стало для них воистину делом жизни.

Оно их прославило и наградило. За благотворительность Алексей сразу получил золотую медаль «За полезное» на ленте ордена Св. Анны. После окончания войны в его лице пятигорские Найтаки – их так официально называли -- были пожалованы императорской грамотой о потомственном почетном гражданстве. Редчайший случай среди отельеров!

Из-за требований профессии личная жизнь содержателей гостиниц Найтаки всегда оставалась неизвестной. Существует единственный способ узнать, кем они были на самом деле,– это глубоко разобраться в их практической деятельности. Был использован подход, который показал свою силу в современных масс-медиа. В гипертекст, представленный ниже, собиралась из интернета и печатных изданий близкая по теме вербальная, визуальная и акустическая информация и для неё достигалась целенаправленная всеобъемлющая конвергенция.

Открылись побудительные мотивы, которыми Найтаки руководствовались в своих гостиничных делах. Стали понятны характеры Найтаки: их расчетливость и решительность, самоотверженность и настойчивость, но, прежде всего,

коммуникабельность. Это был врожденный и развитый долгой практикой удивительный навык общения с разными людьми.

В своих гостиницах Найтаки внедрили прнципы знаменитого кавказского гостеприимства. Преодолели неожиданные препятствия, совершили удивительный деловой взлет, но потерпели катастрофу, когда Россия погрузилась в бедствия революции. Настоящие российские Икары!

ЧАСТЬ I. Знакомства у источника

Посетители и работники

Гостеприимство -- радушие в приеме и угощении посетителей ... или странноприимство.
В.И. Даль, Толковый словарь... 1863 г.

Шел 1836 год. В кисловодской котловине, окружённой безлесными горами, пропели петухи и разбудили крепость, слободу и казачью станицу.

Небо светлело, как бывает только в горах.[1] Свет и тени перемещались по земным складкам, живя своей удивительной космической жизнью. Из-за горы Кабан на Джинальском хребте появились солнечные лучи и окрасили в ярко-розовый цвет крутые откосы Боргустанского хребта на дальнем берегу речки Подкумок.

Утро было обычным для кавказского лета – ясным и спокойным. В тени горы Святого духа, называемой в наше время Крестовой, стали видны две дощатые галерейки. Между ними разместился широкий сруб колодца, заполненного минеральной водой нарзаном.

Глухие звуки холодного бурления нарзана соединялись с

---

[1] 🔔 Свиридов Г.В., Отзвуки вальса

Примечание 🔔 .
Вход из файла.docx - Ctrl+клик мыши,
из файла.pdf - два клика.
Выход - Ctrl + w

шумом речки Ольховой, текущей рядом по парку.

Сквозь водные звуки слышался быстрый шорох хряща[1]. Это повариха Прасковья, легко ступая изящными чувяками с вышитыми ноговицами, бежала в ресторацию. Невольно ощущая красоту волшебного утра, она с душевной радостью торопилась на работу. И вдруг остановилась в испуге.

Перед ней возникли два вооруженных всадника. Каждый вел в поводу навьюченную лошадь.

По убитому[2] хрящу к ней подъехал рослый горец с длинными усами и окладистой бородой каштанового цвета.

– Крашеные хной – разглядела она. Его статное тело облегала *чоха*[3] со вышивкой. Папаха в виде конического колпака из тёмно-рыжей смушки была слегка сдвинута на затылок. С загорелого лица смотрели карие глаза из-под смоляных бровей.

Задний всадник в черкеске и откинутом башлыке был ниже и крепче фигурой. Пряди шерсти, свисающие с белой мохнатой папахи, прикрывали голубые глаза, горбатый нос и короткие рыжие усы.

Бородатый всадник заговорил с грузинским акцентом:

– Здравствуй уважаемая! Эта дорога на базар правильная?

Приезжие явно не знали, куда им двигаться. Прасковья сочувственно подумала:

– Новые купцы прибыли. Но не ко времени! В будний день базара нет. На слободской площади собирается домашний базарчик, а привозным товаром торгуют в балаганах.

Она, как и множество других людей, ошиблась. В Кисловодск заехали не купцы, а черкесы. Не робкие и наглые абреки, которые бродили по окрестностям города, ища случайной добычи. Заехали дальние черкесские разведчики.

Старший из них был особенный человек. Я отнес бы его к тем природным затравкам, которые, будучи помещенными в возбужденную среду черкесов на Западном Кавказе, могли бы вызвать бурную кристаллизацию, вроде той, что произвел имам

---

[1] *горный гравий*

[2] *утрамбованному*

[3] *грузинская верхняя одежда*

Шамиль на Востоке Кавказа. Сообщество горцев стало бы прочнее цельной стены гранита. Из воспоминаний участников кавказской войны можно понять, что царские военачальники видели эту опасность. Их продуманная тактика остановила начинающийся процесс объединения сил сопротивления. Необычный эпизод этой борьбы произошел в Кисловодске.

– Что вы продаёте? – решительно спросила повариха.

– Оружие красивое: шашки и кинжалы. Имеем ножи для хозяйства и для охоты. Они хороши! Ты заходи – для тебя найдем лучший товар! Век будешь благодарить!

– Спасибо за приглашение! – Прасковья успокоилась: ничего необычного в торговцах вроде бы не было.

– Уважаемые гости, у нас сегодня торговля плохая. А в Пятигорске вы были? Там самое место вашему товару.

– Нет, но мы собираемся опосля.

– Ну что ж, коли так, поезжайте к балаганам за речкой. Вон там! Ежели никого не найдете, подождите. Вскорости придут продавцы, разложат товар и откроют торговлю.

Бородатый, похоже, умел продавать, и тут же принялся любезничать с красивой женщиной, будто истинный грузин:

– Любезная, спасибо за совет. Вижу, тебе всё знакомо. Скажи по правде, красавица, для тебя нужна сильная защита? Так я думаю. – Он поднял руку. – Рассчитывай на нас! Вай, такой прелестнице, как ты, самого лучшего оружия не пожалею! Верь мне!

– Упаси, боже, от вашей защиты! От неё никакое оружие не спасёт! – кокетливо засмеялась Прасковья. Затем вежливо сказала:

– Торговля у нас хуже, чем в Пятигорске, но наши курсовые[1] платят лучше. Останетесь до воскресенья – расторгуетесь с прибытком. На базар приедут горцы. Они оружию всегда рады. Думаю, что в обмен предложат овец. У наших баранина превосходная! Можете потом перепродать в Пятигорске.

– С выгодой! Так говорят, – прибавила она.

Купца, похоже, не интересовала обменная торговля. Он прекратил любезничать и стал по-восточному вычурно и

---

[1] *от немецкого Kur – курс лечения, курортное лечение*

многословно объяснять, что весьма благодарен и ждёт, что она придёт и украсит собой торговлю.

Прасковья попрощалась и поднялась по тропинке к ресторации. Но под деревьями, окружающими ресторацию, она замедлила шаги, задумалась и неожиданно для себя остановилась.

Её встревожила одна привязчивая мысль. Снова почудилось, что на кухне исчез некий продукт. И, совсем уж плохо: никак не могла вспомнить, что пропало или чего не хватает!

Её беспокоили не основные продукты – они поступали от жителей бесперебойно. Всё доставлялось прямо на кухню. Прасковью волновало иное. Если во время готовки не окажется под рукой нужной специи, то случится беда!

Когда такое случалось дома, тогда она обращалась за продуктом к соседке. Взаимопомощь действовала в деревнях безупречно спокон веков. Но только не в ресторации – соседей не было! Приходилось рассчитывать на себя. Именно это было постоянной головной болью поварихи.

Помнила, как хозяин Петр Афанасьевич говорил, что тратить надобно с умом. И наставительно прибавлял слова, что только тогда будешь «иметь златые горы и реки, полные вина». И всем другим будешь владеть. Все верно, в этой народной песне собрано много правды.[1]

Сегодня Прасковья составила список покупок, которые привезут из Пятигорска. Она полагала, что запас не помешает. К несчастью, случилась внезапная неприятность – повозка поломалась! Хозяин Афанасьевич и кучер Тохтар допоздна починяли её.

Слышала – исправили! Поездка состоится, и можно будет пополнить свою кладовую. Она почувствовала облегчение. Но не забывала следить, что делают грузинские купцы. Такие любезные! Песня все ещё звучала в её голове.

Всадники смотрели Прасковье вслед. Бородатый торговец, довольный собой, сказал своему молчаливому спутнику:

–Ишь ты, остановилась! Эта женщина болтлива лишь с виду,

---

[1] Народная песня «Златые горы»

а на самом деле хитрая, как лиса. Кажется, ничего не заподозрила.

Первую проверку мы прошли успешно! Однако расслабляться нельзя. Впереди дело. Поторгуем, переночуем и отправимся дальше. По возможности не будем привлекать внимание к себе и поскорее уберемся из этого людного места.

Трогай, Аслан, вперед к броду! Переправимся и станем ждать торговцев за речкой на торжище.

Привычная тропинка привела Прасковью на широкий двор ресторации. Ей было знакомо здесь все до последней мелочи.

Впереди на другой стороне двора поднимался склон горы, в который были врыты ледник и каменная кухня, покрытые камышом. Справа в углу двора имелся небольшой сарай с конюшней и виднелись деревья парка. К ним спускалась некрутая дорожка. Слева в невысокой каменной ограде открывались въездные ворота в короткий проулок. За проулком густые деревья скрывали барский дом, флигели и другие постройки в усадьбе помещика Алексея Реброва.

Двор ресторации только что закончил мести старый солдат Нефёдыч, сторож и дворник в одной персоне. По императорскому указу солдат находился в бессрочном отпуске после более чем двадцатилетней службы. На родину одинокий старик не вернулся, там его никто не ждал. Привык к Кавказу и остался у приказчика Митрича, позволившему сослуживцу жить в саманном домике в углу двора.

Прасковья велела передать приказчику, что куропаток не хватит и кофий заканчивается. Старый ветеран галантно поклонился, шаркая ногой и размахивая драной шляпой. Закончив поклон, аккуратно убрал дворницкое снаряжение, фартук и нарукавники, щёлкнул пальцами и отправился домой. Впереди бежала, оборачиваясь и виляя хвостом, собачонка.

Повариха знала, что стариковские чудачества не помешают добряку всё исполнить.

Тихо отворив дверь, она вошла в кухню. Перекрестилась на икону Лаврентия Римского, едва различимую в свете лампады. На столе от ночника зажгла свечи в шандале.

Быстро сменила обувку. Сняла кацавейку. Перед зеркальцем

поправила белый передник с розовой оборкой и перевязала розовый головной платок с цветочками, голубыми, как её глаза.

На русской печи спали её помощники девушка и мальчик, круглые сироты дети покойной кумы с Подолья. Она позвала девушку тихонько – девичий сон чуток:

– Аннушка, вставай, милая!

Мальчика не стала будить.

Помощница прошептала молитву, умылась, оделась, переплела косу, покрылась платком и повязала передник, похожий на поварихин.

Начала с того, что выгребла зольники, стараясь не пылить. Ведро с золой вынесла за ворота. После принесла вёдра с водой, заготовленные с вечера, и наполнила котёл, вмазанный над очагом.

Прасковья Семёновна проверила, открыта ли задвижка дымохода, сняла заслонку, открыла дверцы и выложила в горниле печи сухую щепу и дрова.

Лучиной взяла огонь от шандала, и сама разожгла печь и очаг, а то вчера помощница сплоховала, и они остались без огня. Святой огонь из лампады брать нельзя. Другого огня в доме не было. Долго высекали искру из кремня и раздували трут. Заграничные спички не покупаем, – дороги!

Готово! Огонь весело пляшет, дрова потрескивают, дымоход гудит. Помощница сбегала и принесла из ледника молоко. Сняла слой сливок и поставила молоко согреться.

Пока на очаге грелась вода, повариха замесила дрожжевое тесто и выставила к печке – скорее поднимется. Вытерла руки и занялась стряпнёй.

Помощница ласково разбудила мальчика, разоспавшегося на тёплой печке. Мальчик поварёнок, позёвывая, с молитвой сходил во двор, принёс дрова и бросил у печки.

Прасковья Семёновна приказала сложить в подпечек, как она учила, чтобы дрова сушились, и напомнила, чтобы не шумел на дворе. Надобно проследить, чтобы пошел умываться. Закончит, будет молоть пожаренный вчера кофий

Уже подавала признаки жизни слобода. Возле домов двигались люди, конные повозки и всадники. Хозяйки топили

печи и готовили еду для семей. Торопились, чтобы не задерживать мужчин. Отпустили подоенную скотину за ворота. Она присоединилась к стаду, которое гнали пастухи на выпас.

В отличие от слободы в части города, где лечились, было заметно тише. За этим следила гауптвахта. В пять часов из домика гауптвахты вышел особый сторож и ударил в колокол, висящий на столбе перед крыльцом ресторации.

К звону колокола присоединилась далёкая барабанная дробь побудки в крепости. Первые курсовые поспешили к нарзанному питью и ваннам, чтобы начать лечение.

Приказчик Илья Дмитриевич и горничная Ксения доставили на одноконной повозке постиранное и поглаженное постельное белье, салфетки, скатерти, а также утренний провиант из слободы и станицы. Поздоровались с Алексеем Петровичем, – он открывал двери ресторации. Митрич доложил, что куропатки и кофей закуплены.

В кухне горничная Ксения села в сторонке, чтобы не мешать, и стала сказывать очередную байку. Откуда дочка овдовевшей сестры станичного атамана брала свои байки, никто не выведал. Многие сомневались, что это импровизации ума, как объяснил Алексей Петрович. Ведь она творила не стихи, как древний поэт Гомер, с которым её сравнивал хозяин.

Помощница кухарки Анна утверждала, что все это сказки. Из-за бессонницы Ксения сочиняет их по ночам, как Шахерезада, о которой говорил Пётр Афанасьевич. В очередной раз Анна поинтересовалась, как поживает Шахрияр. Все догадывались о причине, из-за которой ревнивая Анна задирала Ксению. Дело было в рекруте Саше из крепости.

Горничная не ответила, но продолжила:

– Знайте, то не притча и не сказка, а смешная история!

Она вчера случилась. На бекете, что на горке, отпускают после смены казаков. Спрашивает урядник: «Любо? Ну что, волжцы, по коням?»

Один ворчит: «Всё «по коням» да «по коням»! А я «по бабам»!» Мчит до дому, слётает с коня и орёт: «Жинка, отчиняй ворота!»

По секрету скажу, что казаки, сменившись, опрокинули с

устатку по стопке полугарного[1]. А ему паразиту было мало, и он добавил по дороге.

Казачий перепляс (И.Л. Машков)

Стучит в ворота. Никого! Вы знаете, у них рядом стоят почти одинаковые курени. Он влетает с нагайкой в курень. А на постели, глазам не верит, лежит сосед и рядом жена в балахоне. Он в нагайку. Те вскакивают.

Глядь, а баба-то – чужая! Жена у него, напротив, хорошая женщина, не хабалка[2]! Казак -- в столбняк, и рот открыл. Доселе с тем соседом рты не закрывают – пьют и гуторят, весело гуляют.

Рассвело, а они пляшут лезгинку, крутят нагайками и

---

[1] *после выгорания спирта оставалась половина исходного раствора; таким был государственный стандарт доброты хлебного вина*

[2] *бесстыжая женщина (жарг.)*

чечекают. После спивают: «На горе стоял Шамиль. Он богу молился. За свободу, за народ низко поклонился». Обнимаются и голосят: «Ойся да ойся, ты меня не бойся. Я тебя не трону, ты не беспокойся!». Дать бы им тулумбасы, так они бы всю станицу поставили на уши! [1]

Все рассмеялись. Смеявшийся у двери приказчик Митрич погладил усы и сказал рассудительно:

– Знаем, кто он! Ему не впервой колобродить. Зенки залил и залез в чужую хату. Вот архаровец!

Все согласились с Митричем, хотя, честно говоря, сочувствовали буйной казацкой головушке.

Анна усмехнулась и спросила:

– Чем история закончилась?

– Чем, чем? – ответила Ксения. – Сама знаешь, слухи у нас разлетаются быстро.

Прибежала злая Галина, его жена, — она ночевала у матери -- и устроила благоверному жуткий разнос. Отправила к свёкру в горы.

Ксения вздохнула и сказала:

-- Знает, куда голодного мужа отправляет! Их старый батя казак суровый пасёт под Джиналом овец. Первым делом спрашивает:

-- Малой, кандер будешь? Посадит исть забулдыгу сына, а сам идёт резать хворостины с таволги.

Ксения, расстроенная неурядицами бедового казака, пояснила:

– Не доводить же загул до того, чтобы сын срамно получал воспитание на казачьем сборе, и просил прощение перед всей станицей. Никто не пощадит. Но хватит об этом! Я все сказала.

Митрич солидно заметил:

– Слава богу, всё обошлось по-родственному, а не хуже!

Занятые своими делами слушатели ничего не сказали.

Поварёнка любят: он получает кружку парно́го молока и горбушку тёплого хлеба, намазанную маслом и мёдом. К подолу казачки ластится кошка, – мурлыке наливают молока в чистую

---

[1] Казачья плясовая «Ойся да ойся»

миску. На кухне известно, что эта кошка замурлыкивает болезни по своей воле. Однако никто не говорит об этом вслух – не полагается! Все продолжают заниматься делами.

К открытию ресторации пришли подавальщики и буфетчик. Помощница поставила на стол подогретую вчерашнюю еду. Слуги поели и поспешили в зал ресторации. Их время пришло – уже явились завтракать ранние курсовые.

Приказчик и повариха закусили вслед за всеми и, пока Анна мыла и вытирала посуду, посудачили о меню, составленном сыном хозяина на сегодня.

Они знали, что блюдо консоме с фрикаделями готовить намного сложнее, чем фрикасе из куропаток! Надобно долго рубить мясо да лепить болюсы. И кому это делать? Быстрее сварить ушицу!

Повариха вздохнула и пояснила:

– Хозяин расстроился из-за того, что не привезли белужью икру и визигу от Сапожниковых из Астрахани. От расстройства опять забыл купить мясную мельницу в Ставрополе – оборвала себя в сердцах:

– Когда ещё вспомнит? В Пятигорске есть, а у нас всё нет!

Повариха занялась тестом и громко посетовала, что хозяин забыл нанять помощницей куму.

Митрич сделал вид, что не понял. Принялся сноровисто вострить нож на точильном камне и негромко проговорил:

– Афанасич – хозяин строгий, но, кажется, более справедливый, чем прежний арендатор Минай Подкуйченко из Георгиевска.

Тихо, как бы по секрету, прибавил:

– Афанасич, когда начинал, не прогнал никого! И даже не расстался с теми, кем не доволен. Верит, что они исправятся.

Повариха подумала: «Кого он имеет в виду? Не меня ли из-за мельницы?» Однако разговор поддержала:

– Последний арендатор был совсем ни то, что первый смешной француз Бартоломей. Помнишь его?

– А какой он строгий! – сказал Митрич, выводя точилом режущую кромку ножа:

– Даже с постояльцев требует плату за испорченную мебель, испачканные стены или рваное постельное. Зато, какой теперь

порядок и чистота! Вовсе не потому, что мы ждём императора и без конца убираем, чистим и красим. Просто у Афанасича натура такая. Одно слово, чистюля! Я помню прежних арендаторов. Они были не такими!

Повариха подумала: «Митрич увлёкся! Хвалит через край. Видать, натворил дел, и Пётр будет ругать его».

Между тем приказчик продолжал нахваливать хозяина:

– А ещё он расчётливый и не переплачивает за продукты, как иные. В винах разбирается, – посетители довольны. Сыновья у него хозяйственные. Особенно Алексей, а про Егора, близнеца, что живёт в Ставрополе, ничего не скажу! Хотя говорят, он не хуже Алексея. Но я не встречался с ним.

– Верно говоришь! – признала повариха и принялась раскатывать тесто.

– Предстоят напряженные дни, – продолжил приказчик. – С выездом мы задержались -- чинили поломавшуюся повозку. Хозяин сам едет за продуктами. Главное – закупить вино в Пятигорске. Скоро праздновать день рождения государыни.

Приказчик попытался шутить:

-- Без хозяина мы, само собой, тоже очень постараемся с готовкой обеда,

Прасковья, не прекращая работы, отозвалась:

– Говорят, что государь ужас какой строгий! И сердится, когда плохо делают. Он всё знает, часто ездит всюду. Смотрит, как люди живут. Вдруг он к нам заедет?

– Точно, – согласился Илья Дмитриевич, – посему нашему хозяину надо самому следить за праздничным обедом в пятигорской ресторации

– Ладно, когда-то ещё праздник будет, – перебила повариха, – ты не забудь проверить список покупок.

Митрич взялся за гусиное перо и поправил покупки в списке на те, что подешевле, как требовал хозяин. Он знал, что затребованное поварихой имелось в пятигорской ресторации. Если не получится купить на базаре, возьмут из обширной кладовой тамошней кухни.

Пока на кухне шел разговор, помощница и поварёнок трудились изо всех сил. Мальчишка помолол кофей и стал подносить всё, что просят. Мух гонять стало некогда!

Повариха принялась командовать подавальщиками, пришедшими из зала. По её требованиям они снуют по двору, несут воду, обрабатывают овощи, готовят дрова. В отведенном месте бьют живность, рубят туши, ощипывают птицу и чистят рыбу. Привычно превратились в подсобных рабочих.

Повариха доверила им измельчить мясо для французских фрикаделек. Пошутила, что наши бьют, колют и рубят по-суворовски так, что всем чертям наполеонам несдобровать!

Когда на кухне все печётся, жарится, кипит и томится, охлаждается и насыщается, слуги отдыхают на лавочке в тени и беседуют, – немного расслабляются.

Стороннему человеку может показаться, что на кухне суматоха и нет порядка. Но это не так, -- еда подается вовремя.

Удачное начало

Особого рассказа заслуживают обстоятельства, вследствие которых грек Петр Афанасьевич Найтаки и два его сына превратились в содержателей гостиниц и ресторатаров.

Два года назад будущий глава гостиничного дела занимался торговлей в Ставрополе, ходил с обозами, которые снабжали армию оружием, сукном и амуницией, продовольствием, спиртом и всем, что требовалось. Год назад он поставлял камень для строительства казарм в Усть-Лабинской крепости. Дело устроил хитро. Покупал соль, добытую из солевого озера недалеко от хутора Медвеженский. Ему эта соль обходилась дешевле, чем та, что привозили чумаки.

Горцам, содержавшим много живности, соль была жизненно необходима. Петр предлагал им дешевую соль в оплату за лом камня в горах и доставку на арбах в крепость. За камень получал хорошие деньги от казны. Срочность была большая. На эти деньги Петр снова покупал дешевую соль. За время строительства он заметно увеличил свой капитал.

Слухами земля полнится. Оборотистость предприимчивого Найтаки всех поразила. Об этом узнал богатейший купец 1-й гильдии Иван Григорьевич Ганиловский, который преуспел в поставках крупного рогатого скота, а также обмундирования для армии. Полученные доходы Иван Григорьевич вкладывал в

крупное строительство в Ставрополе.

В начале 1835 года он закончил постройку большого дома на центральной улице в стиле гостиниц при императоре Павле. Первый этаж отвел под почтовую станцию. Петру Найтаки предложил в аренду второй этаж. Там он собирался сделать гостиницу для благородных персон. Ему понравилась идея Петра устроить номера при ресторации на манер столичных, а гостиницу назвать «Москва».

Бывшая ставропольская гостиница Найтаки

Случилось, что в это время Строительная Комиссия на Водах тоже искала арендатора для казенных гостиниц. Последний съемщик оказался неподходящим, поэтому срок аренды ему не продлили. Когда Комиссии стало известно о необычном решении авторитетного купца Ганиловского, старший её член переговорил с Петром Найтаки. Он предлагал аренду на Водах сыновьям Петра.

Предложение было заманчивым. Петр понимал, что

сыновей может ждать удачливое будущее. Но для солидности отложил ответ на конец пасхальной недели, объяснив, что заниматься делами в праздники ему не с руки, и он будет основательно думать.

Услышав о предложении, сделанном отцу, сыновья, не колеблясь ни минуты, заявили, что они берутся руководить этими гостиницами должным образом. Они уже набрались купеческого апломба и готовы были начинать любое, даже незнакомое, дело. Пётр Афанасьевич был уверен в сыновьях, и в конце пасхальной недели подписал договоры о том, что с воскресенья 10 (22 н.с.) мая 1835 года он берет в аренду на три года гостиницы в Ставрополе, Пятигорске и Кисловодске.

В своей беспокойной купеческой жизни Петр Найтаки никогда не терял надежды на успех. В решающих случаях следовал евангельским заповедям. Когда сомневался, повторял: «Ищите, и обрящете, толцыте, и отверзется.»[1].

И, действительно, надежды Петра оправдались полностью. Аренда гостиниц длилась долго, целую четверть века. День «10 мая» Петр помнил всю последующую жизнь. Может быть потому, что памятное предложение пришлось на пасху при полном единении между членами его семьи.

Сам собой решился вопрос, кто из троих какую гостиницу будет содержать. Егор категорически заявил, что останется в Ставрополе. Ни за что не бросит свою лавку с красным товаром, однако наймет лавочного сидельца, чтобы найти время для управления гостиницей.

Отец и брат одобрили. Более того, они даже радовались за Егора, потому что знали, что у него в Ставрополе складывалась прекрасная брачная партия. Он был помолвлен с местной жительницей Верой Ермаковой, дочерью недавно умершего губернского секретаря купца 3-ей гильдии Егора Андреевича Ермакова. Богатая Вера наследовала отличную городскую усадьбу, расположенную недалеко от гостиницы.

---

[1] *ищите, и найдете; стучите, и отворят вам (Евангелие от Матфея 7:7,8)*

Таким образом Егор взял на себя ставропольскую гостиницу, а Пётр Афанасьевич и Алексей получили в управление две гостиницы на Кавказских Водах.

На Красную горку оба неспешно чаёвничали в ставропольском доме и беседовали. Егор в это время был в гостях у Веры. Вернулся он уже в сумерки. И тут случился разговор, который имел важнейшие последствия для всех.

Егор, улыбаясь, приветствовал с порога:

– Христос воскресе!

– Воистину воскрес! – сказали ему в ответ.

Егор положил на стол сверток с угощением и передал привет от Веры. Пока отец разворачивал сверток с пирожками, Егор налил остывший чай в стакан. Жадно выпил и сказал:

– У меня для вас интереснейшая новость. Я ходил с Верой на кладбище помянуть Егора Андреевича. Зашли в церковь, подали поминальную записку и поставили свечу.

Алексей перебил брата:

– Тоже мне новость! Известно, что ты везде ходишь за ней хвостом!

Пётр поспешил вмешаться:

– Алексей, погоди, дай брату сказать.

Егор продолжил:

– Там встретили Неклюдова, помощника городского архитектора. С ним Вера заговорила о проекте и постройке нового дома взамен старого, который, как вы знаете, неприлично обветшал.

Она хотела непременно получить согласие ради праздника. Однако Неклюдов неожиданно отказался принять заказ. Когда увидел, что мы огорчились, откровенно объяснил причину: мол, сейчас все готовятся к приезду высочайшей особы. По всей Ставропольской области ведутся срочные работы. Сам Неклюдов составляет для Пятигорска проект острога на сто страдальцев. Начальство приказало срочно устранить непорядок, – нехорошо, что арестанты в ожидании суда сидят в сыром темном подвале городского училища. Надобно это исправить, но возникли трудности с деньгами.

– Обычное дело, – усмехнулся Алексей. – Не ведают, какую сумму заложить в проект. Да и денег не хватает. Как говорится, желание есть, да девка не позволяет!

– Верно! – подтвердил Егор. – Неклюдов объяснил, что выделили только 3 тысячи 142 рубля 25 копеек и обещали дать столько же на следующий год. На самом же деле по расчету требуется тысяч девять-десять.

Бывшая казенная гостиница в Пятигорске

Алексей поспешил сказать:

– Я вспомнил, что ради успеха следует начинать дела добрым поступком. Давайте пожертвуем ради Христа недостающие деньги. Папа, как ты на это посмотришь?

Отец после паузы поддержал:

– Ишь, что задумал! Превосходная идея! Мы можем расщедриться. Только дарить будем не в области, а прямо в Пятигорске.

И пояснил:

– Ежели сделаем так, то в городе к нам отнесутся, как к полезным людям. Забудут благосклонно, что мы чужаки!

Братья согласно молчали. Для них всё было ясно. Отец решил по-другому, потому что мудр и основательно заботится о будущем для всей семьи.

Сказано – сделано. Отец и Алексей переехали в Пятигорск и сразу пожертвовали городу 3200 рублей. Стройка началась без промедления. Горожане шутили, что новоявленные жители пересажают в острог полгорода. Неспроста, мол, они кормят в долг в своих ресторациях.

На чужой роток не накинешь платок! Но городской священник отец Павел думал по-другому. Он пожертвование благословил. Арестанты вместо сырого тёмного подвала городского училища получили законные теплые и сухие камеры. Стали печь хлеб для всего города.

Щедрая и своевременная помощь была оценена высоко. Окружной начальник полковник Симборский представил Алексея к награждению золотой медалью «За полезное» на ленте ордена Святой Анны. Подтверждение благонадежности дал тесть Алексея, живший в Таганроге.

Редкую шейную золотую медаль вручили спустя пять лет. За это время Алексей успел построить дом на участке, купленном в конце Бульвара под самой горой Машук. Но его опередил Егор – в Ставрополе он уже который год жил в семейном доме, построенном на деньги жены.

Так сложилось, что заботливые сыновья Егор и Алексей взяли на себя большие круглогодичные гостиницы и строили себе дома, а 58-летнего отца пожалели и оставили ему в управление лишь небольшую летнюю гостиницу в Кисловодске.

Эта гостиница с самого начала была местной достопримечательностью. Располагалась в царском доме, возведенном солдатами весной 1823 года для уважаемой императрицы-матери Марии Федоровны. Престарелая вдова Павла I и мать двух императоров Александра I и Николая I изъявила желание отдохнуть и полечиться водами.

Герой войны 1812 года Алексей Петрович Ермолов командир отдельного Кавказского корпуса и гражданский управляющий Кавказа мгновенно выделил целых 30 тысяч рублей и приказал срочно строить.

Из Санкт-Петербурга прислали архитектора и каменных дел

мастера. Это были братья Джузеппе Марко и Джованни Батиста Бернардацци, уроженцы швейцарского курорта Лугано.

На Кавказе братьев ждала слава. Из множества построек, которые они создали за долгие годы, первой стал царский дом у источника нарзана в Кисловодске. Солдаты, обученные Бернардацци, возвели на уступе горы Святого духа – по-современному Крестовой – классический летний дом. За основу приняли проект Шарлеманя, помощника знаменитого Монферрана. Солдатам платили вчетверо больше обычного.

Управились за три месяца. Стены сложили из сосновых плах на каменном фундаменте. Крышу покрыли досками и лубьём. Осенью начали сажать парк. Однако всеобщее ожидание и спешка не оправдались, императрица не приехала. Тогда в доме открыли дом благородного собрания и гостиницу, так как жилья на водах не хватало.

Это была первая гостиница на КМВ. Не очередной трактир или постоялый двор, а реальная настоящая гостиница, очень красивая, да ещё с ресторацией.

В конце 1824 года в журнале «Отечественные записки» писали, что дом «в пустыне среди гор Кабарды» имел прекрасный вид. «Бронзовые люстры и лампы аргантские[1] удивляли новостью явления». Стены светлого зала, объединяющего крылья дома, покрывали «златовидные шпалеры». Их украшали жирандоли и зеркала. «Мебель из красного дерева была обита бомбой, соцветной обоям». Как свидетельствовали архивные документы, мебель изготовил из осиновых досок умелый немец Леонард Кам из колонии Каррас под Пятигорском.

В роскошном здании сдавались четыре номера. Имелись также буфетная и комната для содержателя. В зале дворянское собрание проводило балы и концерты один или два раза в неделю. В порядке вещей были карточные игры и другие развлечения. Ресторация *prix fixe* работала в завтрак, обед и ужин по расписанию. Кухня с русской печью и другие службы находились во дворе.

---

[1] *яркая лампа швейцарского изобретателя Ф.П.А. Арганда с улучшенным горением масла.*

Позднее были выделены 7 тысяч рублей, и через два года закончилась отделка дома снаружи. Стены проконопатили и обшили досками. Крышу покрыли листовым железом. Для красоты приставили спереди портик с двойными дорическими колоннами и простым треугольным фронтоном. Перед входом устроили широкий балкон с балюстрадой, откуда открывался замечательный вид на окрестности. Всё выкрасили в законные цвета.

Когда Пётр стал содержателем, он первым делом приобрел упряжку с крепкой повозкой и нанял опытного кучера для наилучшей доставки вина и продуктов из Пятигорска. В дальнем углу двора поставил летнюю конюшню.

Купил новые ружья и пистолеты. Посчитал, что армейской и казачьей защиты недостаточно, – стоило самим вооружиться. Слишком много водилось в этих краях разбойников! В те времена тут в каждом доме было оружие. Что бы ни происходило, а Кислые воды оставались укреплением в центре Азово-Моздокской кордонной линии.

Ресторатор Пётр

По свидетельствам многих людей Петр Афанасьевич Найтаки был услужлив и любезен. По образному выражению одного свидетеля, он был «вечным», то есть необходимым, вездесущим и очень заметным. Как он выглядел, меня интересовало давно.

Признаюсь, что много лет назад в своем воображении я встречался с ним. Всё-таки он был моим прапрадедом. Помню, как в солнечный день 1983 года на лермонтовской площадке в кисловодском парке мне привиделся его призрачный силуэт. Почудилось, что он смотрит на меня и на мою маленькую дочь, которая играла на камне со статуэткой бронзовой ящерицы, отполированной ладошками детишек до состояния сияющего золота.

С годами я забыл некоторые важные подробности этого странного видения. Не могу вспомнить, например, где были руки предка. Сейчас я думаю, что его тянуло гипнотически, как и нас, прикоснуться к сверкающей ящерице, символу

возрождения. Неподвижный взгляд пращура был такой пристальный, будто он интересовался нашими реакциями.

Тогда я не обратил особенное внимание на это мимолетное видение. Мало ли что может показаться в жаркий полдень на фоне солнечных бликов и отцовских забот о ребенке!

Пётр Алексеевич Найтаки (1865? – 1918)
внук Петра Афанасьевича (1777-1857)

Но дочь подрастала. Шли годы, сменилась власть в СССР, открылась досоветская история, и я, уже старик, взялся за основательное исследование, чтобы узнать, кем были предки. Конечно, первым делом хотелось знать, как выглядел родоначальник Петр Афанасьевич.

Поиски показали, что очевидцы сообщили ничтожно мало

сведений о его внешности. Ведь в старину, как, впрочем, и теперь, господа плохо помнили услужающих людей. Естественно, они путали содержателей гостиниц, и называли всех просто Найтаки или реже Петром. Например, не обращали внимание, что этот Петр был всегда отменно одет. Изредка замечали, что он был смугл, невысок и украшен необыкновенно большими бакенбардами.

Наука генетика также не дает надежных правил, позволяющих описать облик далекого предка. Известно, что между собой особенно похожи родственники в семейном триплете. Это помогло потому, что сохранились домашняя и студийная фотографии моего деда Петра Алексеевича внука Петра Афанасьевича. Их бережно пронесла через невзгоды жизни моя мама Мария Петровна Наитаки.

Я сравнил фотографические черты деда и моей мамы Марии со свидетельствами очевидцев. Составился предположительный портрет Петра Афанасьевича.

Голова у него правильной формы. С округлого смуглого лица оживленно смотрят слегка увеличенные глаза с зеленой радужкой. Чёрные брови, открытый лоб, прямой нос и уши – все имеют мягкие очертания и немного крупные. Черные волосы на голове приглажены. Усы, борода и пышные бакенбарды причёсаны. Виски и бакенбарды тронуты сединой. В уголках рта кроется улыбка, говорящая о живом характере.

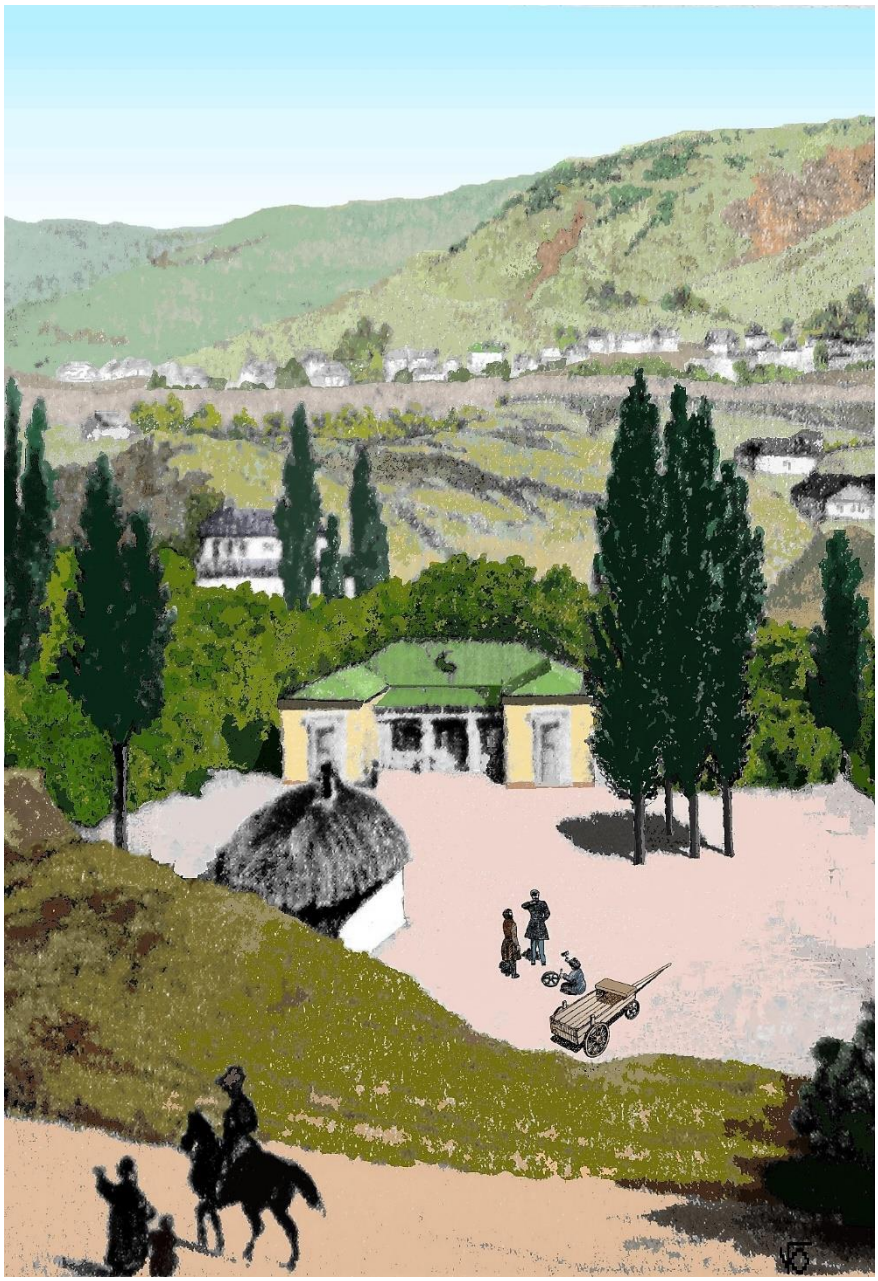
Своими пышными бакенбардам предок удивлял всех. Такие же бакенбарды носили его сыновья Егор и Алексей. Может быть потому, что подражали отцу. Необычные бакенбарды способствовали не только известности, но также уникальному единству. Трое были как один!

Впечатление такое, что эта троица купцов намеренно сотворила бренд, неведомым образом похожий на символы, которые современные фирмы заводят ради рекламы. На много лет за арендованными гостиницами закрепилось название «найтаковские».

Узнав, как выглядел Пётр Афанасьевич, вернемся в кисловодскую ресторацию. Увидим, что он вошел на кухню с набором ножей в деревянной подставке и сказал:

– Бог в помощь! Уважаемая Прасковья Семеновна, получи

набор кухонных ножей. Это тебе подарок к празднику, как принято. Ножи немецкие. Из лучшей стали золинген и наточенные. Попробуй-ка начать с ними новый день!

Во дворе ресторации в 1836 году
(реконструкция по литографии Э. Сисэри, 1861 г.)

– Спасибо, Пётр Афанасьевич! Вижу, отличные ножи! Ручки какие красивые! Обязательно попробую, – ответила Прасковья.

Про себя подумала:

– Наверное, купил у тех самых грузинских торговцев,

которые встретились поутру. Ножи, без сомнения, красивые! Но ещё неизвестно, придутся ли по руке.

Она взяла нож в руку и подвигала им, помахивая рукой. Мысленно решила:

-- Прежние ножи привычнее и удобнее. Но про мясную мельницу, все равно, напомню!

Пётр Афанасьевич видит, что дело движется налаженным чередом, и, довольный, покидает кухню. Судя по рабочему настрою, в царство поварихи не стоит вмешиваться.

На дворе он спросил у кучера о починке повозки. Соглашаясь со сказанным, покивал головой

Остановил подавальщика, сказал ему про замеченный непорядок и, показывая на блокнот, сделал внушение. Он поступал так крайне редко, помня, что напоминать о заслуженных поощрениях полезнее.

Петр спешит со двора к задней двери гостиницы. Растворённую дверь закрепляет так, чтобы она не зацепила подносы, приносимые с кухни. Достает платок и проверяет чистоту дверной ручки. Оглядывает коврик у порога. С достоинством проходит между столами, останавливается, разговаривает с гостями о еде и лечении.

Пётр усвоил твердо, что в Доме благородного собрания надобно относится к работе и посетителям особенным образом: никогда не показывать своего приниженного положения или, не дай бог, превосходства.

При этом стараться всегда быть услужливым так, будто его лично беспокоят заботы каждого. Руководствоваться правилом: обещал сделать -- не отступай и непременно исполняй обещанное, не теряя ни минуты!

Ещё в прошлом году в Строительной комиссии заметили услужливость Петра, соединенную с должной любезностью. Кроме того, в отличие от предыдущих арендаторов Найтаки уделял много внимания приятным развлечениям посетителей, что было совсем непросто устроить в условиях войны.

Отовсюду слышались благоприятные отзывы. Приехавшие на курс охотно пользовались его услугами, хотя все чувствовали, что он не забывает своих купеческих интересов. О нём говорили «ловок на все руки» и верили в его возможности, ведь он не

хвастал, а делал. Главное -- в обществе его считали умным и простым в общении человеком.

Проводив откушавшего посетителя, он, приятно улыбается и встречает другого. Ещё утром повариха Прасковья сказала, что приехавший вчера важный господин в летах со слугой французом снял в слободке домик у соседки ейной кумы Горепёчки. Не забыла сообщить, что Митрич с Алексеем Петровичем пошли на базар потому, что куропаток может не хватить и кофий заканчивается.

Осведомленный обо всём, ресторатор приветствует гостя полным именем. Отставной полковник Иван Петрович удивлён и отвечает:

– Пётр! И ты здесь? Недавно мы видались в Ставрополе и Пятигорске. Ты опередил меня. Значит, дела идут?

– Слава богу, идут-с помаленьку!

Пётр умолчал, что полковник видел не его, но сыновей. Спросил просто, как Иван Петрович доехал, и всё ли в порядке.

Гость упомянул о плохом снятом жилье и в заключение передал поклон от общих знакомых:

– Хасновы обещались быть. Я их видал третьего дни.

Пётр авторитетно говорит:

– И, ваше высокоблагородие! Они покидают Горячие Воды на другой день. Для них я приготовил две комнаты.

Вдумчиво объясняет гостю:

– В остатней комнате живёт важный господин из Ставрополя. У меня всё занято и освободится тольки на четвертый день, когда княжеская чета Хасновых переедет по соседству к статскому советнику Алексею Фёдоровичу Реброву. Вблизи за речкой Ольховой тоже живут курсовые. Но, разумеется, для вас найдётся приличное помещение!

Как бы поразмыслив, Пётр уверенно предлагает:

– Говорили, что на другой день освобождается номер у Реброва. У него, знаете ли, имеется бесплатная нарзанная купальня на одного. Коли вы решите, я спешно пошлю узнать.

Поясняет:

– Ежели номер определённо освобождается, я скажу, чтобы его придержали за вами. Вас непременно уважат.

Заканчивает Пётр привычными словами:

– Простите великодушно, могу ли я быть чем-нибудь ещё полезен? Надеюсь, вы обратитесь тотчас, как составится нужда. Не угодно ли вашей милости закусить?

Но вместо *«Merci, monsieur!»*, обыкновенного для Благородного собрания, полковник произносит «Благодарю!».

Скупится на благородные слова! А ведь он слышал ещё в Пятигорске, как доходчиво Пётр разъяснял его французскому слуге Жан-Пьеру, где найти и прачку, и сапожника!

Пётр приглашает гостя:

– Пожалуйте, сударь, пожалуйте-с!».

Улыбается усам полковника и невольно касается своих бакенбард. Вспомнилась греческая пословица «один о бороде печётся, другой – на бороду плюёт». Кажется, её русская сестра – «что имеешь, то не ценишь»! Или «каждому своё»? Какая из пословиц лучше – не важно!

Полковник отвечает решительно:

– Благодарю! Я позавтракал дома.

Пётр привык к барственному отношению гостей, – он с поклоном отступает. Так бывало не всегда. Завсегдатаи ресторации знали, что иногда терпение Найтаки иссякало. Они вставал горой на защиту своей чести, если неуважительно относились к заведению. Вот, что рассказывали о случае в ставропольской гостинице.

Одному майору, скушавшему гречневую кашу с маслом за 3 рубля 50 копеек, показалось, что это дорого и его обсчитали, записав в счёт лишний кружочек масла. В ответ ему сказали, что положили два кружочка, как он заказал.

Он стал скандалить, крикнул хозяина, отказался платить и назвал ресторацию трактиром, а хозяина разбойником.

Хозяин, а это был Егор, оправдывался, масло дорого, запись есть в буфете. И даже просил назначить цену, какую хочет майор, если она кажется ему оскорбительной. Наконец, уступил совсем, сказав с обидой, что вообще не возьмёт денег.

Майор вышел из себя и объявил: «Да это не трактир, а кабак! И ещё самый негодный».

Тут, рассказывают, кротость и смирение Найтаки превратились в бешенство. Глаза засверкали и, обращаясь к буфетчику, он сказал: «Не брать ни копейки с майора по этому

счёту! И вперёд ничего не отпускать ни за деньги, ни без денег, а я подам жалобу, что опозорили моё полезное заведение именем кабака![1]

Кашу подавали на ужин, и несдержанности было оправдание, – Егор сильно уставал к концу рабочего дня. С деловой точки зрения выходить из себя не следовало. Но по-человечески понять ресторатора все-таки можно было.

Впрочем, полковнику не были интересны чужие мнения о хозяине заведения. И уж точно, ему никакого дела не было до его намерений.

Чудо природы

Завершив поиск пригодного жилья, довольный полковник Иван Петрович Бежитов любовался кисловодским видом, открывшемся с балкона ресторации.

Его поразило, что здесь солнце сияет ярче, чем в лесистом ущелье между горами Бештау и Железной, откуда он приехал. В Железноводске, много света, но в просторном здешнем селении и безлесной местности – явно больше. Он помнил ещё из персидского похода, что, чем выше забираешься в горы, тем больше находишь света и жары. Но и холода тоже.

В кисловодской котловине он обнаружил редкую особенность – днем холодный воздух приносился ветрами с ледников Кавказа и смягчал чрезмерную жару, поступающую из степи. В воздухе мешались запахи степного и горного разнотравья. Хотелось вдыхать всей грудью этот божественный дух. Какое счастье – подумал полковник -- чувствовать единение с горными исполинами, которые с неизъяснимой щедростью дарят радость, излечивая от душевных и физических страданий!

Перед собой он видел прекрасный горный рельеф. В низинах текут быстрые речки и ручьи. Травянистые склоны пересекают горизонтальные тропки, вытоптанные копытами скота. Тропки осторожно обходят каменистые плеши,

---

[1] *по роману Е. Хамар-Дабанов, Проделки на Кавказе, 1842; автор называет ресторатора как Неотаки, имя не указывает. Считалось, что в образе майора изображен Лев Пушкин.*

обрывистые уступы и отдельные скалы причудливых форм и всевозможных оттенков цвета: светло-серые, синеватые, желтоватые и даже почти белые и красные.

На склонах чернеют входы в неглубокие пещеры, издали похожие на ряды открытых тёмных глаз, неотступно наблюдающих, что внизу происходит.

Местные старожилы рассказывали, что в здешнем источнике тысячу лет назад и веками позднее кавказские богатыри *нарты* обретали силу, здоровье и сказочное долголетие. Они многократно омывали себя целебным нарзаном снаружи и внутри. Как мы! И призывали хранителей племени и всемогущего господа ниспослать благодать.

Развалины христианских храмов и племенных святилищ до сих пор можно видеть у подножия Шат-горы, по-другому, Эльбруса. Но молитвенные тексты, продлевающие жизнь, исчезли. По преданию, их спрятали священники, когда полчища Тамерлана убивали народ. Волшебство древнего бессмертия забыли. Но вода богатырей или *нарт сана* по-прежнему вытекает из-под ледников великой горы и насыщается силой в недрах освящённых земель.

Когда государю доложили о тайне бессмертия, он послал в здешние края профессора Александра Петровича Нелюбина, ставшего позднее академиком медицины. Профессор измерил состав нарзана и других кавказских вод, и обнаружил, что они лучше европейских, но не нашёл тайника с текстами.

Однако многие люди уверены, что нашёл. Но не смог прочитать, – на молитвах лежало заклятие. Поэтому в наше время сила нарзана лечит недуги и удлиняет жизнь, однако не творит бессмертия.

Впрочем, все знают, что на Кавказе горцы доживают до преклонных годов. И все понимают, что жизненная сила в природе наибольшая весной, когда всё оживает: от цветущих растений до нерестящихся рыб. Неспроста на водах назначен курсовой сезон от мая до сентября.

Полковника интересовало, как здесь лечат. Первым делом, надобно было поточнее узнать, как всё устроено.

Он подступил к колодцу, чтобы видеть конструкцию вблизи. Колодезный сруб в форме удлинённого восьмигранника

аршинов пять в длину, три в ширину и глубиной аршина в два покрывали доски вровень с землёй[1]. В досках возле дальних граней сруба темнели отверстия.

В колодце ледяная вода неровно бурлила, большие пузыри углекислого газа, взрываясь, создавали туман из брызг. Но запаха здесь не чувствовалось в отличие от пятигорских вод.

Полковник подумал: «Удивительное дело! Когда углекислого газа много, он наносит ущерб здоровью. Холодный нарзан целесообразно выбрасывает лишний газ, и оставляет ровно столько, сколько необходимо для лечения. Разве сие превращение яда в лекарство не есть чудо? Истинно, -- решил полковник -- здесь бьет настоящий источник Асклепия!»

По углам сруба стояли бочонки, соединенные деревянными решётками в виде ограждения. Всё было окрашено с выдумкой и старанием, дикой краски[2] и яри[3] не пожалели. Бочонки стояли не для красоты, а для пользы.

Он заметил, что стакан в целительный нарзан опускали на шнуре. Это было неудобно, но исключало загрязнение источника руками. Положено было отпивать половину стакана, чтобы предохраниться от песка, нередко попадающего в нарзан из бурного источника.

Остаток сливали в лоханку над бочонком, чтобы не создавать сырости у колодца. Слитый остаток стекал по подземным желобам в побочный деревянный бассейн, обложенный камнями и окружённый перильцами.

Полковник был доволен. Его стакан опускал в колодец, сноровисто ополаскивал, снова наполнял и подавал всего за одну полушку увечный георгиевский кавалер. Медаль святого Георгия была прикреплена на полотняную рубаху с вышивкой.

Вежливый кавалер спросил, брать ли нарзан подле пузырей. Полковник согласился: он слышал, что это самый полезный нарзан.

На высказанное полковником соображение «Без сомнения,

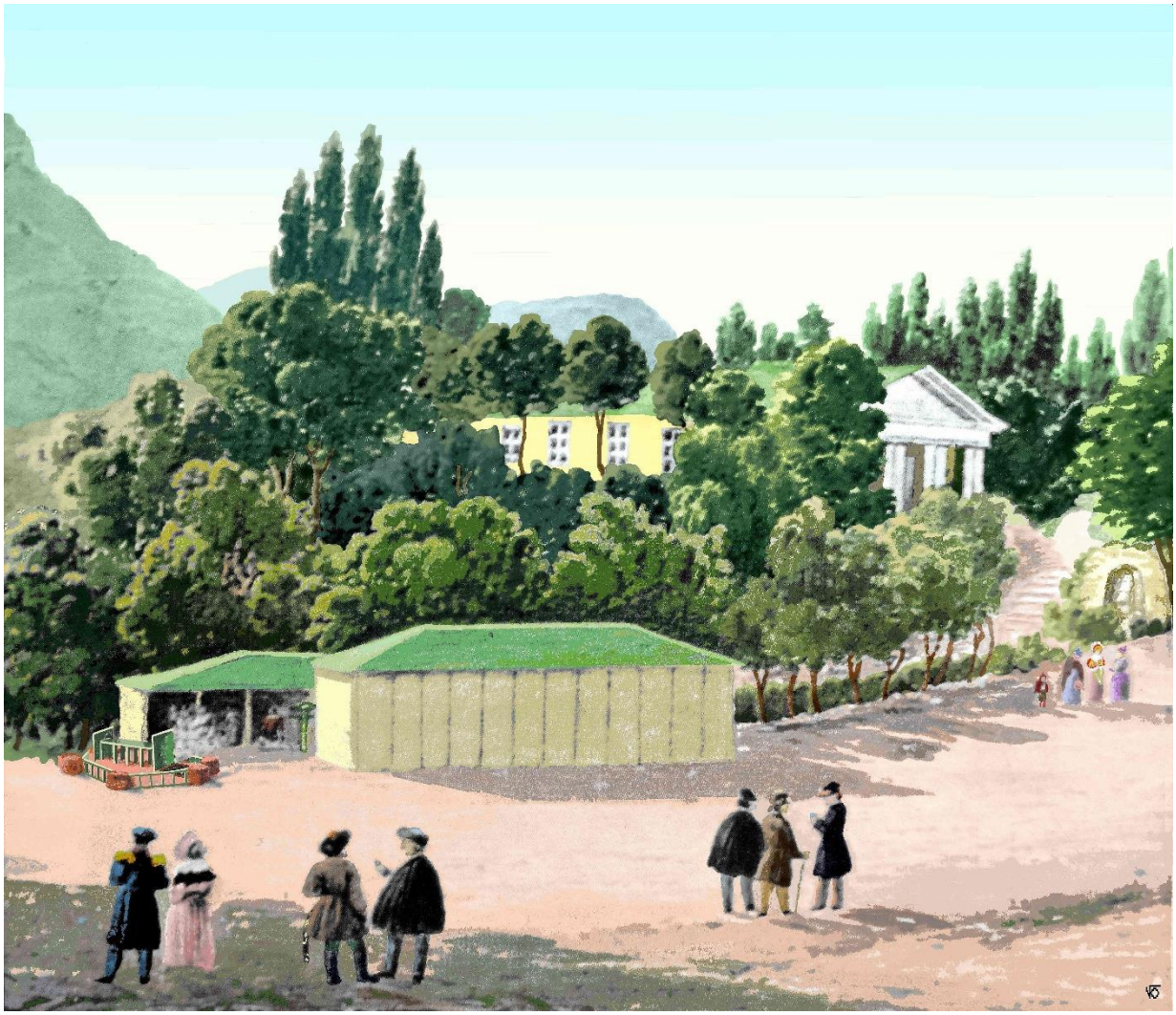
[1] *аршин = 0,711 м, 3 аршина = 1сажень, 500 саженей =1 верста =1067м.*

[2] *кажется, суриком*

[3] *зелёная краска на окислах меди, называемая медянкой или ярью*

стаканы роняют в колодец!» кавалер поспешил ответить:

– Случается, ваше высбродие! Но у меня с красивыми стаканами такого не бывает!», – давая понять, что цветной с вензелем стакан, оплетённый шёлковым шнуром, а не соломой, будет сбережён обязательно. – Ежели случится неприятность, помилуй господи, тогда я завсегда достану в целости и сохранности! Не извольте беспокоиться!

Питьё кисловодского нарзана
(по акварели И.Я. Мейера, 1843 г.)

Полковник прогуливался, получал от кавалера полный стакан, отходил, останавливался, опирался на трость и выпивал полстакана с перерывами между глотками, затем возвращался к колодцу, выливал железистые остатки в лоханку на бочонке.

Закончив процедуру, повторял все с начала.

Солнце сияло. Плотно убитый хрящ с песком шуршал и скрипел под ногами. Газ от кисло-холодной шипучей воды приятно ударял в нос. От долгого питья мутило до отрыжки. Ощущения были непередаваемые.

После водопития он отдал кавалеру стакан. Услужливый кавалер, хромая, подошёл к столбику с крючками. Из почтения повесил стакан повыше на крючок и показал на человека с журналом:

– Вам, высбродь, к купальному смотрителю.

Внимательный смотритель рассказал с удовольствием, что получасовой сеанс купания сильно подешевел: прежде стоил семь рублей, а теперь всего один целковый! По правилам можно получать сеанс с пяти утра до одиннадцати дня, а также с трёх до семи вечера. И даже до девяти, когда пациентов много. Смотритель называл по-армейски «пополуночи» и «пополудни».

Полковник велел записать по две разводные ванны в день, всего две дюжины ванн, первая сегодня после обеда. Расписался, заплатил и получил билеты.

В завершение нарзанных дел полковник пофланировал у речки, взмахивая тростью на манер, принятый на Невских берегах. Площадка около нарзана была обширна, вычищена от травы, выровнена и посыпана отличным хрящом, хрустящим под ногами. Местами подушка хряща скрывала болотистый грунт.

Многие предпочитали прогуливаться под открытым небом в тени небольшой аллеи из молодых деревьев. Кого тут только нет! – подумал удивленный полковник. Исцеления и развлечений искали разнообразно одетые чиновники, простые купцы и помещики, многие с супругами и дочками. Любители цветов ходили между клумбами. Дамы несли зонтики, или влекли деток или собачек.

За важными персонами следовали адъютанты или свиты. Около богачей лебезили приживалы. Попадались черноризцы. Много было военных: и офицеров, и солдат. Полковник раскланивался с курсовыми, знакомыми по Пятигорску и Железным водам. Иногда говорил дежурные фразы.

На колодец нарзана открывались две галерейки, защищающие от сильного солнца и непогоды. Каждая имела железную крышу, три деревянные стены и глиняный пол, посыпанный песком. Стены были покрашены жёлтой краской, а крыша ярью. У задней стены протянулась лавка для сидения.

Несколько пожилых курсовых наслаждались прохладой на скамейках. Одни молчали, другие беседовали. Сидевший в галерейке старичок – отставной штаб-ротмистр, облаченный в бархатный сюртучок– окликнул его. Он был соседом по дому, в котором полковник жил в Пятигорске.

Старичок поздоровался по-свойски и пригласил присесть. Справился о самочувствии и спросил о лечении:

– Будьте любезны, мой друг, сообщить мне, какую питьевую терапию предложил вам доктор? У кого вы наблюдаетесь?

Иван Петрович назвал врача, к которому он обратился по совету княгини Хасновой, -- ещё мало известного на Кавказе. Услышав ответ, старичок сказал пренебрежительно:

– Эти столичные доктора не знают маленьких секретов нарзанного лечения. Они лечат, как привыкли по заграницам или у нас в Пятигорске и Железноводске. Не ведают, что нарзан – минеральная вода особая и коварная! Приступать к ней надобно с осторожностью.

Не правда ли, вам назначено выпивать в день 10-12 стаканов в два приёма обязательно за час до еды? Правильно?

Полковник признался, что так. Старичок продолжил:

– А ты выпей до обеда 4, а к ужину 6. То есть, с утра пей меньше, чем к вечеру. И так делай недельку. Посмотри, не обременительно ли. Лишь после перейди на 12 в день.

Помни, что нарзан – сильная вода, и для пользы ты пьёшь полстакана мелкими глотками! А то некоторые чудаки превращают желание здоровья в исключительную жажду пить и выпивают в день больше четверти ведра себе во вред!

Покончив с нарзаном, собеседник заговорил о жилье. Тема была злободневной, – с наймом жилья на водах всегда были сложности.

– Смею надеяться, любезный друг, что вы первым делом сняли на день-два номер у Найтаки? – спросил штаб-ротмистр.

– Нет, не вышло. Все было занято. Пришлось без выбора

снять негодный домик далеко в слободке. Собираюсь оттуда съехать. Просил содействия у Найтаки.

– Тогда, считайте, с жильем у вас все наладится, –успокоил его штаб-ротмистр.

Но тема жилья не могла исчерпать себя так быстро. Оба легко согласились, что жилья на Кавказских водах не хватает давно, а новые жилые помещения строят плохо.

Куда это годится, сдают калмыцкие кибитки с остеклённым окошком. В дворянских домах за две комнаты берут по 10-12 рублей в день, когда корову можно купить за 15-20 рублей. Жить и лечиться в Кисловодске дороже, чем в Пятигорске.

Главнокомандующий барон Розен недоволен городской планировкой Пятигорска. Ничего толкового не предлагает, занимается одной Грузией. Не слишком активен на фронте против горцев. Но ведь известно: кто малым недоволен, тот большего не достоин!

Говорят, что в Дагестане появился новый вождь, какой-то Шамиль. Жди набегов, особенно осенью, когда горцы уберут свои урожаи. Полковник согласился и сказал, что Ермолов не допустил бы такого безобразия, -- оба хорошо знали Алексея Петровича. Впрочем, собеседники тут же признали, что барон Розен не глуп и поддержал укрепление Лабинской линии.

Закончив с жильем, принялись обсуждать *cette mauvaise cuisine dans le style Néotaki* [1]. По мнению штаб-ротмистра, стряпня Найтаки была не такова, сколько за неё берут. *Ce grec est un vrai marchand*[2]. Наконец, критики сошлись на том, что еда терпима, ибо сказано: «Не хули руку, хлеб дающую».

Старичок, довольный собственной терпимостью, выразил восторг тем, что слуги в ресторации вышколены, как на парадный смотр, и носятся быстро, как метёлки. Несмотря на строгости с персоналом, Пётр Найтаки ведёт дела с гостями по-домашнему доверительно. Знает всех, даже блюда любезно отпускает в долг! Что об этом думает полковник?

Полковника утомили витиеватые рассуждения старичка. Он извинился и сказал, что увидел приятеля и должен срочно

---

[1] *эту дурную кухню в стиле Неотаки (фр.)*

[2] *Этот грек – настоящий купец (фр.)*

переговорить о важном деле, пока тот не ушёл на ванны.

Очень кстати перед ним стоял дородный шурин троюродного брата, приехавший на нарзан прежде полковника.

– Здравствуй, *ma cher*! – поспешил расцеловаться толстяк.

И тут же, не дожидаясь ответа, воскликнул:

– Время, Иван! Поговорим позже! Встретимся в половине пятого пополудни возле этого большого камня.

И, не услышав ответа, потрусил к купальне. Там, саженях в тридцати от колодца, стояли друг против друга два купальных сарая с жёлтыми деревянными стенами и зелёными железными крышами: левый сарай для кавалеров и правый для дам. Лечение проводилось по правилам, список которых был вывешен на стене.

Полковник уже его изучил. Больные лежали полчаса в деревянной ванне с подогретым нарзаном. Для контраста имелся холодный душ в особом отделении. Струи нарзана лились из ящика, поднятого над деревянным бассейном.

Отхожие места располагались в конце сараев. Тыльные стороны сараев и высокий забор окружали хозяйственный двор.

Через раскрытые ворота полковник видел, что вдоль двора в два ряда стояли на подставках шесть больших самоваров. Четыре дымили и раздражали обоняние.

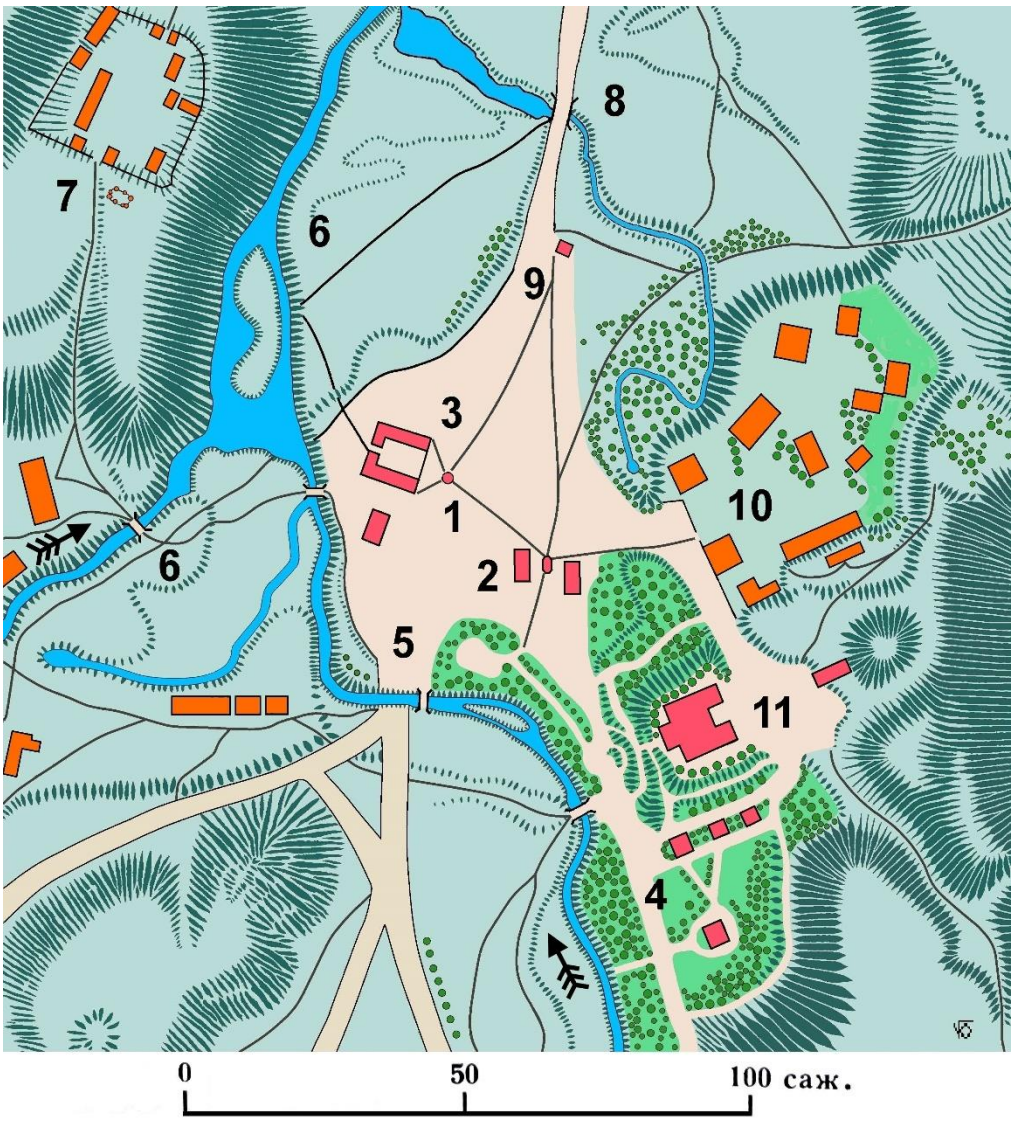
Хозяйка, у которой он снял хибарку назвала ванное хозяйство «винокуренным заводом» и весело пояснила, что «завод» дымит давно, – ещё в турецкую войну лечил раненых.

Хозяин, старый дед, услышав жену, вынул изо рта постоянную трубку, сплюнул и уточнил: «Дымит сильнее винокуренного!» Засмеялся и спросил риторически: «Разве можно пускать дым на священную особу государя императора?» Полковник слышал, что на Кавказе готовились к приезду грозного императора, -- всем была известна его придирчивость и педантичность.

Было заметно, что всюду наведён военный порядок. Постройки отремонтированы и покрашены в законные цвета, везде чистота, площадки и дорожки выровнены и присыпаны свежим хрящом. Даже бурьян был скошен на обочинах.

На дворе купального «завода» было, как на картинке, аккуратно и покрыто свежей краской. Пожилой солдат брал

уголь из ящика и поленья из поленницы у забора и, поднявшись на подставку, заполнял железную трубу самовара.

Источник нарзана
(по карте Озерского, Кречетова, 1829 г.):
1- часы (предположительно); 2- колодец и галереи; 3 — ванные сараи; 4 — парковый променад; 5 — речка Ольховая; 6 — речка Березовая; 7 — казачий пост; 8 — мост; 9 — шлагбаум; 10 — усадьба А.Ф. Реброва; 11 — гостиница с ресторацией и кухня.

Труба с горящим топливом грела водяной объём огромного ушата сажень в высоту и три четверти в диаметре, сплоченного из сосновых досок железными обручами и накрытого крышкой.

Спустившись с подставки, солдат потрогал рукой

самоварный бок. Другой солдат, заметно моложе, качал деревянный насос-помпу. Нарзан поднимался из хранилища, соединённого подземной деревянной трубой с источником. В ванну нагретый и холодный нарзан поступал самотёком по деревянным трубам через медные краны.

Закончив обход площадки у колодца нарзана, полковник сел на лавку у входа в парк, достал из кармана блокнот и карандаш и принялся рисовать кроки на память. Начал он от въезда с северного края нарзанной площадки.

Наметил там полосатую будку сторожа, въездной шлагбаум и бревенчатый мосток без перил через пересыхающий ручеёк, начинающийся в кустах перед усадьбой Реброва.

Когда проезжали мосток, извозчик сказал, что там, где сейчас ручей, раньше бежала речка Ольховка, пока солдаты не выкопали за одно лето русло подальше от колодца, чтобы горная речка при подъеме воды не заносила колодец сором.

Правая, восточная, сторона площадки по счету шагов была сто саженей. Тут возвышалась ресторация, а перед ней стоял столбик с крышей и с двухпудовым колоколом. Каждые полчаса, не пропуская ни минуты, особый сторож, приходивший из гауптвахты, звонил, чтобы шли на ванны.

Звон полковник слышал, как раз, когда рисовал гауптвахту рядом с бродом у слияния речек Берёзовая и Ольховая. Военный наряд, назначенный из крепости для поддержания порядка, следил за порядком у колодца, особливо чтобы ждущие лечения не ссорились в очереди и не били служителей.

Над слиянием речек на невысокой безлесной Казачьей горке стояла неказистая вышка и за оградой помещались покрытые сеном балаганы из плетня. Там был сторожевой казачий пост, наблюдавший за окрестностями.

Соглядатаи в городе

До обеда ещё было время, и можно было разведать, что продают в балаганах за речкой Ольховой. Неприглядные холщовые палатки стояли там, где сходились дороги и тропинки. Такие же придорожные торговые балаганы полковник видел в Пятигорске.

– Куда ни глянешь, везде одно и то же: «подешевле покупаем и подороже продаём», – думал он, переходя речку по деревянному мостику. – Учёный Адам Смит считал этот обычай природным свойством людей. Как ловко шагают в ногу медицина и коммерция! Посмотрим, чем торгуют, но не забудем о лечении, – решил он, подходя к прилавкам.

Разложен был обиход, знакомый по Пятигорску: вино, табак, чай, кофей, сахар головкой и кусковой, шоколад, миндаль, винные ягоды, чернослив, разные сладости. Рядом продавались нитки, иголки, ленты и прочая галантерея, вязаные вещи, стаканы, курительные трубки, мохнатые шапки, украшения и, конечно, оружие.

Возле оружия, разложенного на коврике, сидел на земле, подогнув ноги, горец в *чохе*. По его окладистой каштановой бороде и гордому виду нетрудно было заключить, что это был «не тунгуз, ныне дикой, и не друг степей калмык», а мастеровитый обитатель Кавказа. После приветствия *«Гамарджоба!*[1]*»* горец ответил *«Дхэ мшвидобиса!*[2]*»*

На первый взгляд ничего стоящего. Оружие из Дагестана и Грузии показалось непривлекательным. Дома у него в коллекции были экземпляры лучше: персидские, грузинские, черкесские. Настоящей гурдой из дамасской стали он гордился, а соседи завидовали.

Недовольный полковник присел на корточки перед товаром, взял в руки охотничий нож и, стал рассматривать его, чтобы завязать разговор. Небрежно спросил,

– Ты из Грузии?

– Да, господин. Мы из Тбилисо. У нас бумаг имэйца. Паказат, да? – сказал горец с грузинским акцентом, пропуская звуки и предпочитая твёрдые согласные.

– Я не о том! – сказал полковник, поднимаясь на ноги и продолжая исследовать нож с красивой рукоятью из рога косули, без гарды и с металлическим обухом.

Разглядел надпись Solingen на пяте клинка. Но не нашёл клейма мастера. Полковник не сомневался, – перед ним был

---

[1] *Здравствуйте (груз.)*

[2] *День добрый (груз.)*

поддельный золингеновский нож. Не выдавая себя, положил нож на место. И тут же удивился. Возле оружия лежала прекрасная самшитовая трость.

Он поднял её. Трость была увесистой, но не излишне тяжелой. На прочной, почти как железо, светлой древесине выделялась арабская надпись чернённым серебром. Удобный набалдашник завершала старинная серебряная пуговица с двуглавым орлом. Такая пуговица, он слышал, венчала трость Александра Пушкина.

Он знал, что самшит растёт на западном Кавказе вблизи Гагр. Тем не менее, его появление в Кисловодске было совсем не удивительно, -- тут собрались щедрые покупатели!

Услышав, что интересуются тростями, горец сказал:

– *Момеци данарчеби джокеби!*[1]

Крепкий рыжеволосый парень, сидящий на пятках позади мастера, поднял горбоносое голубоглазое конопатое лицо, глянул равнодушно, вытащил из мешка и подал пачку тростей.

Не тунгус и не калмык сказал:

– Выбирай, важный барин!

Полковник внимательно перебрал несколько прекрасных тростей, покрытых надписями и украшенных резными рукоятями в виде стилизованных звериных голов. Некоторые попробовал в руке, но потом вернулся к трости, увиденной сначала, и спросил, что на ней написано.

Почувствовав явный интерес покупателя, торговец перевел чернёную надпись, с акцентом произнося русские слова: «Равны перед богом и гуляка и постник, но лучше в добрых делах найти *тарикат*[2]». И сказал, что это написал бессмертный поэт Хафиз Ширази[3], великий знаток священного Корана.

Полковник подумал:

– Чудесно Кавказ соединяет поэтов и вдохновляет мастеров!

Торговец пояснил, что *тарикат* означает путь служения и высшую ступень познания всемилостивейшего Аллаха, и закончил: «Пусть на этом пути нами руководит мудрость

---

[1] *Дай мне остальные палочки! (груз.)*

[2] *один из религиозных базисов сопротивления на Восточном Кавказе*

[3] *устный чтец и знаток Корана из Шираза*

пророка Мухаммада! *Салл-ал-лаху аллейхи ва саллам!»* Полковник знал, что это переводится как: «Да благословит Всевышний и приветствует!»

– Странный оружейник, – решил полковник. – Владеет восточными языками и русским. Знает персидскую поэзию. Похоже, что он грузинский перс. Откуда только не приносит купцов, и кто только не торгует у нас!

Полковник купил вожделенную трость. Как принято на востоке, торговались хорошо. Впрочем, полковник понимал, что кавказский самшит не может быть дешёвым, – слишком сложным и опасным был его путь в Тифлис.

Раскошелившись, полковник забрал уникальную трость. Сказал по-арабски: «*Шукран!* [1]» и услышал в ответ: «*Шукран лак айя сайеди!*»[2]

Позднее он подумал, что у знатока Востока можно было разузнать ещё многое, но на прежнем месте его не нашел.

В середине дня торговля у знатока Востока совсем остановилась. Площадка перед источником нарзана опустела. Колокол ресторации перестал звонить каждые полчаса.

Торговец был удивлён. И всё посматривал в сторону колодца. Это заметил сосед, торгующий кофием, чаем и разными сладостями. Он попытался объяснить грузину, что происходит:

– Шота, не удивляйся! Начался обед в ресторации. Все курсовые обедают в одно время

– Вай, вай! – воскликнул Шота. – Какие суровые порядки! Харлампий, друг, скажи точно, – это из-за войны назначено общее время обеда?

Торговец сладостями продолжил свои объяснения:

– Слушай меня внимательно! Когда воюют солдаты, ими управляют офицеры. Точно так врачи командуют курсовыми. Они назначают лекарства и процедуры для сражения с болезнью. Настоящие врачи, как командиры в армии, лечат по правилам. Или, точнее сказать, по науке.

---

[1] *Благодарю! (араб.)*

[2] *Благодарю вас, господин! (араб.)*

– Так, – понял с трудом Шота, – здесь воюют и лечат в одно и то же время и по правилам. Скажи, курсовые это кто?

– Курсовыми их называют потому, что они «проходят курс». Это по-немецки. По-нашему значит «лечатся нарзаном».

– Они тоже воюют?

– Какой ты чудак! – попытался втолковать торговец сладостями. – Как они станут воевать? Они же больные?

Шота выразил заинтересованность:

– Я понял. Офицеры, которые ходили туда-сюда и пили нарзан, ушли в ресторацию обедать. Это больные офицеры – они курсовые. Они не воюют. Других офицеров не вижу. Кто же тогда воюет в крепости?

Торговец сладостями рассмеялся:

– Ты забыл её гарнизон! Наш гарнизон – усиленная, как на войне, целая рота солдат.

Шота сделал вид, что удивился, взмахнул руками так, что рукава чохи разлетелись, и поспешил сказать:

– Подожди! Подожди! Рота солдат воюет без офицеров?

И получил ответ:

– Да пойми ты, у них офицеры не курсовые, а свои!

Шота облегчённо вздохнул:

– Вай, мэнэ! Я успокоился и не боюсь! Мне было непонятно, но я разобрался. В Кисловодске есть разные офицеры: курсовые – это чужие. Некурсовые – это свои. Только я не понимаю, как их различать?»

– А зачем их различать? – удивился Харлампий. – Мы не различаем. И даже регистратор, который их записывает на ванны, не различает!

Грузин задумался. Потом спросил в недоумении:

– Слушай, друг Харлампий, ты видел, что у меня купил палку старый офицер. Получается, что он курсовой и не воюет. Как это может быть – офицер из крепости и не воин?

Харлампий рассмеялся.

– С чего ты решил, что старик живёт в крепости? Он снимает домик не в крепости, а рядом в слободе. Крепость – это одно, а слобода – это совсем другое. Она не военная, а мирная. Курсовые располагаются не только в слободе, но также в других домах. Подожди! Вот, поживешь здесь, поторгуешь и тогда во всём

разберешься.

Болтливый торговец упускал из вида, что любопытные грузинские торговцы здесь чужие, и не живут ни в каком доме.

Когда пришло время обеда, местные торговцы сложили товар в тележки и уехали. Уезжая, доброжелательный Харлампий спросил:

– Надеюсь, Шота, увидимся на другой день?

– Благодарю! Увидимся с радостью, – ответил старший грузин, складывая с помощником товар во вьюки.

Когда Харлампий отъехал, грузин вздохнул с облегчением. Помахал вслед рукой и подумал:

– Надоел этот болтливый грек. Но очень полезный! Важные вещи услышал я от него. Продолжим заниматься делом, ради которого с такими трудами мы приехали сюда, устроили это ряженье и сменили имена.

Настоящее имя старшего торговца было Али, а не Шота. Подмастерья звали Аслан. Это были не грузины, а *адыгэхэр*[1].

Али подумал, что пора убираться из Кисловодска. Слишком здесь опасно. Утром он едва не попал впросак, разговаривая с любопытным, хотя и щедрым, отставным полковником.

По счастью, Аслан действовал, как ему было сказано. Нам повезло! Слава Милостивому, выбор цены удалось затянуть на столько, на сколько требовалось, чтобы спор надоел покупателю!

Али чувствовал, что напряжение сил закончилось. Пришло время уезжать.

Он понял, что после обеда много русских выйдет из ресторации, и среди них, избави Милосердный, могут оказаться даже более любопытные, чем старый офицер. К вечеру народу станет ещё больше. Опасность быть разоблаченными возрастёт.

Аслан привел лошадей, пасшихся неподалеку. Довольный Али, не называя имени, похвалил: «*Агурис!*»[2] Они быстро сложили товар во вьюки и нагрузили лошадей.

Оглядывая окрестности, торговец Али давно наметил путь отступления. Лошадям был необходим длительный отдых.

---

[1] *адыг, адыгэхэр – воин, воины – самоназвание черкесов (адыг.)*

[2] *Молодчина, букв. кирпич (груз.)*

Всадники переехали мосток на въезде и вскоре повернули вправо по тропе. Проехали вдоль балки, преодолели крутой подъём и оказались в подходящей луговой впадине.

Курсовой обед

Забудем на время о черкесах, и вернемся к делам на курсе. Полковник чувствовал, что нынче ему не сделать *promenade de plus cinq fois*[1], как назначил врач. Утренняя прогулка чрезмерно утомила. Он слишком увлекся знакомством с Кисловодском и плохо рассчитал свои силы.

«Уф, вот и ресторация!» – заметил он с облегчением. Перед ним открылось прекрасное здание посреди пустынной местности. На возвышении, действительно, стоял царский дворец, о котором ему рассказывали.

Полковник медленно взошел по крутой лестнице из плитняка, опираясь на деревянные перила и вдыхая аромат кофея и табака, поднимающийся из романтического грота под основанием здания.

На стене дворца висела табличка «Дом благородного собрания» с наклеенным списком правил, таким же, как в пятигорской ресторации. Снизу было прикреплено объявление, которое сообщало, что сегодня в восемь часов пополудни в собрании состоится бал по билетам за 2 рубля 50 копеек.

Закончив с правилами, он поднялся по широким ступеням на балкон перед входом. Отворенная дверь, людской говор и аппетитный запах еды приглашали войти.

Место для него нашлось за столом у окна. Он сложил на соседний стул картуз и трость. Распрямил гудящие ноги. Не спеша достал из кармана фуляровый платок, отер лоб и взглянул на настенные часы.

Часы в ресторациях обычно не вешают, чтобы не смущать посетителей. Ясно, что здесь они висят из медицинских соображений. По совету доктора обедать следовало через четверть часа. Довольный, что угадал со временем, полковник успокоился.

---

[1] *променад больше пяти раз (фр.)*

Разглядывает поразительную отделку зала. Позолота, красное дерево многочисленные зеркала, блистающие по стенам светлой залы, производят впечатление. Ничего особенного, – решил гость! Он видал и не такое.

На соседнем столе лежал листок «Русского инвалида». Не ко времени, -- он опять не удивился, -- в здешнем собрании получают не одни «Санкт-Петербургские ведомости».

Сейчас не до чтения. Его внимание обратилось на прислугу. Показывая усердие на славянских лицах, g*arçons russes*[1] лавируют между столами, склоняются, принимая заказы. Спешно несут из буфетной графины, штофы и бутылки «какого вам угодно» вина. Со двора приносят подносы с белыми тарелками и черными горшочками, над которыми поднимается ароматный пар от аппетитной еды.

Курсовое общество чинно ест и беседует на модном языке. Звенят бокалы и постукивает столовое серебро. Невольно привлекают внимание юные офицеры за соседним столом. Они разговаривают громко и категоричным тоном по командирской привычке. Одеты в плохо сшитую одежду провинциального покроя. Сюртуки без эполет. Перчатки забыты. По здешней моде чёрные брыжи[2] выпущены над воротником.

«Нарушения формы в поле -- обыкновенное дело; но могли бы на курсе складки одежды разгладить», – огорчился полковник. Однако, к его удовольствию, один офицер, бородатый терский сотник, одет был по форме. На нем синий бешмет и черная черкеска с газырницами на груди. Черкеска подпоясана узким ремнем с богатым набором накладок и брелоков-талисманов, подвешенных на ремешках.

На поясе казака висит кинжал в ножнах, отделанный серебром. На плече заметна потёртость от сабельной портупеи. На ногах черные черевики с ноговицами.

Полковник отметил, что офицеры за едой ведут себя прилично. Салфетки используют, как принято в обществе. Кушают аккуратно и неспешно, не чавкают, говорят, лишь проглотив кусок еды, не гремят приборами, да и вещи на стол не

---

[1] *русские гарсоны (фр.)*

[2] *нагрудник, надеваемый вокруг шеи под воротник*

кладут. Встав из-за стола, крестятся на икону.

-- Современная кавказская молодёжь – сплошь вольнодумцы, но в бога верят! – одобрил полковник.

Вставшие офицеры покрываются полевыми суконными фуражками; терский казак – мохнатой шапкой, давно разрешённой на Кавказе самим Ермоловым, чтобы вражеские стрелки не различали офицеров между рядовыми воинами. Молодые офицеры уходят.

Полковник вздыхает сочувственно, -- он признал в них лечащихся раненых. Наблюдения полковника прервались. Ему приносят меню в картонке с виньеткой, изображающей развалины афинского акрополя.

Меню скромное и далёко не столичное. Об устрицах и рокфоре, конечно, не написано. Устрицы живут тут недалеко, в Чёрном море, но из-за войны привезти их никак невозможно. Наоборот, рокфор «водится» слишком далеко.

Зато имеется белужья икра и местный сыр, а на завтрак записаны яйца, творог, молоко и утренний хлеб. Полковник уже убедился, что местные продукты превосходны.

Обед состоит из четырёх блюд: закуска, первое, второе и, на удивление, десерт – всё *prix fixe,* четвертак за блюдо.

Опытный гость знал, что здешние заведения находятся под контролем Строительной комиссии, назначаемой кавказским наместником. Он устанавливает цену, необременительную для состоятельного сословия. Обед стоит от 75 копеек до 2 рублей, четвертак за блюдо. Учитывается, что это достаточно дорого, чтобы отвадить низкое сословие.

В меню предлагают каши. Из напитков кофей, чай и морсы. Есть фрукты, конфекты, пирожки, птифуры и мороженое.

А вот и столичное веяние! Полковник заметил новомодные пахитоски[1].

В богатой карте вин обнаружились знакомые шампанские вина и бордоский сотерн, мозельвейн и рейнвейн. Имелись десертные мадера и малага. Конечно, кахетинское и ром из Грузии, донское. Полковник ещё в Ставрополе убедился, что у Найтаки вино без подделки. Да и другие посетители утверждали

[1] *Мелкорубленый табак, завернутый в маисовый лист.*

то же самое.

Внизу были приписаны вина от Реброва: красное, белое и полу шампанское, то есть, игристое не из Шампани, а с Кавказа. Ещё была гордость винодела десертный «Глаз куропатки», вкус и букет которого были превосходны и выражены не хуже, чем у токайского! В Пятигорске полковник купил несколько бутылок для винного погреба в своем имении, когда узнал, что Ребров – поставщик императорского двора.

Внезапно его внимание привлек шум в углу зала. Там позвали: «Эй, мальчик, стол!» Лакей раскрыл ломберный стол, выложил мел и колоду карт. Игроки, захватив бокалы и бутылку, пересели. Привычно сломали колоду, стасовали и сдали. Начали торговлю. Выложили монеты и ассигнации.

– Верное дело, дойдет до расписок! – подумал полковник. – Вижу, ловцы подняли паруса для виста. Банк и бостон их не устраивает! Далеко поплывут под картёжными ветрами: трефовым, бубновым, червонным и пиковым, как говаривал один профессионал[1].

-- Полноте, – придержал он себя, – нониче я не плаваю! Мне довольно карты на пе[2], обдёрнутой в ночной штос в пятигорской игровой *chambre infernale*[3]!

Его наблюдения прервались, -- обед накрыли быстро. Еда ему не особенно понравилась – была хорошей, но не домашней, признал он. Отобедав, все равно шепчет благодарственную молитву.

Потом прислушивается к желудку, раздраженному нарзаном, и размышляет, как нарзан сочетается с французским вином.

Надеюсь, – подумал он, – при здешнем питании хватит сил прошагать проклятый *promenade*! Два раза в день ставить поочередно ноги по одному и тому же пути – занятие не слишком увлекательное; даже среди прелестных парковых видов. Но очень полезное! Старичок бархатный сюртучок сказал, что в шагающих рогах мышцы ритмично толкают кровь,

---

[1] *присказка из «Свадьбы Кречинского» А.В. Сухово-Кобылина*

[2] *на двойную ставку*

[3] *адская комната (фр.); комната для картёжной игры (перен.)*

и она нежно массируют сердце. Истинно, лечение водами стоит большого терпения и серьезного внимания к променаду!

Его размышления прервал подошедший *garçon*. Получает оплату и пятак «на чай». Без улыбки говорит: «Благодарю-с!» Недовольный, уходит с платой к буфетчику.

Полковник продолжил брюзжать про себя:

– *Cette nourriture, bien sûr, n'est pas de foie gras et l'ancien Sauternes!*[1] Странный обед подают в этой ресторации – вроде бы сытный, но я не наелся. Придётся добавлять! Иначе откажусь от прогулок. Не удовлетворив аппетит, не гривенником же награждать за такую легкую еду! По еде и благодарность!

Собираясь уходить, негромко бормочет:

– *Le menu traditionnel… Peu importe, mais en toute équité, je dirai, la fricassée laisse une bonne impression. Mais il était nocif de manger presque du Fumet avec de grosses boulettes de viande. Je dois ajouter un peu de dessert et le vin, parce que j'ai besoin de forces pour la promenade!*»[2].

Вспомнив совет доктора быть умеренным в еде, вздыхает и решает отказаться от добавки. Полковник салфеткой промокает рот и усы, и встаёт из-за стола.

Провожаемый Петром, гость интересуется, какое жаркое будет на ужин. Узнаёт, что на другой день к обеду будет охотничье жаркое из горного барана, за которым уехали казаки, а нониче к обеду и ужину подают на заказ жаркое из карачаевского барашка, лучшего на Кавказе. Вкус у мяса необыкновенный, – ореховый! Местные говорят, что его придают особенные горные травы, но знатоки уверяют, что «виновата» древность овечьей породы.

Гость договаривается с Петром прислать человека за ужином и заказывает жаркое из барашка и десерт на троих. Пётр

---

[1] *Эта пища, конечно же, не фуа-гра и не старый сотерн! (печень насильно откормленного гуся и сорт сладкого белого вина), (фр.)*

[2] *Меню традиционное….Неважно, но справедливости ради скажу, фрикасе оставляет хорошее впечатление. Но было вредно есть почти фюмет с крупными фрикадельками. Я должен добавить немного десерта и вина, потому что мне нужны силы для променада! (фр.), фюмет – выпаренный бульон для приправ (фр.)*

сообщает, что ужинать они заканчивают в семь часов ради бала.

Полковник отказывается от билета на бал, а затем, уверенный в услужливости ресторатора, спрашивает прямо:

– Любезный Пётр, мне надобен повар или кухарка.

Пётр не удивлен. Но думает:

– Я так и знал! Прекрасно! Отправлю к нему вновь нанимаемую работницу. Проверю её.

Говорит уверенно:

– Ваше высокоблагородие, пришлю вам неплохую кухарку. У нее прекрасные борщи и ушицы! Советую попробовать её *хычины*[1] с бараниной. Пальчики оближите!

В полдень жарило с небес в полную силу. Ветер, спускающийся с гор, затих. В дымке горячих испарений скрылись горные властелины: владетель Кавказа Эльбрус и хозяин целебных вод Бештау.

Полковник направился из парка в слободку, собираясь отдохнуть под крышей, пока стоит жара. Перешел мостик над речкой и стал подниматься вверх по крутой тропе. Осторожно ступал по камням. В одной руке сжимал свой красивый стакан.

Другой опирался на купленную трость, когда останавливался. Переводил дыхание, и в голове мелькали обрывочные мысли: «Решено! Завтра же перееду к Реброву! За убогую мазанку, ну её в качель, плачу шесть рублей в день! Клопы и перекошенная дверь столько не стоят. Не нанял бы, если бы имел выбор.»

Донеслись звуки колокольчика и бубенцов. Запахло лошадиным потом. Полковник решил: «Колокольчик звенит не для всякого. Это курьер!»

Обернулся и увидел, как четверик тащит в гору прыгающую по камням грязную коляску с опущенным кожаным верхом. Лошади покрыты хлопьями пены, одна хромает. Следом проехали два казака с ружьями за плечами.

Поднявшись наверх, полковник увидел, что курьер въезжает в ворота крепости.

Утром он внимательно рассмотрел эту фортецию. По всем

---

[1] *начинка и зелень, закрытые в тесто и жареные (карач.- балкар.)*

признакам она явно устарела и не была способна противостоять правильной осаде.

Старый сухой ров с земляными брустверами покрывал подсохший дёрн. На гребне вала были устроены стенки эскарпов с бойницами. В пяти углах выступали бастионы с земляными барбетами[1], на которых за низкими парапетами открыто стояли четыре чугунные пушки на колёсных лафетах. Один бастион был вовсе без пушки.

Бастион кисловодской крепости (И.Я. Мейер, 1840-е г. г.).
Справа видны здание ресторации и за ней усадьба Реброва.

На двух противоположных сторонах крепости имелись ворота. Внутри в концентрический круг сомкнулся десяток строений: солдатские казармы, комендантский, офицерский и гостевые домики, цейхгаузы, лазарет, гауптвахта, артиллерийский погреб.

Ниже крепости над речкой Ольховой находился двор с конюшней, устроенный как редут. Рядом с ним несколько домов образовывали береговой форштадт.

Перед крепостью на пятьдесят саженей раскинулся плац,

[1] *земляная орудийная площадка на бастионе*

служивший также базарной площадью. За плацом протянулись в шеренгу три десятка аккуратных дворов слободы, отделённых от улицы плетнями. Против бокового бастиона слобода заворачивала в проулок.

В домах слободы жили по большей части женатые солдаты -- «полусолдаты», как их называли. Они размещались по две семьи на каждый двор для взаимопомощи. Холостые солдаты помещались в крепостных казармах.

В дальнем конце слободы находился кабак. Перед ним по утрам собирался базар, где встречались поселенцы, горцы и приезжие. Продавали и обменивали все, потребное для семьи, для кухни и для хозяйства, а также живность и дрова. Дрова дорогие, потому что их привозят с гор Бештау и Железной, а туда точно сотня вёрст.

Передохнув после подъёма, полковник двинулся через площадь. Его тут же окружила стайка мальцов разного возраста, полуголых и загорелых до черноты. Старший лет десяти с побелевшей от солнца лохматой головой протянул руку в цыпках, показывая некрупных усачей и форелей[1] на кукане. Решительно сказал:

– Барин, купи рыбу! Дёшево!

– Купите! – поддержали наперебой остальные.

– Где наловили? – полюбопытствовал он.

– Да туточки у водопада на Ольховке, где купаемся!

Давеча, едучи в Кисловодск, он видел, как на Подкумке рыбу ловили небольшой сеткой, подвешенной к шесту. Здесь её называют саком, а дома у него пауком.

– Чем ловили? – хотел проверить. И неожиданно услышал первобытное:

– Да руками!

Восхитительно! Похвалив детей и отказавшись покупать, полковник пошёл дальше. Подумал снова, что нужна кухарка.

Утром на торге подтвердилось то, что он слышал в Пятигорске. Здесь рыбу и куропаток продают в изобилии, даже живыми, будто их ловят косяками. Но особенно его обрадовало, что вокруг бродит множество прекрасных охотничьих трофеев.

---

[1] *рыбы эндемики Barbus ciscaucasicus и Oncorhynchus caucass (лат.)*

Шагая по жаре через плац, полковник размечтался: «Поохотимся знатно!»

Тут он споткнулся, и мечтания прервались. Полковник огляделся. Ласточки носились низко над плацом, негромко щебеча быстрые трели. Жара была им в удовольствие! Он вытер пот с лица и пожелал невольно: «Вернёмся с охоты – попаримся! В крепости, верно, есть банька. А вот и дальний бастион! Перед ним моя халупа.»

Полковник достал брегет и, проверил время, назначенное для полуденного отдыха, когда входил в свою хибарку.

Соглядатаи в горах

Оба черкесских соглядатая внимательно осмотрелись. Среди скал раскинулась зеленая поляна, местами заросшая густым кустарником, скрывающим быстрый ручеек. Людей на поляне не было видно.

Спешились и сняли вьюки. Аслан принялся обихаживать, поить и кормить голодных коней. У адыга кони должны содержаться в наилучшем состоянии.

Али взял бурку и пошёл на край поляны к скальным выступам, нависающим над обрывом. Низко пригибался, чтобы его не заметили со сторожевой вышки, стоявшей на горке позади источника нарзана. Разложил бурку на скале. Лёг и стал наблюдать за жизнью внизу в Кисловодске.

Кисловодск был как на ладони. Али узнал балаганы, возле которых они недавно торговали. Разглядел дорогу в город, дома, дворы, площадку у нарзанного колодца, сторожевой пост и крепость.

Её он изучил особенно внимательно. Различил пушки и укрепления. Определил расстояния до ближайших домов. К его досаде, с места, где он находился, не была видна тыльная сторона крепости и едва просматривалась станица на въезде.

Али подсчитал приблизительное количество солдат в гарнизоне. Учел, что одни солдаты живут в крепости, а другие в слободе. Похоже, продавец сладостей не лгал об усиленной роте. Это осложняло дело, но не влияло на цель нападения –

разгромить гарнизон и прославить *Аттехей*[1].

С военной точки зрения городок состоял как бы из двух частей. Внизу вокруг источника находились лечебные заведения, ресторация и дома, сдаваемые в наём. Сверху их прикрывали крепость и слобода. Солдаты и казаки были в обеих частях городка: внизу на гауптвахте и вверху на сторожевом посту. Больше всего воинов было в крепости.

Между верхней и нижней частями городка текла мелкая речка Ольховая с невысокими берегами. Конные воины могли легко преодолеть её по бродам, которыми пользуются жители.

Как опытный предводитель, он знал, что планировать атаку надо, учитывая расположение противника, и главный удар наносить в слабое место. Вначале ему показалось, что при таком расположении отряд следует разделить надвое. Одна часть будет блокировать крепость, а другая забирать добычу перед ней. Обобрав, следует уходить, как можно быстрее. Так бы он сделал, ища добычу, но не славу!

Он стал прикидывать, как захватить крепость. Противодействие будет оказано прежде всего на сторожевом посту, на гауптвахте и, возможно, в ресторации. Торговец в балаганах сказал, что в ресторации воинов нет, а есть курсовые. Они уедут после сентября, когда лечение закончится. Тогда в ресторации будет пусто.

Внезапно в голову ему пришла простая мысль. Нападём в октябре, когда курсовых мало, и обязательно до восхода солнца, пока все спят, а главный удар нанесем в узкой полосе через двор ресторации. В этом пункте сопротивления не будет, и близкий путь до крепости мы пройдем без задержки.

Организую всего три группы джигитов. В начале движения поставлю заслон против станицы. Вторая группа продолжит движение и завяжет бой с постом и гауптвахтой. С третьей передовой и самой большей группой буду я сам.

Не прерывая движения, быстро проведу группу с фланга через свободный двор ресторации к речке. Переправимся. С ходу возьмём крепость. И город наш! Такой мой план победы.

---

[1] *Аттехей – адыгейское название своей родины; образовано из слов «населяющий долину» (аттех) и «возле моря» (хей) (адыг.)*

Он думал: «Этот план будет моим секретом. Силы подсчитаю и распределю позднее, когда придет ясность с составом отряда. Тогда же назначу командиров групп.

Черкес у ручья (Рубо Ф.А.)

Задания сообщу им лишь перед самым нападением, чтобы обмануть русскую разведку. Быстрота – ключ к успеху! Опасности при нападении известны: во-первых, пушки, во-

вторых, соседние гарнизоны. Часов через пять *урысы*[1] из Пятигорска набросятся на нас, как вороньё, которое хочет отнять добычу у сокола. Я им это не позволю. Все сделаем быстро и победим!

Путь отхода назначу по тропе от кисловодской дороги к Подкумку. У поворота заслон прикроет тропу от нападения со стороны станицы. Будет стоять, пока отряд не отойдёт.

Обратный путь отряда – моя последняя и самая важная тайна! Если сохраню секрет, тогда добычу довезём до Аттехея.»

Закончив наблюдение, задумчивый Али наломал высохших веток, собранных Асланом, подбросил сухой травы и развел костерок под котелком с водой. Следил, чтобы меньше дымило. Заварил чай, купленный у Харлампия.

Двое адыгов ужинали скромно. Ели то, что купили на базаре. Свои последние чуреки не доставали – они ещё пригодятся. Кожаная сумка для маисовой п*асты*[2] давно была пуста.

Аслан проверил забитый в землю стержень с петлёй и чембуры, которыми привязывал коней за заднюю ногу. Убедился, что вьюки, седла и прочее разложено так, чтобы быстро собраться наощупь в темноте.

Расстелил молитвенный коврик. Снял чувяки, вымыл и вытер лицо и ноги. Помолился. Надел ноговицы и чувяки. Завернулся в бурку. Накинул башлык, подложил папаху под голову и лег с оружием.

Али разбудил его в полночь и, помолившись, лег рядом. Заснул быстро. Проснулся Али затемно. Полежал, прислушиваясь и пытаясь забыть загадочный сон.

Ему приснилось, что он сидит под ярким солнцем на ровной площади, посыпанной белым поблескивающим песком. Площадь уходит за горизонт. Оттуда веет морской бриз и гладит лицо так приятно, будто он находится на родине.

Ветерок приносит мимолетные чудесные запахи. Сердце Али томит дух нежных роз, веселят фиалки, какие-то незнакомые ароматы возбуждают и радуют. Чудесное пение неведомых птиц ласкает его слух.

---

[1] *урыс – русский (адыг.)*

[2] *nIастэ – крутая каша (адыг.), чаще называют мамалыгой*

Не все боги кажутся ему знакомыми. Некоторые похожи на зверей. Ему хорошо видно, что облик их меняется. Священное сияние дробится, мелькает и переливается. И не поймешь, один ли это бог во многих лицах или несколько богов в одном лице.

Боги беседуют. Как ни странно, Али не может определить, кто из них начинает – все начинают, и кто заканчивает – все заканчивают, и каждый говорит на своем языке. Али слышит сразу всех и все понимает.

«Как удобно, – подумал Али, – одному говорить, будто нескольким. Уверен, в будущем набеге необходимо, чтобы у людей было такое же многоголосое единомыслие.»

Боги обсуждали, будут ли они дальше заниматься его жизнью или предадут Судьбе. Как понял Али, он застал окончание обсуждения.

Бог со звериным лицом сказал:

– Нельзя оставлять человека без поддержки и наставлений, даже если он на самом деле разумный, как божье подобие!

Ему ответили:

– Мы слышали твои слова не раз! Но в Начале Начал было решено поддержать сирых и слабых потому, что богатые и сильные справляются с несчастьями сами и без наших Великих Пророчеств.

Сирым в помощь предусмотрено Провидение. Оно превосходит силы *Фатума*[1] и *Кисмета*[2]. Наоборот, благородный Али сам принимает решения и отвечает за них. Таков Великий Закон, как вы знаете!

Боги мигом согласились и все, будто один, спросили:

– Али магометанин и адыг. Верно?

– Верно! – бог мусульман кивнул, переливаясь.

Сквозь низкий гул Али услышал громкие, звенящие будто колокол, пророческие слова: «Жизнь Али сложна и запутана, но он сильный. Значит, по Закону его жизнь принадлежит Кисмету и Фатуму!»

Сколько времени звучало это странное пророчество в его голове, Али не помнил, но вдруг перед ним явились Кисмет и

---

[1] с*удьба в древнем Риме (лат.)*

[2] *судьба, ниспосланная Аллахом (араб.)*

Судьба, похожие на клубящиеся облака. И он услышал из облаков двуязычное громовое приказание:

– *Къэшъу*! Пляши!

Али поднялся, сорвал с головы папаху и бросил на песок. Он сразу вспомнил, как побывал с урусами у богатырского источника нарзана в молодости и плясал перед русским генералом лезгинку. Не понимая зачем, решил повторить танец перед богами.

Занял гордую позу, широко раскинул руки-крылья и стал плясать лезгинку похожую на *адыгэ ислъамый*[1]. Смотрели боги. Играли музыканты.[2]

Он, как орел, выразительно кружил, защищая символ своей чести и достоинства. Обойдя круг, замирал перед богами и под барабан вдруг прыжками на кончиках пальцев и быстрыми верчениями молил даровать удачу.

Неожиданно музыку сменила пальба. Пули ударяли и кусали тело Али, а он плясал, не переставая, как должен поступать настоящий джигит перед аксакалами.

Сияющий бог со звериным обликом проговорил: «Пляшет, как герой, показывающий своё презрение врагу».

Боги ответили: «Это решать не тебе! Ты забыл, что по Великому Закону люди сами решают, кто герой, пляшущий священный танец. Для нас он такой же плясун, как все!»

«Да будет! Хвала Великому Закону!» – пропело многоголосие. Громом ударило раскатистое *Verum*![3]. Послышался громовой вопрос: «Почему он дергается?»

Внезапно сновидение исчезло. Аслан тряс его за плечо:

– Ты во сне дергался и стонал. Нам пора!

Просыпался Али с трудом. Почесываясь, долго соображал, где он находится, так сильно сон потряс его душу.

-- Неспроста я танцевал похожий танец в этом же месте перед русским генералом и его свитой, которые впервые здесь устроили купание в знаменитом богатырском источнике.

---

[1] *исламский танец адыгов (адыг.)*

[2] Черкесская лезгинка

[3] *Правда! (лат.)*

Соглядатаи покинули низину задолго до рассвета. Их следующей целью был Пятигорск.

Али признавался себе, что город ему хочется посмотреть больше из любопытства. Нападение на него было невозможно – там слишком сильный гарнизон. Но разведка никогда не помешает. Всё в руках …

Тут его мысли прервались: «Ах, чуть не забыл, что всё в руках *гущы* ».

Ведя в поводу навьюченных лошадей, они осторожно выехали на дорогу и внимательно осмотрелись. Для соглядатаев любые встречи таили опасность и днем, и ночью, и везде. Могли ждать за каждым поворотом дороги.

Такие добрые были эти русские! Как не плясать под музыку, которую они играли, веселили нас угощали.

Он понял, что видел вещий сон. «Спрошу потом муллу,» – подумал он.

Черкесская пляска

(офорт Скотникова Е.О. по рис. Корнеева Е.М.,1809 г.)

Младший всадник сказал, облегченно вздохнув:

– Али, впереди нам светит удача – на дороге, кроме нас, ни экипажей, ни всадников. Проедем незамеченными. Надеюсь, что путь до места будет свободен!

Старший и более опытный ответил, качая головой:

– Не радуйся, Аслан! Правду говорят: «Не найдя брод, не снимай обуви!» Придётся переходить не один брод. Нам ещё ехать и ехать!

Будь готов ко всему! За станицей Ессентукской непременно появятся встречные и с ними – Аллах, не допусти – будут казаки. Конвой называется. Они – главная опасность.

Поэтому покинем кисловодскую дорогу и двинем в объезд Ессентуков. Въедем в Пятигорск как бы со стороны дороги на Владикавказ. Если будут искать, подумают, что мы приехали через Военно-Грузинскую дорогу.

Наш путь мне знаком, – на тропе, по которой мы едем, четыре года назад мы хорошо поживились. Зарезали ночью пять стороживших казаков и угнали половину ессентукского стада. На тропе есть подходящая переправа через речку.

Соглядатаи, не доезжая станицы Ессентукской, свернули к Подкумку. В поисках переправы стали пробираться вдоль берега, заросшего кустарником и камышом. Наконец, нашли широкий разлив потока над россыпью мелких камней.

Аслан спешился и разулся. Чувяки и ноговицы сунул в сумку. Перевёл лошадей. Лошади оскальзывались, но послушно спускались к воде, переходили речку и с трудом влезали на крутой противоположный берег. Слава Аллаху, не пришлось снимать тяжелые вьюки с оружием.

Последним брод преодолел Али, стороживший переправу с пистолетами в расстегнутых седельных кобурах. Маленький караван, приведя себя в порядок, решительно поднялся по тропе в горы. Надо было убираться из обжитых мест, как можно скорее. Путники быстро преодолели подъём на увал, и перед ними открылись дали с отдельно стоящими горами.

Разгорался рассвет. В пространстве, контрастно освещённом косыми лучами солнца, раскинулась холмистая равнина, изрезанная извилистыми балками.

На этом пересеченном пространстве поднимались горные исполины, посинелые из-за своей удаленности. Посреди них обращала на себя внимание огромная многовершинная гора. Её сине-зеленые склоны испятнали светлые скальные уступы.

Али с удовольствием стал рассказывать своему спутнику о кавказских видах. Но предупредил его, что будет называть их по-русски, чтобы поупражняться.

Показал на гору:

– Это знаменитый Бештау. Местные чаще говорили Бешту. Здесь не так давно перемерли от страшной болезни родственные нам пятигорские черкесы. Они называли себя пятигорскими за то, что Всемогущий собрал для них в одной горе пять вершин. Остальные вершины, видишь ли, он разбросал вокруг. Они были ему больше не нужны. Польза от них неизвестна, как и щедрость Великого не измерима!

От лучей восходящего солнца нас сейчас закрывают

безлесные горы Джуцкая и Болван. Последнюю называют также Юца. Между темными куполами гор виднеется Золотой курган. По преданию там спрятал заговоренные сокровища хан Золотой орды Тохтамыш, отступавший перед Тамерланом. Курган раскопали, но ничего не нашли

Вид гор Бештау, Железной и Развалки с вершины Машука

Перед Бештау, как ты видишь, располагается большой конус горы Машук. Из её подножия истекают целебные горячие воды. За многие века из осадков этих вод сложилась целая гора. Называется Горячая гора. Возле неё раскинулся город Пятигорск. Раньше его называли Горячеводск. Урысов там – в городе и рядом в крепости -- находится больше, чем в Кисловодске.

Али покачал головой и пробормотал: «Надо быть особенно осторожными!» Помолчал и показал вправо:

-- Далее вблизи от Бештау выглядывают горы Железная и Развалка. У подножия Железной горы имеется маленький городок также с целебными источниками из подземных

залежей. Поэтому вода оставляет ржавые потеки. Называется Железноводск. А еще дальше вправо находятся небольшие горы Змейка, Лысая и Кинжал.

Железноводск всего лишь небольшое поселение. Ни войск, ни торговли нет. Нам делать там нечего.

Широко проведя рукой влево, Али продолжил:

– Пришли мы оттуда. Надеюсь, что ты хорошо запомнил этот путь. В жизни все может пригодиться. Если что с нами случится нехорошее, эти воспоминания тебе помогут.

Пространство, которое ты видишь перед собой, постепенно повышается в сторону Боргустана, как издавна называется эта обширная возвышенность. В начале подъема на горизонте видны горы Бык и Верблюд.

Они напоминают этих животных, лежащих на отдыхе. Более возвышенные валы отделяют нас от белоснежных Главных Кавказских гор, которые ты видишь далеко на горизонте. Над ними царствует с одной стороны двуглавый великан Эльбрус, а с другой остроголовый великан Казбек.

Соглядатаи были потрясены величием гор, увиденных в новых местах, и радовались, что добрались сюда, не испытав существенных трудностей. Благодарили за помощь своих племенных покровителей, не забывая Всевышнего бога. Надеялись на удачу, и уверенно продолжали свой путь.

ЧАСТЬ II. Курсовые заботы

Курьер в крепости

Когда коляска курьера въезжала в ворота, крепость казалась пустой -- гарнизон был на работах. Жаркую послеполуденную тишину прерывали лишь команды офицера, учившего орудийный расчёт на удалённом бастионе.

В тени дома на лавочке сидели двое, унтер-офицер и солдат. Курили трубочки и рассматривали подъезжающих.

Солдат негромко и доверительно сказал:

– Погляди, Петрович! Ездок гнал во всю мочь: коляска грязная, кони в мыле, люди в пыли и морды у всех в поту. Господи, воля твоя, повезло им, бедолагам, что не в ночь ехали.

Наш азартный эстляндец поубивал бы всех на Подкумке.

Унтер заметил тихо:

– Лихой ездок; из молодых да ранних! Ему и море по колено.

Прибывший с депешей поручик барон Фон-Мантейфель скинул с плеч пыльную шинель на руки слуги, спрыгнувшему с облучка, стряхнул пыль с колен. Снял кепи, вытер платком лоб и обратился к сидевшему на лавочке:

– Кузьма, доложи майору.

Своему кучеру приказал:

– Поезжай на конюшню, приведи лошадей в порядок! Осмотри выносную. Доложи. Вымойте коляску.

Сопровождавшим казакам сказал:

– Казаки, благодарю за службу! Можете ехать в станицу. Возвращаемся «с петухами». Быть к пяти.

Тут на крыльцо вышел майор, застёгивая сюртук:

– Максим Генрихович! *Ma cherie,* вы стали редко радовать нас своими визитами. Превосходно, что приехали! Поохотитесь сегодня? Время есть. Даже отобедать успеете. Пожалуйте!

– Спасибо! Обойдусь без обеда, но чайку выпью с удовольствием, – жара, знаете ли.

Майор согласно кивнул и приказал денщику:

– Кузьма, мигом долей самовар и подай, как закипит. Кто это с тобой сидел? Петрович? Позови!

Почти сразу явился Петрович. Майор сказал:

– Старший унтер-офицер, смирно! Вам что устав не писан? Почему не на отдыхе, когда вам предстоит ночной караул? Людей поручика определить во вторую казарму. Там есть свободная полать. Выдай чистые тюфяки. Не забудь накормить. Скажи об этом на кухне. Самому спать до вечера. Исполнять!

Денщику, принёсшему самовар, приказал:

– Кузьма, закончишь с чаем, ступай со слугой поручика на конюшню! Как обычно, передай приказ седлать и подать свежих коней.

Едва поручик умылся и утерся, майор предложил:

– Для скорости велите вашему слуге помочь Кузьме.

Потом сломал печать на пакете и принялся читать депешу.

Вернулся кучер и доложил поручику:

– Ваше благородие, на правой задней ноге ушиб над бабкой.

Не засеклась, а камнем ударило. Конюх лечит вроде бы правильно, – делает компресс. Сказал, что нужны холодные примочки и долгий покой.

Майор оторвался от чтения депеши и заметил:

– Дело серьёзное! *Mon cher*, тебе повезло, что не дышловая. Оставишь мне на лечение.

И засмеялся:

– Ехать тебе обратно на тройке с бубенцами. Но не на лихой. Ничего, назад можно не спешить.

Поручик согласился:

– Ты прав. Обойдется. Спасибо за одолжение! Доеду косой упряжкой до Пятигорска за милую душу. Мне спешить без надобности. Ушибленная лошадь дойдет в поводу.

Самолюбиво добавил:

-- У нас лечат не так знатно, как у тебя, но с ушибом справятся. Да и зачем тебе лишние хлопоты?

Майор парировал:

– Какие могут быть хлопоты между друзьями? Не впервой!

Заварил чай, разлил по стаканам и поинтересовался:

– За сколько ты доехал на этот раз? Обогнал на пари Киселёва? Или опять впустую пробренчалось?

Барон огорчённо вздохнул:

– Девяти минут не хватило. Три часа двенадцать минут, не считая заминки. В станице не дали смену. Ничего, верх будет за мной в другой раз. Пусть Кирилл не выхваляется!

Майор выразил сочувствие:

– Уверен, что ты обошёл бы его, если бы не повреждение ноги. Думаю, в следующий раз для гонки нужны ногавки[1].

Майор знал, что все на Водах следили за состязанием поручиков -- делали ставки. Полагали, что *british hobby to bet on the race - it's great!*[2]

В серьёзных мужских разговорах лошади считались темой, лучшей, чем обсуждение погоды и рассказы о сражениях. Быстрыми конями и скорыми переездами гордились. Умения в

---

[1] *защита, надеваемая на нижнюю часть ног лошади*

[2] *британское увлечение делать ставку на гонку - это великолепно! (англ.)*

конном деле скрашивали армейскую жизнь в любое время, даже в боевых условиях.

Правда, женщины были темой, имеющей неоспоримое преимущество над лошадьми. О свойствах дам разных национальностей мнения были составлены давно. Однако о кавказских горянках мнения расходились. Интерес подогревался писателями, изображающими их страстными и покорными красавицами! Возьмите хотя бы Бестужева-Марлинского. Реальность была иной, и это приводило к горячим спорам и категорическим домыслам.

Горянки майора не интересовали. Он рассчитывал узнать во всех подробностях, какие новые привлекательные личики из России появились в Пятигорске и не прибудут ли в Кисловодск. Он не скрывал свои матримониальные намерения ни от себя, ни от друзей.

Думал с невольной досадой:

– Возьмем двух поручиков: эстляндца Максима и петербуржца Кирилла. При каждом случае бодаются, как козлы, но обзаведутся семьями – остепенятся. Меня, похоже, такое не ждёт. Я одинок, и посватать за меня приличную невесту некому. Барон бесцеремонен, но богат и знатен. Ему знакомы состоятельные семейства, которые сюда приезжают. Надеюсь, он поможет! Вот и верчусь перед ним ужом.

Невольное признание не озлобляло майора и не меняло его доброго нрава. Его в равной степени заботили неудачи знатного барона и несчастья обыкновенного солдата.

Сейчас он искал способ быстро переправить в пятигорский госпиталь рекрута Александра Симонова, разбившего голову и сломавшего ногу на работах. Не с курьером же везти раненого? Хорошо, что еще утром договорился с Петром Найтаки, собиравшимся отправить в пятигорскую ресторацию продукты с казачьим конвоем. Врач в крепости уже подготовил рекрута.

Барон не догадывался о заботах майора и с удовольствием пил душистый чай, предвкушая знатное развлечение. Впереди его ждала королевская забава – ружейная охота на фазанов перед заходом солнца. В здешнем краю эти птицы стали редкостью. Их нещадно выбивали местные добытчики, прятавшиеся за переносными полотняными щитами. Фазаны не

боялись этих укрытий и попадали под выстрелы.

На днях в камышовых крепях на Подкумке фазанов заметили. Время фазаньих станичек прошло, птицы подросли и кормились самостоятельно. На вечернюю кормёжку спускались с деревьев за час-два до заката солнца.

Мечта охотника на фазанов (неизвестный художник)

Правда, они не имели нарядного вида из-за того, что линька не закончилась. Однако уже достигли достаточного веса и добывались легко из-под такой умной собаки, как его Веста.

Допив чай и перекрестившись, поручик сказал:

– Спасибо! У тебя, как всегда, прекрасный чай! Я готов.

Они надели кепи, взяли ружья и газырницы и отправились. Денщик вез собаку, а слуга – ягдташ.

С кисловодской дороги кавалькада свернула к станице. Станицу защищал ров, заполненный водой, и земляной вал с плотным колючим кустарником наверху. Проехали ворота и

уличные рогатки. Дом станичного правления стоял у центральной площади, посреди которой возвышалась старообрядческая церковь. По легенде её, разобранную, привезли казаки, переведённые из станицы Суворовской. Из задних ворот выехали в сторону скалы Клин-Яр.

Вскоре путники переправились через бурливый Подкумок и оказались на широкой речной пойме, покрытой камнями и ямами с водой, оставшейся от недавнего бурного разлива.

Какое изумительное птичье царство обитало здесь в зарослях кустарника и камыша среди немногих разрозненных деревьев! Всадники то и дело вспугивали крылатых летунов.

Охотники скоро убедились, что фазаны были. Но мало. Попался один. Попутно добыли трёх куропаток. Последний выстрел на обратном пути был удачным. Сняли с дерева случайного вяхиря.

Когда они вернулись в крепость, барабанщик пробил вечернюю зорю. Вскоре по всему Кисловодску понеслись звуки танцевальной музыки из ресторации.

Охотники торопливо съели холодной каши, запили чаем. Почистились. Спрыснулись духами и заторопились на бал. Барон велел слуге захватить фонарь.

В ресторации заглянули в окно. В зале пары выходили, готовясь к танцу. Поручик заспешил. Заплатили за билеты. Дамы ходили на бал бесплатно, но с кавалерами.

Барону было не привыкать ангажировать[1] партнёршу по обстоятельствам, а не по *агенду*[2]. На водах нравы были свободными.

Он пригласил даму средних лет, испросив разрешение у диковинного кавалера во фраке со смешными короткими фалдами. Новомодный фрак совершенно не шёл ему, но зато цвет пышного галстука соответствовал цвету сизого лица.

Объявили немецкий вальс. Обращаясь к даме, барон проговорил: «*Dieser wunderbare Walzer hat schon in meinem Kopf geklungen. Eincharmanter Zufall!*[3]».

---

[1] *приглашать на танец заранее*

[2] *бальная книжечка*

[3] *Этот примечательный вальс уже звучал у меня в голове.*

Бал в России (Лямин А., Франция)

Не услышав ответа, барон перевёл: «Прекрасный вальс, не кажется ли вам?» И положил руку на крепкую талию. Они закружились, меняя руки по командам дирижера танцев.[1]

Майор вздохнул, поглядел на увлеченно танцевавшего приятеля, и отправился в буфетную. Жажда томила его давно. Там жаждущие не обращали внимание на прохладительные напитки, а приводили себя в нужную кондицию с помощью шампанского.

Дам было мало. Вальсировали несколько пар. а свободные кавалеры в большинстве сидели по краю зала за зелёными столами и азартно колдовали над картами.

Очаровательное совпадение! (немец.)

1 Ланнер И., Вальс Шёнбрунн

Когда музыка смолкла, барон спросил, не занята ли дама на второй танец[1]. Получил отрицательный ответ и пригласил.

Объявили скучный экосез. Он был доволен, что не для него. Наконец, вслед за экосезом пришел черед галопа.[2] Прыжки ему особенно удавались. Он не удержался и завершил танец стремительным антраша[3]. Вернув потрясенную даму диковинному кавалеру и выразив положенную благодарность, барон отправился в буфетную, заполненную игроками и танцорами, устроившими себе приятный перерыв.

Майор, сидевший за столом, предложил разгорячённому приятелю место рядом и, пока барон переводил дыхание и наслаждался холодным шипучим напитком, важно сказал:

– Согласись, не зря говорят, что танец – это искусство!

Улыбнулся и пояснил:

– Искусство вовремя убирать ноги! Партнёршу ты нашёл неплохую. Она не испугалась и не потерпела ущерба, уклоняясь от твоего замечательного антраша.

На шутку барон нахмурился. Но улыбающийся майор протянул ему бокал вина и сказал дружеский спич:

– Дамы тебя заметили и часто лорнировали. Твои отличные умения убедили даже меня, скептика, кто из великих философов прав, и кто нет.

Цицерон не советовал благоразумным людям танцевать, тогда как Платон считал, что танцам надобно учить с детства, чтобы набраться мудрости. Ты хореографически доказал, что Платон мудрее Цицерона. Я в восхищении!

Поручик допил свой бокал и ответил, улыбаясь:

– Хватит подшучивать! -- Доброжелательно спросил:

– Как насчёт того, чтобы показать мудрость танца на деле? Пригласи привлекательную даму и повертись.

Майор вздохнул и ответил:

– *Amicus Plato, sed magis amica veritas!*[4] Сегодня мы

---

[1] *По правилам бала разрешалось танцевать два тура подряд; после чего делали перерыв, чтобы танцевать по очереди и не в тесноте.*

[2] Штраус И. (отец), Галоп

[3] *Entrechat (фр.) – прыжок со скрещиванием ног*

[4] *Платон мне друг, но истина дороже! (лат.)*

достаточно «наплясались» в буераках над Подкумком, чтобы заслужить покой. Мне ещё надобно закончить отчёт для пятигорского коменданта, чтобы наутро отправить. Желаю тебе хорошо повеселиться!

Майор не забыл сказать поручику, что перед крепостью его встретит караульный унтер. И добавил, что гостевой дом подготовлен для ночлега.

В темноте майор вернулся в крепость без происшествий. Привычную дорожку он мог пройти, даже закрыв глаза.

Ночная прохлада спустилась с гор. «Стой! Кто идёт?» -- часовой в распахнутой шинели окликнул майора. «Командир», – услышал ответ. Затем состоялся короткий разговор по уставу: «Скажи пароль? Курск. Что пропуск? Курок. Проходи!»

Часовой стал «смирно». «Молодец!» – сказал майор. «Рад стараться, ваше высокоблагородие!» – ответил часовой. Майор напомнил: «Павел, опять шинель нараспашку! Холодно. Застегнись!» «Слушаюсь, Никанор Ваныч!»– улыбнулся Павел.

Майор зашел в караульню и приказал унтер-офицеру, чтобы после одиннадцати встретил у ворот поручика и проводил на ночлег в гостевой дом.

Бал закончился котильоном [1], в котором кавалер, ведущий первую пару, придумывал новые фигуры. Все веселились, когда некоторые танцоры, не расслышав выкрики ведущего, путали движения кадрили, вальса, польки, мазурки и теряли направление. Танцоры сталкивались и смеялись без обид. Появлялись прекрасные возможности завязать знакомства.

Не зря на кисловодском курсе врачи говорили, что смех все болезни лечит, а фунт смеха прибавляет пуд здоровья. Они были хорошие врачи и соблюдали заповеди Гиппократа независимо от полученной платы.

Поручик не стал толкаться в котильоне. Зашёл в буфет, чтобы выпить бокал шампанского «на дорожку». Часы на стене зала показывали близко к полуночи, когда он покинул

---

[1] Глинка М.И. Котильон

ресторацию. Ожидавший слуга понес впереди фонарь с яркой аргандовой лампой.

Утром, когда офицеры допивали кофей, унтер доложил, что по сообщениям со сторожевых постов ночь прошла без происшествий. Барон Фон-Мантейфель любезно попрощался и отбыл в Пятигорск с охотничьей добычей и донесением, приготовленным майором.

Неспешная езда до Ессентукской продолжалась почти три часа. Возле базара поручик послал слугу купить сыра и хлеба на всех. Он был расточителен не по-немецки.

Люди и кони поели на привале и немного отдохнули. Продолжали ехать неспешно. На обратной дороге поручик выспался превосходно.

Отметившись в пятигорской комендатуре и передав кисловодские бумаги, поручик Максим Фон-Мантейфель вежливо поздравил и заплатил десять проигранных червонцев поручику Кириллу Киселеву.

В тот же вечер они устроили пирушку, на которую пригласили дежурного капитана, бывшего свидетелем пари. Слуги организовали стол и неплохо вздремнули, пока офицеры вкушали охотничьи трофеи и горячо спорили, какие пари основательные, а какие нет.

Максим сказал, обгладывая птичью ножку:

– Угадать, справа или слева куропатка попадёт под выстрел, – это не пари. Оно неосновательное, так как цель может выскочить в тылу.

Кирилл возразил:

– Точное прицеливание всегда выбирается во фронт.

Различие условий запутало спорщиков. Максим настаивал:

– Неважно! Пари возможно лишь, когда нет условий.

Собеседники никак не могли решать, какое пари стоит заключить в другой раз. Выбор был бесконечным, но оппонент легко показывал, что пари недостаточно основательное.

Для примера разбирали разные истории. Не забыли знаменитое офицерское пари, в котором князь Гагарин на спор отнёс два фунта чая Наполеону в Кремль. Князя схватили французы. Казалось, что пари проиграно, но тут на шум вышел император и сказал историческую фразу: «Таких людей не

победить!» Князя отпустили.

Вспомнили также графа Воронцова, обмишурившегося на таможне с блондами и бриллиантами хитрого помещика. И, конечно, не забыли графа Орлова-Чесменского, устроившего впервые в России скачки с крупным закладом.

Поручики увлеклись и чуть не поссорились. Но капитан снова оказался третьим не лишним. Помирил, и выбор нового пари отложили до другого дня. Капитан рассудил, что ежели голова свежая, то и утро вечера мудренее. Поручики намеривались оспорить это утверждение. Но капитан сказал:

– Респект[1], господа, респект!

Спорщики пожали друг другу руки и, услышав сигнал утренней зори, поспешили на службу.

Купеческая сметка

Перед поездкой в Пятигорск Пётр Найтаки встретился с сыном Алексеем в служебной комнате кисловодской гостиницы, чтобы сделать последние наставления:

– Алеша, я заметил, что ты часто беседуешь с Иваном Григорьевичем.

– Верно, папаша! Его опыт пригодится.

– Хочу предостеречь тебя. Ганиловский -- большой хитрован, просто так ничего не делает. Во дворе встретил меня и рассказал о купеческих обозах, отправляемых из Ставрополя. Мне показалось, что он говорил нарочито откровенно, чтобы выведать, не собираемся ли мы вернуться к прежнему занятию.

Думаю, он беспокоится за нашу добросовестность. Я, было, обиделся. Подумал, что он считает меня несерьезным человеком. Даже вспомнил библейскую притчу о человеке, заложившему основание башни и не достроившему её, из-за чего над ним смеялись.[2] Не показывая, что догадался, стал внимательно слушать.

Рассказал он вот что. Через десять дней отправляется обоз в Москву за шинельным сукном и другими тканями. А в Туле

---

[1] *уважение (фр.)*

[2] *Лука 14: 27-30*

Пономарёв, знакомый тебе, уже приготовил ружья, пищали, пистолеты, шашки и кинжалы для другого обоза. В Астрахань пойдут обозы за гвоздями и всем, потребным в строительстве.

Любопытную подробность он сообщил – в Георгиевск привезут кровельное железо. Теперь мы можем быть уверены, что скоро покроем свой дом по всем правилам.

Чтобы Иван Григорьевич забыл свои подозрения, я сменил тему. Спросил, правда ли, что в московском обозе будут покупать стеариновые свечи? И лучше ли они восковых?

– Правильно! Что он ответил?

– Очень удивился и признался, что хотел вступить в купеческое общество по производству этих свечей. Государь назначил попечителем графа Строганова и велел открыть в следующем году в Москве завод по французскому рецепту. Но выяснилось, что московский граф принимал в пайщики исключительно москвичей. Ганиловский получил афронт.

– Дай боже нашему теляти да волка поимати! – заметил Алексей.

– Точно! – улыбнулся Пётр. – Иван Григорьевич проворчал, что прогресс, конечно, не остановить, но стоит убедиться, верно ли, что эти свечи не коптят и дешевле восковых? Думаю, он прав. Надо заказать пробную партию. Поглядим, какая получится выгода.

Пожалуйста, Алёша, напиши записку Егору. Перешлю её с оказией в Ставрополь. В записке сообщи брату про ткани и Ганиловского. И пусть закажет проклятущие мясные мельницы. Сказать не могу, как с ними надоела мне Прасковья!

Переждав смех сына, отец сказал:

– Обозные – наши прежние знакомцы. Привезут, что нам надобно, не хуже, чем в прошлый раз. Не станем, Алёша, теряться, а используем всякую возможность без промашки. Но об этом, конечно, не пиши. Бумага терпит не все!

Алексей быстро сказал:

– Будьте уверены, папаша! Сделаю. Не впервой! Ваши университеты. Касательно завтрашнего праздничного обеда не волнуйтесь, проведем, как договорились, скромно и со вкусом.

Пётр гордился замечательным сыном. Но промолчал.

За ширмой переоделся в дорожное. Привычно причесался.

Взял ножницы и подравнял бакенбарды. Жена негромко спросила:

– Какого беса скубишь[1] седину из бороды?

Он улыбнулся и сказал весело:

– Седина в бороде, как бес в ребре, – украшение храбреца. Придет время, и они приведут нас к райскому блаженству!

Он шутил, чтобы не показывать напряжение нервов, что мешало бы спокойному управлению гостиницами. Более того требовалось поддерживать приятные отношения в семье. И то, и другое опиралось на развитую купеческую сметливость. Эти отцовские правила успешно усвоили сыновья.

Пока Алексей писал письмо брату, Петр задумчиво наблюдал за снохой. Она читала у окна эпистолярий добродетельной служанки Памелы. Где только такие добродетели находят? Без сомнения, лишь в книжках! Пятигорский купец Челахов за малую плату выдает книги в лавке. Приезжие читают в особой комнате, а местные, которые пользуются доверием, случается, и на дом получают.

– Наши девицы увлечены английскими романами, – углубился в размышления Пётр. – От Ричардсона слезами заливаются. Никита Артемьевич Челахов – философ, и часто говаривает: «Читаем книги – эрго победим мировые ложь и зло! Чтение воспитывает добрый нрав.»

Это правда, но не вся! – вздохнул Петр. – Книги источают потоки соблазнов. Наши читатели завидуют английским, а ещё более французским обычаям. Но, слава богу, отвергают заграничную распущенность нравов, наделавшую в Европе безбожных революций. Разве правильно, когда в бедном люде пробуждается зависть к богатым и знатным? Неудержимая зависть – причина всех бед.

Он перекрестил незаметно грудь:

– Господи, прости наши прегрешения! Благодарю тебя, боже, что невестка Маруся, завидуя чужому и хитро выдуманному счастью, не забыла о своем семейном долге.

Беспокойство о бесплодии закончилось. Когда женщины вернутся в Пятигорск, сотворим первым делом молебен о

---

[1] *драть, щипать волосы, перья*

благополучных родах и о здравии младенца. Я уже условился с отцом Павлом в Скорбященской церкви. Повитуха при госпитале утверждает, что будет мальчик. Надеюсь, что не ошибается. А там что бог даст! Интересно, все-таки, кто родится? Надо признать, мы удачно женили Алексея по сговору с таганрогскими сватами! С тех пор он счастлив!

Мысли Петра переключились на предстоящую поездку:

– Хорошо, что перед поездкой я отстоял заутреню в новой слободской церкви во имя Святителя и Чудотворца Николая, которую построила госпожа Толмачёва рядом с кисловодской крепостью. Два года назад я оплатил церковную утварь. Иконы перенесли из временной батальонной церкви. Душевно пели слободские солдатки!

Петр тепло попрощался с женой и снохой и вышел на галерейку. Открыл боковую дверь в уборную, чтобы облегчиться «на дорожку».

Готов, наконец, к поездке! На нём привычный суконный чекмень. Вычурные архалуки он не уважал. На ногах мягкие чувяки. Ступни отдохнут от туфель; а то весь день приходится в них топтаться. На плечах новый башлык. На голове папаха из чёрной мерлушки с искрой. Бакенбарды и усы воинственно топорщатся, поражая зрителей своей мощью.

По привычке он проверил, хорошо ли увязан груз, взята ли сумка с едой и кувшин с водой. Пощупал рукой спрятанные, где обычно, заряженные пистолеты. Они помогут отбиться от разбойников. Всё-таки сегодня с ним не солидный конвой, а всего лишь малая казачья охрана!

Заметил на всякий случай, что сноха остается в доме. Провожает его жена. Алексей протянул отцу приготовленное письмо. Кажется, все готово к поездке. Задумавшись, Петр нечаянно спросил сына вместо жены:

– Скажи, прислать Марусе что-нибудь из Пятигорска? Книжку или что по женской части?

Сын не растерялся, и ответил:

– Спасибо, ничего! У Маруси личная просьба к Тохтару. Если позволите?

И по-татарски обратился к бородатому кучеру:

– *Тохтар, атам биягъынлай унтургъа боллукъду тау бал*

сатыб аллыргъа. Сиз муну эсге салыргъа. Болсун му?[1]

Кучер незаметно улыбнулся в бороду. Ответил:

– *Хо, болсун айтырма* [2] – и добавил – Сделам, *иншалла* [3].

Пётр Афанасьевич отдал блокнот заказов сыну и, хотя верил его умениям, не удержался и высказал распоряжения.

Во-первых, он обязательно пришлёт из Пятигорска артиста и афишу, чтобы в другой раз на неделе устроить вечернее представление. Во-вторых, следует напомнить Реброву, что полковник из столицы Иван Петрович Бежитов придёт нанимать комнату. В-третьих, вечером слуга полковника, француз, заберёт ужин на троих. В-четвертых, надобно уделить особенное внимание прибывающей княжеской чете Хасновых. Остальное, Алексей, смотри в блокноте. Как обычно.

Пётр поспешил на кухню, где взял у поварихи Прасковьи Семёновны листок со списком покупок в Пятигорске. На самом деле список не требовался, но Пётр хотел поощрять, а не пресекать старания поварихи.

– Параня добилась своего, – думал он, просматривая листок. – Такой уж характер решительный! Обязательно добуду мясную мельницу! Но если она продолжит глядеть в рюмку и перечить по поводу блюд, надо будет заменить её. Нехорошо, что пришлось заставлять готовить фрикадели. Такое не должно повториться!

Может и отказаться. Тогда придется переводить сюда пятигорских. Дорого обойдётся обустройство на новом месте.

Не хотелось бы. Ничего, разберусь без спешки! На всякий случай найму вторую помощницу. После Петра и Павла, но обязательно до Успения. Если найму, то она пригодится осенью на заготовках. Надобно выяснить, из-за чего Прасковья хвалит и предлагает эту свою куму Лукерью.

Но повариха не должна ничего подозревать, -- решил Петр. Положил листок в карман и сказал Прасковье:

– Передай куме, что места для нее пока нет. Советую

---

[1] *Опять может забыть купить горный мед. Вы ему подскажите. Ладно? (карач.- балкар.)*

[2] *Хорошо, скажу! (карач.- балкар.)*

[3] *Да будет на то воля Аллаха (араб.)*

наняться, ежели пожелает, к полковнику стряпухой. Пусть договорится с Жан-Пьером, слугой. Он понимает по-русски.

Выйдя из кухни, Петр внимательно осмотрел колесо у повозки. Поставил ногу на ступицу. Подумал:

-- Тохтар говорит, что оно еще послужит.

Уселся рядом с кучером на облучок, покрытый бараньей шкурой, посмотрел на подошедшего приказчика и подумал

-- Митрич-то – человек заботливый. Привез чистую воду из слободского колодезя, а не с песком из родника в парке».

Наклонившись, негромко поощрил:

– Илья Дмитрич, хорошо, что воды *нониче* достаточно!

Привстал и попрощался со всеми:

– Счастливо оставаться! Господи, благослови!

Хлопоты закончились. Петр перекрестился и скомандовал:

– Трогай!

Повозка покатилась со двора. Как обычно, везли продукты *naturel* в пятигорскую ресторацию. Сейчас это плетёные корзины с тремя дюжинами живых куропаток, укрытый ящик со льдом и форелью, переложенной крапивой для сохранности.

Еще жители Кисловодска попросили передать травы и коренья в аптечный магазин. Они давно стали друзьями Найтаки. С благодарностью принимают услуги.

Доктор из крепости доверил отвезти пострадавшего рекрута Александра Симонова в пятигорский госпиталь. Раненому устроили мягкое ложе в повозке. Второго дня рекрут упал некстати в яму с камнями на дне и повредился.

По правде, Петр знал, что это происшествие было для него выгодно потому, что раненого сопровождали казаки. Не нужно будет заказывать охрану в Пятигорске, чтобы привезти продукты, приготовленные в немецкой колонии Каррас.

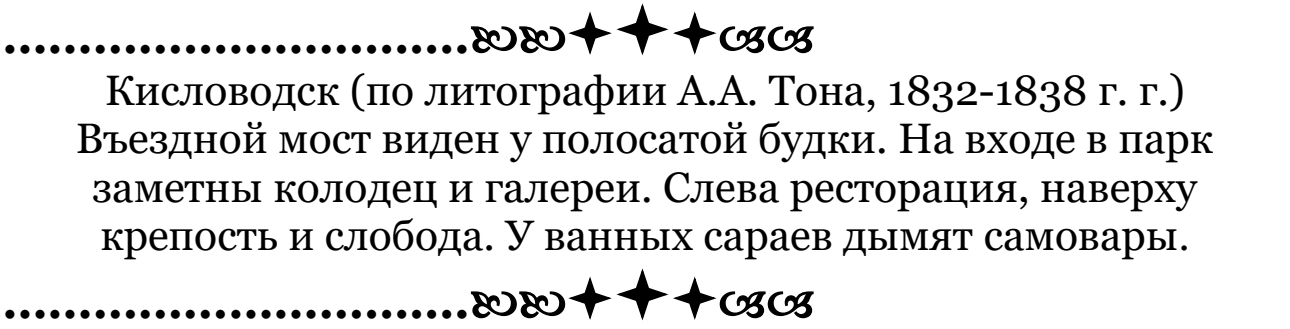
-- Немцы удивительно преуспели в сельском хозяйстве – подумал он. -- Но все-равно люди не забыли, что начинали шотландцы из Эдинбурга. Так что правильнее было бы мне называть поселение не Каррас, а, как все, Шотландка.

-- Да, что это я не по делу? – остановил он себя. -- Неважно, лишь бы овощ была, как обычно, хороша!

Через сотню саженей повозка достигла сторожевой будки у въезда, где ждали конвойные казаки и тележка с раненым рекрутом. Казаки поздоровались и осторожно пересадили на повозку раненого с ногой в лубках и с повязкой на голове.

Пётр Афанасьевич сел на облучок и тронул Тохтара за плечо. Кучер дернул поводья. Кони пошли. Казаки вскочили в сёдла и поехали, не отставая. Копыта и колёса простучали по мосту, и Кисловодск остался позади.

Перевозками обыкновенно занимался приказчик. Но сейчас нужно ехать Петру. Реноме лучших ресторацій на Водах надо было поддерживать.

Кисловодск (по литографии А.А. Тона, 1832-1838 г. г.)
Въездной мост виден у полосатой будки. На входе в парк заметны колодец и галереи. Слева ресторация, наверху крепость и слобода. У ванных сараев дымят самовары.

Мысли Петра обратились к сыновьям:

-- «Сын Егор только что прислал записку из Ставрополя. Сообщает, чтобы ждали следующего важного гостя и подготовили приём.

Ответную записку Егору от Алёши отправлю с извозчиком, который завтра повезёт постояльца в Ставрополь. Сделаю приписку и спрошу, всё ли у него ладно, особенно в гостинице. Только помягче, чтобы не обидеть, а то он очень самолюбив.

Алёша тоже хорош! Обращает мало внимания на выбор вин. Напомню обязательно, что лучший доход от тифлисского. Хорошее и недорогое, особенно привлекательное для курсовой молодёжи. Обер-офицеры тоже пьют с удовольствием после надоевшего армейского чихиря.

Ребровское вино закупать пока не буду. Мы запасли достаточно. Где это видано, платить полтора целковых за бутылку, когда тифлисское вино в два раза дешевле? Ребров поднял цену, едва стал императорским поставщиком.

Ассигнации не берёт, а требует серебро и золото, будто горский князь! Как откажешь предводителю ставропольского дворянства? При обмене ассигнаций на золото приходится проценты терять. Предупрежу сына, чтобы остерегся.

Опытные люди капитал пускают в оборот, а не запирают в бутылках. Денежки за денежками летают. И, будто голубочки, возвращаются. С ними и доход прилетает.»

Привычная дорога

Раньше в купеческих путешествиях с обозами Петр запоминал местность. Теперь это умение было ни к чему – дорога была одна и та же.

Поэтому память Петра обратилась на календарь. Приходилось держать в уме и праздники, и постные, и скоромные дни. Будучи членом приходского совета, он мог в любой момент сообщить о службах не хуже батюшки.

Твердо усвоил, что по средам и пятницам -- печальные для христиан дни -- в меню ресторации должны быть постные блюда. В эти дни ни балы, ни развлечения не допускались.

Он с особенным старанием хранил в памяти дни торжеств. Вспомнил, как в субботу 25 июня удачно праздновали день рождения императора. Как-никак, а исполнилось сорок лет.

Был торжественный обед в складчину: особые блюда, лучшие вина. Для жителей и горцев были выставлены благотворительные столы. Вечером жгли иллюминацию и танцевали. Играл оркестр. В Пятигорске тоже устроили торжественный обед, бал, иллюминацию и фейерверк.

В ресторации болтали, что в этом году государя ждать не стоит. Он занимается чугункой. Народ волнуется, что от шума и пара, перестанут нестись куры, передохнет скот, а пассажиры заболеют вследствие быстрого бега паровика. Император повелел австрийскому инженеру фон Герстнеру сделать колею в шесть футов. Это шире, чем за границей. Теперь в Царское село революция не приедет.

1 июля празднуется день рождения государыни. В Кисловодске проведут литургию во здравие. После сделают обед в ресторации и салют в крепости. Делами в ресторации займется

Алексей. А мне ехать в Пятигорск.

10 августа в Кисловодске в день святого Лаврентия, покровителя ресторации, проведут на бульваре разметку участков для состоятельных и благонадёжных жителей. Приедет Строительная комиссия и её старший член Пётр Петрович Чайковский. Он теперь наш новый арендодатель. По слухам, будет сам архитектор Иоганн Карлович Бернардацци. Возможно, он привезет болезного брата Иосифа.

Участки уже проданы по 10 копеек за квадратную сажень. Избранным лицам предложили строить дома по правилам. Если в три года покупатель не построится, то участок отберут в казну и деньги не вернут. Из тринадцати приглашённых уже оплатили хорунжая Обухова, священник Смыслов и генеральша Мерлини. Генеральша Екатерина Ивановна, как всегда, скачет впереди всех, будто конь лихой!

Петра не пригласили, и ему досадно. Но он понимал собственное положение в обществе. Как простой купец третьей гильдии, он никоем боком не входил в круг людей, которым дозволялось жить на главной улице Кисловодска.

Но все равно пришлось обратиться к Строительной комиссии по поводу улучшений для увеличения доходов. Ему сказали, что не могут дать деньги в этом году. А про другой год не знают. Пётр утешил себя заповедью «ищите, да обрящите!»

12 августа хлопоты с участками закончили, и заложили бульвар на 200 саженей с липами и тополями через один. План составил главный садовник англичанин Людвиг Джерсей. Сажали солдаты третьего Кавказского линейного батальона, усиленную роту которого и штаб оставили в Кисловодске.

Перебрав в уме деловой календарь, Пётр переключился на окружение.

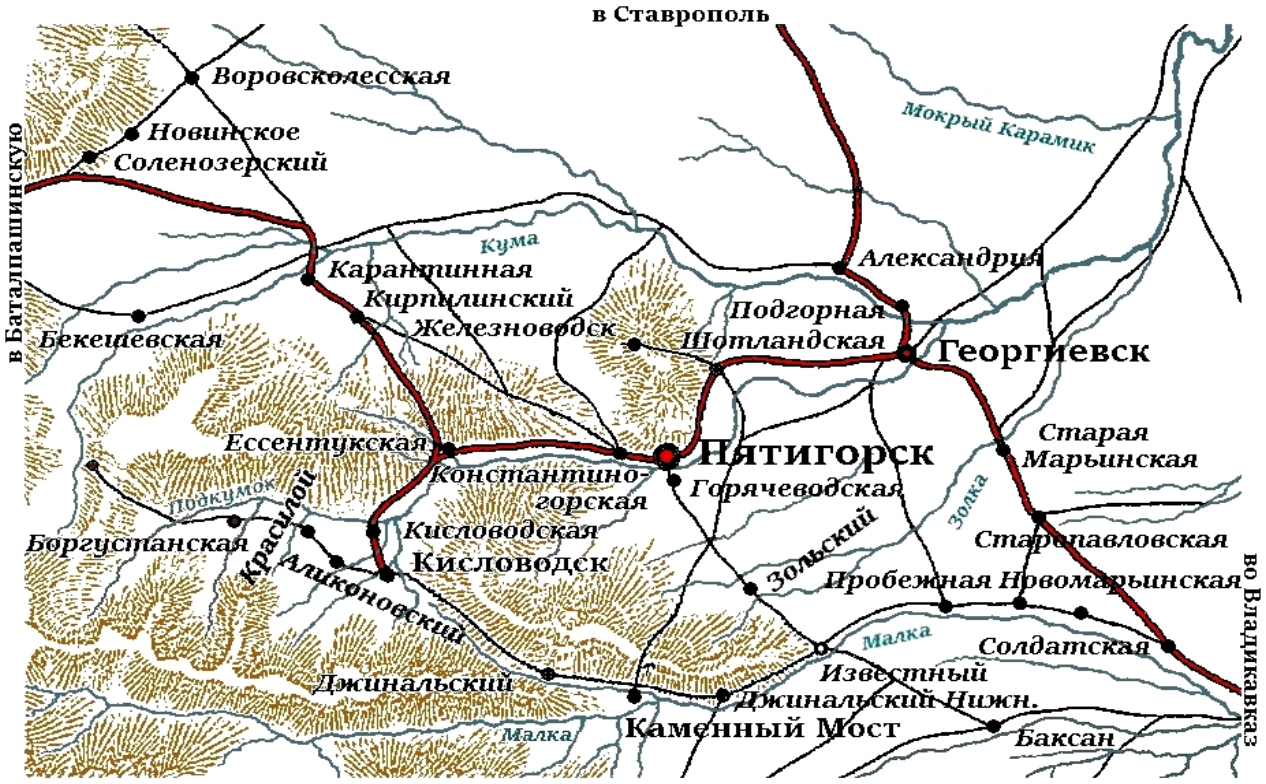
При виде речного потока, он подумал:

«На последней неделе ни капли с неба. Поэтому в Подкумке воды немного. Бывает, что вслед за ливнем, выпавшим в горах, переправа становится внезапно опасной. Приходится ждать, когда спадёт поток. Хорошо, что в этот раз переправа прошла без затруднений».

За речкой мысли Петра обратились на дорогу:

«Это отнюдь не шутка трястись на повозке сорок вёрст по

неровным взгорьям, даже если дорога главная и укатанная. Бывало, что переворачивались. Но не рвали упряжь, как недавно устроил курьер, гнавший из Пятигорска. В последней поездке у нас просто колесо износилось.»

Главные и побочные грунтовые дороги района Кавказских минеральных вод (1840 г.)

Он взглянул на соседа: «Слава богу, мы свой экипаж починили! Какой надёжный кучер Тохтар Заурович! Мы давно кунаки и дружим домами. Тохтар – пожилой карачаевец, человек смелый, себе на уме и, пожалуй, лучше всех в горах знает коней. Они понимают его без слов. Кони ладные, настоящие карачаи, и горы их родина.»

Он трогает кучера за плечо и говорит:

– *Тенгим* [1], что там Маруся хотела?

Тохтар помнил доверительную просьбу Алексея и придумал заранее, как отвечать:

– Она спрашивала про маткино пчелиное молоко.

---

[1] *Друг мой (карач.-балкар.)*

– Отлично! – обрадовался Пётр. – Когда будем покупать горный мед, возьмём и с молочком. Немного, чтобы не испортился. Молочко улучшает сон, и сноха будет отлично отдыхать. Бабки уверяют, что молочко спасает от выкидышей. Великолепно! Обязательно возьмём!

Позади осталась пойма Подкумка, заросшая кустарником, камышом и разрозненными деревьями. Путники выехали на пригорок. По дороге, проложенной выше бурлящей реки, проехали через сужение гор на холмистый простор степи, по которому тёплый ветер гнал к горизонту зеленые волны ковыля и трав.

На горизонте сквозь полуденную дымку виднелся огромный сине-зеленый Бештау, влекущий путников к себе. Будто хотел открыть тайну своего появления среди степей.

Современные ученые изучили загадку удивительной горы. Используют для неё особое название лакколит[1]. Невероятные подземные силы выдавили вязкий каменный расплав из недр земли и на большом пространстве подняли верхние породы. Миллионы лет эти породы смывались водами с огромного поднятия, и обнажились современные горы.

В душах кисловодских путников не было спокойствия. Но горные тайны их не тревожили, хотя они видели в природе то же, что и мы.

Их мысли были заняты привычными звуками: звяканьем сбруи, фырканьем коней, мерными удараи подков, поскрипыванием повозки, постукиванием колёс, шуршанием гравия.

Жужжали мухи. Стрекотали кузнечики. Напуганные, взлетали, ударяли в людей, в коней и падали под повозку. Поблизости бил перепел. Пронзительно резко крикнула пустельга. Трепеща крыльями, повисла над жертвой. Крот покинул чернозем, который накопал на кротовину, и чёрная шкурка стала видна в траве. Жить ему осталось недолго.

Петр вспомнил, как в детстве он бежал со всех ног, чтобы спасти крота, и, когда добежал, птица успела улететь, но целехонький крот уже был мертв от страха. Петр всегда знал, что

---

[1] *купол вязкой вулканической магмы, не прорвавшей слои земли*

с ним так не будет, – он будет биться до последнего. Мы люди и отличаемся от слепых кротов. Даже, если сейчас коляску окружат черкесы и начнется нападение.

Конвой (Грузинский П.Н., 1871 г.)

Неожиданно он живо представил, что все случилось на самом деле. Все тело напряглось. Мчащуюся повозку подбрасывают неровности дороги. Руки вцепились в её борта. Враги уже приблизились.

-- Не дамся! Надо предупредить Тохтара, -- сразу подумал он и потянулся за пистолетом. Вдруг обморочное видение исчезло.

Петр подумал:

-- Не время для тяжелых дорожных мыслей! Пора петь.

Он тронул рукой сидящего рядом кунака и, чтобы привлечь внимание, нарочито громко сказал:

– Слушай, Заурыч! Какую чудную песню мы пели в прошлый раз. «Чёрный ворон, что ты вьёшься надо мной»! У тебя отличный голос!

Еще громче продолжил:

– Я и братцы казаки тебе подпоём. Помнишь, Григорий Михалыч, -- со значением назвал старшего казака полным именем -- давеча мы хорошо пели.

Казак ответил:

– Да, песня хорошая, но, токмо что, отъехав, давай не будем играть про смерть; а лучше начнём с печальной песни «Вот на пути село большое…».

Ответом Пётр был доволен: ещё в прошлом году он уверился, что станичные уважали его любовь к пению.

Казак запел жалостливо.[1] Чувствуется, что компания давно спелась. С песней привычный путь короче и летний день не долог. Половина пути осталась позади.

Дорога пересекала ручьи, впадающие слева в Подкумок. У ручья Бугунта путники проехали станицу Ессентукскую, основанную казаками, которых генерал Ермолов перевел из станицы Александровская в Волгский полк, чтобы укрепить центральную линию.

Ессентукская станица богатая, с двумя деревянными церквами: Никольской православной и Покровской старообрядческой. Никольскую, говорят, построил тот же архитектор Бернардацци, что и ресторацию в Кисловодске. Покровскую казаки привезли с собой разобранную. Потомки её не увидят. В 1872 году она сгорит. Сейчас стоит новая.

Несмотря на сложности, станица развивается. С дороги видно, что казаки, недавно переведённые из Малороссии с семьями, спешно строят двадцать две хаты на окраине.

Остановились путники у берега Подкумка на знакомой зелёной лужайке. Лошадей распрягли и дали отдохнуть. С молитвой выпили по стопке водки и поужинали «чем бог послал». Запили колодезной водой, согревшейся в кувшине.

Весело поехали дальше. Рекрут, вдруг ободрившись, затянул дрожащим голосом:

---

1 Булахов П. Анордист Н. Дятлов Е., Вот впереди село большое

В крови горит огонь желанья, / Душа тобой уязвлена/ Лобзай меня: твои лобзанья/ мне слаще мирра и вина.

Неожиданное пение молчаливого раненого всех поразило. [1] Он пел, будто прощался навсегда. Дальше пел уверенно.

Рекрут Александр запомнил романс, услышанный на концерте в ресторации. Мысленно повторял его, как только видел или вспоминал Анну, помощницу кухарки. Очень хотел удивить Анну своим пением, и сразу выбрал этот прекрасный романс. Страдая от ран вдали от неё, решил использовать последний шанс в надежде, что слух о его пении на дороге в госпиталь дойдет до неё. Его обуревали сомнения. Он знал, что может не вернуться после излечения в прежний гарнизон.

Пётр поспешил заметить:

– Про желания мы тоже поём!

Квинтет, достаточно спевшийся, с удовольствием повторил за рекрутом:

Склонись ко мне главою нежной/ И да почию безмятежный…

Дружно допели романс.

Они пели, и дорога привычно убегала назад. Наконец, кони пошли резвее, и люди перестали петь. Все почуяли резкий запах серы – знакомый дух города Пятигорска, что пристроился к Горячей горе, отрогу Машука.

За многие тысячелетия отрог спрессовался из отложений горячей целебной воды. Потоки воды струились по белым и розовым натёкам, которые по мере наслоения уплотнялись в пористый камень травертин[2], легкий для обработки.

Уездный город Пятигорск имел регулярный вид. Здесь размещалась медицинская база Кавказского корпуса. Несколько казенных домов – госпиталь, галереи, ванные здания – были каменные. Обывательские дома -- числом две-три сотни – деревянные. Солдатская слободка состояла из саманных и турлучных домишек. Городок переполняли больные и раненые. Они пили и купались в минеральной воде, лечились и в госпитале, и в домах.

---

[1] Глинка М. Пушкин А. Гедда Н., В крови горит огонь желанья

[2] *известковый туф*

День заканчивался. Петр отпустил казаков ночевать в станицу, а сами въехали через растворённые ворота на мощёный двор гостиницы, окружённый сараями, флигелями и конюшней. Встречавшие работники разгрузили повозку.

Однако это было не всё. Надобно было отвезти раненного Александра Симонова в солдатское отделение госпиталя.

Центр Пятигорска и гостиница (Дж. Бернардацци, 1834 г.)

В бывшей Оборонной казарме, где располагалось отделение, дежурил штаб-лекарь Иван Ефремович Дроздов, помощник главного врача. Он и Петр Найтаки были добрыми соседями на Бульваре. Когда Пётр выкупил участок под строительство дома, супруга доктора Мария Николаевна обживала на другой стороне улицы дом, купленный год назад у архитектора Мясникова.

В госпитале соседи поздоровались и по-свойски поделились последними новостями. Иван Ефремович прочитал записку кисловодского врача. Успокоил раненого и устроил ночевать.

Спросил, Петра, есть ли войлок для защиты ноги солдата? Объяснил, сколько требуется. Петр сказал, что утром купит и пришлет без задержки.

Доктор попрощался с Петром, передал ответную записку в

кисловодскую крепость и сказал на словах, что рекрут пробудет у них на лечении не меньше месяца.

Пётр и Тохтар возвращались в гостиницу в сумерках. Улицы уже опустели. На сумеречном небе ещё был виден трёхцветный флаг, развивающийся на флагштоке на крыше. В гостинице Петра встретил работник. Вместе с ним Тохтар занялся лошадьми, а Пётр прошел в дом.

Часы на церковной колокольне пробили десять, когда они вышли из гостиницы. Вечерняя музыка на Бульваре уже не играла. Стояла ночная тишина. Светили масляные фонари на столбах. В их тусклом свете Пётр и кунак поспешили к отдалённому жилью Найтаки.

Пётр остановился перед церковью иконы Божьей матери всех скорбящих радость, в просторечии именуемой Скорбященской. Повернувшись лицом к храму, перекрестился и поклонился. Тохтар давно привык к набожности Петра и уважал его за это. Так же и Пётр уважал Тохтара, мусульманина, за преданность своей вере.

Поспешили дальше. В конце бульвара последним строился дом Петра. Временным жильём служил сарайчик. Позади дома угадывался Машук.

На другой стороне бульвара виднелись купальня Сабанеевского источника и жилые дома. За ними поднимался отрог Горячей горы. В сарайчике Тохтар зажёг свечу, а Пётр выставил на стол принесённый ужин.

Пока ужинали, Пётр размышлял о дальнейшей постройке дома. До рождения внука осталось сделать много: дом накрыть крышей, настелить пол, утеплить двери и остеклить окна. Строительный материал и даже листы железа привезли из Георгиевска, когда завозили материал для острога.

Не зря я пожертвовал на острог так много денег! – думал Пётр. – Земельный участок достался неплохой. -- К рождению внука закончу строить новое жильё. Хорошо, что при ресторации есть конюшня и каретный сарай. Возле дома их рано строить. Мебель куплю на Успенской ярмарке, поторгуюсь! А не куплю, закажу немцам в Шотландке. Отличную мебель поставили для ресторацій. Но, если судить строго, ей далеко до французской.

В июне утвердили план города. Слава богу, государь не повелел переменить разметку, сделанную под жилую застройку, а Государственный Совет не отменил льготы по казённым и подушным податям для жителей. Может быть, льготы продлят для Пятигорска лет на десять, как предлагает генерал-лейтенант Вельяминов? Эти размышления радовали сердце и согревали душу Петра.

Но он вспомнил о скромности и одернул себя. Повторил на память слова Евангелия «*Кто возвышает себя, тот унижен будет*».

Друзья помолились, кланяясь в пол. Один по-христиански, другой по-магометански. Совершив по несколько поклонов, оба устроились на лежаках спать. Завтра обоим вставать к открытию реставрации. Тохтару отправляться в Кисловодск, а Петру посылать записку в Ставрополь.

.....

Вид Пятигорска с Горячей горы (А.А. Тон, 1832 г.)
Слева — ванный домик, вдали – длинная казарма госпиталя, внизу справа – дома у склона Машука.

.....

Он уже засыпал, когда ему внезапно вспомнилось, как привиделось нападение черкесов на повозку.

-- Не к добру, -- подумал он – другое объяснение дать невозможно, когда война идет почти двадцать лет. Петр вздохнул, и успокоился -- долгий жизненный опыт требовал делать то, что было необходимо.

Пятигорский госпиталь

В пятигорском госпитале шла налаженная жизнь. Во всякое время быстрое излечение было её главной целью. Начинались и заканчивались дни в армейском порядке.

Чуть свет в дежурку пришли за дежурным фельдшером. Фельдшер сказал: «Жди приёма!» И ушёл. Александр остался один. Он выспался. Больная нога беспокоила, но не сильно.

Александр, не мешкая, намотал подсохшую портянку на здоровую ногу и натянул сапог. Портянку, что подстилал под поршень[1], убрал в мешок. Сложил старательно одеяло и положил под подушку в изголовье кушетки.

Взял костыли и выбрался на двор. Сел на лавочку у двери, осторожно вытянул больную ногу и стал ждать.

Госпитальное отделение для нижних чинов помещалось в бывшей Оборонной казарме на Горячей горе. Длинное одноэтажное здание с небольшими окнами было разделено на помещения для нужд госпиталя.

С горы было отлично видно, как внизу по Пятигорску ходили люди, ездили экипажи и всадники. Над отдельными домами различались утренние столбики дыма. Слышался бой городских часов.

На краю города под лучами солнца сверкал поток речки Подкумок. За речкой оживала станица. Белые горы на горизонте его не интересовали. К виду Эльбруса он привык.

Вернувшийся фельдшер строго спросил:

– Зачем вышел? Тебе нельзя двигаться, пока не разрешит доктор! Вон там отхожее место и умывальня – показал рукой, – но тебе самому идти туда нельзя. Я пришлю кого-нибудь помочь. С кухни принесут поесть, не то останешься голодным до обеда. Жди, не отлучаясь!

Александр продолжал ждать. Через некоторое время пришёл пожилой санитар. Александр сходил с ним в отхожее и умылся. Вместе ели, курили и смотрели, как приехал доктор. Санитар сказал то же, что и фельдшер: «Жди!». И ушёл.

Александр опять ждал. Двор пятигорского госпиталя был беспокойным местом. Появлялись и уходили посетители, реже экипажи. Сновал персонал, исключительно мужской.

Было близко к обеду, когда пришел молодой санитар, по виду жидок, и повёл Александра к главному доктору Якову Фёдоровичу Реброву «на диагноз».

Александр, удивленный медицинским словом, спросил:

– Это что родной брат кисловодского Реброва?

– Точно! – ответил санитар. – Но ты не обращай внимание

---

[1] *кусок толстой кожи, стянутый ремешком вокруг стопы*

на его суровость, он доктор добрый.

У Якова Фёдоровича Реброва Александр увидел доктора Дроздова Ивана Ефремовича и фельдшера Михаила Назарыча, знакомых с вечера. Фельдшер разбинтовал голову Александра. Суровый Яков Фёдорович прочитал кисловодскую записку и похмыкал, поглядывая на Александра. Записку передал Ивану Ефремовичу. Медики осмотрели рану. Заметно было, что оба остались довольны.

– Чистая! – сказал Иван Ефремович.

– Отличная! – откликнулся суровый Яков Фёдорович.

Он долго разглядывал через ручное зеркальце глаза Александра и заключил:

– Нормально! Без патологии.

Велел показать язык, закрыть глаза и вытянуть руки. Затем растопырить пальцы, сжать в кулаки и пальцем указать нос. Александр догадался указать на собственный нос потому, что язык то он высовывал свой.

Яков Фёдорович спросил:

– Тошнило после падения?

– Нет, – сказал Александр.

– Когда последний раз болела голова?

Александр сказал, что не помнит. Тогда спросил Иван Ефремович:

– А вчера болела?

Александр ответил честно, что не болела и не могла болеть, так как на привале он пил мало вина. Доктора дружно рассмеялись.

Яков Фёдорович, отсмеявшись, приказал снять «лонгет». Санитар, жидок на вид, размотал повязку и снял лубки.

Доктора осматривали опухшую ногу, гладили и слегка надавливали с разных сторон, чуть двигали стопу и суставы, нажимали легонько на пятку, каждый раз спрашивая, не больно ли где. Александр решил, что они искали, где больше всего болит, но помочь им не мог, о чём и сказал.

Иван Ефремович ответил:

– Не волнуйся, всё хорошо!

Затем доктора поговорили на медицинской тарабарщине про каких-то Фибулу, Фибию и ихнюю Физию. Оба довольные,

решили, что это вряд ли.

После пришли к согласию, что в Кисловодске и у них в Пятигорске мнения одинаковые – фрактура неполная. Можно ставить абазинскую повязку с пропиткой клейстером, а ревизию делать через неделю. Фельдшер всё записывал.

Главный доктор Яков Фёдорович обратился к своему помощнику Ивану Ефремовичу:

– Возвратимся к нашей дискуссии. Конечно, свежая баранья шкура, высохнув, создаст необходимую жесткость. Липовые лубки ставятся легко, но они непрочные и неудобные. Ты прав, абазинский бандаж –щадящий. Итак, ставим? А войлок есть?

Иван Ефремович ответил:

– Я вчера говорил с Петром Найтаки. Он, на ночь глядя, привёз этого раненого. Я объяснил ему, что нам требуется, и утром он прислал человека с войлоком. Палочки, о которых мы говорили, уже давно запасены. Я послал за ними.

Яков Фёдорович сказал фельдшеру:

– Отлично! Запиши: провести курс Александровских ванн по результату, – и, улыбнувшись, пояснил, – естественно, добавь, что после снятия повязки.

Сделавшись серьёзным, сказал, если Александр не хочет ужасным образом потерять ногу, то неделю должен оставаться в палате, никуда не ходить и ногу беречь. Ни в коем случае не нагружать, не ударять и не мочить!

В это время фельдшер и санитар осторожно мыли и вытирали ногу, а потом резали и сшивали на ноге войлок. Пропитали его жидким составом и объяснили: «Не бойся, это клейстер!». Потом приложили палочки и стали бинтовать.

Александр решился спросить:

– Скоро я вылечусь?

– Ишь, какой прыткий! – удивился главный врач. – Наверное, зазноба ждёт?

Александр покраснел, а врач сделал вид, что не заметил, и продолжил:

– Если поведёшь себя осмотрительно, тогда месяца через два разрешим бегать, а станешь баловаться, то через все четыре! Лечиться по приказу – дело серьёзнейшее! А сейчас, батенька, будь любезен, сиди спокойно и не двигай ногой!

Взглянул с любопытством и спросил:

– Тут приписано, что ты, дружок, грамотный. Так ли?

Александр сказал, что арифметике тоже умеет.

– О! – удивился врач. – Откуда?

Александр ответил коротко: «Был мальчиком при барчуке. Но свою историю рассказывать не стал.

Врач не расспрашивал – он знал о мальчиках для битья – открыл обложку и подвинул книгу к Александру:

– Читай!

Александр стал складывать в уме слоги и читать название книги, невольно делая паузу перед каждым трудным словом:

– Сокращенная анатомия или руководство к познанию строения человеческого тела для обучающихся врачебной науке…

– Достаточно! Молодец! Умеешь читать. И писать тоже умеешь?

– Умею. В Кисловодске я писал солдатам письма.

– Хорошо! Будешь писать в больнице тоже. Нам окажешь помощь, и мы тебя вылечим скорее.

– Но мне нечем писать. Ни пера, ни чернил и неоткуда взять бумагу!

– Вот тебе ручка с металлическим пером. Наверное, таким пером ты ещё не писал? Сильно не нажимай! Ничего, будешь писать – научишься.

И главный доктор обратился к фельдшеру:

– Назарыч, нальёшь ему склянку чернил! Бумагу и конверты выдавай, когда спросит. Плату за них записывай в книгу, как обычно.

Назарыч, бинтуя ногу, пошутил:

– Саша, теперь смотри, чтобы мыши не съели клейстер вместе с ногой, – и добавил строго, – перо береги, вещь дорогая!

Иван Ефремович спросил Якова Фёдоровича:

– Определяем во вторую палату?

– Точно!

Посмотрел список, лежащий на столе, поставил в нем пометку и пояснил:

– Есть место! Иван Ефремович сделай милость проследи, чтобы выполнили всё, как надо, и, как только подсохнет,

отправь во вторую палату. Да, Назарыч, голубчик, не забудь забинтовать голову! И, пожалуйста не задерживайтесь оба! Опять ночь не спать! Ещё нас ждет чудесный вечер с пьяными, пострадавшими в преддверии праздника. Что-то ещё будет!

День заканчивался, и после высушивания повязки знакомый санитар привёл Александра в назначенную палату. Её обитатели, видимо, уже знали, что происходит.

Один солдатик с прибинтованной рукой, приплясывая, выступил вперёд и сказал:

– Смотрите, какой храбрый воин по имени Саша прибыл к нам! Он раньше не бывал в госпиталях. Приветствуем его с почином. Споем для него наше дружеское приветствие.

Все насторожились. Кто лежал, приподнялись. Продолжая плясать, солдатик вдруг пропел пронзительным дискантом:

– Братцы, бабы будут наши,
Увидав штаны на Саше.

Куплетец завершил неожиданным припевом:

– Люли, люли стояло!

Больные хором повторили:

Люли, люли стояло!

Жги! Жги! – закричал в восторге один страдалец. И вся компания, сидящая на постелях, стала притопывать и прихлопывать, будто собирались пуститься в пляс за своим солистом. Дружным хором подпевали припевы:

– Рады будут милочки
Войлочной подстилочке.
Припев
Придут серенькие мышки
Прогрызут ему штанишки.
Припев
Скажут: «Миленький дружок,
Видим сладенький сучок!»
Припев
«Ой-ёй-ей, – захнычет Саша. –
Что за жизнь такая наша?
Припев
Не хочу никак я, братцы,
Со зверюшками сражаться!»

В конце куплета солдатик как бы ненароком пропел неприличное слово. Слушатели захохотали, забыли петь припев, и повалились в койки, в восторге дрыгая кто ногами, а кто руками – тем, что уцелело.

Пожилой санитар, принёсший тюфяк с подушкой, одеялом и постельным, возмутился в сердцах:

– Оборзели, пропердоли убогие? Жеребцы непутевые! Не можете без сальностей? У вас что, мозги воспалились? Чушь несете несусветную, болезные. На беззащитного человека кидаетесь!

Донельзя возмущённый, санитар насмешливо заключил:

– Что вы запоёте, коли он письма для вас писать не станет?

Александр поспешил заверить, что он со всем своим удовольствием напишет безотказно завсегда. Этим ещё больше развеселил страдальцев.

– Он пописывает по ночам! – сказал один и все рассмеялись. Пока раненые смеялись, санитар велел:

– Свой мешок сдашь мне. Оставь только то, что тебе потребуется в палате. Что не потребуется – одёжу, сапог и прочее – сложи в мешок, чтобы сдать на сохранение.

Покажи, написана ли фамилия, – взглянул и одобрил. – Я снесу каптёрщику. Получишь назад, когда выпишут.

Новичку кровать определили у двери. Санитар помог постелить. После забрал вещмешок.

Александр узнал, что в госпитале жить – милое дело: забот нет нисколечки, только врач каждый день в одно время обходит и проверяет, все ли на месте и живы ли ещё.

Другой важный обычай – не забывать спрашивать «судно, утку и попить», когда случается крайняя нужда, а сам встать не можешь. «За лечением пожрать – никогда не забывать!» складно прибавил кто-то.

Оставленный в покое Александр подумал: «После узнаю, что такое «судно и утка». Это точно что-то особенное. Спрошу сейчас – непременно станут смеяться!»

Принесли ужин. Артельщиком был Степан, старый солдат. Он проговорил молитву и перекрестил горшок с едой. Все сказали: «Аминь!» и стали черпать за артельщиком по очереди гречневую кашу, приправленную постным маслом.

У Саши имелась деревянная ложка и медная кружка. Выпили по кружке чая, закусывая сухарём. Сказав благодарственную молитву, вышли на двор покурить.

Старший позвал: «Черке-е-с! Черке-е-сик!» Из-под крыльца вылез крупный щенок, завилял хвостом и попытался лизнуть руку дающему. Для щенка в миску положили остаток каши. В другую миску налили воды. Посидели, покурили, повозились с благодарным щенком. Сходили в отхожее место. Помыли горшок и руки в умывальне.

Двигать ногой с толстенным лонгетом было очень неудобно. Справиться с костылями помог Матвей, солдатик певец и плясун. Он сказал:

– Саша, готовься! На обед тебе дадут хаш. Ужас, какой противный! Но от него кости хорошо срастаются. Ты пробовал?

Саша был на него обижен и промолчал.

Приставучий Матвей всё-таки спросил, откуда Саша в армию попал. Оказалось, что Саша заволгский, а Матвей черниговский.

Вернулись в палату и, помолившись, легли спать. В углу перед иконой горела лампада. Артельщик проворчал: «Не напасёшься!» - и задул свечу.

Так Александр Симонов впервые оказался в госпитале для нижних чинов. Впереди был долгий месяц лечения. В госпитале ему нравилось. Было спокойно: ни тебе караулов, ни стрельб, ни учений и никакой работы. Особенно нравилось, что не унижали и не наказывали.

Он скучал по своей милой и доброй Аннушке. Посылал письма поварихе Прасковье Семёновне, знающей грамоту. Заранее договорился, что она будет читать письма Анне. Письма, сложенные пополам наподобие почтового куверта, надписывал «Кисловодск в ресторацию Найтаки Прасковье Семеновне госпоже Милоедовой» с припиской «для Анны».

Он писал: «Здравствуйте, дорогая Анна! Пишет Вам Александр Михайлович Симонов. Спешу сообщить, что у меня всё хорошо. Врачи нашли трещину в кости ноги. Она заживёт не скоро. Они говорят, что через целых два месяца. Я тебя всё равно не забуду. Ты не переживай и не ссорься с Ксеней, ради Христа. Она хорошая и только болтает ерунду. У меня всё слава богу. Еда

хорошая и работы нет никакой. Желаю тебе того же. Жди следующее письмо. Передай привет …».

Дальше на весь лист и немного на оборот шёл длинный список с приветами кисловодским обитателям, кого он мог вспомнить. Он стал делать так же, как делал солдатам, которые считали не по-людски забывать о родичах и друзьях.

Солдатские письма на почту носил фельдшер Назарыч. За гривенник он согласился относить в пятигорскую ресторацию письма, написанные для Анны. Оттуда передадут с оказией в Кисловодск для Прасковьи.

Прасковья читала письма Анне. Анна попросила показать, где написано слово «Александр». Вечером после молитвы она находила это место на листочке, гладила его пальцем и целовала. Ложась на печную лежанку, убирала под подушку.

Писать дорогим металлическим пером Александр приноровился, но гусиным пером было всё равно как-то сподручнее. В чтении писем он особенно поднаторел. Разбирал непонятное. Угадывал, наверное. Раненые перестали дразнить его и даже благодарили – кто даст яблоко, кто огурец, а кто и сладкую конфекту. Одаривали даже табачком.

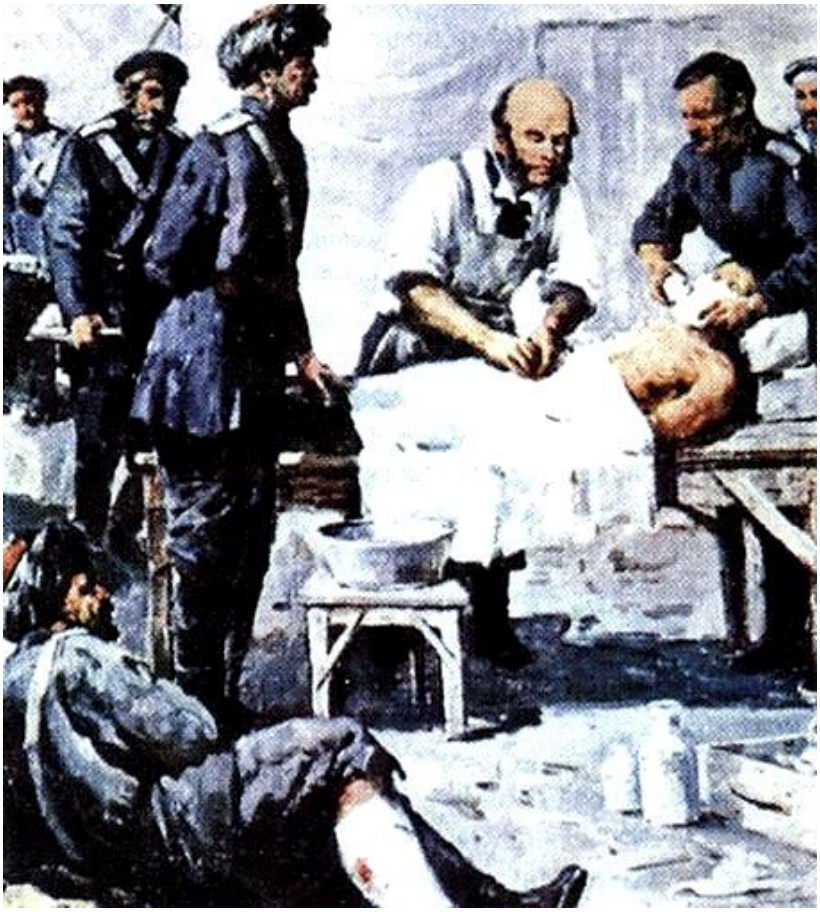
В конце лета стояла жара. Однажды вечером все вышли во двор и смотрели, как горел край Пятигорска. Сушь стояла и ветер поднялся, из-за чего пожар не могли никак остановить, и за ночь выгорело 26 домов, всё больше хибарки бедных людей. Госпитальные волновались и сочувствовали несчастным. Отчего пожар случился, так и не узнали.

Один ефрейтор, для которого Александр часто писал письма в деревню, стал ему настоящим другом. Известно, дружба и любовь приходят ниоткуда и без причины. Но лишь ум может подсказать, истинные ли они! Ум Александра был расположен к дружбе. Его новый друг лежал в гнойной палате, где выздоравливали редко. Часовня при госпитале была отлично устроена для отпевания.

На повторной операции другу отрезали ногу, чтобы остановить антонов огонь. Это было ужасно: крик и стоны слышались из операционной даже во дворе! Но проклятая гангрена продолжилась.

Когда вы сравните этот ужас, так сказать, с удобствами

современной хирургии, вы, без сомнения, поймёте душевное облечение, которое испытали врачи на Кавказе, когда увидели операции под эфирным наркозом, которые проводил перед ними Николай Иванович Пирогов в 1847 году.

Николай Иванович Пирогов оперирует на Кавказе раненого, усыпленного эфиром (неизвестный художник)

Вскоре врачи повсюду делали резекции под эфирной анестезией, применяли йодную настойку и крахмальные повязки. Уровень полевой хирургии сразу повысился.

Госпитали приблизились к местам сражений, и спасали ещё больше несчастных. Когда Александр узнал об этих успехах, он вспомнил друга и заплакал.

Как-то вечером Александра позвали к другу. В палате стояла вонь гниющего мяса. Священник за ширмой закончил соборовать умирающего и велел Александру подойти: «Зовет!»

Александр наклонился. Лицо друга горело. Он говорил с трудом, часто прерываясь:

– В трёх случаях действует тайное заклинание: в бою и в любви. Я проверил. Всё правда! Будь уверен! Только в бою мне не повезло. Второй раз оно не подействовало.

– Заклинание… – он замолчал, восстанавливая дыхание, и продолжил – Всуе сказанное не действует. Силу придаёт намерение души. – Я знаю…, – он замолчал от приступа боли.

Помолчал и, хрипло дыша, продолжил:

– Спасибо, Саша, что пришел. Целуй Николая Угодника. Он твой, – показал глазами на иконку на груди. – Передашь секрет хорошему человеку, когда будешь умирать сам! Наклонись поближе. Да исполнится по божьей воле!

Александр был уверен, что это был бред. Наклонился к другу. Перекрестил его, взял и поцеловал иконку. Умирающий прошептал что-то. И затих. Потрясённый Александр смотрел в бледнеющее лицо друга. Закрыл ему глаза.

Он не раз вспоминал его последние слова. Почему друг объяснил только два случая из трёх, в которых действуют заветные слова? Какой случай был третьим, Александр не мог догадаться. Но иконку, перекрестившись, надел на себя и носил на груди рядом с нательным крестиком.

Той же осенью подарок друга спас любимую Аннушку. Произошел неожиданный и невероятный случай, который переменил всю их дальнейшую жизнь.

На той войне, как много лет спустя, даже Кисловодск не остался в стороне.

Вечер в Кисловодске

В Кисловодске нарзанный неофит полковник Иван Петрович Бежитов заканчивал первый день без происшествий. После обеда отдохнул в снятом домишке.

Затем неспешно спустился вниз к прогулочной площадке у входа в парк. У большого камня перед гротом его ждал, как условились, шурин троюродного брата.

Полковник подумал: «Самая пора для *excellente promenade*

en plein air[1].» Он был в предвкушении – его ждала восхитительная прогулка вдоль реки в парке.

Истинный французский променад или терренкур, как его переименовали в начале следующего века, всегда начинался от того самого камня, у которого произошла эта встреча.

Рядом красовалась небольшая беседка, оборудованная в-гроте. Вход в беседку был облицован диким камнем, но в отличие от пятигорского грота Дианы внутри не было ни подпорных колонн, ни каменного стола.

– Любопытно, – заметил полковник, – этот сумрачный грот явно природный. Местные уверяют, что пещеру промыла вода, а красивая мозаика на стенах налеплена из окаменелых раковин, рыб и водорослей, найденных в окрестностях. Миллионы лет назад они жили здесь в море или в проливе между Понтом и Каспием. Теперь эти многозначительные геологические экспонаты красиво оформляют грот! – полковник любил аккуратность во всём.

В клубах ароматного табачного дыма больные люди сидели полукругом на диване, покрытом коврами. Сидящие пили неспешно кофей, будто сидели в стамбульской кофейне. А затем брали трубки с длинными чубуками, которые раскуривал и подавал слуга в феске, похожий на настоящего чубукчи.

Покинув грот, полковник и шурин вошли в парковую аллею. Она вела их над берегом быстрой речки Ольховой, играющей в каменистом русле.

Осматриваясь среди деревьев, полковник пытался понять, по каким правилам устроен парк. На первый взгляд, парковый стиль был похож на *garden*, английский парк. Кривые линии садовых планов подражали натуральному пейзажу, как полагалось в английской системе. Однако здесь не было *emerald green lawn with real turf*[2], но были сделаны бордюры, аллеи и другие французские удобства.

Пришлось признать, что посреди диких гор культурно соединились английский и французский идеи. Этот комбинированный парковый стиль он уже видел в столице.

---

[1] *превосходная прогулка на свежем воздухе (фр.)*

[2] *изумрудно-зелёный газон с настоящим дёрном (англ.)*

Осматриваясь среди деревьев, полковник пытался понять, по каким правилам устроен парк. На первый взгляд, парковый стиль был похож на *garden*, английский парк. Кривые линии садовых планов подражали натуральному пейзажу, как полагалось в английской системе. Однако здесь не было *emerald green lawn with real turf*[1], но были сделаны бордюры, аллеи и другие французские удобства.

Пришлось признать, что посреди диких гор культурно соединились английский и французский идеи. Этот комбинированный парковый стиль он уже видел в столице.

Набережная и над ней променад у речки Ольховой

Был бы он садовником с претензиями, то придумал бы особое название, но не азиатское, а непременно русское, потому, что он слышал и о японском, и о китайском стилях.

Деревья отцвели и ароматический запах не дразнил

[1] *изумрудно-зелёный газон с настоящим дёрном (англ.)*

обоняние, как на Горячих и Железных водах. Веял пряный дух травы. Чувствовалось контрастное действие жаркого солнца и охлаждённого воздуха. Бодрящая прохлада исходила от речки, прыгающей вблизи променада по каменистому руслу. Повсюду крутились водовороты и струились водопады.

Однообразный шум воды успокаивал. Ощущения были замечательные. Никогда прежде он не испытывал ничего подобного. Молодые деревья, свежий воздух, глубокие тени, яркое солнце и чистая вода – всё было пропитано святой мощью жизни. Казалось, что космическая энергия нежит полное сил помолодевшее тело, и душа сливается в окончательной нирване со вселенной.

Но полковнику помешал шурин. Он прежде был страстным охотником. Теперь иное. Заболев, забросил охоту. Стал необыкновенно докучлив и приставал ко всем с рассказами о своих былых удачах. Как только он начал вспоминать, Иван Петрович поспешил опустить мысли из космоса на земную стезю. Защищаясь, мгновенно рассказал «бородатый» охотничий анекдот.

Бежит Заяц по лесу, а навстречу ему хромает полевой Заяц. Лесной спрашивает полевого: «Бедненький! Охотники подстрелили?» «Нет, – отвечает раненый, – наступили».

Улыбнувшись, шурин откликнулся восточной шуткой. Байбак[1] сидит у норы и наблюдает, как идет облава на верблюдов. Мимо бежит заяц: «Спасайся! – кричит байбак, – а то схватят! Доказывай после, что не верблюд!»

Полковник на это ответил старинной басней. Глупый заяц расстраивался: «Обидно то, что меня косым называют!» Решил стать как все. «Не туда смотришь!» – сказал Орел и, не заморачиваясь, схватил новатора. Мораль – всему своё время и место.

Оба пешехода не стали обсуждать достоинства разносторонних взглядов у орлов и зайцев, а продолжили анекдотическую прогулку. Иногда они сбивались на детские сказки о зайцах. Тогда им становилось почти по-детски весело, и они не заметили, как завершили *promenade cinq fois*,

[1] *полевой сурок*

назначенный врачом. Наконец, перед ними появился нарзан.

Принялись пить целебную воду. В перерывах разговоры продолжились. Довольный успешным завершением прогулки, полковник вспомнил персидский поход вместе с Денисом Васильевичем Давыдовым. Поэт-генерал в памятной ермолке[1], простецкий в обращении, рассказывал, как лечились на Водах, когда здесь не было цивилизации. Жили в шалашах и в калмыцких кибитках. К нарзану пробирались по дорожке из грязных камней, черпали донцем разбитой бутылки.

Шурин сообщил, что Дениса Васильевича отправили в отставку генерал-лейтенантом. В свете злословили, будто Давыдов на радостях «качает-валяет» чаши с аракой[2] в своей симбирской деревне. Собеседники решили, что это ложь, которую пустили гулять по свету из зависти.

Шурин поинтересовался:

– Любопытная у тебя трость! Даже с арабской надписью.

И бесцеремонно спросил:

– Это персидский трофей? Дай-ка взглянуть.

Полковник подал и объяснил:

– Эта трость не из похода. Утром купил в балаганах. Там были ещё более украшенные. С резными рукоятями.

Шурин заинтересовался:

– У кого ты купил? Я не видел!

– У грузина, который продавал оружие.

– Грузина не было, – сообщил шурин. – Посмотрю завтра. Сегодня я проспал всё на свете!

Помолчал, расстроенный, и спросил:

– Знаешь, что тут написано?

Полковник сказал:

– Как будто стихотворение Хафиза: «Равны перед богом и гуляка и постник, но лучше найти тарикат в добрых делах».

И пояснил:

– Странный попался купец, – всё знает, даже персидского поэта Мухаммада Хафиза из Шираза! Объяснил, что тарикат –

---

[1] *круглая шапочка, прилегающая к голове*

[2] *самогон (перен.), восточная водка*

это путь искреннего поиска бога. Читал мне надпись, знаешь ли, по-арабски!

Шурин предположил:

– Возможно, этот купец – член или учитель религиозного братства тариката. У суфитов их множество. Одно даже помогает Шамилю дисциплинировать мюридов.

– Видел я мусульманских святых людей, – поддержал разговор полковник, – называются дервиши. По внешности похожи на наших блаженных или нищих отшельников, но по сути они не безумцы, а умные и знающие проповедники.

В ответ услышал поучение:

– Иван, 600 лет назад при Хафизе, если хочешь знать, братств тариката не было, а были школы – наставник и ученики, для которых тарикат, действительно, означал личный путь служения богу. Стать праведным человеком одному и без поддержки было трудно. Поэтому ранние магометане относились к гулякам терпимее, чем современные.

Слушая эту лекцию, полковник подумал:

– Истинно, шурин -- проповедующий философ на прогулке. Для полноты картины не хватает хитона и сандалий.

Собеседник заметил молчание полковника и, удивленный, закончил свою познавательную речь:

– При Хафизе путь к богу был короче и прямее, а религиозные вожди мягче и мудрее. Поэт призывал не отказываться от земных радостей и сам не отказывался от них.

Зазвонил колокол, – подошло время купания, и полковник с радостью отправился принимать ванну.

Крыша ванного сарая выступала вперед на столбиках и прикрывала входы на случай непогоды. Полковник предъявил билет. Служитель открыл номер. Овальная деревянная ванна вровень с полом уже была выложена белой простыней и наполнена лечебной водой.

Полковник по-солдатски быстро разделся, отодвинул занавеску, сошёл по ступеням и погрузился в ванну. Его кожу тут же покрыли пузырьки газа. Разгорячённому телу было непередаваемо приятно.

Довольные возгласы курсовых слышались через суконные перегородки, разделявшие номера. Кто-то в отдалении

капризно выговаривал служителю, что вода холоднее, чем у него в домашней ванне.

Полковник расслабленно думал, что здесь лечат, а не моются. Было покойно. Шло время и, наконец, показалось, что газа в нарзане стало мало. Вспомнил, как один немец собирается тратить газ от нарзана, чтобы насыщать молоко и делать лекарство. Он стал обдумывать эту затею.

Тут служитель оповестил об окончании сеанса. Полковник взял чистую простыню с кушетки, вытерся и оделся. Когда он покинул сарай, донесся звон колокола.

Наступил вечер. Чувствовалась прохлада в воздухе. Утомлённый полковник неспешно двигался домой и наблюдал, как сытая скотина возвращалась с горных пастбищ. Слободские хозяйки, ласково приговаривая, впускали животных во дворы.

За стадом ехали два вооружённых пастуха. Поводы свисали. Нужды в них не было, кони хорошо знали дорогу домой. У переднего перед седлом лежала тушка косули. Чудеса! В Кисловодске дичь добывают даже пастухи!

Пастух играл на дудке бесконечную мелодию песни «Во саду ли, в огороде» [1], вызывая хозяек на улицу. Длинный кнут чертил пыль дороги. У заднего пастуха тренькала в лад балалайка, а из седельной торбы блеяла голова ягнёнка. Натуральные Орфеи с ружьями!

Следом солидно шагал крупный кобель кавказской породы, восхитивший полковника грубым экстерьером. «Такой сторож, точно, возьмёт волка!» – подумал полковник.

Барабан в крепости пробил вечернюю зорю. Откликнулся колокол реставрации. Солнце зашло за гору. Однако небо над Кисловодском продолжало светиться. Наступили сумерки – время приготовлений к ночному покою! Птицы затихли. Из пещер и лесов бесшумно полетели летучие мыши.

Померк сияющий Эльбрус. Над сгущающейся тьмой появились бледная луна и первые звёзды.

Лицо полковника погладили последние дуновения дневного тепла. На бал Иван Петрович не пошёл. Бальные танцы не

---

[1] Во саду ли в огороде

вызывали у него восхищения.

Он был стар и мудр, и видел жизнь такой, какая она есть. Под гром оркестра раскрывались людские пороки, но не благородство. Ещё в Пятигорске он убедился, что курсовые пьют шампанское без меры и пляшут неописуемо. Польские танцы ни на что не похожи, а контрдансы давно забыты!

Хата (Ярошенко Н.А., этюд 1881 г.)

Мозги кружатся от шумных вальсов, увлёкших всю Европу и соблазнивших Россию после Венского конгресса. Неприлично обнимаются. Делают вид, что радуются.

А галоп? На то они и немцы, чтобы придумывать обезьяньи «ужимки и прыжки». Он подумал, что даже кадриль лучше галопа! Не исключено, что в будущем всё переменится и нельзя будет отличить, кто скачет, – обезьяна или человек.

Признаться, приятнее видеть танцы местных жителей, особенно лезгинку, зажигательную как гопак или барыня и даже трепак. Но местные своё не ценят! Бессовестное и бесстыдное обезьянничанье заставляет забыть родные развлечения на радость пришлым!

Полковник расстроился от критических мыслей. Он обнаружил, что незаметно дошел до дальнего бастиона. Входя в снятую хибарку, решил не думать о танцах.

Его ждали. Он вымыл руки и умылся над тазом под струйкой воды, сливаемой из кувшина преданным Осипом.

Облачился в поданный зелёный шелковый халат со шнурами. Привычно подпоясался и надел вязаные следки. Щёточкой расчесал перед зеркальцем усы. Причесал волосы и надел ночной колпак.

Сел к столу и принялся, не откладывая, строчить письмо домой. Приходилось торопиться, так как экстрапочта уходила из Пятигорска в субботу.

Осип в это время почистил господское платье, устроил постели и принес ночную вазу.

Жан-Пьер согрел на спиртовке котелок. Подал стакан любимого бордоского медка. На тарелку положил баранины ровно столько, сколько барин мог пожелать. Полковник сказал: «Спасибо!».

К чаю Жан-Пьер положил кусок пирога. Как только барин поставил стакан и вытер усы, спросил: «Ещё чаю, ваше высокоблагородие?» В ответ услышал: «Не стоит, дружок!» Значит, барин сыт и пришёл в добрый настрой.

Осип принял салфетку, которой утирался барин, и подал разожжённую трубочку с табаком. Полковник, покурив, справив нужду и помолившись, отправился спать.

Курсовая ночь

Слуги доели баранину. К пирогу выпили по два стакана чая. Набили свои трубочки, молча и не спеша. Покурили. Осип убрал посуду, стараясь не греметь.

Жан-Пьер прикрыл крышкой походную чернильницу господина, вытер и спрятал в пенал бронзовое перо и палочку.

Увидел письмо. Он практиковался в чтении по-русски на рукописном и печатном. Успехов было мало, но он не отступал. Листок на столе он прочитал с трудом. И понял сочувственно, что автор описывает томление души:

«Вокруг меня край невообразимой красоты. Едва взгляну я

на эту картину, какое-то грустное чувство гнетёт и расширяет сердце. Мысль о тебе сливается с ним и, будто во сне, убегает от меня твой образ.

В какой прекрасной гармонии был бы твой несравненный облик среди этой сказочной природы и какое бы земное блаженство испытал я? Ах, почему тебя нет здесь! О бесценная, добрая, ангельская душа! Один взор твой – и я исцелён! Как счастлив я буду, излеченный, приветствовать тебя от всего сердца»[1].

Повернувшись на красный угол и крестясь на икону правой рукой вправо[2], Жан-Пьер стал на колени и забормотал молитву на латыни.

Разделся, затушил свечу и устроился на постели на полу. Осип, лежавший рядом, отодвинулся. Ему предстояло вставать раньше всех и делать завтрак.

Жан-Пьер мечтал о романтической встрече с поварихой и пробормотал:

– *Quelle belle aux yeux bleus blondinotchka! Dois-je faire connaissance*![3]

Шёпотом перевел слова и пояснил Осипу свое намерение.

– Э, – ответил Осип. – У тебя ничего не выйдет. Твой французский котелок не знает здешних обычаев. Первое дело – никто не знакомится без подарков, второе – лишь невежи возвращают пустым то, что было наполнено.

Перед тобой не Франция, а Кавказ. Тут за презент благодарят не словами, а бакшишем! Вот и будет твоей башке кавказский афронт!

Барин проснулся и внятно произнёс:

– Спать, а не то на конюшню пошлю!

Осип захрапел, а Жан-Пьер долго думал, что положить в

---

[1] *по повести А.А. Бестужева-Марлинского «Аммалат-бек».*

[2] *Во время молитвы бог у христиан находится справа. При крестном знамении правая рука взмахивает в конце по-разному: у католиков – направо, у православных – налево. В сакральном смысле: бог, что в человеке, обращается к миру или бог направляется извне в человека.*

[3] *Какая прелестная голубоглазая блондиночка! Я должен познакомиться! (фр.)*

котелок, и не понимал, почему Осип путал голову с котелком. Наконец, вспомнилась поговорка *la nuit porte conseil*[1]. По-русски звучит тоже неплохо: «утро вечера мудренее».

Успокоившись, Жан-Пьер уснул и увидел во сне, что он подносит в котелке букет цветов красавице-поварихе, а та, удивленная, улыбается ему поощрительно.

В кухне натрудившаяся повариха Прасковья получила меню на завтрашний день от Алексея Петровича, оставшегося за хозяина. Она прочитала и мысленно одобрила.

Когда он ушёл, налила винца, выпила, попрощалась с Анной и отправилась домой, подхватив на коромысло два ведра с помоями для свиней.

Измученная помощница Анна перемыла, вытерла и убрала посуду, столовые приборы, горшки, кастрюли и сковородки. Выстирала и развесила полотенца и тряпки. Выставила грязную воду за порог. Подмела пол.

Убедилась, что очаг и печь потухли и задвижки дымоходов выдвинуты. Теперь не угорим! Поправила фитиль и долила деревянное масло в лампаду. В ночник залила для пробы новое мутно-жёлтое масло, которое недавно начали делать из семян подсолнухов.

Закончила лить масло, и посмотрела на брата, крепко спящего на печи: «А братик любит картофель! Когда чистит горячие клубни, дует на пальчики, и приговаривает, что у толстячков жгучие мундирчики. Клубень с наростами в виде головки и ручек для него таинственная живность!

Любо ему играть палочками да верёвочками. Предложу вставить палочки в картофелину наподобие ручек и ножек, и пусть додумывает сам, что за игрушка получилась.

Как я люблю своего братика! И он меня тоже. Если видит, что мне трудно, поддерживает, как взрослый. Скажет: «*Тримайся, сестричка*![2]» И старается помочь, приговаривая маминым словами: «*Нічого, разом ми впораємося*![3]» Ах, мой милый братик, как я тебя люблю!»

---

[1] *ночь – врата решения (фр., букв.)*

[2] *Держись, сестричка! (укр.)*

[3] *Ничего, вместе мы справимся! (укр.)*

Занимаясь вечерними делами, Анна размышляла не просто так. Покойная матушка советовала обдумывать прошедший день, чтобы не досаждать всуе господу. Помощница зажгла ночник, потушила шандал и стала на колени.

Земными поклонами помянула родителей. Шёпотом пожелала благополучия родным. Покаялась и пообещала помириться с горничной Ксеней.

Закончила мольбы к богу, бережно подвинула брата и улеглась рядом. Сказку рассказывать не стала: брат не проснулся. Ни музыка, ни шум бала его не разбудили.

Анна лежала и никак не могла успокоиться: «Но Ксеня не права! А Сашенька – справный солдат и стреляет лучше других. Даже Нефёдыч хвалил его за то, что хорошо поёт! Заслушаешься!

Дружочку не повезло. Стоял над ямой, выкопанной для отхожего места. Край, возьми, и обвались! Миленький и полетел. Ловко так, – головой стукнулся о камни, а повредил ногу! Голова оказалась крепче ноги. Нога опухла и болит.

Повезли горемычного в лазарет. Как доктор сказал? А, помню! На конвульсию! Помоги, матерь божия! Богородица, дева, радуйся! Благословенна ты в женах». Пошептав молитву, успокоилась и заснула, будто провалилась в небытие.

Зал ресторации сиял множеством горящих свечей. Пространство перед фасадом и возле лестницы освещали ряды плошек с горевшим маслом. Из раскрытых окон и дверей разносилась громовая музыка военного оркестра.

Господа и госпожи забыли советы докторов и не ложились спать до одиннадцати. Причёсанные, в вечерних нарядах, в пудре и в аромате французских духов они расположились по краям зала и в буфетной. Танцевали в середине зала. Танцоров направлял криками дирижёр танцев.

Не обращая внимания на эти крики, отдельные разгоряченные танцоры выходили на балкон и наслаждались прохладой или спускались по лестнице в темноту парка в поисках уединения вдвоём. Поселенцы вместе со слугами и служанками заглядывали в окна.

Они иногда по милости господ бывали в самом зале на

представлениях, которые устраивали приезжие артисты. Сейчас особые господские манеры и наряды представляли для них почти личный интерес. Такова природа зевак: они с завистью глазеют на недоступное. Если даже оно обычное.

В одиннадцать часов почти догорели свечи, и распорядитель объявил, что бал закрыт. Все знали здешние порядки и, не возражая, отправились на ночлег.

Бытовые препятствия их не смущали. В Кисловодске не было уличного освещения. Кое-где тускло светились окна. Найти тропинки помогали слуги с масляными фонарями и луна. Господа оступались. Увлечённые разговорами кавалеры ругались. Дамы вскрикивали. В подворотнях лаяли собаки.

Капельмейстер и музыканты с инструментами вернулись молчаливым строем в крепость. Им было проще, чем курсовым, – они свой путь освоили основательно.

Когда посетители ушли из ресторации, Алексей Петрович достал блокноты и стал записывать в книгу дневной оборот.

Буфетчик быстро привёл в порядок буфет. Усталая обслуга убрала огарки, почистила светильники и вставила новые свечи. Вымыла полы. Грязную воду и отхожую жидкость вылили в речку и сполоснули бадьи. Расставили столы и стулья. Заменили скатерти, салфетки и полотенца. Закрыли окна. Затушили плошки вокруг дома. Попрощались и ушли.

С балкона ресторации Алексей Петрович Найтаки смотрел на красоту ночного Кисловодска. Благословенный покой разлился по кисловодской котловине и по горам. Высоко в черном небе стояла полная луна, окружённая мерцающими точками бесчисленных ярких звёзд. Холодный свет лился с небес на Кисловодск, и не мог преодолеть черноты ущелий. Часовые прокричали протяжное «Слушай!»

В темной низине негромко шумела текучая вода. Огромными волнами вздымались деревья парка. На неровном склоне в обманчивом лунном свете беззвучно плыли белые домики слободы, будто корабли в кильватерном строю. Наверху, в крепости, одно окно слабо светилось. То комендант Никанор Иванович припозднился, как обычно.

Алексей Петрович вздохнул, погладил бакенбарды и подумал: «Мать и Маруся давно уже спят. Мать и отец сделают

всё, чтобы Маруся родила без происшествий. Могу на них во всем положиться! Помолюсь и лягу! В пять открывать ресторацию. Днём приедут Хасновы. Встречу любезно, как велел отец. Хорошо, что станичные привезли козлов, освежевали и положили на холод».

Он закрыл и запер парадную дверь. На сон осталось меньше четырёх часов. Пришла ночная тишина.

В слободе полковник Иван Петрович Бежитов смотрел второй утренний сон. Ему привиделись поминки о друзьях декабристах. Утром его офицеры сидели, как привыкли в жизни за общим столом, и покойный майор, прозванный Астрономом, говорил заплетающимся языком прощальный тост перед выступлением отряда:

– Древние греки смутно представляли себе Арктику и медведей и поэтому созвездие Большую Медведицу называли Арктосом, то есть мифическим «северным медведем».

Наши чумаки видят на небе телегу вместо медведя, и бесконечный Чумацкий тракт вместо Млечного пути[1]. Каждый видит своё. И не скажешь, что не верно!

Для нас созвездие никакая не медведица и не телега, а любезный сердцу ковш для вина. Не правда, ли? Офицеры, уже осоловевшие, дружно подтвердили: «Истинно, правда!».

Майор указал на пустое небо кружкой:

– Боги благословляют воинов на питие, и мы не огорчаем богов потому, что знаем меру! Небесные заступники нашего полка юные страстотерпцы Борис и Глеб благосклонно смотрят на нас с Луны. Верно, друзья?

Все вспомнили полную луну, покрытую знакомыми пятнами, и сказали: «Верно!» Последовало заключение:

– Под одобрение небес нальём последний ковш, чтобы, наконец, согреться и поблагодарить Аллаха, что на суровом Кавказе не бывает арктических морозов!

Оратор разлил остаток напитка из котла. Показывая черпаком на небо, нечаянно окропил влагой небеса и всех, кто подвернулся под руку:

---

[1] *под крики «цоб-цобе» везли на волах в крепких фурах зерно и другое в Крым, продавали, а обратно вывозили соль, рыбу и прочее.*

– Отправляясь в дорогу, поместим пять заветных ковшей точно над Большой Медведицей. Аккуратно друг на друга, чтобы не потревожить созвездие Дракона. Перед вами откроется знакомая Полярная звезда.

Вот она, любезная, сидит на краю пятого ковша! Подобно греческому Ментору помогает найти правильные пути во мраке, упавшем на отечество!

Привал кавалеристов (Ковалевский П.О., 1874 г.)

Офицеры уловили намек на альманах «Полярная звезда» и на декабрьское дело 25-го года: когда повесили пятерых зачинщиков бунта. Пирующие сдвигали с ними когда-то ковши! В том году – подумал во сне полковник - исполнилось десять лет!

Завладев общим вниманием, майор поднял кружку:

– Время, друзья! За отечество и за нашу путеводную звезду!

Дружно выпили. Майор знал, что неполные кружки –

плохая примета перед боем. Более наливать кружки не стал, а выплеснул остаток из котла на землю, проговорив: «Божественная звезда, прими приношение от воинов, идущих в бой! Сохрани нас и помилуй!»

Наступила общая тишина. Полковник достал карту и привязал к местности:

– Точно, ёксель-моксель! Отличные были ковши, кивер набекрень!

Высылает вперед дозор и зовёт лучшего трубача. После певучего сигнала «под штандарты» начинает распоряжаться, украшая команды вторым русским языком, чтобы вселить бодрость в подчинённых.

Командует:

– Садись! – оглядывает садившихся в сёдла. – Сущие сонные кентавры, туды твою в качель!

Дождался, когда сели:

– В колонну по два! Не зевай! Рысью! – и после паузы – Марш!

Гремит барабан. Походная рысь радует вороного Бурана. Когда отряд пошёл на рысях, полковник приказывает: «Песню! Запевай!». Кентавры дружно грянули о воинской судьбе: «Песни гусарские лихо поются...». И окончательно проснувшись, пропели слова: «И, может быть, завтра уж бранное поле украсится новым холмом». Повторили пропетые слова и продолжили песню. [1]

Пророчество сбылось, -- завтра многие погибли. Старый воин, покрытый боевыми шрамами, смотрит второй утренний сон о былом, о покойных друзьях-гусарах и любимых конях, слышит бряцанье оружия и топот коней, отдаёт шенкеля и чувствует всем телом привычный аллюр.

Полковник Иван Петрович Бежитов сладко похрапывает в слободской лачужке, будто не было ни восстания, ни войны.

Схватка у водопоя

Оглядевшись, черкесы Али и Аслан двинулись в сторону

[1] Песни гусарские лихо поются!

горы Болван по краю зелёной лощины, где мог быть родник. Скоро нашли, но там три вооружённых казака поили овец.

Черкесы переглянулись и поняли друг друга. Никто не должен был даже думать, что они побывали в этом краю. Нельзя было, чтобы признали в них разведчиков. Должны считать, что они простые торговцы, которым нужно лишь одно – продать с выгодой товар в городах. Ещё лучше будет, если сочтут, что в этом краю их не было совсем.

Не допустимо было рисковать жизнями старинных кунаков в аулах, где они находили помощь и прятались в случае необходимости. В прошлый раз, когда они напали на Ессентукскую станицу, Али убедился, как важно иметь хотя бы одного друга, хорошо знающего местность.

Для Али и Аслана это означало – свидетелей встречи у водопоя не должно остаться! У них не было никаких сомнений, что с ними поступят так же, если они замешкаются. Оба заранее сговорились, что в случаях, когда быстрота решала всё, действовать начинал Аслан, а разрешающий сигнал подавал Али. Аслан был сильным бойцом, а Али – опытным.

Не задерживаясь, они направились прямо к казакам. Двое казаков были верхами. Третий, спешенный, черпал воду ведром из родника и выливал её в деревянную поилку, куда мордами уткнулись овцы. Казак прекратил своё занятие и внимательно посмотрел на подъезжавших незнакомцев.

Али спешился и подошёл. Поздоровался. Казак спросил:

– Кто такие? Куда путь держите?

– Мы купцы из Тифлиса, урядник. Торгуем грузинским и всяким другим оружием с разрешения начальства. Нам настоятельно посоветовали отвезти товар в отдалённую Нальчикскую крепость. Начальник сказал, что оружие купят в крепости за хорошую цену. Мы надеемся заработать.

Сначала хотели продавать в Пятигорске. Ты, конечно, знаешь, там хороший базар. Но начальство посоветовало Нальчик. Что поделаешь? Хотя и говорят, что купцы – люди вольные, но это неправда: мы, как и вы, люди подконтрольные. Слушаемся начальников. Рассердятся – не разрешат торговать, а нам без этого нельзя. Кто будет кормить наши семьи? Не голодать же нашим маленьким деткам?

Казаку надоели непонятные разглагольствования торговца, произносимые с сильнейшим акцентом. Он грубо спросил:

– А проезжий лист есть?

– Канечна, началник. Сычас дасатану! Не извол волнаватца! У нас бумаг бывать завсегда в парядкэ, – Али полез сначала левой рукой за пазуху чохи будто в поисках и наблюдал краем глаза, как Аслан подъезжает -- достаточно ли приблизился к верховым казакам.

Затем стал шарить правой рукой под одеждой и приговаривал с громкой досадой по-русски и по-грузински. Грузинские слова были сигналом:

– Где ж он? *Ме месмис*![1]. Панэмаю! Ищу! *Ар арис дро*![2] Чтоб тебя, провалился. Где же? Тут был. Да где же он? Спешу, спешу! Он застрял. *Ахла*[3]*!*

Аслан уже приблизился к казакам. Оттуда прогремел пистолетный выстрел. И Али провёл быстрое атакующее движение.

Кинжал у него был не длинный и повернут на поясе, как у всех горцев, рукоятью к правой руке, но конец ножен Али не подвешивал к поясу, и он болтался свободный. Поэтому ножны поворачивались и не мешали вынимать оружие любой рукой.

Али быстро вынул правую руку из-за пазухи и двинулся прямо на казака. Но вдруг выхватил кинжал левой рукой и уколол, исполнив заодно четверть оборота телом и короткий шаг вправо.

Как известно, в горах укол кинжалом в поединке позорит джигита, но против русских укол не считался бесчестным действием.

Казак увидел быстрое движение правой руки из-за пазухи и привычно ударил кинжалом перед собой. Не попал. А лезвие противника беспрепятственно проникло ему под поднятую правую руку в живот. Казак охнул и согнулся.

Али вытащил кинжал, перебросил его в правую руку и со всей силой ударил казака по шее. Тот свалился, не издав ни

---

[1] *Я понимаю! (груз.)*

[2] *Нет времени! (груз.)*

[3] *Сейчас (груз.)*

звука.

Третий казак сорвал с плеча ружьё и стал его наводить.

Аслан был певцом и голос у него был мощный. Он, не теряя ни мгновения, изо всех сил прокричал боевой клич *хей* и швырнул свою папаху прямо в морду лошади казака.

Кто кого? (Ф.А. Рубо, 1905 г.)

Лошадь отпрянула. Грянул выстрел, и пуля пролетела мимо. Этот рискованный и отлаженный приём у горца был успешен не

впервые.

Казак, яростно ругаясь, швырнул ружьё, повернул лошадь и помчался прочь, вытаскивая шашку.

Аслан сбросил повод вьючной лошади с луки седла, ударил своего скакуна пятками и поводом. Тот сразу пошёл в широкий намёт.

Говорили, что Аслан знает колдовские заклинания, а некоторые верили, что он колдун. На скачках ему достаточно было наклониться к уху своего Мийцара и что-то прошептать, как конь прибавлял ход и, бывало, выигрывал.

Когда Аслана спрашивали, что он говорит коню, он шутил: «Я ему говорю: «Прибавь, а то шкуру сдеру!» Он мне верит и делает, как я скажу. Попробуй и ты со своим конём. Если он поверит, то исполнит приказ из последних сил.

Важно убедить животное, чтобы оно поверило человеку. Нужно быть красноречивым. Вот для этого я сочиняю речитативы к священным танцам, которые понимают даже кони».

Слушатели смеялись, хотя не знали, шутит поэт или говорит всерьёз.

Аслан наклонился к голове коня и прошептал. Конь понёсся бешеным карьером. Меньше, чем через две сотни саженей, он догнал казака.

Казак начал прижиматься к Аслану, готовя смертельный удар шашкой. Когда она пошла на замах, Аслан пригнулся и выстрелил из второго седельного пистолета. Рука казака упала и выронила шашку, повисшую на темляке. В следующее мгновение кинжал Аслана сбросил казака на землю.

Аслан подъехал, спешился и добил противника. Сел на коня и поехал искать папаху.

Когда Аслан вернулся, Али увидел разрез на рукаве черкески, ниже которого всё пропиталось кровью.

– Э, да тебя зацепила казачья шашка – сказал он. – Подожди, сейчас остановлю кровотечение. И крепко по рукаву обвязал руку поясным ремнем.

Набрал в кувшин родниковой воды, подал попить раненому, нашёл в стаде курдючного барана, взвалил на круп ведомой лошади и привязал арканом.

Али отрезал подол от рубахи убитого казака и сделал поддерживающую перевязь для руки раненого. Потом перезарядил пистолеты.

Сели в сёдла и поехали по следу отары овец. Надо было убираться с места стычки и запутать след. Переправились через небольшой ручей, немного проехали и остановились. Али сказал: «Баран, без сомнения, пригодится». И зарезал барана.

На тряпочку сложил рулон холстинного бинта, иглу, кожаный мешочек соли, кувшинчик, коробочку с бальзамом и нож. Отрезал у лошади семь волос из гривы. Снял с Аслана черкеску и рубаху. Осмотрел кровоточащую рану.

Понял, как оперировать. Во время операции человек для него не отличался от барана: тело почти такое же, только шерсти нет, сидит на задних лапах и морда приплюснута не с боков, а спереди. В обоих случаях Али действовал точно.

У барана вырезал курдюк и отделил полоску курдючного сала. Срезал большой кусок шкуры с живота. Протер пальцы, нож и кожу тряпочкой, смоченной бесцветной жидкостью из кувшинчика. Очистил рассечение человеческого тела. В рану поместил полоску сала вместе с турундой, скрученной из тряпочки, посыпанной солью.

Тщательно протерев иглу и конский волос жидкостью из кувшинчика, пришил лоскут тела. Сверху своё шитьё обильно обмазал бальзамом из коробочки. Обмазанное место завернул в ещё теплую баранью кожу и забинтовал, приговаривая: «Будем молить Всемилостивого одобрить наше лечение».

Аслан терпел и молчал. Лишь бледное лицо покрылось испариной от страшной боли.[1]

Али убрал лечебную шурумбурду на месте операции. Ничего не оставил. Барана спрятал под берегом. Скинул в воду даже навоз.

Помог Аслану сесть на лошадь. Ехали долго. Остановились, когда ручей расширился до речушки.

Али зашил дыры в черкеске и бешмете Аслана. Постирал и разложил на кусте сушиться. Обмыл и напоил лошадей.

---

[1] *способ лечения ран, засвидетельствованный Н.И. Пироговым (Отчёт о путешествии по Кавказу, С.-Петербург, 1849).*

Привязал, боясь, что их сманит косяк, пасшийся неподалеку.

Адыги костёр не разводили. Сказали «*Бисмиллях!*[1]» и поели сырого курдючного сала. Они знали о его целебных свойствах и приятном вкусе! Часть отложили на завтра. Выпили воды из кувшина. Совершили *ишу*[2].

Звёзды сверкали ярко. Перед тем, как лечь спать, Али показал Аслану, где будет находиться в полночь линия, соединяющая *аль Киблах*[3] со звёздами *Дубхе* и *Мерак*[4]. Ему помогали ориентиры на горизонте.

Вчера он заметил, где находилась эта линия после заката. Сегодня присмотрелся, где исчезала с рассветом. Среднее положение линии указывало на полночь.

Показывая звёздное правило, он незаметно учил молодого Аслана определять время суток и своё положение на земле, а не только находить направление на святыни Мекки. Учить на практике – способ учения, как известно, наилучший.

Первым лёг спать Али. Завернулся в бурку и велел разбудить себя в полночь. В этой точности не было необходимости, но надо было чем-то занять раненого.

Он проснулся и некоторое время незаметно наблюдал за молодым товарищем. Тот, постанывая от боли, поддерживал здоровой рукой раненую и монотонно раскачивался, рассматривая звёздное небо.

Когда Али стал подниматься, Аслан уже не раскачивался. Звездная линия на небе указывала на полночь. Али внимательно оглядел местность. Всё было, как прежде, тихо и безлюдно. Ничего подозрительного! Он завернулся в бурку и, подогнув колени, сел сторожить.

Его товарищ заснул не сразу и во сне стонал. Али знал, что рука опухнет. Если опухоль начнет уменьшаться на третий день, то всё будет хорошо.

Но, если это не произойдёт, придётся отрезать руку. Тогда ему не быть музыкантом, который восхищает людей, но в

---

[1] *Именем Аллаха! (араб.)*

[2] *молитва, последняя за день*

[3] *Полярная звезда. По ней определяют направление на Киблу (Мекку)*

[4] *звёзды α и β ковша созвездия Большая Медведица*

каждом доме он останется желанным *хафизом*. Али относился к ранениям философически, как деловой человек. Среди издержек находились неизбежные ранения. Они мешали делу.

Али вздохнул и велел себе:

-- Не буду думать о плохом, но стану при каждом намазе усердно молить Всевышнего о помощи. Возложу надежды на Великого и Милосердного.»

Помолившись, Али продолжил размышлять:

-- Смерть – штука странная. То есть, все знают, что она придёт, однако, когда и как это случится, точно известно одному *кисмету*[1]. Люди убивают не просто так. Ведь сила богов бесконечна, и они могли бы отнимать жизнь, когда пожелают. Значит, когда мы убиваем, верховный бог адыгов *Тха* нас одобряет. Надо признать, что нашему разуму намерения богов понять не дано. Пусть всё идёт, как шло. Не будем перечить небесной воле! Аллах Непобедимый поможет.

Как ловко мы разделали этих казаков! Пусть ждут своего императора на том свете. Его бы тоже туда отправить! Жаль, что Аслана зацепило. Как говорят русские: «Замах рублёвый, а удар ...». Тут Али мысленно произнес крепкое русское словцо.

Так или приблизительно так оправдывал Али свои очередные убийства, обращаясь к богам, в которых он верил. Правда, он мог и вовсе не оправдываться, а просто без рассуждений считать убийства делом праведным.

Ведь он был опытный законченный разбойник и умный человек. Но не мудрее законов времени, в котором он жил.

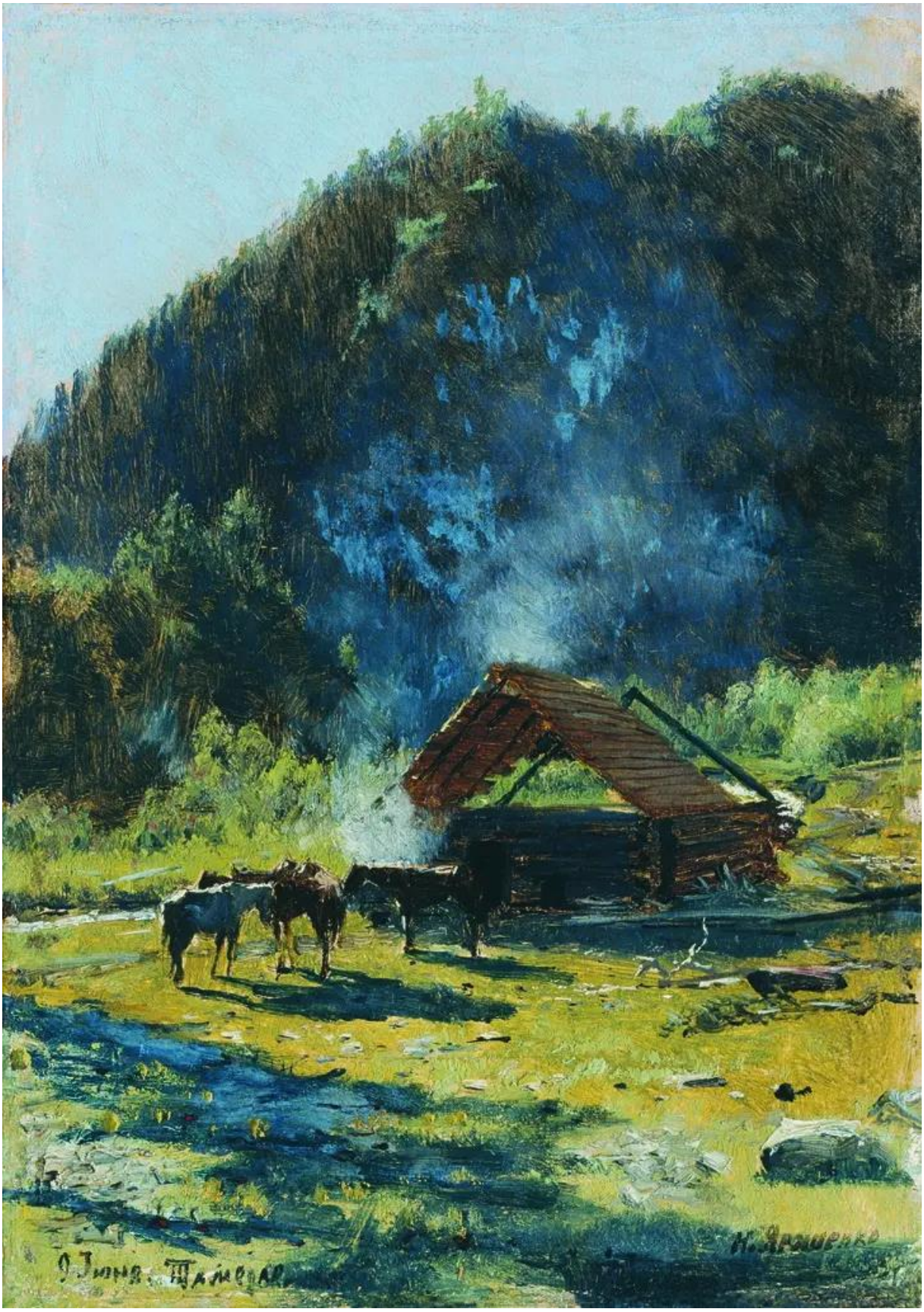
Сверху светила холодная Луна и сверкали равнодушные звёзды. Наступила особенная тишина, предваряющая близкий рассвет. Слышно стало, как шумит вода в реке, да переминаются и фыркают дремлющие кони.

Али проснулся задолго до рассвета. Напоил, оседлал и взнуздал коней. Прикрепил вьюки. Разбудил раненого.

Они отправились в сторону Нальчикской крепости, но не в крепость, а неподалёку. Горы были рядом. Али рассчитывал скрыться у давешнего кунака, а также спрятать оружие в расчете продолжить поездку и торговлю.

---

[1] *судьба, ниспосланная Аллахом (араб.)*

Утро (Ярошенко Н.А.,1892 г.)

Кунак отвел пришлых знакомцев в дальнюю заброшенную кошару. Оставил еду на неделю. Товар обещал спрятать. Коней не забрал. Негоже было оставлять всадников без коней.

Чтобы меньше находиться вне укрытия, Али лишь по ночам ходил за водой и поил коней. Кунак приносил для них зерно. Высматривал окрестности и накашивал травы. Иногда пас коней, если было тихо. Пришельцы и кони отъедались.

Прошло полтора месяца. Воспаление спало, шов раны затянулся и рубец стал сухим. Аслан разминал и упражнял раненую руку.

Нашли убитых. В убийстве подозревали абазин. Опасаясь кровавой междоусобицы, люди стали жаловаться русским властям. Казаки-абазины, посланные властями, нашли в воде труп зарезанного барана, объеденного чекалками[1]. О лечении курдючным салом они знали и предположили, что погибшие ранили убийц. Но подходящих раненных не нашлось.

ЧАСТЬ III. Развлечения на курсе

Сборы на охоту

Бездействие угнетало полковника. Он успел узнать многое о здешней охоте. Тут, оказывается, есть волки, зайцы, олени, медведи и другая живность, на которую охотятся у него в родном краю, но также встречаются туры, шакалы, зубры. Мех редких леопардов ценится особенно высоко. На мясо добывают кабанов и косуль или, по-здешнему, горных коз.

Время шло, а охотничья партия не собиралась. Он не винил князя и сочувствовал ему, так как хорошо понимал причину. В Кисловодске все уже знали, что на другой день после вселения в гостиницу княгиня Хаснова обнаружила, что в комнатах нечисто и стоит дурной запах. Потом объявила, что на южной стороне дома душно и невыносимо жарко. Иван Григорьевич Ганиловский оказал любезность и поменялся комнатами с

[1] *шакалами*

княгиней.

Перемена комнат не помогла, ей было плохо. На публике заявила: *«Bien sûr, partout sauvagerie et manque de civilisation! Nous vivons dans en lieu tout grossier et vulgaire. Les montagnes, les soigneurs, les serviteurs c'est toute les racailles!*[1]».

Ко всему этому звон клятого колокола, видите ли, её измучил. Утром своим дурацким бренчанием не даёт спать. Осудила порядки: «Как будто люди нуждаются в глупом напоминании, для чего они приехали к нарзану?»

Полковник Иван Петрович Бежитов усмехнулся своим мыслям: «Что с женщиной делает болезнь? Где хвалёная светская сдержанность? Куда девалась терпимость, обязательная для *comme il faut*[2]?

Представляю, что она скажет о выступлении артистов в зале ресторации, которое обещают скоро устроить. По поводу шумного бала она разгневается так, что подумать страшно!»

Прошло несколько дней, и, наконец, услужливый Пётр Найтаки помог Хасновым переехать по соседству в тихий бельэтаж к Реброву. Утром князь на водопитии пригласил полковника к себе отужинать и обсудить планы охоты.

Когда полковник пришёл к Хасновым, он нашел удивительную перемену. Нарзанное лечение показало всю свою силу. Княгиня Елизавета Федоровна ожила.

– Представляете, – говорила она, – мы занимали знаменитую комнату в ресторации? Сторож, солдатский ветеран, рассказал князю, что десять лет назад, как ему говорили, в этой комнате жил сам поэт Пушкин: «Такой, знаете, азартный! Проиграл сразу десять тысяч!»

Полковник, читавший журнальное «Путешествие в Арзрум» и не забывший недавнюю несносность княгини, ответил грубовато: – Верно, только не десять лет назад, а всего лишь семь по дороге с турецкой войны.

Князь пояснил благодушно:

– Правильно, в свете тогда сплетничали про его карточное

---

[1] *Конечно, кругом дикость и отсутствие цивилизации! Мы живём в грубом и пошлом месте. Горы, лекари, слуги – все сволочи! (фр.)*

[2] *как должно (букв.); соответствие правилам приличия (перен., фр.)*

фиаско с ветеранами наполеоновских войн, по слухам, нечистых на руку.

Знаешь, Лизонька, после победы над Бонапартом все радовались жизни. Тогда много играли. И по-крупному тоже, – объяснил он молодой княгине.

Особняк Реброва А.Ф. в Кисловодске (Раев Г.И. 1910-е г.г.)

Подали ужин. Откуда-то долетел запах кофе.

– Хотя бы обошлось без кофея на ночь, – понадеялся полковник про себя. Но уйти не посмел.

Князь посмотрел на жену, улыбнулся и начал спрашивать о подготовке к охоте:

– Нашёл ли ты, Иван Петрович, подходящую лошадку?

–В крепости комендант майор Никанор Иванович обещал лошадей на выбор, а также проводников и пороху с пулями. По всему видно, что он заядлый охотник. Сразу пожелал присоединиться к нашей компании. Зовёт в крепость выверить

ружья и пригнать заряды.

– Ты говорил, что у него лошади не для охоты. Что теперь?

– Вы правы! Я их видел. Они вовсе не для настоящей охоты. Будет расстройство, а не охота! Скажу о лошадях без экивоков. Ход у них будто у раков в проруби! – Полковник чуть не проговорил неприличное слово. – Совсем отчаялся! Даже не вижу, где искать. Разве что у коменданта в Пятигорске?

Он имел в виду временного коменданта укреплений на Водах полковника Петра Петровича Чайковского, старшего члена Строительной комиссии. Его возможности на Водах были почти безграничными. Он был назначен временным начальником для всех. Майора же Никанора Ивановича называли «комендантом» номинально, как начальника на территории, защищаемой крепостью.

– Полковник прав – сказала княгиня. – Надобно приступать к делу, не откладывая.

– Посмотрю, – сказал князь и стал говорить о снаряжении.

Оба охотника, как знатоки, с удовольствием поговорили о ружьях, об осечках, о порохе и заряде, о кремне, о боевой пружине и прочих тонкостях, улучшающих попадание в цель. О пристрелке, решили, можно не беспокоиться. На это всякое ущелье годится. Согласились оба, комендант дал понять, что следует согласовать место стрельбы возле крепости. Наверное, не хочет тревожить часовых и пикеты?

Внезапно князь предложил:

– Не договоришься ли ты с майором о совместной пристрелке? Его полезно пригласить в нашу партию.

Князь будто забыл, что полковник не нашел лошадь.

Что бы это могло значить? Князь был основательным человеком и только минуту называл недопустимым легкомысленное отношении к такому серьёзному делу, как выбор охотников и лошадей. Полковник недоумевал.

Слуга подал кофий с шартрезом, редким даже в столице. Глотая понемногу, полковник все еще не понимал, почему князя перестали интересовать лошади.

Когда полковник окончательно растерялся, князь сказал, допивая свой кофий:

– Дружище Иван Петрович, вижу, расстроил я тебя

расспросами о лошадях. Хочу обрадовать! Как ты посмотришь, если я предложу тебе испробовать карачаевского жеребца, которого я купил у азиатов третьего дни вместе с черкесским седлом? Оно вдвое легче армейского. Если понравится, возьми коня и седло на охоту!

Наступила долгая тишина. Княгиня улыбалась.

Полковник восхитился:

– Ты, Андрей Мстиславич, всегда найдешь, чем обрадовать! Скажу по пословице: не дорог подарок, дорого внимание.

Благодарю сердечно! Искренне признаю, что ты истинный знаток лошадей, и уверен, что коня купил превосходного. Эти карачаи впрямь родились для охоты в здешних краях.

Они, конечно, не такие быстрые, как надо бы для скачки в поле, но выносливые и ловкие, с крепкими ногами, а их копытам в горах сносу нет даже без подков.

Надеюсь, что конь к стрельбе приучен –поспешил он прибавить, -- а то, что они по своей природе предпочитают не рысь, а иноходь и галоп, – так это охота, а не строй и не поход.

Выездка в этих краях особенная. Я знаю, что карачаи не выносят шпор, а нагайку терпят только с нежной лопаткой на конце, как у мухобойки. Но это всё никакие не сложности, когда знаешь, как подойти к коню.

Здешние наездники – народ мудрый, считают, что треба лошадей любити и нагайкой не лупити! Они не дикари, вроде некоторых, которые полагают: коли не бьёшь – значит не любишь быстро ездить.

Полковник, несомненно, порицал какого-то беспардонного наездника с тяжёлой нагайкой. Увлёкшись, прибавил к своему панегирику множество прочувствованных слов:

– Не говори, что преданный конь служит всаднику, как собака. Конь для всякого умного человека — друг! Ему можно вверять свою жизнь.

От века в век для любимых коней отводили лучшие пастбища и давали лучших кобылиц. Жеребят обучали и берегли как младших членов семьи. Взрослых лошадей не унижали, насильно объезжая через силу принуждения, а постепенно приучали к седлу с детства. Временами давали необходимую свободу. Так, естественная селекция и

тысячелетняя дружба с человеком вывела породу карачаев.

Тут полковник не удержался и подтвердил подозрения князя по поводу особой разумности местных коней:

– Бывает, что в благодарность за заботу и доброту конь сообщает всаднику, что ждёт впереди в дороге. Споткнётся при выезде из дома, значит, не советует ехать. Бьёт копытом – ждёт дальняя дорога. Станет всхрапывать днём или, особенно ночью, да ещё поводить ушами – берегись, он чует опасность.

В ночной темноте найдёт путь и не даст упасть в пропасть. Если идёт охотно, тогда и ты будь спокоен. Коли ты заблудился или, хуже того, ранен, довезёт до дома. Друг тебя не подведёт!

– Да, батенька, ты тысячу раз прав! Будто стихами говоришь! – от души расхохотался растроганный князь, – Ясное дело – старый гусар! Вместе с мужем смеялась княгиня. Полковник не удержался и от души поддержал их смех.

Когда все успокоились, княгиня попрощалась, пожелала охотникам «ни пуха, ни пера» и вышла.

– Все гусары имеют слабость к лошадям, – признался полковник. – А вы, князь, дали мне испытать редкостное удовольствие. Сердечная благодарность вашей светлости!

Полковник обещал, не откладывая, пригласить коменданта и узнать, можно ли в крепости приготовить заряды и где пристрелять ружья. А после сразу договориться о проводнике и лошадях для слуг.

Тем временем на дворе стемнело, и луна принялась бороться с мраком. Пока княжеский кучер седлал одолженного коня, князь и полковник, довольные друг другом, докурили трубочки, стоя под освещенным окном особняка.

Как только кучер привёл тёмно-гнедого красавца, друзья пожали руки и расстались. Полковник принял повод, похлопал по холке коня и передал повод Жан-Пьеру. Ночью не стоило ехать на незнакомом коне, даже если доверенный слуга понесёт впереди фонарь.

Всё получилось так, как было задумано. Комендант пригласил охотников на пристрелку ружей. Позавтракав, князь и полковник отправились в крепость с ружьями, своими зарядами и слугами. Там их ждали оседланные кони и майор со

своими солдатами.

По дороге в горы разговаривали об охоте на Кавказе. Князь спросил коменданта:

– Никанор Иванович мне рассказывали, что сейчас все казаки на Кавказе стреляют на лошадях с левой руки, а не так, как армейские. Как они это делают?

– Они переняли это у горцев – начал своё объяснение комендант. – Берут левой рукой ружье за цевьё ближе к середине веса и прижимают приклад к плечу. Правая рука удерживает повод и нажимает пальцем на курок при выстреле.

Березовая балка в Кисловодске (Ярошенко Н.А., 1882 г.)

Конечная поза напоминает позу скрипача. Хороший стрелок, так же как скрипач, долго выучивается. Отличные стрелки бывают столь же редки, как и виртуозы среди скрипачей.

Вы спросите, в чем преимущество стрельбы с левой руки перед правой? Отвечу. Вставлять на скаку заряд в ствол свободной правой рукой удобнее, чем левой. Поэтому следующий выстрел делается скорее.

Кавалькада добралась до подходящего ущелья. Высмотрели в качестве мишени светлый камень на склоне. Меткий стрелок поставил высокие сошки и начал стрелять по камню, а слуги чистили стволы и заряжали. После нескольких выстрелов солдат сказал, что прицелы выставлены правильно, припиливать не надобно.

Осталось пригнать заряды. На склоне было хорошо видно, куда ударяла пуля, разбрасывая осколки камня. Заряды, приготовленные полковником, посылали пулю выше цели. Затем сделали по выстрелу из каждого ружья зарядами, приготовленными в крепости. Попадания были тоже выше, но ближе к цели. Заряды признали пригодными для охоты. Согласились заряды чуть ослабить, как предлагал майор.

Полковник пожелал испытать стрельбу на скаку. Отъехав и развернувшись, пустил своего *маштака*[1]. Карачай перешел в галоп почти сразу с шага. Полковник выстрелил, как положено по уставу, – слева не над головой лошади. Маштак чуть вздрогнул, не запаниковал и с шага не сбился.

Остальные похвалили, но сами не стали упражняться – наверное, они были уверены в себе и в лошадях.

Конная охота

Удача приходит не одна
Редкая поговорка

На другой день затемно собрались на плацу у Жантемировских крепостных ворот. Комендант, облачённый в поношенный козий ергак[2], представил двух проводников.

Один урядник, а другой просто казак, были одеты в видавшую виды, но крепкую казачью одежду. Сзади на поясе каждый носил охотничий нож в дополнение к кинжалу, а у седла имел сумку с необходимым припасом.

На пароконной повозке сидел солдат и с ним две собаки. Комендант, опасаясь сглазить удачу, неохотно объяснил, что

---

[1] *приземистый крепыш*

[2] *кожан коротким мехом наружу*

повозку и денщика взяли просто так. О собаках сказал, что они натасканные ищейки. Неказистые на вид, но достанут всякого зверя в лесной чаще и в камышах обозначат. Назвал и клички, чтобы они подали голос.

Едва заметная то ли дорога, то ли тропа тянулась по волнистым холмам над ущельем, прикрытым клубами тумана. Холмы раскинулись широко и становились всё выше и выше.[1]

Светлело. Туман рассеивался, и в ущелье открылись скалистые склоны, покрытые кустарником. В самом низу бурлила речка.

Кисловодские балки (Ярошенко Н.А., 1892 г.)

Волнистое пространство над ущельем разрезали глубокие балки. Верх балок густо покрывала подсохшая невысокая трава с приятным запахом. На склонах кое-где виднелись выходы скал, украшенные отдельными кустами. В низинах кустарник переходил в лесные заросли.

Партия двигалась по-охотничьи неспешно и без шума. На траве почти не было слышно ударов копыт. Колеса на смазанных жиром осях не скрипели.

Вдруг майор негромко скомандовал остановиться у ближних кустов. Князю и полковнику знаками и шепотом предложил спешиться и тихо-тихо подняться к куче каменных глыб, что виднелась на склоне саженях в двадцати впереди. Захватили ружья и подсошки. Комендант вел их, время от времени жестом понуждая пригнуться.

Наконец, продвинулись вперёд и приготовились, укрытые камнями. В полусотне саженей перед ними паслось стадо в двадцать-тридцать голов. Два козла бодались. Шёл гон.

[1] Алябьев А.А. Кюхельбекер В.К. Охотничья песня

Беззвучно установили сошки и приготовили ружья. Полковник достал манок и посвистел. Козлы подняли головы. Один из козлов стал поворачиваться. Комендант зашептал князю: «Веди, веди!»

Внезапно раздался пронзительный крик косули. Стадо понеслось прочь. Мгновение, и оно исчезло за гребнем холма.

Неудачники вернулись к коням.

– Скоро полдень. – пояснил комендант. – Косули уйдут отдыхать в лесную тень, чтобы переваривать съеденное утром. Надо застать их в поле. Сытые они бегают плохо.

Урядник спросил коменданта:

– Забега́ем, Никанор Иванович, как условились?

– Забега́ем, Григорий Михайлович, – ответил комендант.

Казаки, взяли собак на сёдла и «побежали» на конях по тропе вперёд. Все сели на коней и поехали вслед. Солнце припекало. Коз видно не было. Повернули влево к леску в балке. Комендант негромко сказал: «Не шумите! Птиц не тревожьте!»

Затаились в кустах, держа ружья наготове. Послышался далёкий выстрел. На верху холма показалось стадо бегущих коз. Когда оно достаточно приблизилось, комендант негромко скомандовал: «Цельтесь! Пли!». Выстрелили и спешно зарядили.

«За мной!» – закричал комендант. Все поскакали вперед. *Маштак* шёл в гору в разгон, прибавляя почти до полного галопа. «Добрый конь! – подумал полковник. Цель двигалась влево. Конь взлетел. Гусар выстрелил.

Вдруг из-за гребня холма показались казаки. Козы кинулись в россыпь. Комендант закричал: «Отсекай от леса!»

Животные были рядом. Началась гоньба и разрозненная пальба. Офицеры стреляли с правой руки, а казаки – с левой. Казаки зарядили и выстрелили ещё.

Надо быть отличным стрелком и наездником, чтобы попасть на скаку. Это была настоящая джигитовка! Урядник снова попал. Коза перевернулась через голову и покатилась по траве. Козы падали, но большая часть стада прорвалась и скрылась в зарослях. За ними, лая, умчались собаки.

Полковник забыл о своей одышке. Маштак часто дышал, но вспотел не сильно. Для отличного коня скачка была недолгой. Подъехали казаки. Подали полковнику потерянную шляпу.

Оставив коней, казак и полковник побежали в лес на злобный лай собак. Продирались с трудом.

Конная охота с преследованием под
Кисловодском в 19 веке (фотомонтаж)

Березы, рябины, осины, другие деревья были мельче, чем в России. Но они смешались с лещиной, колючим терновником, кизилом и боярышником. Дикий виноград, хмельник и плющ перевили эту древесную смесь. Чаща была бы непроходимой, если бы её регулярно не объедали и не прореживали животные.

Полковник отстал. Впереди заверещало раненое животное. Когда полковник добрался, косуля с раной в боку и с надрезанной шеей лежала бездыханная, высунув язык, а рядом, так же вывалив языки, часто дышали собаки. Казак и полковник взяли козу за ноги и потащили из леса.

Можно было возвращаться. Четырёх коз поволокли по траве на арканах, привязанных к сёдлам.

Майор подъехал к уряднику и стал тихо ему выговаривать. Полковник расслышал только слово «спешили».

Скоро встретили повозку на тропе. Казаки по просьбе полковника выпотрошили двух коз. Полковник проговорил суеверно над потрохами:

– Жертвуем богам охоты на будущую удачу!

Добычу положили на повозку. Солдат накрыл туши тряпкой от мух и солнца.

Майор и урядник поехали на вершину холма, чтобы оглядеть округу в трубу. Скоро майор вернулся. Сказал: «Можно завтракать.» Расположились завтракать. Выпив воды, угостили друг друга табачком, рецепты которого не стеснялись нахваливать. Закурили все, кроме станичников, по-видимому, староверов. Собаки жрали потроха. Солдат достал из повозки лоханку и налил воды для собак.

Солнце припекало. Партия отправилась домой. На обратном пути довольные охотники наперебой вспоминали недавние эпизоды и, забыв о сословном недоверии, дружелюбно обращались друг к другу, будто случилось братство по оружию. Все хвалили ловкость урядника.

Князь глубокомысленно заметил, что гнать на охоте зверя – первое дело и короли во все века делали это с удовольствием.

Урядник смело возразил ему:

– Так-то оно так! Может быть это, действительно, по-королевски гнать одного косого или серого и даже рогатого громадной сворой алчущих псов и скакать впереди бессчётной свиты? Тольки оно – не настоящая охота. Обыкновенное развлечение и баловство!

Наступила многозначительная пауза, какая случается, когда высказано резко отличное суждение. Естественная мысль казака-старовера была воспринята будто банальность, недостойная малейшего внимания.

Князь обратился к майору и переменил тему разговора:

– Удивительно, что такие большие стада косуль пасутся близко к людскому жилью!

– Это что! – объяснил комендант. – Как мне рассказывали, лет десять тому назад жители гоняли диких козлов со двора, когда они вечерами приходили за домашними козами, возвращавшимися с выпаса.

В парке сторожа, случалось, добывали козлятину. Вокруг

публичного сада даже выставили плетень, чтобы горные козы не поедали молодые посадки по утрам и вечерам! Плетень подновляем, но это от домашней скотины.

– Олени и туры тоже приходили? – спросил князь.

– Рогачи часто появлялись на соседних горках. Да и ланки с оленятами. Теперь не то – добыть удаётся лишь в удалении.

– А что про туров? Какие у них замечательные рога! – настойчиво продолжал князь. -- Говорят, что здешние туры самые крупные на Кавказе.

– Это правда! С ними не сравнятся туры ни в Черкесии, ни в Дагестане, ни в Чечне. Вы видели, что наши горные косули тоже крупные. Вот только в горном Карачае и в Кабарде охотиться стало небезопасно!

– Война?

– Война, ваша светлость, война! В дальние горы на охоту нини. Вблизи тоже бережёмся, в одиночку, да и вдвоём не ходим и оружие непременно носим. Пять лет как горцы с запада совсем от рук отбились. В горах бродят толпы черкесских абреков.

Вы, верно, слыхали, что под Ессентукской недавно убили казаков. На защиту выдвинулся отряд генерала фон Засса Григория Христофоровича. В прошлом году его назначили командующим Кубанской линии. Разбойники теперь в страхе. Засс, как до него Алексей Петрович Ермолов, никому ничего не прощает, всё знает и справедливо карает не по нашим, а по татарским правилам, которые им понятнее!

Князь вмешался:

– А, вспомнил! Остзейский барон Засс среднего росточка с длинными русыми усами и плутоватыми глазами. Он ещё в турецкую кампанию отличился.

Полковник заметил про себя, что барон, наоборот, был не плутоват, но, скорее, хитёр и будто с загадкой в поведении, а лицо и глаза были у барона, как у настоящего рыцаря. И роста он был высокого. Но ничего не сказал. Его больше волновала охота на тура, нежели обсуждение командующего.

Князь вернулся к прежней теме:

– Это верно, что выходов в горы на туров нет?

– Точно так! Однако, не волнуйтесь! Здесь у нас надёжная защита. – заверил комендант.

И продолжил рассказ о своих проблемах:

– Вы, я полагаю, заметили, ваша светлость, что при кисловодской штаб-квартире войска достаточно? Два года назад третий батальон Тенгинского полка, что стоял в Кисловодске, переименовали в Кавказский батальон.

Прежде на курсовое время гарнизон усиливали двумя ротами солдат, эскадронами драгун и сотней казаков. Теперь солдаты мне оставлены на весь год. Заметьте, зимой тут не повоюешь, но солдат оставили! Кроме Кисловодска батальон занимает четыре сторожевых поста в горах.

На Кавказе, как только снег ложится, войска всех родов, как медведи, барсуки и всякие байбаки, впадают в спячку. Чтобы с удовольствием снабжать солдат довольствием, простите за дрянной каламбур, я начинаю готовиться к зиме с лета! Покосом занимаюсь. Держу лошадей и всякую скотину. Охота, как и рыбалка, дают неплохую прибавку к нашему рациону.

Садики, огородики, коровки, козочки имеют семейные солдаты. Значит, и себя и семью снабжают продовольствием. Да ещё имеют доход от курсовых. Жильё сдают, а сами живут в сараях. Семейных у меня большинство. Жёны ещё и вяжут и рукоделием занимаются. Их работы охотно покупают курсовые. Советую её светлости присмотреться.

Представляете, ваша светлость, какая экономия выходит. Только муку, зерно и крупы, как и спирт, мы не производим, а закупаем. Ещё у меня в штаб-квартире есть всякие мастера: кузнец, повар, плотники, каменщики, скорняк, шорник, портной. Какие хотите, все работы делаем сами!

Можете представить себе, зимой у меня солдатики одеты в свои полушубки и тулупы. Вот только пока валенки да шляпы не валяем, хотя шерсть легко можем иметь в немереном количестве.

Взволнованный сложностью собственных задач, майор перешёл на разъяснение, как живётся здесь народу:

– Центральный Кавказ – это вам не Альпы! Разнообразие здесь необыкновенное. Теснины, водопады, ледники и самые высокие крутые горы – не то, что в Европе. Речек множество. Есть пустыни. Есть леса, но всё больше богатейшие луга. На них пасутся бесчисленные лошади, овцы и другой скот местных.

Вы сами, ваша светлость, видели отару, которую пасли собаки, и любовались на косяк кобыл и жеребят, ведомых жеребцом. Летом скотина вольно бродит по горам и пастухи, живущие в полевых кошах, навещают её. На зиму пастухи спускают живность с гор вниз в долины, где снега меньше.

Большая часть скота принадлежит немногим знатным старшинам. Это главное богатство их семейств. Они охотно продают свою живность, меняют и скупают. Простой народ служит знати и очень беден: имеет мало скота и плохое жильё.

К русским относятся по-разному. Некоторые русских ненавидят, но все уважают силу, власть и деньги. И, хотя вблизи Кисловодска тихо, гарнизон неустанно держу в готовности. Знаю, что творится кругом. Есть казачьи дозоры, есть наблюдательные посты и укреплённые пикеты.

Комендант был, несомненно, толковым хозяином и умелым командиром. Пока комендант с увлечением объяснял местные порядки, полковник догадался, что князю не терпится раскрыть, «что на сердце лежит». И он вмешался в разговор:

– Жаль, что туров не добыть и рогов не видать!

Комендант поспешил сообщить:

– Рога привозят на базар. Можно даже выбрать. Если не найдутся, поручу купить у татар. Только скажите!

Довольный князь любезно сказал коменданту:

– Благодарю! Давно хочу украсить свой каминный зал. Пусть торговец зайдёт на усадьбу Реброва. Куплю, не мешкая, ежели будут подходящие рога.

Комендант охотно откликнулся:

– Не стоит благодарности, ваша светлость! И не беспокойтесь! Устрою в ближайшее воскресенье.

Поговорили о здешних обычаях, из-за которых горцы украшают рогами алтари языческих покровителей охоты. Там рога – всем рогам рога!

Увидев крепость, комендант скомандовал денщику:

– Кузьма, отвезешь добычу полковнику.

– Слушаюсь, ваше высокоблагородие! – ответил солдат.

Полковник Иван Петрович обратился к князю и коменданту:

– Господа, первый выход на охоту нашей партии надобно

завершить достойно. Приглашаю ко мне завтра в семь пополудни на скромный ужин. Ваша светлость, надеюсь, что вы и Елизавета Фёдоровна окажете мне честь и придёте по-соседски! Никанор Иванович, не откажите!

Полковник чувствовал себя замечательно. Теперь он был занят интересным делом. Были забыты никчемные разговоры и натужные развлечения. Пустое времяпрепровождение закончилось. Исчезло раздражение от неустройства быта и непроходимой глупости слуг.

Он был доволен чрезвычайно. Рутина болезни перестала угнетать его. Жизнь получила яркую цель и явный смысл. Полковник занялся любимой охотой. Не простой, как у всех, а редкостной, которой можно гордиться и рассказами о которой можно удивлять соседей и друзей.

Полковник будто попал в стародавние времена, ещё до царствования Романовых. Тогда бояре и дворяне поголовно увлекались благородной охотой, но такую замечательную, какая ему встретилась в горах Кавказа, даже они не видывали.

Вечером у Ивана Петровича в номере собрались гости. Задержавшийся Никанор Иванович был встречен веселыми шутками. «Извините, господа! – сказал он – Служба!» Продолжая оправдываться, достал из сумки бутылку, выставил деревянные стопки, инкрустированные медью и насечкой.

Наливая напиток, заверил, что его ерофеич – особое лечебное средство. Не единожды перегнанный и настоянный на травах Кавказа почти без заморских ингредиентов, он поставил бы на ноги графа Орлова в два раза скорее смеси, приготовленной когда-то цирюльником Ерофеем.

Сотрапезники задохнулись от душисто-горького золотого напитка и потянулись за нарезанным овечьим сыром. Сыр был наисвежайший!

Пока закусывали, комендант объявил, что дарит стопки на память о Кавказе. Они сработаны из местной ольхи, держат влагу и, как видите, формой напоминают античные *скифосы*. У него умельцы в крепости делают не только деревянные ложки и бирюльки. Гости восхищались и благодарили дарителя, не забывая глотать сыр.

Когда гости перешли к лавашу, купленному на базаре, и

закускам, принесённым из ресторации, Никанор Иванович продолжил:

– Чувствуете, господа, как ерофеич возбуждает аппетит?

Вкушающие гости закивали головами, и комендант прибавил к речевой сигнатуре патриотические слова:

– Ерофеич целебен по-кавказски и до, и после еды! Это вам не какие-то чужеземные *absinthe ou apéritif et digestif en français*[1]! Предлагаю повторить!» Предложение одобрили. *Скифосы* наполнили снова. Выпили.

На столе уже стояло большое блюдо с запечёнными в тесте маринованными козлиными ляжками, которые тут же нарезали ломтями.

Мясо было удивительно нежным и вкусным. Для любителей острого к мясу прилагался местный соус, называемый *тузлук*[2]. Все кивнули, вдумчиво жуя и глотая мясо, приправленное острым соусом. Достоинства кухарки оценили должным образом.

Пока слуги меняли тарелки, состоялась короткая дискуссия о сходстве и различии горских кинжалов и греческих мечей *ксифосов,* о которых вспомнили по созвучию со скифосами.

Все с интересом слушали князя, коллекционирующим холодное оружие, в чем он с гордостью признался. Князь пояснил, что всех видов колющего и рубящего оружия кинжал несколько короче меча, форма его не листообразная и в бою он дополняет длинную рубящую саблю. Выводы делайте сами!

Упоминание майора об анаграмме «*скифос – ксифос»* не показалось интересным. В компании не нашлось любителей заумных буриме, да и княгиня Елизавета засобиралась уходить. Отказалась от провожатого под тем предлогом, что идти ей всего то в главный дом этой самой усадьбы.

После ухода княгини Осип и Жан-Пьер услужливо подали мясо на ребрышках с картофелем и положили в тарелки. Пиршество продолжилось. Как объяснил полковник, стряпуха готовила в казанах, как делают в походах. Блюдо вызвало всеобщее восхищение. На Кавказе оно было редкостью. Его

---

[1] *абсент или аперитив и дижестив по-французски (фр.)*

[2] *чесночный соус с пряностями и травами на айране*

настоящее время ещё не пришло!

Основательно удовлетворив аппетит, все отказались от ерофеича, предложенного вместо *digestif*, и, оправдываясь за отказ, согласились с мнением, что французское вино не портит вкуса местных блюд.

Выпив по полному стакану, новые камрады принялись увлечённо выяснять, чем местная охота отличается от правильной, которую они устраивают в имениях. Горячились под обильное вино, вспоминали своих гончих, легавых и борзых и сравнивали со здешними ищейками и зверовыми.

Разумеется, осетинский пирог от Найтаки и копчёный окорок от князя не мешали дискуссии. Кахетинское вино доказало родство с кавказской кухней. Когда сменили свечи, выяснилось, что собрание желает, не откладывая, устроить охоту на кабанов в камышовых крепях на Подкумке.[1]

Разошлись под утро. Теперь полковник, князь и комендант при первой возможности бросали всё и уезжали охотиться. Полковник забыл, что он собирался идти на перепелов.

Увлечённый охотой на копытных, он оставил променад и прогулки по окрестностям. Даже пропускал купания в нарзане, жертвуя здоровьем ради увлечения.

Своего отрицательного отношения к здешним балам не переменил. Уезжая домой, поблагодарил князя и вернул одолженного коня.

Перед отъездом щедро пообщался с каптенармусом из крепости. Узнал рецепт кавказского ерофеича и захватил пару-тройку бутылок домой для дальнейшего изучения.

Когда он появился в своем имении его кавказские рисунки и рассказы, подтверждённые внешним видом загорелого и поздоровевшего рассказчика, произвели фурор.

События на Кавказской войне живо интересовали всех. Долгие годы вся страна была в напряжении. Про войну узнавали из официальных сообщений, но более из рассказов многочисленных воевавших родственников. Сочувствовали «Кавказскому пленнику» Пушкина и знали стихи вступления: «Где пасмурный Бешту, пустынник величавый, аулов и полей

---

1 Штраус И. Полька «На охоте»

властитель пятиглавый, был новый для меня Парнас.» Удивлялись разнообразной горной природе и изобилию дичи, странным обычаям и нарядам горцев, красоте горянок.

Аплодировали танцу, которую им показал полковник. Взмахивая рукавами черкески, Иван Петрович быстро семенил на цыпочках туда-сюда вокруг дочки, накинувшей кружевную шаль и подражавшей плывущему шагу девушки с Кавказа. Супруга Авдотья Гавриловна играла танцевальную мелодию на рояле. Зрители били ритм ладошами вместо барабана.[1]

В коллекционировании народных танцев и обычаев полковник был не одинок. Присутствующие согласились, что народное искусство привлекает всеобщее внимание.

Дамы увлекались народностью. Щеголяли друг перед другом якобы крестьянскими платьями. Вошли в моду сарафаны и кокошники. Они прекрасно сочетались со скромным числом украшений.

Рисунки полковника разглядывали и удивлялись, как всё устроено. Собравшихся изумляло, что разные целебные воды в одной местности излечивает разные болезни. Не могли вспомнить подобное в Европе.

Когда услышали, что хозяин с женой через год-два снова поедут в Пятигорск, некоторые гости решили тоже полечиться кавказской водой. Лечение водами, показавшее свою силу, становилось общей модой среди состоятельных людей.

Раут у генеральши

В Кисловодске в светлом мезонине дома Реброва княгиня Елизавета Фёдоровна занималась со служанкой утренним туалетом, когда князь Андрей сообщил:

– Заходил майор Никанор Иванович и передал записку для тебя. Екатерина Ивановна Мерлини приглашает нас на вечерний раут у неё дома в 6 часов пополудни. Читай! – И подал записку жене. – Майор советует пойти. Говорит, что не пожалеем! Будет не журфикс, а прием в нашу честь.

---

1 Балакирев М., Исламей

Она читала, а князь настаивал:

– Приглашены также знакомые тебе майор Никанор Иванович, полковник Иван Петрович и ещё графиня Екатерина Алексеевна Урлова. Три пары составляются.

Княгиня поспешила перебить речь мужа:

– Слышала, что графиня знакома с Мерлини после курса в Пятигорске. Муж её, как тебе известно, чрезвычайно занят в столице. Из уважения к графине стоит пойти.

Князь улыбнулся и хотел было подтрунить над склонностью жены к визитам:

– В Кисловодске дом генеральши единственный, где устраивают приёмы. Выбора у нас нет.

Но князь передумал шутить, и жена продолжила рассказ:

– Кисловодский майор рассказывал много любопытного. Екатерина Ивановна -- дама экстравагантная.

Овдовела три года назад. Её покойный муж генерал-лейтенант Станислав Демьянович Мерлини был из довоенных поляков Преображенского полка. Неплохо командовал 22-й дивизией Кавказского корпуса. ,Последние годы болел, и они жили в Пятигорске. Из дома не выезжали.

-- Её, бедную, несомненно, измучили заботы о больном, и теперь она отдыхает? – спросил князь.

– Трудно сказать, -- ответил мне майор. -- Дом у неё регулярно полон гостей, но если их нет, так нет и её. Она сдаёт здесь несколько домов, но главный дом имеет в Пятигорске.

Оказывается, муж её был коллекционером и собрал обширную картинную галерею. Неплохая итальянская и всякая другая живопись. Генеральша рада всякому, кто приходит смотреть. Ещё у неё нередко бывает большая игра в вист или преферанс для гостей. Она и сама не прочь составить партию.

Майор советует, если она приглашает на *partie de plaisir*[1], не отказываться! Она приветлива, не пожалеем. Кроме того, в здешних краях вряд ли найдешь лучшую хозяйку!

– Ты говоришь, будто нашла чудо! – засмеялся князь. Однако вовремя поправился и после паузы пояснил жене:

– Ты же знаешь, что в этой глуши хорошая живопись –

---

[1] *вечеринка (фр.)*

редкость! Вокруг примитивное народное искусство. *My soul, like yours, craves for true beauty and honest hospitality*.[1]

Он непатриотично произнес чужеземные слова, чтобы угодить жене. Она засмеялась, а он продолжал:

– Майор утверждал, что приемы генеральши превосходят верзилинские, у которых дочки на выданье.

– Хватит об одинокой вдове! Нам пора, и мы не одни, – поторопила княгиня.

Их ждали слуги, готовые сопровождать на лечение.

Курсовой день подошел к концу и процедуры закончились, когда Хасновы, к которым присоединился майор, отправились к Мерлини. Её дом стоял поблизости за речкой Ольховой в ряду схожих домов, сдаваемых в наем. Это были небольшие срубы из деревянных брусьев под тесовыми крышами.

Дом генеральши по сравнению с соседними был увеличен за счёт пристройки и расширенной галереи перед входной дверью. На галерею вели ступени. Стены дома были оштукатурены и покрашены в желтое. Галерея – в белое. Ставни и крыша зеленые. Двор с конюшней, летней кухней и сараем был огорожен невысокой побеленной каменной стеной Ограда с зелёными деревянными воротами и калиткой выступала за красную линию, нарушая строй домов.

– Как я рада дорогим гостям! – оживленно проговорила хозяйка, спускаясь во двор с галереи. – Не могу передать словами мою радость!

Она была одета в лиловое шёлковое платье с белой кружевной оторочкой. В жемчужном ожерелье выделялся серебряный *фермуар*[2] с чернением. Большие серьги в ушах подчеркивали древнеславянский стиль. Было заметно, что хозяйка старается произвести впечатление.

– Не чаяла принять вас, уважаемые Елизавета Фёдоровна и Андрей Мстиславич, в моей лачуге! Как я рада встретить вас прежде, чем уеду в Пятигорск! Пожалуйте за мной!

Поднимаясь по ступеням, оживленно приговаривала:

---

[1] *Моя душа, как и ваша, жаждет истинной красоты и искреннего гостеприимства. (англ.)*

[2] *fermoir (фр.) – застёжка*

– Никанор Иванович, спасибо, что привёл. Я очень рада! Вижу, представляться нет надобности. Вы мне, господа, оказали приятнейший почёт.

Проведя гостей по галерее к открытой входной двери, Екатерина Ивановна обернулась и, пропуская вперед, сказала:

– Заходите, дорогие гости!

Передняя комната представляла собой светлую гостиную. В задней темной части дома, похоже, находились спальня хозяйки и комната служанки.

Гостиная была оклеена розовыми шпалерами, местами разрисованными полевыми цветочками. Пол чистый, дощатый. Потолок выкрашен в нежно-голубое. У двери висела вешалка для верхней одежды и лежал коврик для обуви. В красном углу на полочке стояли иконы и светилась лампада.

Мебель была из ореха. Стены украшали живописные полотна в рамах красного дерева. Они изображали лошадей и горные пейзажи. В середине висел конный портрет генерала в парадной форме с оружием и наградами.

Под портретом генерала стояло продавленное кожаное кресло, а под пейзажами виднелись китайские черно-лаковые полочки с инкрустацией перламутром. На полочках стояли восточные божки, слоники и другие безделушки.

На соседней стене висело зеркало. Под ним стояло канапе[1]. У другой стены раскинулась оттоманка. На ковре, висящем над оттоманкой, теснились шашки и кинжалы, по виду побывавшие в деле. Между ними выделялись пистолет и ружье с газырницей. В одном углу находился сложенный ломберный столик, в другом стояли комод и чайный столик.

Посреди гостиной на столе, покрытом белой скатертью, было выставлено блюдо, заполненное канапе с закусками из икры, красной и белой рыбы, мяса, колбас, сыра и яиц с оливками, дольками лимона, соленых огурцов, грибов и листочками кавказской зелени

Рядом стояли хрустальные графинчики. Нетрудно было догадаться по цвету, что это были настойки: вишневая, сливовая, абрикосовая и малиновая. Соседствовал графинчик с

---

[1] *canapé (фр.) – небольшой диван, софа; маленький бутерброд*

прозрачной водкой.

По кругу располагались шесть кувертов, составленных из хрустальных рюмок, мелких тарелок, салфеток и прочего.

На чайном столике жостовский поднос ожидал прибытия самовара. Тут же были вазочки с медом, вареньем, сахарница с наколотым сахаром и щипчиками для него, молочник, стопка ложечек и чайничек.

За чайным столом (Мягков Т.Е., 1842 г.)

Гости рассматривали картины, беседуя с хозяйкой. Когда беседа прекратилась, вошел слуга, подал хозяйке лаковую коробку с чайным листом и спросил:

– Ваше высокоблагородие, нести самовар?

– Неси, Палыч, неси! Помоги заваривать! – ответила хозяйка. – Господа, у меня всё по-простому. Всё полезно. *Je vous*

invite à vous asseoir à la table![1] Садитесь, будьте любезны, кому где удобно, да наливайте, что кому что угодно!

Когда все расселись, скомандовала, обращаясь к князю:

– *Votre Grâce, lisez la prière! S'il vous plaît, régalez-vous.*[2]. Закуски домашние! А пока, позвольте, я займусь заваркой.

Исполняя повеления хозяйки, князь и майор налили дамам настойки, какую они пожелали, свою укрепили водкой. Закусили вкусным канапе из тех, что взяли на тарелки.

Готовя со слугой чайную заварку, генеральша решительно спросила:

– Никанор Иванович, почему вы, любезный, не пригласили полковника Ивана Петровича? Что случилось?

– Он уехал сегодня утром.

– Как уехал? Не думала, что так скоро. Какая досада! Жаль, что не встретились и не поговорили перед отъездом. Всё-таки он давно знал моего Станислава Демьяныча. Ещё до персидского похода. Значит, князь Андрей, большие охоты закончились?

– Скорее всего! Полковник был настоящий вдохновитель, прекрасный охотник, отличный товарищ. Мы убедились, что лошадник, каких поискать. Благополучного ему пути!

Господа наполнили опустевшие рюмки.

– Будем охотиться на пернатых – сказал майор. – Близится осень – самое время приступить практически.

Князь улыбнулся и, не мешкая, сразу перешел на тему, интересную для всех:

– А ещё полковник кроме охоты и лошадей увлекался фольклором. Собирал танцы. Он говорил, что уже нашел несколько разных лезгинок. Он объяснял по нотам, почему у чеченов строгая[3], а у наших карачаев суховатая, но чёткая.[4] Не мог найти грузинскую, украшенную.[5] Говорил, что съездил бы в Грузию, если бы не болезнь. Напою вам, как могу, и постучу

---

[1] *Я приглашаю вас сесть за стол! (фр.)*

[2] *Ваша светлость, читайте молитву! Пожалуйста, угощайтесь. (фр.)*

[3] Чеченская лезгинка

[4] Карачаевская лезгинка

[5] Грузинская лезгинка

ладонью вместо барабана.

Князь изобразил лезгинку так, что словами описать невозможно! Дамы были потрясены необычными способностями князя. Княгиня улыбалась. Екатерина Ивановна поставила на конфорку самовара чайник. Вздохнула и сказала:

– Мой покойный муж тоже увлекался местным фольклором. А по части лезгинок вы его, князь, конечно, поняли. Не известен ли вам адрес полковника? Напишу ему. Он говорил, что хочет приехать с супругой в будущем.

Князь уверенно ответил:

– Адрес есть. Я вам пришлю.

Княгиня поддержала хозяйку:

– А помните, грузины торговали у нас оружием? Надо было полковнику поспрашивать у них о лезгинке.

Князь пояснил:

– Он хотел. Но эти грузины на другой день исчезли, и больше их никто не видел. Так он сказал.

Майор заметил:

– Любопытный танец эта лезгинка. Весь Кавказ его танцует, а уж казаки увлечены невероятно![1] Впрочем, ничего нет удивительного – в наше время горцев часто принимают в казачьи полки. Этот танец, можно сказать, родной для новых казаков.

Хозяйка развила музыкальную тему:

– Скажу вам, что полковник был не единственный меломан. До него в Ставрополе поселился на церковном послушании регент при Свято-Троицком соборе Александр Александрович Алябьев. В Пятигорске он лечился от тюремных болезней. Говорят, его лишили прав и состояния за убийство карточного шулера. Верно, вы слышали об этом недоказанном случае? На Кавказе Алябьев собирал народную музыку.

Княгиня откликнулась:

– Мы слышали. Все знают его и Козлова романс «Соловей мой, соловей». Его пели даже в опере в Большом театре. В салонах его тоже охотно исполняют. Он такой выразительный!

Князь Андрей многозначительно посмотрел на жену и

---

[1] 🔔 Казачья лезгинка

сказал:

– Лиза, душенька, спой нам!

Обернулся и, взяв гитару с канапе, спросил хозяйку:

– Екатерина Ивановна, позволите? Ходит слух, что слова в романсе не Козлова, а Дельвига. Но это неважно!

И, услышав разрешение, сказал майору:

– Никанор Иванович, сыграй сегодня, как вчера. Ты замечательно это делал!

Майор проверил настрой гитары. Княгиня пела с удовольствием и с чувством: «Соловей мой, соловей, го-о-лосистый со-о-ловей!». [1]

Все аплодировали, кричали «браво»:

– Превосходное пение! Какая песня! Небесные звуки!

Графиня, воздев руки, произнесла восторженно:

– *Bravissimo! Questo è il vero bel canto italiano*.[2]

Все замолкли. Растроганная хозяйка промолвила: – *Mon Dieu! Magnifique voix!*[3] *Bellissimo!*[4] – и, тяжело вздохнув, стала рассказывать своё:

– Помню, тогда ещё был жив Станислав Демьяныч. Но уже сильно болел. Поэтому в 1832 году в день коронации государя мы не были на празднестве, на котором отличился Александр Александрович Алябьев.

Многие друзья рассказывали. В Кисловодске устроили великий *байрам*[5]. Наши собрались все. Ещё съехались триста горских старшин и *узденей*[6]. Приехало начальство из Пятигорска. В начале большой хор и музыканты исполнили торжественный полонез, сочинённый к случаю Александром Александровичем.[7] Пели весёлые песни и танцевали. В конце состязались в лезгинке! Устроили скачки и угощение.

---

[1] Алябьев А.А. Дельвиг А.А. Соловей (1825 г.)

[2] *Брависимо! Это настоящий итальянский бельканто. (итал.)*

[3] *Боже мой! Великолепный голос! (фр.)*

[4] *Очень красиво! (итал.)*

[5] *праздник (тюрк.)*

[6] *В Кабарде и на Западном Кавказе дворянин, прислуживающий князю. В Дагестане свободный поселенец общинник.*

[7] Алябьев А.А. Торжественный полонез

Уверена, что если вы посмотрите партитуры опер или музыку Алябьева к спектаклям, то полонез там найдёте. Из романсов мне нравится «Вечерний звон», особенно, как его поёт Никанор Иванович.

Никанор Иванович, не споете ли нам? Уверена, гости наши ещё не слышали вас! И не откажутся послушать!

Княгиня, обычно бледная, но сейчас порозовевшая после пения, смущенно поддержала просьбу хозяйки. Видимо, заранее полагала, что обрекает слушателей на музыкальные мучения.

Майор вздохнул и запел.[1] Пока он пел – и хорошо пел, с чувством, – хозяйка, растроганная до слёз, сняла кукольную грелку с заварочного чайника.

За окнами потемнело. Служанка зажгла свечи в шандалах на столе и комоде, сменила посуду на чайную и принесла блюдо с печеньем и розанчиками. Выставила вазочки с медом, вареньем, сахарницу с сахаром, чайник и молочник.

Хозяйка и княгиня очень хвалили певца. Однако тактично умолчали о том, что меланхолический романс прежде мало кому нравился. В нем не было искры страсти. Чувствовалось, что меланхолия, как бы её ни просила русская душа, была неуместна в доме энергичной вдовы. Сейчас майор пел в модной манере, подражая ударам колоколов.

Хозяйка пригласила гостей к чаепитию и разлила чай. Гости признались чистосердечно, что розанчики произвели впечатление, в чём, а майор не удержался и поспешил сообщить, что чай – настоящий цветочный прямо от купца Боткина из Москвы.

Налили чай желающим повторить. Пока пили, хозяйка спросила княгиню, какие красивые места они осмотрели в Кисловодске. Похвалила за то, что гости съездили посмотреть на Кольцо-гору.

Заметила, что могли бы добраться верхом на дальние синие горы Джинала. Виды оттуда завораживающие! Также стоит пройтись пешком и посмотреть водопад на Ольховой, ежели найдется часа два свободного времени.

Хозяйка нахваливала красоту Медового водопада,

---

[1] Алябьев А.А. Козлов И. Вечерний звон

расположенного под Кисловодском. Он доступен для всадников и экипажей, и поездка туда интересна.

Кольцо-гора. Кисловодск (видео 2024 г.)

Очень советовала побывать и огорчалась, что не сможет присоединиться к ним. Она собирается в Пятигорск. Необходимо присмотреть за осенними работами, иначе эти бестолковые работники оставят дом без запасов на следующий год. Она вернётся в Кисловодск лишь в конце сезона, чтобы подготовить здесь всё к зиме.

Князь ей посочувствовал, а княгиня подумала: «Поедем на водопад без этой говорливой особы».

Прощаясь под звёздным небом и лунойс дорогими гостями, Екатерина Ивановна сказала:

– В следующий раз жду вас всех в Пятигорске! Буду рада принять вас. У меня всё по-простому. Можете приходить в любое время. Но удобнее всего в вечернее, и пораньше. Только известите меня заранее, чтобы я смогла быть дома. Надеюсь, мы встретимся снова, и я буду счастлива оказать вам настоящее кавказское гостеприимство!

Никанор Иванович простился и ушёл. Слуга с фонарём сопроводил благородную чету до порога ребровского дома.

Готовясь ко сну, княгиня сказала насмешливо мужу:

–Врачи не советуют чревоугодие, и я согласна с ними!

На её простодушное замечание он не ответил. Видимо, обиделся. Тогда она замолила свой грешок и получила от него обещание, что они увидят водопады, когда она пожелает, и пикник он устроит, какой она захочет.

Поездка на водопад

Княгиня Елизавета Федоровна считала, что пикник следует провести обязательно на английский манер. По её мнению, англичане это делают лучше французов и немцев.

Но она была не права! Первооткрыватели пикников устраивали складчину, а её забавы с друзьями оплачивал муж. Он не стал спорить с женой. Срочно забыл двусмысленное *pique niquer* и, как настоящий патриот, сказал:

– В английских пикниках поют «правь Британия морями», а мы на это ответим «гром победы раздавайся».[1]

И пропел куплет и припев екатерининского гимна российской империи:

– Гром победы раздавайся! / Веселися, храбрый росс! / Звучной славой украшайся, / Магомета ты потрёс!// Славься сим, Екатерина!/ Славься, нежная к нам мать!

Допев, сказал с чувством:

---

[1] *старинные патриотические песни 1740 и 1791 г.г., соответственно*

– Дорогая, заверяю тебя, у нас пикник будет намного лучше, чем у британцев!»

Первой в поездку позвали графиню Урлову. Графиня не думала отказываться. Наоборот, была рада побывать *sul vero Caucaso naturale*[1] вместе с любезным семейством.

Пригласили также коменданта кисловодской крепости майора Никанора Ивановича, с которым князь хорошо сошёлся на охоте. Сразу исчезли сложности с лошадьми и повозками.

Майор обещал наилучшую охрану – двух знакомых по охоте казаков и вооружённых солдат кучеров к двум телегам из крепости. Посоветовал князю непременно взять оружие, а себя, младшего по званию, предложил в начальники экспедиции. Всё-таки ему здешние места не в новинку! Князь согласился.

Ресторатора Петра Афанасьевича Найтаки намерение князя устроить пикник обрадовало. Могла получиться репетиция отдыха на природе, который задумал для императора Пётр Петрович Чайковский новый директор Строительной комиссии. Он говорил, что государя привлекает необычное. И Найтаки рассчитывал провести императорский пикник интересно. Предстоящие хлопоты были удачей, обещавшей внимание государя.

Князь Андрей решил совместить пикник с поездкой на водопад. Он не сомневался, что обязан увидеть эту природную редкость собственными глазами.

Княгиня пожелала, чтобы на пикнике играли восточную музыку. Пётр сказал, что есть на примете отличный барабанщик из крепости. С барабана в восточном оркестре все начинается. Но вместо восточного зурниста лучше нанять гармониста, как принято у горцев Кавказа. Для полного ансамбля он поищет домриста. В крепости трио сыграется под надзором капельмейстера.

Составили меню. От ягод, фруктов и арбуза отказались. Пётр не удивился. Он знал, что так делали, чтобы исключить неудобства, испытываемые желудком вследствие сильного действия нарзана.

Князь поспешил сказать, что вино у него своё и он передаст

---

[1] *на настоящем природном Кавказе (итал.)*

бутылки Петру. Однако настаивал на покупке местной запеканки. Княгиня высказала сомнение. В ответ князь сообщил, что после трудной поездки рюмочка запеканки будет полезна, а стаканчик придаст людям бодрости и настроения. Он сам её пробовал, и она ему понравилась.

Пётр заверил, что запеканка будет наилучшая. Он искал поставщиков в прошлый сезон, когда начал заниматься ресторацией, и узнал, где делают запеканку хорошо. Теперь это знание пригодится.

Князь оплатил всё вперёд. Петр был доволен. Исчезла нужда рисковать своими деньгами.

Княгиня меню одобрила, но огорчилась, когда узнала, что до водопада добираются объездным путём в экипажах, но столь далекая поездка в военное время опасна. Лучше ехать верхом по короткому пути через ущелье вдоль реки.

Она не боялась путешествовать верхом, однако, выразила беспокойство по поводу сёдел. Дамское седло для гор не годилось, а черкесским, удобным для мужчин, дамы не пользовались. Княгиня Лиза решила надеть мужские панталоны под юбку.

Князь Андрей одобрил её решение:

– Ты, голубушка, ездишь верхом так превосходно, что никакой наряд тебе не помешает. Во всяких нарядах ты хороша! Да и графиня, хотя в возрасте, тоже неплохая наездница.

И заботливо прибавил:

– Лазать по горам в длинной амазонке было бы не с руки. Поступим разумно. Для движения по пересечённой местности одёжу выберем самую удобную.

Наконец, хлопоты закончились, и пришёл назначенный день. Выехали пораньше по холодку. Не доезжая до казачьей станицы, переправились через речку Берёзовую. Перевалили невысокую холмистую гряду водораздела и оказались в неширокой долине. По её каменистому дну бежала речка Аликоновка. Вскоре долина превратилась в неглубокое ущелье, по- местному, «балку».

Малоезженая дорога или, правильнее назвать, тропа извивалась между грудами камней и пересекала каменистое русло по легко проходимым бродам. Причудливые скалистые

края балки то расширялись, то сужались, пока не привели к поляне, окруженной кустарником и редкими деревцами.

Здесь отряд разделился. Пётр, солдаты и слуги остались обустраивать бивак. Майор приказал солдатам слушаться Петра.

Господа двинулись дальше по дну балки. Князь и майор, вооруженные пистолетами, ружьями, шашками и кинжалами, ехали настороже впереди. За ними двигались дамы. Замыкали группу, чуть отстав, два казака. Ружья расчехлили и зарядили.

Перед всадниками открылось выгоревшее под солнцем пустынное пространство между скальных стен, осыпей и упавших камней. Ветер стих и стал ощущаться солнечный жар. Ближе к левой стене балки бежала быстрая речка. Монотонный шум потока воды заглушал стук копыт.

Графиня сказала:

– Странное место! – Внезапно остановилась, огляделась и покачала головой, будто чему-то удивилась.

Княгиня не расслышала приятельницу, однако заметила, что та остановилась. Подъехала ближе и громко спросила:

– Катиш, что случилось?

Графиня, напрягая голос, призналась:

– Betsy, ce désert de montagne m'a rappelé Nevsky. En été, c'est le même désert. Les maisons sont comme des rochers locaux et la perspective est sans équipages, sans piétons ni cavaliers.

Je ne peux pas oublier les habitudes urbaines même dans le lointain Caucase. Cette année, j'ai reçu peu de traitement à cause de mon Sergey Semenovich. Vous savez qu'il travaille beaucoup tout l'été.[1]

Княгиня Елизавета, перекрикивая шум реки, согласилась:

– Ты права, дорогая. Твоему умному супругу не мешало бы отдохнуть. Должность его трудна, а дела, ведомо всем, могут измучить даже крепкого человека! Хорошо, что ты о нём

---

[1] *Бетси, эта горная пустыня напомнила мне Невский. Летом это та же пустыня. Дома похожи на здешние скалы, а перспектива без экипажей, без пешеходов и всадников.*

Не могу забыть городские привычки даже на далеком Кавказе! В этом году я мало лечилась из-за моего Сергея Семеновича. Вы знаете, он много работает все лето. (фр.)

заботишься и поддерживаешь. Жаль, что он не приехал.

Приблизились охранявшие казаки. Обе собеседницы поспешили догнать уехавших вперед князя и майора, перешли на французский и с увлечением стали делиться новостями.

Княгиня сказала:

– Ты заметила верно, что это место похоже на летний Невский! Так же величественно и просторно. Город становится пуст летом, почти как эти скалы.

Едва погода теплеет, императорский двор переезжает в Царское. Все тянутся за ними, как птички перелётные. Общество торопится на природу! Загородные дачи переполняются.

-- В это время замечательные пикники проводятся! – воскликнула графиня. – Помнишь тот с цыганами и танцами, который был у нас на Иванов день в прошлом году?

Тут княгиня перешла к главному:

– Где сейчас император? Здешние жители его ждут, не дождутся.

Графиня охотно сообщила, что узнала от мужа:

– Напрасно ждут. В этом году, наверное, он не поедет на юг. Император Николай Павлович только что вернулся из поездки в Казань. Там шли такие дожди, что дорогу, приготовленную для его проезда, развезло – не проехать. Ему и свите пришлось спускаться из Нижнего по Волге на срочно переделанном грузовом пароходе.

– А что в Казани? Всё ли удалось посмотреть?

– Город государю понравился. Ты же знаешь, что он в поездках по России, заботясь о народе, всегда интересуется состоянием медицины. В Казани осмотрел университетскую клинику. Когда не обнаружил больных, удивился, что у богоугодного заведения бывают каникулы. У бога то нет перерывов! Государь оценил новое ученое слово в медицине по заслугам. Говорят, попало, кому надо и как следует!

Княгиня, узнав, что хотела, переменила тему:

– Скажи, в свете всё ещё говорят о спектакле «Ревизор» в Александринке? Он мне очень понравился. Было так смешно!

Наш государь прекрасно разбирается в сатире. Он смеялся и после сказал: «Всем досталось, а мне более всех!» В близком кругу государыня уверяла, что в домашнем спектакле ему

особенно удалась комедийная роль квартального надзирателя.

Графиня с готовностью поддержала тему:

– Автор этого наисмешнейшего сочинения Николай Васильевич Гоголь-Яновский, оказывается, чудна́я личность. Представляешь, после спектакля не вышел на поклон! Артисты, видите ли, не поняли его пьесу и неправильно играли.

Как можно? Всем и государю было удовольствие, а ему нет! Право слово, чудак! А ведь пьеса, по правде сказать, лучше мольеровых!

Говорят, что он из среднепоместных Полтавской губернии. Но высокомерие такое, будто у важного лица! Видно, к нему в предки гонористые поляки затесались. Разобидевшись на театр, уехал в Германию. Представляешь себе!

Милая, конечно ты слышала, что в этом году в «Современнике» будет напечатана его сатира под названием «Нос»? Будто бы нос какого-то майора гуляет по Петербургу. И нос имеет высокий чин! Статский советник! Каково? Автор, наверное, насмотрелся на собственный нос! Ты знаешь, он у него весьма длинен.

Княгиня вернула разговор к более важной теме:

– Скажи, что было после возвращения государя?

Графиня продолжила:

– После того, как я уехала, в Гатчине он занялся большими военными маневрами. Да ты, верно, сама читала в газетах! Войска с весны переместились из столичных казарм в летние лагеря. Как всегда, маневры при государе проходят отлично!

И услышала новый вопрос:

– А как поживают твои подопечные кавалергарды?

Графиня ответила, перекрикивая шум речки:

– Молодцы кавалергарды её императорского величества Александры Фёдоровны расположились, как обычно, на Васильевском острове. Они в наилучшей боевой форме, и радуют царственную попечительницу.[1]

Княгиня улыбнулась и спросила:

– Как там боевая форма у шалопая красавчика Жоржа

---

[1] Марш лейб-гвардии кавалергардского полка

Дантеса? Он по-прежнему волочится за госпожой Пушкиной?

– Откуда ты знаешь? Тебя же не было в столице!

– Э, кто на Кавказских Водах не знает, что делается в столицах? Скажи мне, чем нынче заняты серьёзные умы?

Графиня стала громко рассказывать:

– Скажу самое интересное. Пушкины сняли дачу на Васильевском не по чину. Представляешь, пятнадцать комнат! Александр вывез туда Натали с детьми. И вопреки приличию там же поселил свояченицы Александрин и Катрин.

Гвардия в Царском Селе (Крюгер Ф., 1832-1841 г.)

Видать, Гончаровы после сомнительного замужества младшей торопятся найти женихов для оставшихся старших дочерей. Что скажешь? Бывает! Не их вина! Обе-то сестры долгонько невестятся, потому как не богаты и не красавицы. В обществе полагают, что вряд ли что у них сладится!

Рассказчица перевела дух и продолжила:

– На даче весь полк перебывал. Без конца приёмы. Танцы, шум и гулянья. Говорят, что Жорж увлёкся хозяйкой. Заметно, что Натали он тоже нравится. По томному виду определяют, что

она влюблена, но, я слышала, ей еще неможется после четвёртых родов.

А новорожденную-то, представляешь, тоже назвали Наташкой. Второй Сашка у них уже есть, да ещё Машка и Гришка.

Ты не поверишь, оказывается, все знают, что этим летом от Жоржа без ума Катерина, сестра Натали. Я удивляюсь, какие надежды она питает при сестре-красавице?

А сам съёмщик дачи, наш знаменитый поэт и любимчик императора камергер Пушкин, всё ездит в город по делам. Деньги достаёт. Кругом расходы! Весь в долгах! За всю родню расплачивается.

Помнишь, как он выкупил под вексель у Энгельгардтов скандального братца Льва. Представляешь, братец не заплатил за полгода проживания в гостинице на Невском и сидел сиднем, не выходя за порог. Боялся, что выкинут на улицу и обратно не пустят! Как настоящий Хлестаков из «Ревизора»!

Опять же двух свояченицы Пушкину содержать надо. Спасибо ещё, что жену опекает на свой счёт тётка фрейлина Загряжская

Дома у него такие шашни творятся! Будешь тут мрачнеть, когда Жорж везде болтает, что приезжает к Катиш, а сам тайком ухаживает за Натали.

Княгиня согласилась:

– Помнишь, каким мрачным был Александр Сергеевич, когда прошлой зимой на балах скромница Натали, наряженная благодаря заботе тётки, вся краснела и глазки опускала перед расфуфыренным французским петушком, а тот вёл себя нагло и развязно настолько, что все это заметили.

Внезапно князь Андрей выпалил по-русски:

– Ох, бабы, бабы! Разве можно ожидать разумного поведения от вас, когда дело касается чувств. Прямо с ума посходили! Как же! Кгасавчик, фганцуз, танцог да ещё багон! Поганец и больше ничего! Сплошное г...!

Какой он барон? Все знают, за какие заслуги старый вертопрах посланник Геккерн усыновил парижского курсантишку. Прости, господи!

Неприлично такое говорить при дамах! Но вы того не предвидите, что всё это плохо кончится! Вижу, из любопытства

хотите увидать гадкий конец г...юка? Пушкин-то дуэлист известный, спуску не даст.

Поберечь бы благоверных! Где найдёте других дураков, которые полюбят вас со всеми вашими причудами? Прощения прошу! Вырвалось, знаете ли!

Князь запыхтел и послал лошадь вперёд. Поражённые внезапной тирадой князя, дамы затихли.

Майор делал вид, что не слышит. Он будто бы искал конский повод, который потерял, но не мог подхватить, как не исхитрялся, потому, что конь не шёл ровно. Сам же незаметно понуждал коня сбиваться с шага.

-- Какие насмешливые невежды! – думал он. – Что Пушкин, что барон –одинаково удобные мишени для сплетен.

Далее кавалькада продвигалась молча. Когда ущелье сужалось, они поднимались по склону выше бурной речки. Если ущелье расширялось, они спускались к воде. Тропа то и дело исчезала. Заметно было, что её редко топтали люди и скотина.

Броды преодолевались без затруднений, подковы не скользили по камням, чистым от водной зелени. Опытные всадники знали, что при переправе нельзя смотреть на быструю воду. Взгляд держали на неподвижном предмете.

Ущелье продолжало суживаться и углубляться. С правой стороны наверху поднялась огромная скала.

Майор сказал:

– Почти приехали. Эту скалу за её высоту называют Орлиной. Она служит ориентиром у водопада. Слышите шум падающей воды? Шесть вёрст осталось позади.

Всадники продвинулись вперёд и увидели, как слева в речку со скал падает толстая струя воды. Чуть дальше по речке среди нагромождений обломков скал виднелись водопады меньшей высоты, но более мощные.

Поражённый видом, князь воскликнул:

– Красота! Сюда бы Гавриилу Романовича Державина, если бы он давно не помер. Наши великие старики восхищались подвигами и красотами в героических одах.

Графиня с чувством произнесла:

– Шуми, шуми, о водопад!
Касаяся странам воздушным,

Увеселяй и слух, и взгляд
Твоим стремленьем светлым, звучным
И в поздной памяти людей
Живи лишь красотой твоей!
Живи! – и тучи пробегали
Чтоб редко по водам твоим,
В умах тебя не затмевали
Разжжённый гром и чёрный дым;
Чтоб был вблизи, вдали любезен
Ты всем; сколь дивен, столь полезен.

– Браво, брависсимо, Гаврила Романыч! – похвалил князь графиню.

Графиня заключила свою декламацию моралью:

– Тайны и красоты природы открываются поэтам!

Княгиня восхитилась:

– Памятные строфы! Как мило, как чудесно!

Проехать к водопадам на лошадях через нагромождение камней было невозможно. Оставили лошадей казакам и осторожно вошли в расщелину, поддерживая дам. Спуск к воде оказался несложным.

Снизу водопад производил внушительное впечатление. Летящий с высоты девяти саженей и распадающийся на мощные струи поток прозрачной воды окружали клубы мелких брызг. Низвергающиеся струи непрерывно били в бурлящее ложе реки. Грохот стоял оглушительный.

Рядом зеленели кусты и трава. Цветы всё украшали. От буйства природы и мерцания летящего потока кружилась голова и тело будто покачивало.

Князь зачерпнул ладонями воду. Галантно стал на колено и поднёс открытую горсть с водой княгине, изобразив покаяние. Майор и графиня рассмеялись.

Княгиня со склоненной головкой и лукавым взором положила на ладони князя букетик полевых цветов, который она держала в руке. Графиня и майор аплодировали состоявшемуся благословению семейного счастья.

Настроение прибывших улучшилось, и размолвка была оставлена. Князь прокричал:

– Давайте попробуем, насколько сладки эти воды.

Сполоснули руки, и попили из ладоней. Ледяная вода показалась приятной на вкус, но вовсе не мёдовой, как они думали. Спросили майора почему.

Медовый водопад в Ореховой балке и Орлиная скала
(фотомонтаж, В. А. Богданов, 2017 г.)

Майор рассказал, перекрикивая грохот:

– В расселинах скал возле водопада когда-то часто находили гнёзда диких пчёл. Пчёлы то ли вымерзли, то ли их варварски извели, когда добывали мёд. Пчёл нет, но осталось красивое название Медовый водопад.

Уловив внимание слушателей, майор принял вид *чичероне* и, указывая на падающую воду, продолжил, не переводя дыхания, поэтический рассказ:

– Перед вами низвергается мощный поток воды потому, что в горах прошли обильные дожди. Можно сказать, что нам повезло наблюдать поток в его наилучшем природном виде.

В особенно сильные дожди получается нечто невообразимое, мощное и шумное. Природа обнаруживает свою

страшную силу, чтобы люди не забывали своё место на этой земле. Я не советую никому спускаться сюда в такое время. Бурлящий поток все перемалывает так, что скалы дрожат.

Но, если с небес поступает мало воды, что обычно бывает в середине лета, водопад утрачивает грозный вид, становясь обманчиво тихим и ласковым.

Зимой он едва журчит и неспешно творит причудливые наледи и огромные сосульки, сверкающие под лучами солнца. Они тают, и от освещенной капели мокрая ледяная гора переливается цветами радуги.

Любознательная княгиня лукаво спросила чичероне:

– Майор, разве зимой вы тут тоже бываете? Что здесь делать, водопад-то останавливается, не правда ли?

Майор не обиделся, и объяснил, что зимой они наезжают сюда, чтобы охотиться. Князь услышал знакомую тему, и, перекрикивая водопад, принялся пытать майора про зимнюю охоту в этих краях.

Но княгиня поспешила прервать увлекательную беседу, жестко напомнив, что их ждут, -- пора возвращаться на пикник. Верно замечено, что *a picnic is the best hunting for the ladies*[1].

Полюбовавшись играющими струями текучей воды, путешественники пошли к оставленным лошадям.

Казаки указали на двух всадников на верху горы. Князь и комендант осмотрели пистолеты. Соглядатаи скрылись. Все возвращались настороженно. Больше никого не встретили.

Большой пикник

До возвращения господ было много времени. Но Петр не мешкал. Прежде, чем распределять людей по работам, он убедился, что пистолеты на месте, и заставил солдат вспомнить об оружии. В горах оружие надобно всегда иметь под рукой.

Ему помогал комендантский денщик Кузьма, и солдаты исполняли приказания быстро. Заряженные ружья выставили пирамидой и приготовили запасные заряды.

Одному солдату было велено взять ружье и отправиться по

[1] *пикник - лучшая охота для дам (англ.)*

ближнему склону в дозор на верхний край ущелья. Отдав приказ, Пётр отошёл, чтобы не слышать возражений.

Солдат недовольно проворчал, что тут всякие шпаки[1] без нужды гоняют людей. Но полез исполнять. Пётр не переживал из-за глупых слов, дело делалось.

Кучер Тохтар отвёл на лужок и стреножил ездовых лошадей. Слуга князя, денщик майора и кучер первой телеги загнали в тень кустов повозку с привезённой едой.

Привезенным бараном занялся денщик. Слуги сгрузили дрова, расставили походные треноги на кострище, сложили костры и повесили казаны.

У костров командовала Лукерья, новая повариха. Слуга князя принёс вёдра с чистой водой, которую везли с собой из ресторации, учитывая, что речную воду отстаивать не будет времени. Пётр к воде относился очень строго. Даже в ресторации следил, чтобы колодезную отстаивали. Чистота на кухне была его слабостью.

Лукерья позвала Петра Афанасьевича ради самой важной заботы. Пётр достал из носимого непромокаемого кожаного мешочка кремень, кресало и трутницу и разжег огонь.

Слуга и солдат установили стол для поварихи. Слуга остался следить за огнём, а солдат отправился собирать хворост, так как дров могло не хватить. Девушки, приехавшие с госпожами, помогали поварихе готовить плов и баранину.

Тохтар и музыканты принесли из подводы военную палатку. Разложили её в подходящем месте, указанном Петром. Затем на угловых стойках подняли и растянули тент, дающий тень от яркого солнца.

Рядом устроили небольшую загородку для дам. Разложили в тени ковры и подушки для отдохновения. Собрали разборные столы, взятые из крепости. Расставили привезённые стулья.

Солдаты принесли нарезанных веток и позвали девушек. Пересмеиваясь и перешучиваясь, дружно украсили стойки палатки ветками и зелёными гирляндами.

Пётр отнёс бутылки и кувшины к речке и разместил, чтобы охлаждались в воде.

---

[1] *не военные (презр.)*

Накрыл белыми скатертями столы. На обеденном столе разложил простую сервировку.

Господа вернулись в то самое время, когда их ждал Пётр. Лошадей у них приняли кучер Тохтар и денщик Кузьма. Не расседлывали, а лишь привязали к деревьям и ослабили подпруги.

Казаки использовали ту же природную коновязь. Коней также не рассёдлывали. Размяв ноги, затёкшие от долгой езды, устроились отдыхать на расстеленных бурках. Ружья положили подле себя.

Пётр доложил коменданту, что всё спокойно и пришла пора сменить дозорного на горе. Майор послал сменщика.

Князь и комендант сходили в кусты туда, «куда царь ходит пешком». Вернулись, сняли и аккуратно положили рядом оружие. Обнажились до пояса.

Слуга и денщик облили смеющихся господ ледяной водой из речки и растёрли рушниками. Весёлые князь и комендант надели чистые рубахи. Причесали мокрые волосы и усы перед зеркальцем. Сложенную в армейском порядке одежду увенчали *casquette en français*[1] князя и *kpis de l'infanterie*[2] оменданта. В загородке девушки переодели барынь *en rustique de style russe*[3].

Салатницы были заполнены солёными грибочками, светлой продельной белужьей икрой и свежим сливочным маслом в каплях ледяной воды. Не забыт был швейцарский сыр, нарезанный листочками. Тёплый хлеб прибавлял свой сытный аромат к резким запахам закусок.

Но главная гордость Петра помещалась в кокотницах. В ресторации кокот из куропаток с шампиньонами томили в русской печи. Готовили по торжественным случаям, хотя могли бы делать каждый день, ведь на лугах под Кисловодском куропатки и грибы имелись в изобилии.

Отставной солдат Нефёдыч, работавший при ресторации

---

[1] *каскетка по-французски (фр.)*

[2] *пехотная фуражка (фр.)*

[3] *в деревенском русском стиле (фр.)*

сторожем и дворником, натаскал свою дворняжку на поиск грибов и теперь торговал добычей на базаре. Он брался поставлять в ресторацию, сколько потребуется.

В ресторации гости отмечали необычный восточный привкус кисловодского кокота Петра. На похвалы он отвечал: «Мы на Кавказе тоже не лыком шиты!»

Однако, когда говорили, что кокот полезен, он улыбался и произносил: «Полезен, но в меру!» Ему тут же приходила на ум скабрезная шутка ресторанных подавальщиков.

Он никому её не рассказывал, чтобы не подрывать доверие к блюду и кухне. И был прав: подавальщики объясняли в крепких выражениях, что кокот – еда, полезная для лечения пиписок. Не зная языка, решили, что тупым лягушатникам «хвантазии не хватило». Мол, от больших чувств назвали полезную еду как мужскую писпику. А нам ихние *kokot* или *cocotte,* «как написать три буквы на песке»!

На сервировочном столе в запотевших кувшинах стояла чистая вода. Холодные графины были заполнены квасом и запеканкой. Шамбертен, любимое вино Наполеона, и розовый креман хранились в темных бутылках. Бутылки кремана, как полагалось, ожидали в ведёрке со льдом.

Князь Андрей руководил застольем. Негромко проговорил перед трапезой молитву «Отче наш...». Сотрапезники перекрестились вслед за ним.

Господ обслуживал Пётр. Взялся первым делом за графин с запеканкой. Госпожи спросили холодной воды. Квас они пить не стали. Закуске оказали должное внимание.

После слуги принесли и поставили на раздаточный стол казаны с варёной бараниной и татарским пловом или, как выразился князь, «с пищей восточных кочевников». К баранине шли тёплые кукурузные лепешки.

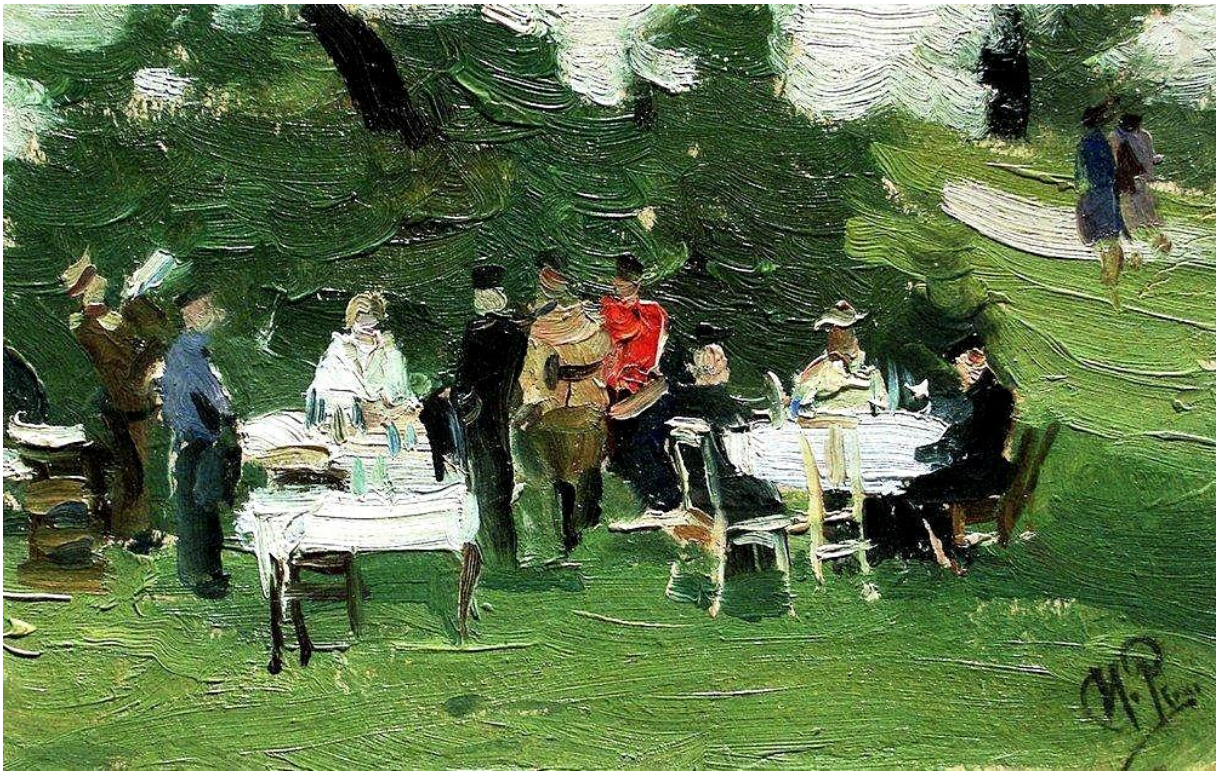
– Что это? – спросил князь.

Пётр знал правило ресторанного обслуживания – всеми способами возбуждать аппетит клиента. Чтобы поощрить князя, он объяснил:

– *Нартюх гыржын* или, по-нашему сказать, чурек из маисовой муки. Настоящий карачаевский хлеб, испечённый по-походному в горячей золе.

Князь Андрей отломил кусок, пожевал, усмехнулся про себя и подумал: «Необычный хлеб и очень вкусный! Много же в нас сохранилось азиатчины!»

Голодный после прогулки и возбуждённый аппетитными закусками, князь перешёл к главной части походного обеда и принялся старательно проверять, как бургундское сочетается с горячими кавказскими блюдами.

Пикник (этюд, Репин И. Е., 1890 г.)

Ему показалось, что он никогда не ел ничего вкуснее. Подумал, что простой кавказский плов «от кочевников» намного лучше, чем модные в обществе итальянские и даже лучшие неаполитанские макарони с пармезаном.

На десерт было подано холодное бланманже и ледяной шипучий креман, приятные в жару.

Пётр Афанасьевич попросил прощения, что отвлекает, и сказал:

– Господа, у меня есть важное сообщение. Поляна, где мы находимся, знаменита у местных жителей необыкновенно.

Вы видите, что одинокая скала перед вами похожа на

старинный замок, над разрушенными стенами которого возвышается остаток массивного *донжона*.

У этой необычной природной декорации много лет назад произошла романтическая история. Её расскажет вам мой друг и кунак Тохтар Заурович. Он поведает эту повесть о трогательной любви так, как её рассказывают местные жители. Конечно, коли вы пожелаете послушать!

Все согласились.

– *Аллахны игилигинден*[1], – начал Тохтар. -- Недавно в этих горах молодой *чагъар* по имени Хасан пас овец местного *бия*. По-нашему *чагъар* значит иногородний, а *бием* называют князя. Начальники у*русы* называют князя *старшиной*.

Хасан был хороший человек, храбрый и добрый, но несчастный, потому что полюбил бийскую дочь. Она была скромна, приветлива и прекрасна, как гурия рая. Он терял разум, когда видел её.

Мужественный и красивый Хасан нравился женщинам. Скажу вам откровенно, что женщины Карачая и Балкарии пользуются свободой и уважением почти такими, какие даются урусским женщинам.

Аллах предусмотрел это давно, чтобы наши женщины могли совершать добрые дела. Кроме сохранения домашнего очага и рождения детей, они ещё спасают мужчин.

Да, да! Поверьте, джигиты народ горячий и, бывает, ссорятся насмерть. Неважно, по пустякам или по делу.

Братоубийство останавливает женщина. Она спешит бросить платок, когда обнажаются кинжалы. Хотя платок не обязательно бросать. Бывает достаточно слова. Вот какой силой обладают наши женщины над джигитами!

Нашему маленькому народу это помогает сохраниться. Ради этой силы женщина должна вести себя осмотрительно даже, когда мужчина ей нравится.

Однако, продолжу. Случилась история страшнее ссоры и поединка, потому что *бийче къыз*...

Он приостановился:

– Как сказать по-русски? Да, спасибо, Афанасич! *Княжна*

---

[1] *По божьей милости (карач.- балкар.)*

была молода и легкомысленна.

Тут князь Андрей прервал рассказчика и сказал:

– Точно! Юные княжны бывают очень неразумными. – Посмотрел на княгиню, улыбнулся и вздохнул.

Тохтар продолжил:

– Верно! Княжна и пастух встречались тайно на этой красивой поляне. У нас подобное считается неприличным. Все осуждают.

Княжне нельзя выходить из дома без разрешения, а надо ткать красивые ткани и шить одежды для отца и братьев.

Но и пастуху, принятому в наш народ из пришлых, позорно нарушать обычай и выступать против княжеского рода.

Наш бий, конечно, тоже так считал. Но о тайных встречах он не знал, как и все мы. Влюбленные хорошо прятались от чужих глаз.

Тут приехал сын другого князя, привёз калым или, как у нас говорят, «плату за кровь». Семьи сговорились о браке год назад.

Княжич не нравился княжне с самого детства. Но князь считал, что в замужестве дочка… Как это урусы говорят? Да, спасибо, Афанасич, «стерпится – слюбится».

Назначили день скорой свадьбы. Княжна не смела отказываться и должна была идти за нелюбимого. Спасение было в бегстве. Побежала княжна на поляну, где вы сейчас находитесь, чтобы встретиться с пастухом.

Просила спасти её. Сказала, что согласна даже на похищение. У неё и приданое готово и деньги отложены, чтобы заплатить эфенди[1] за благословенную запись о браке.

Но за ней следили по приказу отца. Всегда так делается перед свадьбой, чтобы не случилось нехорошего. Например, похитили бы невесту не те люди или не там, где сговорились.

Поскакали слуги князя по следу и погнали молодых по горам, будто непослушную скотину, которую всю жизнь гонял Хасан. Видит молодёжь, что им не спастись. Полезли на самый верх скалы. Слуги, конечно, за ними.

Спрашивает храбрый пастух княжну:

– Любишь ли ты меня?

---

[1] *почтительное название духовного лица или чиновника (тур.)*

– Люблю, – отвечает, – навсегда!

–Нет нам спасения – говорит пастух. – Отдадимся на волю Аллаха – я прыгну первым, а ты за мной.

И прыгнул. Увидела княжна разбившегося возлюбленного и замерла от ужаса. Слуги схватили её и отвели к отцу.

Замок коварства и любви (Редковский А.А., 1880-е г.г.)

Тело нашли и похоронили. Злые языки говорили, что слуги князя убили пастуха. Но народ не обвинял слуг. Аллах убивать не велит! Следуя Корану, князь приказал бы схватить и судить, а не убивать! И не убили бы, а лишь навечно изгнали виновного из наших краев.

Через некоторое время люди узнали правду от проговорившейся служанки княжны. Храбрый пастух был влюблён так сильно, что прыгнул первым, а княжне оставил свободный выбор, как поступать.

Многие жалели пастуха и порицали княжну, погубившую

того, кто так сильно её любил, хотя был не прав. С тех пор скалу, на которую вы смотрите и где погиб пастух, люди стали называть Замком коварства и любви, а речку Аликоновкой. Из семьи Аликоновых был несчастный *джашкай*[1].

Джигитни аты ёльмейди! Так у нас говорят: «Имя героя не умирает!» Имя княжны люди как бы забыли. Иногда нарочно называют как-нибудь, но это всё неправда. Имя князя, её мужа, тоже не имеет значения, и я о нём умолчу.

Да ниспошлёт Аллах милость погибшему от любви! *Аллахым айыб этмесин!* [2]

Тохтар замолк. Молчали и слушатели.

Пётр Афанасьевич сказал, показывая рукой на причудливые скалы:

– Господа, посмотрите на эти скалы! Местные жители верят, что в них обитают духи.

Взгляните вон на ту скалу внимательно! Видите, она похожа на профиль человеческого лица? Говорят, в этом профиле запечатлен образ молодого пастуха, когда его несчастливую душу принимал и судил Всевышний.

Все смотрели, но не удивлялись. Они прежде повидали много чудес. Продолжали молчать.

Наконец княгиня Елизавета сказала:

– Какой грустный случай! И какой бедный сюжет! Ничего романтического нет, ведь тут отсутствует красота свободных чувств, – заключила она.

Майор Никанор Иванович поддержал её:

– Ваша светлость правильно сказали о чувствах! Настоящую любовь они возвышают. Безграничная верность в любви доказывает это.

Но давайте разберёмся в сути дела. В любовных коллизиях, кого бы они ни касались, хоть горцев, хоть деревенских, да и кого угодно, есть всего четыре сюжета для любовных пар.

Первый счастливый – долго жить обоим, пока не помрут, как говорится, «в один день». Второй сюжет несчастный – умереть сразу обоим в начале истории. Оба случая не интересны.

---

[1] *сынок (карач. - балкар.)*

[2] *Прости меня, господи! (карач. - балкар.)*

А интересно становится, когда кто-то (он или она) умрёт первым, а другой – вторым. Тут и случается настоящая коллизия счастья и несчастья!

Княгиня и графиня рассмеялись. Княгиня сказала:

– Вы, Никанор Иванович, невозможны. Препарируете любовные истории, будто разбираете сражения и оцениваете потери. Так делает истинный военный!

Князь перебил с усмешкой:

– Душа моя, что касается любви, то нам надобно вспомнить любовные треугольники, четырёхугольники и прочие фигуры, наподобие той, о которой столько говорилось во время нашей недавней поездки.

Он не мог забыть светскую сплетню о любви кавалергарда к замужней даме, рассказанную на водопадах. Графиня тоже помнила размолвку и возразила с показным негодованием:

– Князь, или по-местному *бий,* не смейте уводить нас в сторону геометрически! Так мы не дойдём до главного.

Я думаю, что наша история о влюблённых лишена интересных подробностей. И поэтому она настолько скучна, насколько бывает скучной сама жизнь, и, следовательно, эта история может быть познавательной, но не может быть интересной.

Сравните, например, наш кавказский сюжет с шекспировской любовью Ромео и Джульетты в итальянской Вероне. Не правда ли, похоже! Один умирает прежде другого, но театральная пьеса рассказывает не о том.

Она представляет необыкновенные времена, героев, нравы и характеры. Все действия на сцене пронизаны высокими чувствами и страстями. Вот что интересно зрителю!

Никанор Иванович поспешил галантно остановить начинающийся *piqué*[1]:

– О, милые дамы! Одни вы можете правильно судить, где истинная любовь, а где лёгкое кокетство! Вам интересен путь к счастью, но победа или поражение вас волнуют меньше. Любовные пертурбации – ваш конёк! В них нет вам равных!

Господа допили игристое вино, согревшееся в бокалах.

---

[1] *обмен колкостями, пикировка (фр.)*

Пётр счёл момент подходящим, и громко объявил о концертной части пикника:

– Кавказские песни о любви мы споём с Лукерьей, нашей солисткой. Она ещё прекрасная кулинарка, блюда которой вы отведали только что.

Князь перебил:

– Блюда превосходные! Надеюсь певица не хуже!

Пётр продолжил, чтобы отвести грубость князя:

– Мы с Тохтаром будем подпевать. Если песню уже слыхали, то скажите. Мы споём другую.

Музыканты заиграли. Из Пятигорска Петру удалось привезли ловкого домриста. Солдат, бивший в кавказский барабан, закончил вступление.

Дуэт начал:

– Не для меня придет весна ...[1]

Все были удивлены. Играл оркестр. Дробь и удары барабана пронзал тягучий звук гармони. Мелодию нежно поддерживало тремоло одинокой домры. Две домры были бы лучше, но нашелся лишь один приличный игрец!

Певцы и музыканты исполнили следующую душевную казачью песню.[2] Господа внимали, не прерывая. И, выслушав очередную песню [3], даже аплодировали. Солдаты, слуги и казаки приблизились к певцам и тоже хлопали в ладоши.

К Петру пришло вдохновение, как от пения во время купеческих поездок. Когда закончили песню, он переждал аплодисменты и обратился к публике:

– Друзья, теперь припевы песни пойте вместе с нами.

Лукерья спела вместе с хором шуточную «Пчёлочка златая...».[4] Закончив петь и переглянувшись с Петром, затянула величальную «Чарочка моя серебряная...». Хор поддерживал солистку с энтузиазмом. Выпевая имя каждого гостя, певица подавала рюмашку запеканки на блюде. Пётр наливал новую. [5]

---

1 Арбенина Д. Дятлов Е., Не для меня придет весна

2 Велия, Как по горкам по горам

3 При лужке, при луне

4 Ариэль, Пчёлочка златая

5 Казачья воля, Чарочка моя серебряная

Господа были в восторге. Прежде они слышали величальную песню цыган. Но русскую, исполняемую казаками на Кавказе, слышали впервые. Пикник в горах и новая величальная запомнились им навсегда. Пение казаков было прекрасно даже в любительском исполнении!

После концерта господа обменивались впечатлениями. Петр сервировал стол для чаепития. Когда Пётр выставил розетки с мёдом, графиня спросила:

– Этот мёд с Медового водопада?

– Нет, ваше сиятельство. Но такому мёду не зазорно получить также это название. Он вобрал в себя редкую целебную силу кавказских горных трав. Недаром так плодовиты здешние животные, поедающие траву круглый год.

Графиня зачерпнула ложечкой немножко мёда, осторожно лизнула и вежливо похвалила:

– Превосходный и ароматный! Откуда он?

Пётр пояснил:

– Этим летом его получили пятигорские пчеловоды. Под Кисловодском тоже скоро станем брать.

Самовар был готов. Чай пили долго. Уделили внимание мёду, дорогим вареньям на сахаре, вишневому и абрикосовому, а также бисквиту и сладким фруктовым пирожкам.

Князь сходил к речке, освежил лицо и руки. Обтёрся, улёгся в сторонке на ковёр, положил голову на свёрнутый плед, прикрыл лицо платком и заснул. Пришло время отдыха.

Слуги выпили по чарке пожалованной князем запеканки. Хватило всем! Закусили тем, что осталось. И устроились отдыхать, найдя тень под повозками и возле кустов.

Тохтар и казаки не пили вино, так как одни был магометанином, а другие старообрядцами, но от плова, свежей баранины и хлебного кваса не отказались.

Графиня расспрашивала Петра о кухне. Выясняла, какие блюда считаются полезными на курсе.

Пётр сказал:

– Мы работаем под наблюдением врачей. Главный доктор находится в Пятигорском госпитале. Случается, что больному или раненому назначают особые блюда. Тогда мы их делаем. Но чаще готовим обычное русское меню. Для этого у нас на кухне

имеется русская печь. Замечено, что при лечении нарзаном кавказская кухня хороша, но русская кухня полезнее.

Петр и графиня принялись сравнивать русскую и кавказскую кухню с французской и английской. Обсудили поданный кокот. Петр сказал:

– Вы правы, ваше сиятельство, можно оставить шампиньоны вместо белых. но добавить сушеных белых. Вкус блюда обогатится. Можно в соусе использовать местные сливки. Полученное блюдо будет отлично выглядеть в меню ресторации!

Графиня посоветовала:

– Подавайте горячим и назовите «жюльен Найтаки».

Продолжая тему, вспомнила традиционное швейцарское сырное блюдо *fondue*, вкус которого не оттеняют грибами. Разговор стал интересным.

Пётр спросил разрешение и стал делать записи карандашом в карманный блокнот. Иногда переспрашивал графиню. При этом Пётр не терял из вида, что происходило вокруг. Он привычно занимался одновременно несколькими делами.

Отметил заботливость кучера. Тохтар позвал солдата музыканта, и они двинулись к лошадям, которых донимали бзыки[1]. В дальнем углу поляны стреноженные лошади усердно махали хвостами и дёргали гривами. Требовалось перевести страдальцев туда, где ветерок отгонял кусачих насекомых.

В это время княгиня по-свойски предложила майору танцевать. Майор позвал музыкантов. Те совещались недолго, и пара стала вальсировать. Вальс, исполняемый на горских инструментах звучал непривычно.

Тохтар, покинутый солдатом музыкантом, продолжал перегонять лошадей к ветру. Тёплое чувство согрело душу Петра. У него не было никаких замечаний к работавшим людям. Все заметно старались. Он подумал:

– Я был прав, когда перед поездкой сказал под большим секретом, что мы готовится к пикнику с государем. И чтобы об этом не болтали!

Место было непригодным для танцев, каменистым и

---

[1] *слепни и оводы*

неровным. Пётр взял на заметку, что придётся всё расчистить и обязательно выровнять к следующему пикнику. Музыка смолкла, и Пётр услышал, как княгиня спросила майора:

– Продолжим танец на балу в ресторации?

– Благодарю, ваша светлость! С полным удовольствием ангажирую вас! – ответил майор.

Оба вернулись к столу попить. После обеда стало жарко.

Графиня, наблюдавшая танцы, тихо сказала подруге:

– Бетси, душенька, не сочти, что завидую. Ты у нас *la femme émancipée*[1]. Но берегись своевольничать! Ты знаешь, князь ревнив! Не посмотрит на твою красоту и назовёт Лизеттой, как кобылу Петра Великого! Будет тебе эмансипе!

Между тем Пётр убедился, что новая повариха годится для ресторации. Она без напоминания мыла посуду в речке, а девушки драили казан песком.

Потом девушки уложили казан в повозку, а повариха принялась вытирать и убирать посуду и сервировку в корзины. Сложила скатерти, полотенца, салфетки и тряпки.

Закончив с уборкой, девушки поспешили к барыням, которые давно звали их с нетерпением. Покорно выслушав строгие внушения, помогли госпожам устроиться на коврах для отдыха. После, присев в изголовьях, принялись отгонять мух. Наступило затишье. Господа спали, слуги дремали.

Петр решил непременно в будущем предложить отдых для императора на целебном кавказском воздухе.

К вечеру посвежело. Господа, полежав на коврах и отдохнув, переоделись в обычное платье, сели на лошадей и уехали в сопровождении казаков.

Слуги и солдаты, не мешкая, убрали всё и уложили в повозку и в телеги. Увязали груз. Под контролем Петра ничего не забыли, даже мусор, даже палки и гирлянды от навеса. На будущее надобно было оставить поляну в чистоте. Пётр заставил всё убрать, хотя солдат, ходивший в дозор с оговорками, опять ворчал, но уже негромко, запомнив, какое внушение он получил от майора.

Залили водой тлеющие угли. Солдаты взяли оружие. И обоз

---

[1] *женщина, стремящаяся к равноправию с мужчинами (фр.)*

поспешил вдогон господам потому, что приблизилась кисловодская ночь.

Солнце было готово скрыться за Боргустанским хребтом. Кучера усердно погоняли лошадей, зная, что в горах темнеет быстро. Оставшись с малой охраной, они торопились вернуться засветло. Недаром пословица напоминает, что тати не жнут, и ночи ждут! Все знали, что кругом бродит много абреков.

Возвращение кунака

Князь, никогда прежде не хваливший Петра, поблагодарил за прекрасный пикник и закончил глубокомысленно: «*Ton dieu est dans les détails*»[1].

Пётр был доволен, и отпустил Тохтара съездить на три дня на семейный праздник, но сказал, что пришлёт за ним, едва придет известие о приезде государя.

Последнее время Тохтар бывал редко в *атауле*[2] Мара́ из-за дальности расстояния. Но пропустить праздник *бешикге салыу*[3] было недопустимо. Тохтар с женой Фатимой, сыном и дочкой везли подарки.

К середине дня они добрались до перевала. Перед ними открылась незабываемая картина. В синем безоблачном небе сиял громадный Эльбрус. Внизу виднелась обширная зеленая долина, покрытая холмами, лесами, полянами и ручьями. Русские господа говорили, что это кавказский Шварцвальд, но Тохтар считал, что его родина бесконечно лучше заграницы.

Предстоял спуск по рискованному серпантину. Тохтар передал вожжи и кнут юному сыну Джамбулату. Он приучал его к самостоятельности. Но жене и дочери приказал пройтись пешком. Сам по привычке пошел впереди, как велит обычай. Как только они въехали в открытые ворота отчего дома, отовсюду сбежались, крича и радуясь, дети. Фатима стала наделять их сладостями.

---

[1] *Твой бог в деталях (фр.)*

[2] *поселение или его часть, где живут близкие родственники, у которых общий предок и собственность на землю*

[3] *этнический тюркский обряд; первое пеленание младенца (карач.)*

Пока продолжалась радостная суматоха, подошли братья старший Хазрет и младший Тувай. Здороваясь, обнялись с Тохтаром по горскому обычаю. Справились о дороге, о самочувствии. Потом распрягли лошадей и откатили повозку в угол двора. Тувай отвёл коней к коновязи.

Праздник карачаевцев (Раев Г.И. 1908 г.)

Рядом был сложен запас дров и кизяка. Под навесом мужчины разделывали мясо.

Внизу двора стояли кони у коновязи и у повозок. На дальней стороне двора находились погреб, сараи для коней и скота, а также ворота для выхода в сад и огород. В одном из сараев размещался хозяйственный инвентарь. В углу двора виднелся сеновал.

Отчий дом был похож на *Blockhaus*[1]. Он был приземист, сложен из сосновых стволов с замазанными щелями и маленькими окнами. В каменный фундамент был положен еще отцом кусочек священного камня *Карчи*[2]. Двускатную крышу

[1] *Blockhaus – блокгауз; небольшое деревянное укрепление (нем.)*

[2] *Чёрный камень из магмы вулкана Эльбруса вблизи аула Карт-Джурт.*

покрывал аршинный слой земли с порослью травы. Из трубы, обмазанной глиной, поднимался легкий дымок.

Тохтар и старший брат отправились к дому. По пути Тохтар передал брату деньги. На заработок Тохтара семья восстанавливала отару после черкесского нападения.

Дверь дома украшал резной солярный оберег – круг с двумя перекрещенными лучами. Брат открыл дверь и вошёл. За ним, привычно пригибаясь, прошёл Тохтар в помещение, знакомое с детства. Это была комната главы дома, старшего брата, а до него отца.

В главной комнате горел очаг, похожий на камин. Потолок подпирал деревянный столб. К столбу был прибит «на счастье» череп отцовского коня. На покрытых глиной и побеленных стенах висело оружие.

У задней стены на длинном диване, покрытом *кийз*[1], сидели седобородые дядья и сваты. Они ждали, когда проснётся младенец и можно будет приступить к церемонии.

Поздоровавшись со старцами, Тохтар разоружился. Но с кинжалом на поясе не расстался. Брат аккуратно поставил в угол его ружьё и положил пистолет.

Подарки лежали на топчане, где раньше спал отец, а после него стал спать брат. Тохтар открыл мешок, вынул и положил на топчан отрез байки для детских пелёнок, пояснив, что это куплено в Пятигорске по заказу дядьёв.

Потом достал ползунки, шапочку и пинетки и сказал, что вязаные вещи были сделаны руками жены и невестки хозяина Найтаки. Они желают здоровья малышу и его матери.

В конце показа положил кинжальчик и рассказал, что купил его у заезжего мастера грузина в Пятигорске. «*Къамачыкъ*[2] сделан хорошо, – оценили старики, – подойдёт будущему джигиту».

Старший брат, выслушав пояснения, спросил:

По легенде в конце XII века на нём сидел Къарча родоначальник карачаевцев и балкарцев. Он привёл из Золотой Орды людей, которые перемешались с местными жителями.

[1] *войлочный ковёр (карач.- балкар.)*

[2] *къама – кинжал, къамачыкъ – кинжальчик (карач.- балкар.)*

– Тебе не показался тот грузин странным?

Слова брата удивили Тохтара:

– Нет, не показался. Умелый оружейник из Грузии с прекрасным оружием. Что ты хочешь сказать?

Брат ответил:

– Пастух из Учкулана, перегонявший баранов на пятигорский базар, останавливался на обратном пути у нас, и уверял, что будто бы видел на базаре абрека Али Хырсыза, переодетого в грузинского оружейника, и с ним был ещё один человек. Я расспросил, как оружейник выглядел. Пастух описал похожего человека, но с другой бородой

Тохтар задумчиво проговорил:

– Странно! Зачем он явился? Отомщу, как встречу! Если бы не проклятые черкесы, отец праздновал бы сейчас с нами!

Женщины внесли люльку и проснувшегося ребёнка. От детского крика мужчины смолкли. Хозяйка мать Тохтара выразила радость, что все собрались. Спросила стариков:

– Почтеннейшие, как вы предлагаете назвать малыша?

Хотя все знали имя, но хранили его как бы в тайне, молчали и ждали, что скажет старший дядя.

– Мне снилось, – сказал дядя, – что я лежу на перевале Хасаука и *сал болургъа*[1]. Сон о смерти заставил меня вспомнить сражение, которое открыло нам дорогу в новую жизнь. Защищая ворота в Старый Карачай, ополчение карачаевцев храбро билось целый день, хотя нас было меньше нападавших русских войск. Мы знали, как русские наказывали за неповиновение, даже пели об этом, но все равно сражались.

Многие ополченцы погибли, и мы потерпели поражение[2]. На следующий день наш предводитель *олий*[3] Ислам Крымшамхалов сдался генералу Эммануэлю и спас нас от разорения. Мы отказались от договора с османами и стали

---

[1] *умер (букв. стал трупом) (карач.)*

[2] *Бой 20.10 (1.11) 1828 г. между русскими войсками генерала Георгия Эммануэля и карачаевским ополчением во главе с князем Исламом Крымшамхаловым на перевале Хасаука. 1653 солдата и офицера при 10 пушках против примерно 500 горцев бились более 12 часов.*

[3] *умный, учёный, эрудит (карач.- балкар.)*

подданными русского императора. С тех пор у нас царит мир.

Твой муж Заур и сыновья, как и все присутствующие, остались живы. *Бий* Ислам защищает нас до сих пор. Недавно он, старик, вместе с людьми перебил в горах банду абреков цебельдинцев, захвативших трёх мальчиков и стадо скота.

Я думаю, что нашему малышу надо дать славное имя Ислам. Пожелаем ему вырасти храбрым и мудрым, как уважаемый *таубий*[1].

Скажу торжественно:

-- *«Джазака-Ллаху Хайран! Субханаху ва Та'аля»*[2].

Хозяйка ответила *инша Аллах* и положила спеленатого малыша на руки старого дяди. Тот пошептал молитву на ухо ребёнку. Имя было дано.

Пока шла церемония, в деревянную люльку, украшенную оберегом из волчьих когтей, пустили кошку, на счастье.

Следуя обряду, мать обратилась к *келинни анасы:*

– Дорогая, может быть, ты перепеленаешь ребёнка?

Про себя Тохтар уточнил:

– *Келинни анасы* переводится «мать невестки», а по-русски «сватья».

Прозвучал отказ, предусмотренный обычаем:

– Нет, милая, сделать это мы просим тебя.

Дядя вернул ребёнка матери Тохтара. Привычными движениями старушка распеленала внука, вытерла попку и посыпала целебным порошком из трав.

Устроила подгузник. Положила ребёнка на новую пелёнку, быстро запеленала, завернула в одеяло и опустила в люльку, прогнав кошку.

Тохтар подумал: «Похоже, что Тувай позаботился о зубе волка на шею сына. Сын будет носить оберег не хуже других».

Малыш молчал, даже не хныкал. Все заулыбались: «Имя ему понравилось!» Старушка глянула на *келин* (по-русски «невестку», – уточнил Тохтар). *Келин* пошла к люльке, чтобы дать грудь малышу.

Мать пригласила присутствующих:

---

[1] *горный князь (карач.)*

[2] *Да воздаст тебе Аллах благом! Свят Он и Велик. (араб.)*

– *Стол артына олтуругъуз!*[1]

Перед домом были постелены *кийизы* для сиденья и расставлены столики *тепси*[2]. Когда мужчины сели по старшинству, их обошли с полотенцем, тазиком и кувшином теплой воды для омовения рук. Женщины, живущие в отцовском доме, принесли чуреки, мамалыгу, тузлук. Хлеб ножом не резали, а ломали руками и на землю не роняли.

Все по традиции уважительно угостились вкусным и нежным курдючным салом. Младший брат раздал варёную баранину, разделанную на куски согласно старшинству едоков.

Главным блюдом были горячие *хычины,* которые ели, держа руками. Поев, мыли и вытирали жирные пальцы.

В заключение пили чай с мёдом. Курили и беседовали о том, что волновало всех: об окончании стрижки овец и покоса; об уборке урожая и перекочёвке животных с гор в долину, пока нет снега; о нападении волков; о делении стад на стойловое и вольное содержание и об иных важных общих делах. Женщины и дети праздновали отдельно в другом конце двора. Там звучала музыка. Мужчины поспешили присоединиться. [3]

Тохтар ушёл отдыхать рано. Завтра чуть свет вставать и идти с братьями на кладбище проведать отца. Затем он возьмёт на повозку барана и другие подарки и поспешит в Кисловодск, чтобы не подводить Петра Афанасьевича. Надобно срочно сообщить, что появилась черкесская разведка.

Кунак просил, чтобы я не мешкал в этом случае. Хорошо, что дети и Фатима остаются в Марé по просьбе матери. Хазрет привезёт их через месяц обратно.

Раздеваясь и ложась в приготовленную постель, он думал, что дядя, рассказывая о выборе имени племянника, мог бы сказать о потерях на войне. Но в семье избегали вспоминать вслух об этом, щадя чувства матери, очень любившей погибшего отца.

Война длится так долго, что, наверное, малыш Ислам успеет вырасти и обнажит кинжал, как и мы, в настоящем бою. Помоги

---

[1] *Садитесь, пожалуйста, за стол! (карач.)*

[2] *низкий круглый трехногий столик (карач.)*

[3] 🔔 Ходзь мелодия

ему, Аллах, и помилуй!

Доносился шум со двора. Там веселилась молодёжь. Вошла мать, села рядом, взяла за руку, вздохнула и пожелала доброй ночи. Возложив опасения на бога, не беспокоясь ни о чём, Тохтар сладко уснул, как в детстве.

Было слышно, как в соседней комнате нежную песню напевала *келин* своему сыну, названному мужественным именем Ислам: «*Белляу, белляу, белляу, бёлейим\ Сени насыблы болуб а кёрейим.*[1]» Не забытая детской памятью колыбельная его убаюкала. [2]

Давно перевалило за полдень, когда Тохтар приблизился к Кисловодску. Сразу вспоминалось, как погиб отец, и вернулись мечты отомстить черкесам. Он уже был уверен, что абрек задержался в Пятигорске, и его удастся захватить.

Рядом в повозке лежало расчехлённое заряженное ружьё, а на поясе висел кинжал.

«Отомщу проклятому черкесу! – думал он -- Есть за что! После того, как произошло замирение с русскими, черкесы вместе с османами стали говорить всем племенам, что карачаевцы предатели. Свою вину перекладывали на невиновных.

Черкесы схватили пастухов и зарезали, как баранов, потому что опасались, что они их выдадут. Отару угнали. Люди говорили, что главным у черкесов был Али Хырсыз.

Теперь он узнает, какова месть карачаевца! Разбойнику не поможет волшебная кольчуга, которую он получил от злых горных духов, продав душу шайтану.

Исполню святой завет «правда и справедливость сильнее демонов». Хороший заряд пороха и особенная пуля мне помогут. *Аллах акбар*!»

Тохтар не замешкался в дороге. Повезло, что разъезжаться со встречными на узкой горной дороге не требовались.

«Только предупрежу кунака Петра, чтобы не ждал меня и поспешу дальше. Пётр Афанасьевич помнит моего отца и знает

---

[1] *Баю, баюшки, бай, бай\ Полный счастья, засыпай. (перев. с карач.)*

[2] Байчорова Ф., Карачаевская колыбельная белляу

бедственное положение моего семейства. Он поймёт», -- был уверен Тохтар.

Ему вспомнилось, как он подружился с Петром. Дело было рядовое. Двадцать лет назад, когда Тохтар был молодым и несемейным, они с отцом искали работу. А Пётр в это время добывал соль из соленого озера недалеко от Медвеженского хутора, чтобы обменивать её на камень для постройки казарм в Александровской крепости в Усть-Лабинске. Срочность была большая.

Дорога в горах (Дубовской Н.Н., конец 1890-х г.г.)

Удачное было начало! Как все, я ломал камень на Лабе, а отец и другие возили его вдоль Лабы на арбах и волах в крепость. Отец большую часть соли, получаемой от Петра, выгодно менял на овец.

Когда заданное количество камня добыли, отец попросил Петра найти работу для меня, чтобы я мог собрать калым за мою

Фатиму. Пётр спросил отца, что я умею делать. Отец сказал, что я люблю лошадей. Это правда!

Пётр взял меня к себе кучером в дальние поездки. Царская казна хорошо платила за снабжение армии. Где мы только не бывали! Добирались до Сам-Петербурга и на Волге, и на Урале были, откуда пришли мои золотоордынские предки. Через какие приключения прошли – не хватит времени рассказывать!

Не раз бились с разбойниками! Выручали друг друга. Тогда-то и подружились домами: русские говорят «покумились», а по-нашему стали кунаками. Пришло время снова выручать друг друга. Неужели *тенгим* меня не поймёт и не поможет?»

Он волновался. Совсем забыл следить за окружением. Вдруг ударил раскатистый гром. Тохтар оглянулся и проговорил:

– Как я не заметил, что с утра дождевые облака собирались над Боргустаном? Этот проклятый абрек замутил мне голову.

В потемневших горах, покрытых клубящимися чёрными тучами, сверкали яркие молнии. Раз за разом оглушительный грохот разносился над кисловодской котловиной. Порывы ветра поднимали пыль над дорогой.

Тохтар поспешно убрал ружье в чехол, надел и замотал башлык. Начался грозовой ливень. Повозка преодолела брод через Подкумок. Река пока ещё не успела переполниться. На гравийной дороге грязь на колёса почти не наматывалась.

Когда Тохтар подъехал к ресторации, водопад с небес внезапно прекратился. Дождь был недолгий, но промочил насквозь.

Во дворе ресторации люди занимались обычными делами. С Тохтаром обменялись приветствиями. Кто-то заметил ему, что на кухне можно обсушиться. Появился Пётр Афанасьевич. Поздоровались за руку и по привычке обнялись:

– Какой ты мокрый! Пойдем ко мне! Расскажешь!

Они счистили грязь с обуви о железную скобу у порога. В комнате Пётр первым делом спросил, как здоровье мамы и братьев. Поинтересовался, как прошёл праздник. Имя Ислам ему понравилось. Но Тохтар был молчалив. Петр не обиделся – чувствовал, что случилось что-то нехорошее. Спросил, из-за чего Тохтар вернулся, ведь они договорились встретиться на

другой день.

Тохтар сказал:

– Ты знаешь, как погиб отец. Так вот, люди сказали, что на пятигорском базаре видели Али Хырсыза. Кони отдохнут чуток, и я погоню в Пятигорск.

– Так, – сказал Пётр, – понимаю! Дело серьёзное.

Он расспросил подробности и таким образом немного успокоил кунака. Сказал:

Надо собираться в дорогу. Только давай возьмём коней Митрича. Плохо, если твои кони не дойдут. Ехать-то нам в ночь. Пока пойди и переоденься, а я всё приготовлю, – Петр знал, что у друга в конюшне было, во что переодеться.

Поиски абрека

В критические моменты Петр принимал решения быстро. Приказал Ксении бежать в станицу и сообщить атаману, что срочно необходимы два казака для охраны ночной поездки в Пятигорск.

Митрич помог Тохтару запрячь своих коней. Пётр принес оружие и ночной фонарь. Ессентукскую проехали уже в сумерках.

Ночью накатанная дорога плохо различалась, особенно когда тучи закрывали свет луны. Поэтому ехали медленнее, чем хотели. Добрались до Пятигорска в полночь. На въезде в город были остановлены казачьим патрулем, но старший узнал Петра Афанасьевича и пропустил, не вызывая караульного начальника.

Утром чуть свет Пётр Афанасьевич и Тохтар Заурович делали покупки на пятигорском базаре. Скрывая свои поиски, обошли все ряды. У Петра был наготове пистолет в корзине, а Тохтар то и дело брался за рукоять кинжала. На расспросы им сказали, что грузина никто не видел третий день.

Когда они складывали покупки в повозку. Пётр видел, каким раздосадованным был Тохтар. Учитывая расстроенные чувства кунака, сказал:

– Скорее всего, абрека уже и след простыл. Я пойду к коменданту Пятигорска. Возможно, что-то узнаю. А ты в

ресторации приготовься в дорогу. Жди меня

Петр обязан был рассказать о ложном кавказском торговце Петру Петровичу Чайковскому[1] директору Строительной комиссии, временно замещающему военного коменданта. Знал, что он в присутствии. Там по распоряжению командующего барона Розена спешно обновляли карту города, чтобы послать на утверждение императору.

По пути к коменданту Пётр Афанасьевич думал о ресторации: «На базаре нет лука порея и шалота. Придётся посылать в Каррас к колонистам. У этих немцев найдётся всякая овощ».

Тут его мысль прервал встречный:

– Здравствуйте, любезный Пётр Афанасьевич! Как здоровье? Как сыновья? Супруга?

Петр вежливо ответил. Встречный произнес:

– Очень рад за вас!

Каждый раз, когда его останавливали, Петр исполнял положенный ритуал и возвращался к прерванным размышлениям:

«Попробуем сварить овощной соус, предложенный графиней Урловой для форели. По словам повара, он готовил похожий не единожды. Выйдет ли в этот раз, проверим! А если повар будет занят выше головы, то я могу и сам приготовить пробное блюдо. Самому делать всегда полезно. Мой авторитет не будет потерян, а прибавится.»

Пётр понимал, что необходимо улучшать или хотя бы изменять меню, чтобы интерес посетителей не ослабевал. В этот раз он собирался попробовать прибавить форель «по-женевски» к блюдам *prix fixe*.

Если правильно приготовить соус, то рыба получится особенно вкусной. Петр были уверен, что его ждет успех. Во время пикника Пётр узнал рецепт от графини с любопытными поправками. Расходы на блюдо были умеренными.

На Большой Средней улице Петра окликнули. Он обернулся, и увидел полковника Петра Петровича, взмахами руки

---

[1] *георгиевский кавалер дядя композитора П.И. Чайковского, назначен на должность с 16 июля 1836 года; дослужился до генерал-майора* [1]

приглашающего к себе в коляску.

«Легок на помине, – подумал Пётр. – Мне сегодня не повезло с поисками и покупками, зато везёт с начальством! Ну, что ж, поедем, коли мой арендодатель приглашает, хотя до присутствия осталось дойти два шага!»

Когда Пётр сел рядом, полковник воскликнул:

– Пётр Афанасьевич, ты меня опять удивил!

Пётр насторожился: «Почему называет по имени с отчеством! Как-то не по-дружески? Что произошло?»

Пётр Петрович продолжил, смеясь:

– Тебя очень хвалил председатель благородного собрания Ребров Алексей Федорович. Правильно, что ты поставил его в известность! Хотя он уже знал о моих намерениях.

На хитрую болтливость Петра погрозил пальцем и добавил:

– А ты шалун, Петр Афанасьевич. Твой пикник сразил княгиню Елизавету и графиню Екатерину. Вернувшись из Кисловодска, графиня во всех гостиных рассказывает о пикнике и восхищается, как романтично расстался с жизнью кавказский Ромео. Все растроганы. Молодец, Пётр!

Внезапно полковник сказал серьезно:

– Пришли-ка мне слова песен, которые вы пели на пикнике. Велю стряпчему переписать красиво. Он у меня редкий каллиграф! Подарю дамам. Тебе передам тоже, чтобы на концерте государь мог разобрать, о чем вы поёте.

Пётр выслушал своего покровителя, улыбнулся в ответ и почтительно ответил:

– Ваше высокоблагородие, сегодня же напишу и пришлю. Спасибо за столь лестную похвалу!

Продолжил серьезно:

– Только меня не оставляет, знаете ли, маленькое сомнение, которым я обязан с вами поделиться.

– В чём дело? – заинтересовался полковник.

Пётр сказал:

– Рад, что пикник, который мы готовим государю, понравился дамам. Однако, смею напомнить, прошу прощения, что государь не дама, а мужчина. Для него надобно прибавить что-то мужественное. Например, показать настоящую казачью джигитовку.

– Э, Пётр! Ты хватил не туда. Всё испортишь! Будет перебор. Ведь, согласись, в каждой станице или ауле, где государь задержится, ему покажут конные умения: и выездку, и джигитовку, и рубку, и стрельбу. Зачем нам быть, как все?

Коляска остановилась у дома в Нижнем переулке, который занимала Строительная комиссия. Вошли. В зальце их ждал секретарь комиссии Снесарёв.

За конторкой сидел стряпчий и писал бумаги. За большим столом чертёжники и инженер-полковник Баумер рисовали карту.

Пока направлялись в кабинет, секретарь докладывал негромко начальнику. Пётр Петрович отдал распоряжения стряпчему и, наконец, обратился внимание на Петра Афанасьевича.

Полковника не смущали ни внешний вид Петра, ни его мощные бакенбарды. Наоборот, их живописность ему даже нравилась.

Недавно познакомившись с Петром, полковник быстро оценил редкую старательность и личное дружелюбие ресторатора. Публика, знавшая Петра плохо, видела одну услужливость, помноженную на деловую хватку, – черту, обычную для купечества, – но не видела истинного человеческого характера.

Став серьезным, полковник сказал:

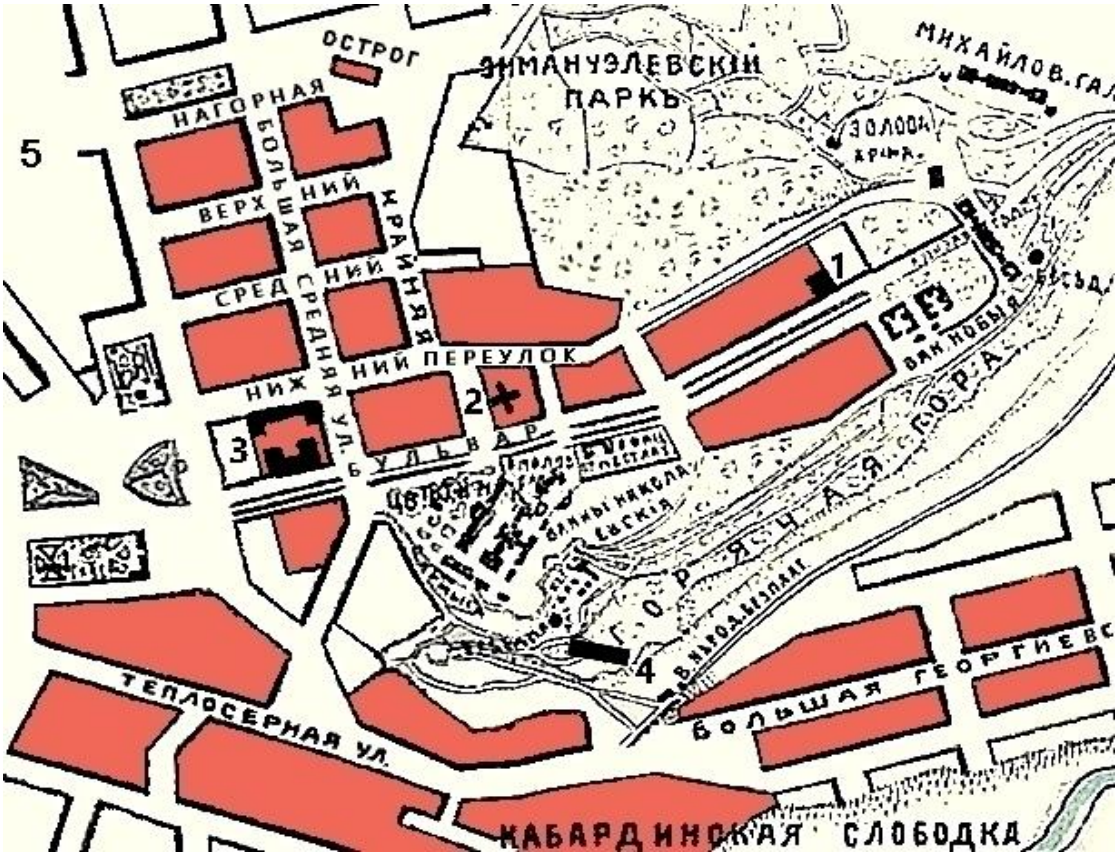
– Вижу, тебя интересует карта. После того, как Пятигорск по указу 1830 года утвердили уездным городом, потребовалась новая карта. Прежняя, составленная Бернардацци, устарела. В новой мы улучшили идею этих архитекторов и запланировали просторные жилые кварталы.

Но командующий Розен посчитал, что обширное пространство будет трудно защищать в случае нападения. Обороняемую площадь сократили и предусмотрели фортификации. Придётся плотно застраивать все свободное пространство, почти как в столице. Будем жить поблизости друг от друга. В тесноте, да не в обиде!

Скоро закончим рисовать копии карты и отправим медицинскому департаменту при Министерстве внутренних дел. Он, как ты знаешь, руководит нами и даёт средства на

развитие города и на лечебные заведения.

Департамент представит карту императору на его собственноручную подпись. Дальше Пятигорск будет строиться по утверждённой императором карте, а не как попало.

Пятигорск в 30-е годы XIX века
(реконструкция по схеме Г.Г. Москвич, Практический путеводитель по Кавказу, 1913): 1 — усадьба Найтаки, 2 — церковь, 3 — гостиница, 4 — госпиталь, 5 – базар.

Познакомив Петра Афанасьевича с городским будущим, Пётр Петрович вернулся к прежней теме разговора:

– Пётр, скажи по правде, ты согласен забыть джигитовку?

– Согласен. Вы правы! Забуду!

Петр счёл, что подошел момент сообщить начальнику главное, ради чего пришел:

– Для вас, ваше высокородие, есть важное и срочное сообщение. Дружественные горцы передали, что распознали на пятигорском базаре известного разбойника Хырсыза со спутником. Сказали, что он вроде бы скрывается под видом

торговца оружием из Грузии.

Сегодня мы искали его, но, извините, не нашли! Думаю, завтра с утра пораньше надобно поискать.

Полковник вздохнул:

– А… Так вот почему ты с пистолетом ходишь!

Мы тоже подозревали, что в городе побывал черкесский лазутчик. Торговец не пришёл в управу на запись и скрылся под шумок, когда случился пожар на окраине города. Так что дальше можешь не искать его. Теперь это моя забота.

Оказывается, что у нас побывал сам Хырсыз. Черкесам не хватает рассказов армянских и прочих купцов.

Недаром генерал Засс предупреждал о большом набеге осенью. Черкесы давно на город точат зубы. Пусть попробуют съесть! Мы готовы. Подавятся! Запомнят надолго.

Своему агенту передай благодарность, пусть и дальше будет бдительным. Ты подготовился в Кисловодске?

С интересом выслушав, Пётр ответил:

– Да! Буду ждать ваш сигнал о приезде императора. Всё сделаю в наилучшем виде! Будьте уверены! Ежели что потребуется, сообщите моему Алексею. Он тут же исполнит или передаст мне!

Пётр отправился в гостиницу. Спускаясь по Большой Средней улице, он продолжал размышлять о меню ресторации. Своими мыслями Пётр управлял не хуже, чем делами. С божьей помощью всё получалось, как бы, само собой.

Его давно привлекала идея добавить к блюдам *антреме*[1]. Никак не решался, стоит ли заняться этим серьёзно. Придется, может быть, даже кухню устраивать по-новому. Он был уверен, что оба сына непременно прибавят своё

А пока попробую сделать форель «по-женевски». Его не смущало, что блюдо было из хорошо известной книжки знаменитого Корделли «Новейший и совершенный парижский повар…». Для надежности всё-таки решил заглянуть в новую книжку «Поварня русская» Василия Алексеевича Лёвшина.

---

[1] *от entre mets – между блюд (фр.); лёгкий десерт – пирог, каша, овощное, сыр или даже сладкое – между основными блюдами.*

ЧАСТЬ IV. Набег на Кисловодск

Дальняя разведка

Осенним утром 1252 года *хиджры*[1] (1836 года от рождества Христова) в дремучем лесу на черноморском побережье Западного Кавказа двигалась небольшая группа черкесских всадников.

Огромные буки накрывали высоким зелёным пологом дорогу, проложенную между замшелыми глыбами камня и упавшими стволами деревьев. Светло-серые стволы, тянущиеся к свету, выступали из полумрака подобно украшенной колоннаде старой мечети.

Лучи солнца падали через просветы в куполе ветвей. Мхи и лишайники вспыхивали разными оттенками зеленого цвета и высвечивали полумрак.

Негромко шумела листва под дуновением морского бриза, освежающего лица всадников. Берег моря был близко. Кони изредка всхрапывали. Подковы ударяли о камни. Звякал металл, когда сталкивались оружие и сбруя.

Впереди ехали двое: *пщы* и *орк*[2]. За ними двигались, чуть отстав, *нукеры*[3].

На обветренном спокойном лице *пщы* выделялась поседелая борода. Пронзительные светло-серые глаза выглядывали из глубоких морщин. Голову венчала белая мохнатая папаха.

Статный *орк* ехал слева от старца. Он тоже был под большой мохнатой папахой. Его загорелое гордое лицо с крупным крючковатым носом красили каштановая борода и усы. Карие глаза смотрели на мир со смешанным выражением искренности и хитрости, скрываемых скромным обликом.

Темную добротную одежду всадников украшал полинялый серебряный галун. Это был общепринятый стиль благородных

---

[1] *от переселения Пророка в Медину (араб.)*

[2] *пщы – князь; оркъ – дворянин (адыг.)*

[3] *нукер – телохранитель, слуга, товарищ, дружинник (тат.)*

черкесских джигитов.

Даже по торжественным случаям знатные джигиты редко надевали лучшие одежды. Но от толпы их отличало другое. На оружии сверкала богатая инкрустация, искусная резьба и драгоценные камни. Золотые цепочки, протянутые к газырям, и отличные кони с дорогими подседельными попонами подтверждали высокий статус всадников.

Пщы и *орк* ехали уже несколько часов и коротали время в неспешной и доверительной беседе. Основной темой была, конечно, война с русскими.

Не то, чтобы беседующие хотели любым способом устранить причину войны. Они понимали бессмысленность этого намерения. И совсем хотели открыть древнюю тайну войн между людьми. Ничего такого! Просто тема войны была для них не проходящей болью, а философический разговор ослаблял душевные страдания.

Разбирая причины войны, благородные джигиты сравнивали невоенные обычаи урысов и адыгов потому, что гордились своими самобытными привычками, а военных успехов почти не имели, несмотря на безусловную поддержку народа и отчаянную храбрость.

Их радовали братские отношения между адыгами, которые не зависели от положения и богатства. Они глубоко уважали стариков, гордились взаимопомощью, переходящую в щедрое гостеприимство, скрывали тайны брачной жизни.

Семью, даже беднейших адыгов, нельзя было разрушать, а, если женятся, то помогать с калымом. В долг, конечно, ради поддержания закона и порядка. Так закладывается невероятно доверительный союз между семьями, даже удаленными. Так же объединяется весь наш народ. В единстве – наша сила и наше будущее!

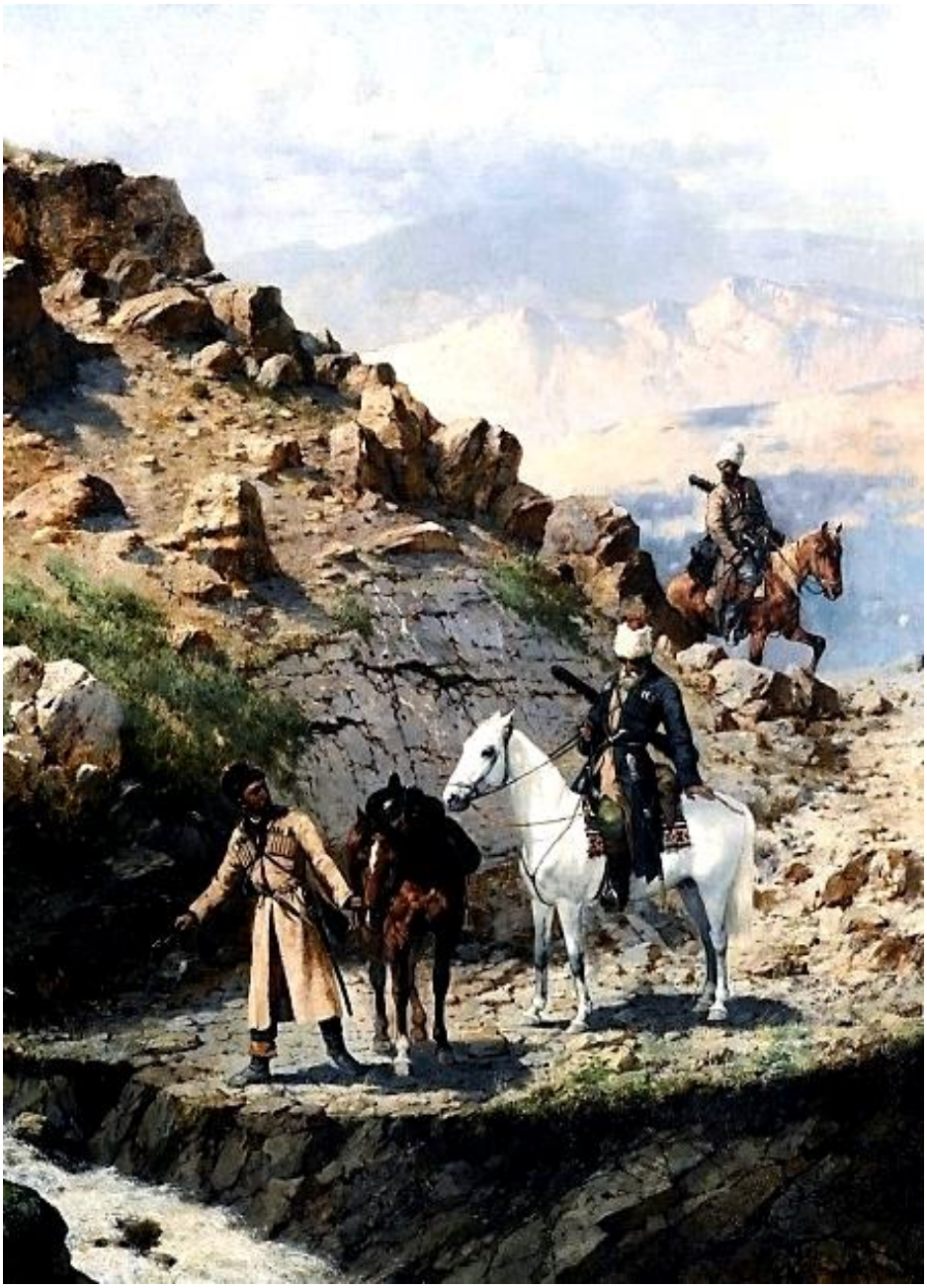
Оба всадника отметили особо, что адыгов, даже подневольных, нельзя было продавать без их согласия, как делают проклятые урусы со своими крепостными.

Урысы лгут всему свету, что у них нет рабства, а нас презирают за то, что мы добываем на продажу невольников!

Старый адыг сказал:

– В чём отличие обычаев я покажу на примере. Бывает, что

молодой и старик стоят перед речкой. Молодой урыс видит, речка опасная. Долго раздумывает и оглядывается кругом, ищет, нет ли поблизости брода.

Переправа (Ф.А. Рубо, 1889 г.)

Почешет затылок, потом махнет рукой и говорит слова «была-не была». Наконец, вздыхает, берёт повод и переводит лошадь со стариком на другой берег.

Воспитанный адыг поступает иначе. Спешивается,

почтительно спрашивает разрешение у старика и, чтобы не замочили того брызги воды, поднимает на плечи и переносит. Уважать старость для него почётно! Лишь лотом уверенно переводит лошадь.

Добавлю, что нарты сделали бы лучше. Они перенесли бы на своих плечах старика вместе с лошадью. И не потому, что были могучими силачами. Они считали это за особенную честь.

Наши обычаи доведены до совершенства народным опытом. Лучше некуда! Они древние. Адыги помнят свои обычаи с детства. И передают детям через воспитание в лучших семьях, которым доверяют своих мальчиков.

Многолетний опыт позволяет утверждать, что *аталык* – глава воспитывающей семьи – это больше, чем личный учитель и воспитатель. Часть этого обычая -- наш *гъуэгудэгъазэ*[1]! Народ мудро создал его за века и хранит. Русскими обычаями занимаются назначенные чиновники. Понаписали законов, но народ плохо их знает. Чувствуешь разницу?

Также судьи назначают наказание по-разному. Наши по *алконуну*[2] или, по-турецки сказать, следуя *шариату*, то есть по божьим заповедям. А враги наши по законам, придуманным людьми. Результат очевиден и не может быть иным. Из-за ошибок, неизбежных в придуманных законах, творится зло: осуждаются невинные и прощаются виновные. Лишь божьи законы безошибочно насаждают добро!

Старик особо отметил, и орк согласился, что захват и продажа невольников благословлены свыше давно, ещё со времен Магомета. Они признак молодечества, а доход от торговли негодными людьми идет на благие нужды и лишь доказывает приверженность отеческим обычаям.

Старик замолк. Его собеседник выждал почтительную паузу. После, не дождавшись других мудрых слов старца, спросил:

---

[1] *разворот в пути (адыг.): 1) адыг, встретив путника, не знающего пути в аул, сопровождает его с левой стороны из уважения, пока тот не достигнет аула или пока не отпустит; путник благодарит; 2) встретив князя или старшину, сопровождает его всюду, куда бы тот и свита не ехали, пока не отпустят.*

[2] *[правильный] путь, образ действий; закон (араб.)*

– Не правда ли, что народы при всех различиях, волей-неволей, уживаются друг с другом и редко воют?

Старый адыг согласился, но добавил печально:

– На Земле живет множество народов. Божественная цель общего развития нам неведома.

Есть мудрецы, которые считают, что боги нарочно заселили землю так, чтобы поселенцы, когда становится тесно, сами прореживали свои ряды для наилучшего развития. Они, как земледельцы, делают это посредством войн между народами.

Я не мудрец, но думаю, что военные обычаи и сноровка придают видимый смысл злым свойствам людей. По своей сути, война – это божье наказание за первородный грех. Отняв бессмертие, боги позволили людям убивать друг друга. И это будет продолжаться до Судного дня, когда все мы получим по заслугам, и побеждённые, и победители.

Из почтения к старику *орк* не стал возражать. Негромкий лесной шум перебивали лишь удары копыт и позвякивание оружия. Пщы по-доброму засмеялся, посмотрел внимательно на спутника и проговорил:

– Кажется, ты хитришь, как греческий Улисс? Вижу, следуешь древней примете «не стричься и не бриться перед сражением», чтобы не смущать боевое счастье.

Орк ответил прямо:

– Я решил, что позову цирюльника перед походом и сделаю это ради уверенности товарищей, а не из-за предрассудков или волнения женщин. Для друзей требуется привычный вид.

С вашего разрешения добавлю об одежде. Некоторые занашивают платье до дыр, чтобы целое не досталось врагу. Я же просто не хочу срамиться, когда Азраил взмахнёт сверкающими крылами и примет мою смятенную душу.

Уверен, что нукеры подберут мое бренное тело и отвезут на родину, чтобы ангелы смерти помогли судить меня по небесному *алконуну* как доброго и верующего мусульманина!

Потом, помолчав, признался:

– Однако, ты угадал. Хитрость есть. Адыги, которые нас ждут, давно не видели меня прежнего. Пусть и дальше не знают моего настоящего облика. Урысы требуют моей выдачи. Пусть ищут человека с рыжей бородищей! После похода спросить

будет не с кого даже для подлой мести.

Старик согласился:

– Ты прав! Таинственность твоя растёт. Утверждают ещё, что твою кольчугу заколдовали духи гор, и она непробиваема.

Бородатый адыг усмехнулся:

– Ах, если бы такое было возможно! Невежи в кузнечном деле не знают, что такое панцирная кольчуга. Но пистолетная пуля её, точно, не пробивает. Проверено на телёнке.

Старик вздохнул:

– Невежи путают ложь с правдой. Странно, что для нашего дела это бывает полезно.

Недавно распространился слух, что генерал Засс ненавидит тебя за то, что ты украл его дочь и полгода учил адыгейскому языку, обычаям и вышивке золотой нитью. А выучив, вернул отцу в целости, чтобы напомнить о благородстве.

Когда ты её вернул, тебя не убили, потому что дочь пригрозила покончить с собой. Все тобой восхищаются! Веселятся и говорят, что благодаря твоим особым стараниям и умениям дочь стала для отца толмачом.

Оба рассмеялись. Старик заключил:

– Весёлую историю придумали! Люди утверждают, что именно поэтому генерал-шайтан обзывает тебя разбойником, мечтает отомстить и обещает щедро заплатить предателям.

Почтительный слушатель заметил:

– Некоторые старшины ищут выгоду для себя и мечтают помириться с русскими. На *хасэ* хотели совсем отказаться от малых набегов. Мы им не позволим чернить всех, кто стоит за народную войну. За нами вера народа. Ложь не спасёт трусов!

Старик *пщы* спросил, чтобы переменить тему:

– Али, расскажи, как ты в разведке продержался столько времени и близко подобрался к дальним урысам. Ведь разведчик должен знать, что разведываешь долго – скоро попадешься. Не прекратишь разведывать во-время – попадёшься непременно!

Али согласился:

– Ты прав, мудрый мой дядя Керендук! Я нарушил правила, и нас двоих едва не схватили.

Спасало то, что мы появлялись в новых местах неожиданно

и ненадолго. И скрывались в горах у кунака, пока выздоравливал мой помощник. Я взял с собой в поездку Аслана Семеза. Ты его знаешь. Он из хорошего рода.

Особых хитростей мы не применяли. Так распорядилась судьба. По воле Всевышнего нам она благоприятствовала.

Али гордо улыбнулся:

– Скажу ещё, что не думал ни минуты, что враги глупее, чем они есть на самом деле! Помнил, что почетно иметь врагом умного человека.

А ещё я помнил, что ты, подготавливая меня, советовал изображать мастеровитого оружейника, торгующего своими поделками. Спасибо за торговое свидетельство ремесленника, купленное в Тифлисе! Оно помогло.

Также мне помог мой незабвенный *аталык* Хуцэ. Сколько позволит Всевышний, буду покойнику благодарен. Помню твои советы. Если бы ни ты, я бы не смог сойти у врагов за ремесленника и торговца. Даже бог *Тлепш*[1] не спас бы!

Хуцэ, как тебе известно, отлично разбирался в оружии. Чинил не хуже настоящего кузнеца! Он обучил меня этому. У *аталыка* были знакомые мастера. У одного из друзей абхазов я купил оружие, а у другого поделки из самшита.

Поэтому в разведке меня принимали за настоящего оружейника. Даже советовались о выборе оружия и починке.

Да и помощник у меня удачно подходил для нашего дела. Он имел обманчивый вид увальня и неряхи грузина, однако я убедился, что он крепкий и сильный парень, находчивый и быстрый джигит. А как воин особенно ловок в мгновенных стычках.

Впрочем, тебе известно, что у него есть недостатки – не любит думать о последствиях своих поступков, и любит играть на *шычепщыне*[2]. Удивительно, сколько песен знает. Да, ты его слышал не раз!

Али засмеялся, а дядя заметил:

– Ему все благодарны. Люди говорят, что он придумывает

---

[1] *бог покровитель оружейных мастеров (адыг.)*

[2] *шыкIэпщын - адыгская двухструнная скрипка (адыг.)*

благозвучные речитативы к *уджам*[1].

Прекрасные слова мы поём в *Шибле эдж*:

Элле, Элле, мы все разом тебе пляшем,

Элле, Элле, дерево Тхашага обтанцовываем.[2]

Али сказал, вздохнув:

– Да, пришлось в разведке и танцевать, и таиться!

Дядя Керендук улыбнулся и подтвердил:

– Верно, ты хорошо исполнял роль опытного *сатыушч*[3].

Али согласился:

– Следуя твоим верным советам, пришлось потрудиться! Расскажу по порядку.

Начали мы с Кисловодска. Действительно, кое-что продали. Я заметил, что на Водах стало совсем не так, как прежде, когда мы помогали несчастным пятигорским черкесам, которые восстали против предателей биев.

Тогда в аулах вокруг Бештау были убийства, голод, грязь, беспорядок. Неизвестно, за какой грех, но в тех краях началась *эмина*[4], и мы уехали. Да, ты там тоже был!

Какая ужасная эта болезнь *эмина*, божье наказание! Человек харкает кровью и на третий день умирает. Болезнь не выбирает никого, а косит всех подряд.

Умирали семьями. Дети и старики, слабые и сильные. Спасение было одно – бежать!

А эти проклятые шайтаны урысы нарочно поставили воинские кордоны и не выпускали никого. Ты знаешь, что они хотели и хотят до сих пор, эти исчадья ада. Они добиваются, чтобы наши люди поскорее умерли и освободили земли.

Умерших страдальцев хоронили не по-людски, а сваливали в общие ямы -- он повысил голос. – Ничего, мы припомним урысам злодеяния и будем мстить. Извини, я не сдержался!

Сейчас иное. Куда ни поедешь, повсюду видно, как всё украсилось в ожидании царя. Беды забыли, будто прежней

---

[1] *удж – хоровод пар; Шибле эдж - ритуальный танец, посвящённый богу грома, молнии и дождя Шибле (адыг.).*

[2] *Кадыр Натхо, Черкесская история, с.55.*

[3] *сатыушI – купец (адыг.)*

[4] *мор, чума, холера (карач.- балкар.)*

разрухи никогда не было!

Мы с Асланом заезжали в несколько станиц. Торговали неудачно. Народ там, как, впрочем, и у нас, доверяет лишь тем чужакам, кто имеет известного поручителя.

В случайной стычке Аслан был ранен. Да я тебе рассказывал, каким молодцом он себя показал и как нас задержало его ранение. Повторять не стану.

А вот в пятигорской оплошке я тебе тогда не признался, хотя должен был. Но не хотелось при людях откровенничать. Сейчас, когда мы одни, расскажу откровенно. Будешь знать всё.

Рану Аслана мы с божьей помощью подлечили. В Пятигорске в первый день нашей удачной торговли полицейский, обходивший продавцов, взял с нас базарную плату, отметил наше свидетельство и приказал зайти к полицмейстеру, чтобы нас там записали.

Заметь, не к приставу, а сразу к полицмейстеру! Это было подозрительно. Торговавший оружием на базаре русский сказал, что нам надобно будет получить особое разрешение на продажу. У нас, мол, слишком много оружия. Мои подозрения усилились.

Урыс предложил купить всю нашу партию товара. Но я сделал вид, что не решаюсь продавать, и мы хорошо поторговались. Довольный урыс купил наши вьюки вместе с лошадьми и даже заплатил за палки. Это было кстати, так как разведывать дальше я не собирался.

На другой день мы решили не испытывать судьбу и не торопиться с посещением полицмейстера, а отправились на край города к дому, где жили. Там мы снимали для жилья сарай у сапожника, починявшего обувь на базаре. Оказалось, что это был сарай для скота, а по-русски хлев.

Жена сапожника уехала к родственникам. Одинокий он опасался пускать нас в дом. Но мы ему заплатили, не скупясь, и он решился. Но в дом все равно не пустил.

Когда мы вернулись с базара и стали собираться в дорогу, пришёл этот негодяй и стал ругаться, почему мы не сходили в управу. Почему уезжаем, не записавшись? Надзиратель на базаре грозился оштрафовать его и даже посадить в холодную за то, что пускает в дом пришлых людей. А десятский озлится на

него, дурака, из жалости взявшего к себе на постой неверных.

Этот невежа-сапожник не извинился, что принимает гостей в хлеву, лишь бесстыдно поносил нас по-всякому. Невозможно передать его пьяные слова!

Долго молчавший горячий Аслан не стерпел оскорблений и стукнул его по башке.

Ударил крепко, и тот упал замертво. Что было делать?

Мы снесли тело в хлев и забрали деньги, которые заплатили. Оседлали коней и поспешили со двора.

Но двинулись не через улицу, где наш отъезд могли бы увидеть, а прямо по полю позади двора. Переправились через неглубокую речку Подкумок и, наконец, оглянулись.

Признаюсь, что, уезжая, мы подожгли соломенную крышу сарая, чтобы уничтожить следы. Когда оглянулись, то увидели, что вслед за сараем загорелся дом. Ветер-то был сильный.

Всадники у горной речки
(Рубо Ф.А., после 1896 г. для Храма славы)

Дело шло к ночи. Быстро темнело. Загорались другие дома. Ветер вздымал и разносил снопы искр. Урысам стало не до нас, и никто за нами не гнался.

При этих словах голос Али задрожал. Глубоко вздохнув, он замолчал. Чтобы отвлечь племянника от грустного воспоминания, дядя поторопился сказать:

– Мы почти приехали.

Дорога привела их к ухоженной переправе. У разлива речки были устроены ровные спуски. Надо было проверить, нет ли глубоких ям под водой. Али выехал вперед. Когда переправились, Али громко позвал нукера:

-- Аслан, приблизься! Сыграй нам, пожалуйста, удж сандрак, который ты сочинил, пока мы прятались у кунака.

И сказал дяде:

-- Он нам придаст бодрости после долгой дороги.

François Rouhard
1838

Эхо осеннего леса вторило усердно певшему музыканту, а угольно-красный цвет осенних деревьев напоминал о беспощадном пламени войны, бушевавшей совсем близко от этого места. [1]

Совещание черкесов

Под впечатлением песни все всадники собрались вместе и сплоченно преодолели подъём на высокое плато возле впадения реки Шахе в Чёрное море. Наверху была конечная цель их долгой поездки.

Перед ними открылся *Тагапк*. Так назывался обширный луг с редкими дубами, которые сам адыгейский бог *Шибле* отметил ударами молний. Это было священное место для народных собраний, а также для празднеств, церемоний и молений племени убыхов. По старинному обычаю заповедная роща убыхов *Тагапк* была также признанным местом для военных совещаний.

Сегодня собравшиеся вожди ждали хаджи Керендука Догомукова старшину из знатного рода Берсеков и его названного племянника Али, получившего в народе прозвище Хырсыз, то есть Разбойник. Чтобы скрасить время ожидания, один из старшин наигрывал на *апепшине*[2] незатейливую мелодию и негромко напевал однообразный речитатив.

Едва хаджи и племянник появились, все встали и ждали, что скажет старший. Старый хаджи Керендук опоздал, как обычно. Он поступал так, чтобы люди не забывали его высокое положение. Из почтения к старости его высокомерие терпели. Хаджи поздоровался, произнеся короткое: «*Уимафа шу!*[3]».

Извинился за опоздание и, разрешая сесть, уверенно сказал слово, похожее на «*шукатысых*[4]» с ударением в конце. Замечено всеми, что выговорить слово «садитесь», как надо, могут лишь природные адыги!

---

[1] 🔔 Ешугов А., Удж сандракъ

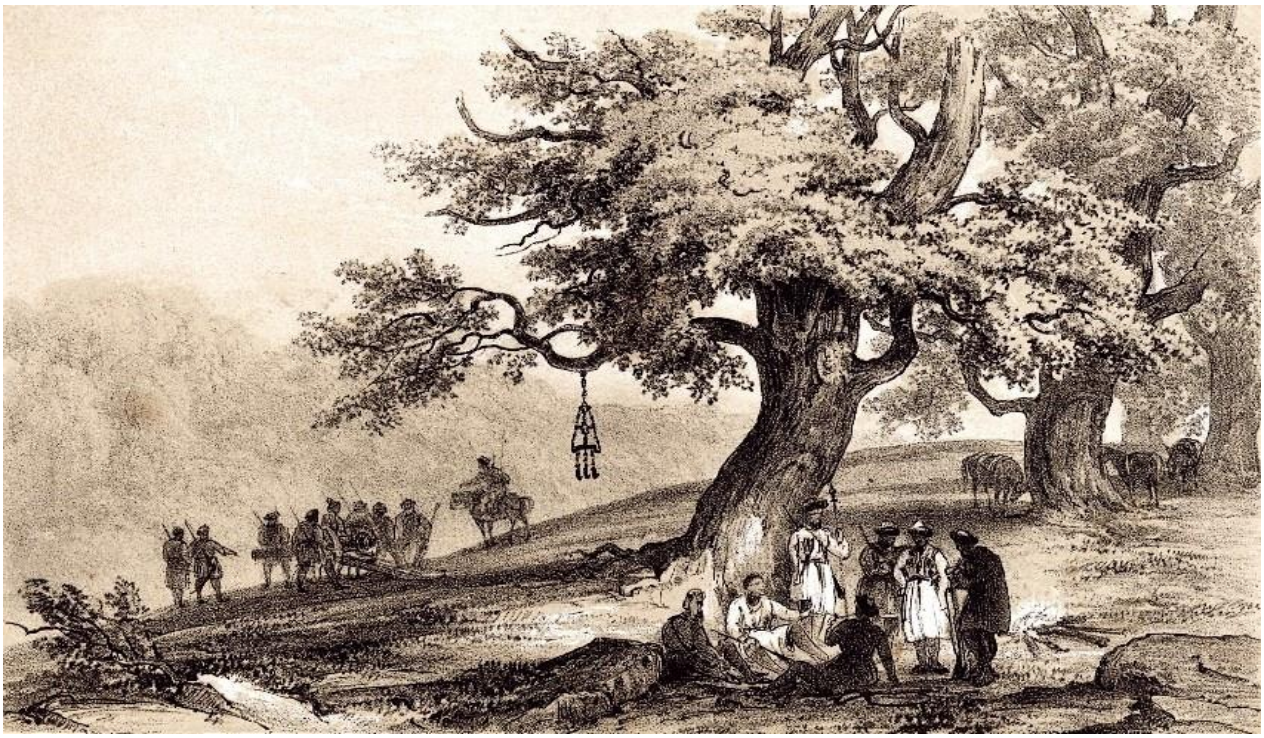
[2] *1апэпшынэ – адыгская балалайка*

[3] *Уимафэ шIу! – Моё почтение! Добрый день! Здравствуй! (адыг.)*

[4] *ШъукъэтIысых! – Садитесь! (адыг.)*

Прибывших встречали с удовольствием князья и старшины соседних племён. Они давно задумали это сделать. Успели закончить полевые работы, убрать урожай и собрать подати. Пришло естественное время для набегов.

Воинственные черкесские вожди, собравшиеся на *Тагапке* у священного дерева, пришли в прекрасное настроение. Они неспешно обменялись новостями и передали приветы и сообщения от знакомых.

Совещание в священной роще вблизи аула Соче
(Дж.С. Белл, 1840 г.)

В те времена было от кого. Из более чем полутора десятка племен адыгов на тагапке убыхов сегодня встретились лишь вожди бесленеев, шапсугов, садзей и абадзехов.[1] Остальные в

[1] *У адыгов было много племен. Нередко упоминают 12 племён по числу звездочек на зелёном знамени адыгов, подаренном англичанами: абадзехи, бесленеевцы, бжедуги, егеруковцы, темиргоевцы, мамхеги, махошевцы, натухайцы, жанеевцы, кабардинцы, шапсуги и хатукаевцы. Современники находили намного больше племен, например, называли маленькое племя садзей в районе современного*

своё время собирались в других священных рощах.

Когда закончили разговоры, подошло время намаза. Все без возражений согласились продолжить встречу после молитвы. Мулла в белой чалме и белых одеждах, исполнив со всеми *зухр*[1], приступил к краткой проповеди:

– В семьдесят второй суре Корана сказано. Едва Мухаммед, *Салла-л-Лаху алейхи ва салам*[2], начал молиться, демоны окружили его и слушали. Таким же способом демоны кружили вокруг Посланника Аллаха, *алейхи салам,* во время откровений.

С тех пор существуют джины мусульмане. Есть они также среди иудеев и христиан. Джины, подобно неверным, нападают на правоверных, хотят подчинить себе наши души и, хуже того, всеми способами мешают нам исполнить дела, угодные Аллаху.

Познайте святые слова, которыми пророк Мухаммед, *алейхи ва салам*, сказал женщине, обратившейся к нему с жалобами на бесчинства джиннов:

«Если будешь терпелива в борьбе своей, то в Судный День предстанешь безгрешной и не будет тебе наказания от Аллаха».

Это значит, что для нас, истинно верующих в Спасителя, также откроется рай за борьбу против джинов. Каждому найдется путь по велению Прощающего! Кто терпеливо борется с наваждениями демонов, тот испытает райское блаженство.

И мулла восхвалил Всевышнего. Все произнесли: «Аминь!»

После молитвы расселись под деревом в кружок один против другого. Привычно образовался *хасэ,* похожий на застолье без стола. По факту столом была священная земля *Тагапка*.

Когда устроились, хаджи Керендук спросил, не будет ли кто против, если он возьмёт на себя обязанности *тамада*.

Хасэ оживилось. Они знали, что у черкесов *тамада* был просто свёкор, у кабардинцев – глава застолья, только у них, адыгов, всё правильно – тамадой является мудрый жрец.

Дождавшись спокойствия, хаджи Керендук сказал:

Сочи и большое племя убыхов, жившее севернее Сочи (последний носитель языка убыхов умер в 60-х годах 20 века).

[1] *полдневная молитва (араб.)*

[2] *Да благословит его Аллах и приветствует (араб.)*

– Братья! Разговор предстоит серьезный. Будем говорить на *такобза*[1], чтобы утаить сказанное от непосвящённых. Вы не зря приехали издалека, оставив дела и заботы. Здесь мы по обычаю встретились под сенью этого дерева, отмеченного молнией бога и крестом с крючьями для мяса жертвенных животных! *Псатха*[2] дерева поможет нам.

Мнение каждого присутствующего будет услышано. Если должное решение будет принято, одобрившие составят наказ *раису*[3], передадут ему джигитов и, когда придёт время, присоединятся сами по желанию.

Большому общенародному *хасэ,* собиравшемуся весной, мы обещали устроить поход и отомстить генералу-демону Зассу.

На хасэ храбрый князь бесленеев Айтек Каноков, которого мы рады видеть среди нас, рассказал всему народу, как проклятый Засс перешел Кубань, разорил и сжёг аулы, убил стариков, женщин и детей, уничтожил урожай и угнал скот. Души погибших продолжают взывать к мщению!

Все выхватили кинжалы и стали кричать «Кровь за кровь!» и другие негодующие слова. Некоторые вскочили.

Хаджи Керендук махнул рукой, успокаивая собравшихся, и продолжил:

– В этом году Засс на отнятой земле строит крепости и прокладывает просеки и дороги. Захватывает джигитов, чтобы менять на пленных урысов. Демон Засс бесчинствует с востока. В мае с запада генерал Вельяминов опять выводил своё войско и отбирал земли у натухайцев и шапсугов. Хаджи замолк.

Печалясь, князь бесленеев Айтек Каноков негромко проговорил:

– Доля наша горькая и нетрудно будет предположить, что этой осенью демоны опять нападут с востока и запада, чтобы устроить нам голод и разруху.

Хаджи призвал:

– Призовём богов и уничтожим русских демонов!

---

[1] *тайный язык, на котором могло говорить дворянское и княжеское сословия; остальным черкесам знать его запрещалось*

[2] *бог души; псэ – душа и тхьа – бог (адыг.)*

[3] *раис – глава (араб.), военачальник (турец.)*

Раздался общий крик: «Уничтожим Шайтана царя и его демонов! Прикуём их ко льдам Эльбруса!»

Хаджи Керендук снова успокоил всех и продолжил речь:

– Братья! На весеннем собрании *раисом* избрали моего племянника Али, прославленного джигита.

Вы слышали, что он получил ранение, когда разведывал москов за линией и выбирал место и время нападения. Всевышний оказал ему милость! Позволил излечиться. Теперь Али может сам рассказать обо всем, что дала разведка. После скажет, как исполнить волю *хасэ*.

Слава его велика! Урысы пугают детей его именем. Скоро их самих и проклятого царя мы испугаем насмерть! Слушайте, что скажет раис Али, прославленный адыгэбатыр!

Али начал среди общего внимания:

– *Уимафэ шу!* Уважаемые братья, благодарю за доверие! Сначала расскажу, что я узнал. В рассказе добавлю также сведения, разведанные другими храбрыми людьми. Спасибо им! Они благосклонно поделились знаниями со мной.

Этой осенью урысы ждут императора. Однако, когда он приедет, точно не известно. Говорят, что это случится до осенней распутицы. Он поедет с большим воинским конвоем по дороге между Владикавказом и Ставрополем.

Урысы подтянули туда войско. Кордоны ослаблены, но усилена разведка. Они боятся нападения. Помнят силу, которую мы показали в год императорской коронации.

Заставим их снова ощутить, что истинные хозяева Кавказа – это адыгэхэр!

Все дружно поддержали:

– Пусть шайтан страшится храбрых адыгов! Аллах акбар!

Переждав крики, Али продолжил:

– Для похода всё складывается удачно. За дырявой охранной линией урысы достаточно беспечны. Об этом, братья, я говорил вам раньше и теперь убедился снова. Плохо и редко проверяют даже торговцев на базаре! Народ, ничего не опасаясь, съезжается отовсюду, чтобы увидеть императора. Значит, собирается богатая добыча и много пленных для наших джигитов. Хватит на всех!

Все одобрительно зашумели.

– Со всем уважением напомню присутствующим, – продолжил Али, – что вы доверили мне выбрать время и место нападения. Всё подготовлено и продумано. Я рассчитываю незаметно пробраться через кордон, который устроили урысы вдоль реки Лаба. Там есть очень удобные лесистые места.

Проверены переправы через Уруп и Кубань. К тому же в канун зимы эти реки, как вы знаете, сильно мелеют и во многих местах позволяют без труда переправиться вброд всаднику.

Для быстроты пойдём одвуконь и налегке. Напоминаю, что скорый поход будет дальний, поэтому прошу всех участников обратить особое внимание на подготовку коней.

Я понимаю, что мог бы не напоминать, поскольку вы, благослови вас боже, люди надёжные и ответственные!

Совершив нападение, вернёмся другим путём, чтобы сбить с толку преследователей. Пленных привезем на заводных лошадях, – закончил Али.

Все одобрительно закивали.

– После совещания сообщу каждому, где и когда мы соберемся.

– Мы внимали! Аллах нам поможет! – сказали все.

Старшина шапсугов – из присутствующих более многочисленного племени – Ислам Тхаушев нарушил правила и, опережая стариков, поспешил сказать:

– Наши джигиты – лучшие конники на свете и твой план они, без сомнения, выполнят. Но в этом плане забыто главное. Ты, брат, не сказал, когда и куда ударит отряд. Не зная цели, я не могу рисковать джигитами.

Скажи, племянник, тебя учили, что ум хорошо, а два лучше? Ты обязан сообщить мне, хотя бы на ухо, то, о чём спрашиваю. Влиятельный Али-бей, пославший меня, желает это знать.

Ответ орка Али был прост и обдуман заранее:

– Помнишь, мы договорились о тайне? Если я скажу одному, а не всем, то найдутся обиженные, и мне придётся сказать каждому. Поверьте, я вас всех уважаю! И также уважаю нашу общую тайну!

Сказанное слово – что пуля, выпущенная из ружья[1]. Куда

[1] *Жэм къыдэкIыгъэ псалъэрэ шхончым къикIыгъэ щэрэ. (адыг. послов.)*

улетит наша тайна? Никто не знает!

Вот ты говоришь о почтенном Али-бее. Ему ты обязательно расскажешь. Посчитай теперь сам -- будут знать трое. Люди верно говорят: «Тайна, известная трем, – уже не тайна»[1]. Что будет, когда урысские разведчики узнают о нашем плане?

Ислам Тхаушев сказал с обидой:

–Я не робкий *пщытл*[2], но ответственный человек и свое слово и свой страх вверяю Аллаху. Своё мнение поддержу твердой рукой!

Первое – обиженный поднял правую руку и покачал указательным пальцем – на *хасэ* не заставляли идти в большой поход и лишь советовали избегать мелких набегов. Второе –он подвигал в воздухе пальцами руки – забыто братство адыгов.

Теперь главное, – я кладу руку на рукоять кинжала – мой кинжал сообщает мне, что опытный воин, вроде тебя, Али Хырсыз, не должен нарушать у*орк Хабзэ*![3]

Как свободный человек, я говорю тебе, что после таких нарушений идти в поход нельзя! Свой кинжал дважды не вынимаю, свое слово дважды не произношу.[4]

Все схватились за рукояти кинжалов, но старшина абадзехов Гасан Бидхев поспешил сказать:

– Братья, успокойтесь! Нельзя отказываться от договорённостей. Слава адыгов вырастает из согласия и доверия. В единстве наша сила, в раздоре слабость!

Мы верим Али Хырсызу и братьям убыхам. Боги благоприятствуют их начинаниям. Предприятие опасное. Император будет рядом. Если моски узнают о наших намерениях, они устроят нам такую встречу, что ни один джигит не вернётся! Риск лишком велик.

Дальше совещавшиеся говорили по порядку. Хаджи, чувствуя общее настроение, позволил всем высказаться. Шапсуг

---

[1] *Нэбгырищы ашIэрэр шъэфэп. (адыг. послов.)*

[2] *пщылIы – невольник, раб (адыг.)*

[3] *Хабзэ – неписаные традиционные законы взаимных отношений, поведения и мировоззрения, строгие в адыгском обществе;*
уоркъ Хабзэ – кодекс чести адыгейского дворянства

[4] *Сикъамэ тIо къисхырэп, сигущыIэ тIо сIорэп. (адыг. послов.)*

остался в одиночестве, остальные поддержали секрет Али. За секретность громче всех ратовал князь разорённых бесленеев.

Тамада хаджи Керендук поднял руку, призывая к вниманию. Все сразу замолчали.

Чтобы предотвратить дальнейшую ссору, он сказал:

– Окончательно определились участники похода. Это хорошо! Благодарю всех, кто поддержал наше решение!

Несогласных благодарю за участие в совещании. Надеюсь, что вы передумаете и присоединитесь позднее. Время ещё есть, и все будут вам рады».

Пока шло совещание, нукеры разделали вне *Тагапка* посвященных молодых барашков и пожарили мясо. И давно уже сварили котёл пшённой *пасты.*

Отрезанные головы повесили на крючья креста и украсили цветами. Хаджи Керендук опрыскал жертвенные головы питьём и положил немного еды на землю, смоченную кровью. Прошептал мольбы к богам *Тагапка* и сказал собравшимся:

– Уверен, что нас ждёт успех с храбрым и удачливым Али защитником веры, чести и народа.

Перед священными жертвами скажем вслух слова клятвы, которые адыги возносят богам, вступая в битву:

– Всемогущий *Тха*[1] и все *псатхи Тагапка,* услышьте нас!

Сидящий хор с воодушевлением произнёс речитатив:

– Враги отняли наших жен и детей, сожгли аулы, уничтожили отары и стада, разорили наш *Аттехей*. Отомстим врагам! Кровь за кровь! Смерть за смерть! *Мардж*[2]! *Мардж*!

С воодушевлением спели мольбу к верховному богу*:*

Тха! Царствующий свыше,
Защити нас в борьбе.
Закатывающееся солнце расплеснет
Над морем свою кровавую красноту;
Прежде чем его луч взлетит,
Он блеснет на врага, убийственный.
Отомсти, отомсти за наши смерти!

---

[1] *Тхьэ – бог (адыг.), Тхьэ – создатель всего, чей дух рассеян повсюду*

[2] *Мардж*! *– Вперёд! (адыг.)*

Настал час кары!
Тха поддерживает нас![1]

Нукеры подали жертвенные кукурузные лепешки *жъамэ*. Затем принесли на низких деревянных столиках с короткими ножками густую *пасту*, окруженную кусками жареного мяса, и расставили посередине.

Компания неспешно и с удовольствием поела, облизывая пальцы. Выпила приятный напиток *щхыу*, известный татарам, как *йогурт*. Одни его присаливали, другие перчили, третьи добавляли мёд – кому что нравилось.

Во время трапезы спрашивали Али, что он видел в разведке. Обсуждали ответы. Сравнивали с тем, что было прежде. Али узнал много полезного для себя. В сторонке нукеры заканчивали обедать.

Старшины стали прощаться. Одни сказали *Шэча тызаочух*[2] другие произнесли кратко *Хъярча*[3]

Вставая, Али охнул и пошёл, прихрамывая. Прощаясь, обнимал каждого и шептал на ухо время и место общего сбора отрядов.

Дядя, увидев, что он прихрамывает, спросил:

– Что, рана беспокоит?

Али не выносил жалости к себе и сказал:

– Нет. Отсидел ногу.

Дядя заботливо спросил:

– Кажется, я прав. Ты поспешил с походом. Давай-ка, предложим вместо тебя другого *раиса*.

Волнуясь, Али перебил:

– А кто защитит народ и отомстит захватчикам? Демонов становится всё больше на земле и на море. Надо спешить. Хватит совещаться! Промедление смерти подобно!

Дядя спокойно сказал:

– Али, не горячись! Пора привыкнуть, что у нас нет единства. Приходится преодолевать разногласия, подобные сегодняшнему. Поясню, что произошло. Я узнал, что

---

[1] *Кадыр Натхо, с.189*

[2] *ШIукIэ тызэIокIэх! – До свиданья! (адыг.)*

[3] *ХъяркIэ! – Пока! (адыг.)*

доверенные люди шапсугов ведут переговоры с урысами. Они надеются, что приедет император и пощадит их, то есть, оставит жить на прежнем месте по законам предков.

Поэтому старшина Ислам отказывается идти за тобой. Несчастные, не понимают, что цель императора неизменна – усмирить навсегда горские народы или истребить непокорных. Будем верить, что шапсуги ещё одумаются и вернутся.

Скажу ещё. Обратил ли ты внимание, что садзы промолчали? Думаю, они откажутся в последний момент.

Племя небольшое и у них чудом затих конфликт из-за пастбищ с убыхами, живущими в ауле Соче. Они побоятся отпустить своих джигитов.

Али кивнул:

– Ты прав! Наше несчастье в том, что у нас нет единства. Ссоримся и тычем растопыренными пальцами во врага вместо того, чтобы бить всей рукой. Он резко махнул рукой, будто держал кинжал.

Помолчал. Наблюдая, как нукеры на краю рощи возятся с пушкой, решительно произнёс:

– Я давно говорю, что нужна настоящая армия! Собрал же войско в Чечне имам Шамиль. Так говорили урысы на базаре.

Дядя вздохнул:

– У нас такое не сделать. Князья опасаются выбрать *сераскира*[1] и потерять власть навсегда. Никакой вождь не объединит *Аттехей*.

Все разругаются, потому что согласие с мнением соперника принимают за слабость. Видел, что случилось на совещании? Хорошо ещё, если не изрубят друг друга.

И грустно заключил:

– Наша жалкая судьба предопределена богами!

Али лихо сдвинул папаху на затылок и сказал:

– Ты слышал, что Посланник Аллаха, *алейхи ва салам,* советовал в Коране не прекращать борьбу с джинами, чтобы попасть в эдем?

Продадим пленных – добудем деньги на пушки. Ты же сам говорил, что англичане обещали прислать корабль с пушками и

---

[1] *заместитель Великого визиря и командующий войском*

порохом. Вот тогда и побеседуем с царём урысов как надо!

И добавил ободряюще.

– Хватит водить разведки! Если наш поход удастся, то в следующий раз убедим *хасэ* доверить крупные силы.

И указал на нукеров, занимавшихся пушкой возле *Тагапка*:

– Видишь, наши люди становятся артиллеристами. Научим их, и они будут делать все, как в армии! Тогда победим!

На выезде из рощи их ждали знакомые турецкие купцы Эмин-Аге-Язычи Дигсабах-оглу и Гуссейн Сулейман-оглы.

Поздоровались. Гуссейн напомнил черкесам:

– Уважаемые господа мудрый *бей* и храбрый *раис*! Вы, конечно, знаете, что согласно секретному и необязательному к исполнению запрету повелителя, да не будут прерываться дни его драгоценного здоровья, нашу торговлю в Трапезунде поддерживает благословенный *сераскир* Осман-паша.

Он ждёт невольников от вас, уважаемые господа. Заказал прислать красивого мальчика лет 15. Надеюсь, вы, уважаемые, понимаете, что наше общее благополучие зависит от благосклонности трапезундского *сераскира*?

Эмин-аге-Язычи прибавил:

– Смею напомнить храброму Али, что самый выгодный товар – казаки. Я всех куплю! За одного дам сто *курушей*[1], вдвое и втрое по сравнению с прочими невольниками. Мы будем ждать вас с нетерпением. Желаю удачи в походе!

Едва черкесы скрылись, купец Гуссейн сказал купцу Эмину:

– Хитёр же ты, Эмин! Судьбу пленных определяет князь. Но ты помнишь шапсугскую поговорку, что после *аталыка* «племянник для дяди – то же, что хан для своего народа»!

А цена казака в Стамбуле раз в десять выше, чем названная тобой! Десятикратный хитрец! Купцы рассмеялись.

Два черкеса, пщы и орк, ехали домой. Молчали. Старик задумчиво сказал:

– Купцы знают о походе, будут знать и урысы. Скрывать время и место нападения – верное решение! Без сомнения.

Роща опустела. Береговой бриз сдувал лёгкий пепел с

---

[1] *серебряная монета, её начал чеканить Сулейман II в 1687 г.*

потухшего кострища, шелестел листвой огромного дуба и с трудом покачивал тяжелый висящий крест с головами трёх баранов и венками цветов.

То были следы смешения религиозных верований адыгов. Вслед за крещением, полученным от Византии, язычники приняли ислам от Крымского ханства. Прежние и новые обряды исполнялись небрежно, потому что люди хранили верность богам предков. Народ поклонялся природным явлениям, камням и деревьям, как по сию пору делают друиды.

Кровавое солнце, называемое черкесами бог *Тыгъэ,* нырнул в иссине-черное море. Зелёный луч из-за горизонта осветил последний раз небо. Бледный брат *Мазэ*, бог Луны, понял, что пора скрыться за дождевыми тучами, присланными сердитым *Шибле*. Готовилась тёмная ненастная ночь с громом и молниями.

Купцы и доверенные лица совершили *магриб*[1] на берегу моря. Поприветствовали стороны света, ангелов-хранителей, джинов и присутствующих, проговорив направо и налево «*Ассаляму аляйкум уа рахматуллах*»[2].

Скрытые покровом ненастья и темноты, приступили к привычному делу – заморской торговле. Из *Аттехея* вывозили мёд, воск, кожи, рыбу, серебряную руду, скот, коней и древесину. Ввозили соль, готовые ткани, предметы роскоши, прекрасные доспехи, много пороха и оружия.

Однако еще до войны самой доходной была работорговля. Она была отлично налажена и взаимовыгодна для черкесов и турок. Турецкий невольничий рынок был известен всему Востоку. На небольших турецких и черкесских каботажных судах торговцы и доверенные люди проникали через редкий заслон русских парусных крейсеров и отправляли в рабство мужчин, женщин и детей. Несколько тысяч в год на десятках судов. Самих черкесов не продавали, опасаясь кровной мести.

Во время войны жуткая торговля людьми приносила невообразимую прибыль. Поэтому контрабандисты упорно не

---

[1] *молитва после заката солнца (араб.)*

[2] *Мир вам и милосердие Аллаха (араб.)*

бросали своё бесчеловечное занятие, хотя точно знали, что урысы убьют их, если поймают.

Крестины внука

Пётр оставался в Кисловодске безвыездно и понимал, что происходит досадная накладка. Вместо того, чтобы участвовать в крещении первого внука, он ждет императора. Невозможно было отказать коменданту Петру Петровичу Чайковскому. «Что бы ни случилось – говорил тот, – надобно как можно лучше принять государя и свиту, которая будет с ним».

Пётр был виноват сам. Надобно было не бояться пересудов прихожан и отказаться от назначенного дня крестин. Боялся, что осудят семью, ведь они пока ещё новички в этом городе. Вот и получилась досада – он сидит в Кисловодске, а в это время крестят его внучонка в Пятигорске.

Пётр размышлял:

– Решили назвать малыша Григорием. Имя хорошее и на Кавказе распространённое. На нашем участке воюет храбрый генерал барон Григорий Христофорович Засс. А барон генерал Григорий Владимирович Розен здесь главный командир.

Впрочем, имя мы выбирали не из совпадений с генералами и баронами, – усмехнулся Пётр, – просто, батюшка Павел нашел, что в Святцах на сороковой день рождения указаны вместе святые Григорий, Алексей, Мария, да ещё и Пётр.

Редкое слияние имён произошло! Родители Алексей и Мария, а я Пётр. По всему видно, с именем внука случилось волшебство, – повеселел новоиспечённый дед.

Алексей приехал из Пятигорска точно в перерыв между обедом и ужином. Поспешил к отцу с подробным отчётом.

– Во-первых, – сказал он – отчитаюсь перед тобой, как идёт строительство дома. Будь уверен, что к зиме дом будет готов.

Железную крышу почти закончили и уже прибили покрашенные водосборные желоба, водосточные трубы и сделали на печной трубе красивый конёк. Кровельщики сказали, что через день-два они начнут красить всю кровлю.

Под углы крыши я велел поставить пожарные бочки для

сбора дождевой воды. Теперь от дождя и пожара, избави нас боже, мы защищены. Когда вернёшься, сразу освятим дом.

– Какой конёк сделали на трубе? – спросил Петр.

– Над дымоходом на укрытии от дождя укрепили флюгер. Мне предлагали сделать лошадку или повторить петушок, как у соседа. Но я выбрал красивый кораблик.

– Это правильно! Нашей фамилии лучше подходит, – согласился Пётр.

Алексей продолжил:

– Хочу рассказать тебе о крестинах. Прервали послеобеденный сон сыночка. Обряд вел батюшка Павел.

Восприемником был наш Егор. А крёстной матерью, как ты знаешь, захотела стать Мария Николаевна, супруга Ивана Ефремовича Дроздова, твоего друга.

Добрые у Гриши крёстные появились! Со временем они будут приобщать Гришу к церкви и помогать в жизни, если потребуется.

После святого погружения в купель сын расплакался и долго не мог успокоиться на руках у ласкающей его и нежно уговаривающей Маруси. Обычно при купании он не плачет.

Когда Маруся вынесла его из церкви, он затих. Мне показалось, что он был рад солнечному свету. Я спросил его:

– Гришенька, солнышко, посмотри какой замечательный день стоит. Ты рад погулять с мамочкой?

Папа, послушай, он посмотрел на меня и заулыбался. Все понимает. Ему не понравился шум и теснота в церкви. Там тогда дымный сумрак стоял! Ещё и пели громко. Раньше я как-то не обращал на это внимание.

В других храмах поют чувствительно, а у нас солдаты глотки драли изо всей мочи. И регент не мог их пыл сдержать. Признаюсь, я им приплатил. Вот они и старались.

Пётр сказал, доверительно посмеиваясь:

– Сынок, сынок! Что ты болтаешь? Похоже, никак не отойдешь от празднования. Подожди чуток.

Вышел из комнаты и через минуту вернулся с двумя рюмками запеканки. Они чокнулись, выпили и поцеловались. Алексей увлечённо продолжал рассказывать:

– Папа, представляешь, какой удивительный малыш?

Расскажу тебе, как его перепеленывали недавно. Слово какое заковыристое! Знаю, неправильно выговорил! Пере - пелены - вали! Короче говоря, срочно меняли мокрое на сухое. Сынок не обращал внимания на суету и продолжал спать.

Ты знаешь, он спит почти всё время. Просыпается лишь, когда Маруся берёт его, чтобы дать грудь! Во сне он подвигал ручками и ножками, будто разминал их.

Церковь иконы Божией матери Всех скорбящих радость
в Пятигорске (кадр фильма «Мери», Грузия-Фильм, 1926)

Едва он перестал двигать ручками-ножками, я протянул к нему руку, чтобы поправить распашонку. Заметь, медленно и осторожно. И тут, спящий, он схватил меня маленькой ручкой за большой палец. Представляешь, сделал это с закрытыми глазами! Удивительно, как он почувствовал, что я собираюсь прикоснуться к нему? Скажу тебе, папа, одному – за ним необыкновенно интересно наблюдать.

Пётр спросил о другом:

– А кто пришёл отметить крестины?

– Повезло, что курсовых в Пятигорске осталось немного. Поэтому работники, свободные от обслуживания, побывали в церкви и пришли к нам домой. Они опередили всех.

После пришел твой покровитель Пётр Петрович с супругой. Они принесли погремушки и деньги в подарок. Сказали, что сейчас наступают решающие дни, после которых станет понятно, приедет государь в этом году или не приедет.

Ещё приезжали Егор с Верой. За домом и детьми в Ставрополе оставили присматривать бабку, Верину мать.

Конечно, пришёл твой друг Дроздов с Марией Николаевной. Потом отец Павел и Челахов с женой. Знакомые греки были недолго. Из ресторации принесли торт. Столы накрыли во дворе, благо погода была хорошая. Посидели чудесно. На подарок собрали больше ста рублей.

Пётр выслушал отчёт и сказал:

– Это правильно, что расходы на крестины окупились!

Тут ему вспомнилось смешное прошлое и он сказал:

– По части хватания за палец ты в своё время был решительнее, чем твой сынок. Хватался сразу двумя руками, а потом держал очень крепко. Сразу показывал характер.

Не сомневаюсь, что ты будешь превосходным родителем, если будешь чаще протягивать ему руки. Пусть Бог поможет тебе и Марусе! Мы тоже поможем, чем можем!

Пётр засмеялся. Лицо его перестало быть недовольным. Отец и сын глядели друг на друга, широко улыбаясь.

Хлопоты обоих закончатся вместе с сезоном. Пётр продлил работу на два дня по просьбе задержавшихся господ. Ужинать в кисловодскую ресторацию пришло всего несколько курсовых. Колокол перестал призывать на ванны.

После ужина работники поздравляли счастливых Петра и Алексея. Прасковья попросила Петра Алексеевича простить её и принять назад на следующий сезон. Клятвенно обещала «ни капли не брать в рот на работе». Пётр сказал ей:

–Мы тебе все рады! Но поговорим после.

В буфетной сдвинули и быстро сервировали общий стол.

Горничная Ксения поставила в середину сладкий фруктовый пирог, принесенный из дома. Лукерья разрезала пирог. Петр

принес две бутылки портвейна.

Как только все расселись, Петр сказал:

– Говорю для всех. Продолжим ждать государя и будем основательно готовить дом к зиме. Это наша вторая зимовка. Первая прошла не очень хорошо. Алексей Петрович из Пятигорска сообщит, когда государя можно не ждать. Тогда я сделаю окончательный расчет и отпущу всех.

Приняв его речь за благословление, начали действовать. Дружно выпили за здоровье малыша. Нефёдыч внёс со двора пышущий жаром самовар. Как только примолкли, Ксения начала по своему обыкновению сказывать байку-талалайку:

– Послушайте загадочный случай. Все насторожились.

-- Жил на одном хуторе молодой казак с серьгой в ухе. С ним доживала век дряхлая и немощная ненька.

Анна резко вмешалась:

-- «С серьгой» – это значит последний в роду.

Ксения, не обращая внимания на помеху, продолжила:

– Утром прибежали мальчишки и передали казаку, что атаман после обедни собирает круг. Будет поход.

В станице молодой казак бывал редко – хватало работы и в поле и дома. Поэтому на обедню не пошел, а заглянул в кабак чуток отдохнуть. Нельзя сказать, что он был большой любитель выпить. Просто вдруг захотелось винца с неведомой силой.[1]

В кабаке казак огляделся. Видит, что за столом сидит один фигуристый дед без руки и с серьгами в ушах. Дед показался казаку знакомым. Но он никак не мог вспомнить, где встречал его раньше, и решил угостить.

Анна перебила:

-- «С серьгами на ушах» значит, что приходит конец роду.

Ксения опять продолжает свое:

– Молодой предлагает: -- Дедусь, прими на здоровье.

Казак подает старику стопку полугарного.

– Сидай, любезный, сидай! – ласково приглашает дед.

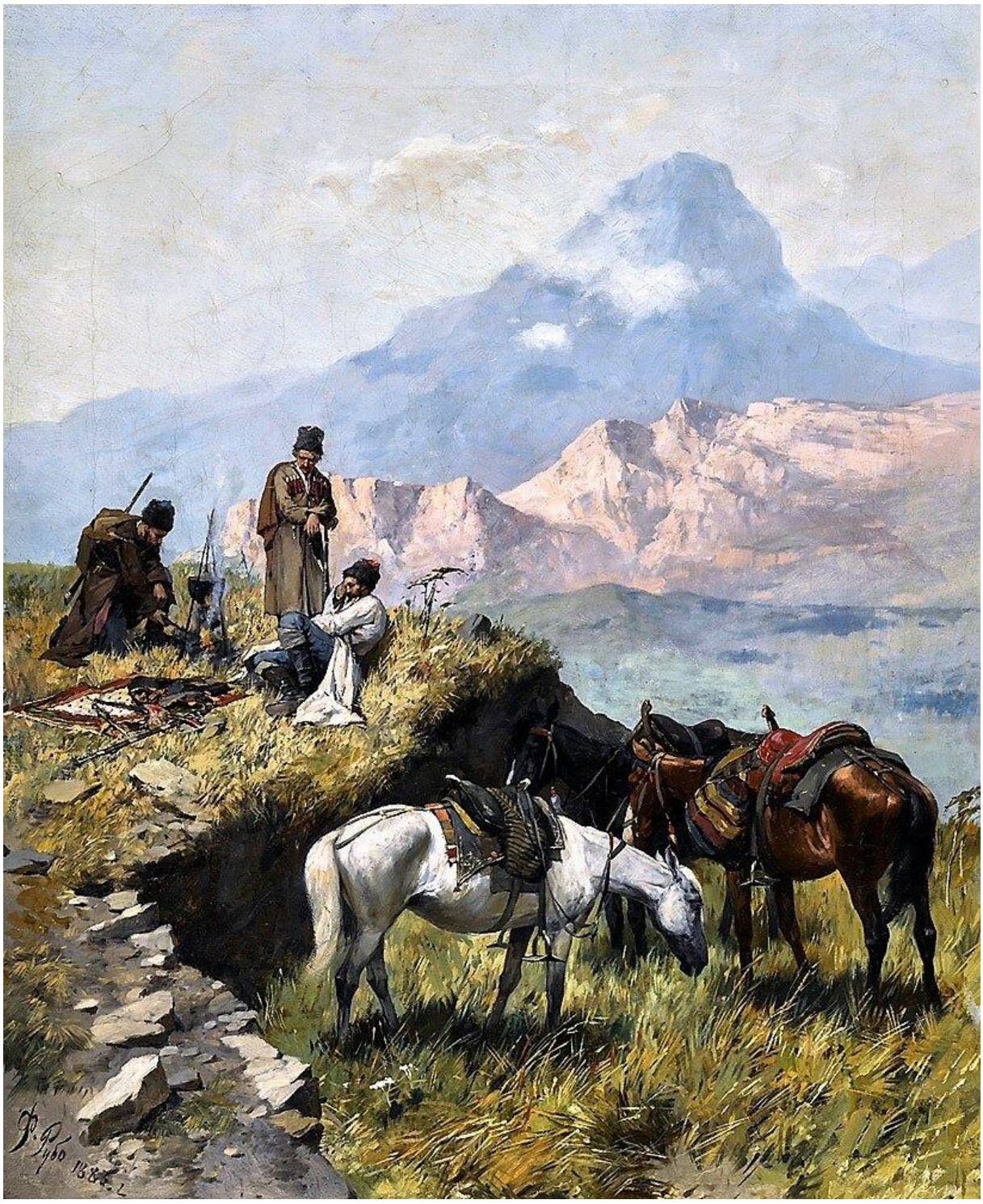
Услышав ласку в голосе, казак садится и спрашивает:

– Дедусь, мы с тобой встречались?

---

1 Терская казачья лезгинка

Дед кивает в знак согласия и говорит:
– Угадал! Я судьбина твоя. Друзья кличут меня Рок.

Казаки на аванпосте (Рубо Ф.А., 1883 г.)

– Рок, извини, судьбы никто не знает! – молодой решил поддержать шутку старика.

Казак допивает стакан, а дед вещает:

-- Скоро узнаешь! Не ходи на круг, сделай милость!

Казак не послушался. На круге он узнал, что сторожевой пост на Малке собирается захватить партия горцев. Пост может не выстоять. Атаман предложил:

-- Пошлем несколько добровольцев с урядником.

Урядник громко спросил:

– Есть охотники помочь?

Никто не испугался, все шагнули вперед. Атаман говорит:

– Начнем с молодых, – и указывает насекой на молодого.

– Хлопец, тебе оставаться в станице по воле круга.

Все казаки прокричали «любо».

– Нет, – возмутился молодой, – я не брошу товарищей!

Что говорить! Ночью добровольцы подкрались к врагам с тыла. Кинулись разом.

Окруженные на посту их поддержали, и враги разбежались.

Во время атаки молодой казак был, как велено, при уряднике в арьергарде. Но пуля – дура. Ударила в руку. В лазарете руку отрезали напрочь. Ненька его вмерла. Остался казак бобылем. Теперь он часто сидел в кабаке один, но бодрился, чтобы не впасть в грех.[1]

Рассказчица остановилась и вздохнула:

– Какое несчастье! –думала она про себя. –Горько мне, что Александр не обращает на меня внимания. Сегодня не придет.

Для всех печально сказала:

– Не могу продолжать. Грустно.

Все почувствовали неловкость. Стали высказывать свои мнения. Чтобы остановить вспыхнувший спор о судьбе несчастного казака, Алексей Петрович решительно взял гитару и запел французские куплеты «курсового гимна», как он их называл: «Советам мудрости внимая, я рассудил без дальних слов. Прощай вино в начале мая, а в октябре прощай любовь» [2] Когда он закончил свой гимн, все высказали одобрение.

Из крепости пришли майор с рекрутом Александром. Майор поздравил и подал счастливому отцу в подарок деревянную

---

[1] Казачья лезгинка (о-рада-рада)

[2] Стрельников Н., Беранже П., Канделаки В., Прощай вино

лошадку на колесиках, сделанную солдатами.

Прибавил на словах, что разрисовал лошадку «яблоками» и украсил хвостом и гривой из настоящего конского волоса выдумщик Александр. Все восхищались детской игрушкой и хвалили Александра.

Еще раз выпили за здоровье малыша и матери. Анна развеселила компанию и спела новый романс, услышанный Александром в госпитале: «Что мне жить и тужить одинокой? Где ты, мой друг милой, чернооκий? Не хочу жить с тоской, друг жестокий! Полечу за тобой в край далекий!»[1] У Анны, ко всеобщему удивлению, обнаружился голос! Все хлопали.

Петру её пение показалось замечательным. Он всё ещё искал сильных солистов для хора, которым рассчитывал удивить императора. Пока она пела, он думал:

– Петь может. Что значит молодость? Знай, машет платочком! Для неё свет в окошке – любовь и милый дружок

Счастливые Анна и Александр, которому майор разрешил задержаться, продолжили встречу на лавочке в опустелом парке. Шептались и целовались. Поцелуи были жаркими.

Им было что обсудить. Они были уверены, что будущее сулит им необыкновенное и единственное в мире счастье. Ничто их не огорчало и не тревожило. Погружаясь в собственное счастье, они видели его вокруг. Верили, что все люди радуются жизни.

Их невинную любовь все давно приметили. У майора, мечтавшего о собственной женитьбе, она вызывала особенное сочувствие. Увидят ли влюбленные счастье? Впереди их ждало страшное испытание.

Отражение набега

Наши деды – славные победы!
Песня суворовских солдат

Кисловодский гарнизон готовился к зиме. Провизию и фураж уже запасли, даже с небольшим избытком на непредвиденный случай. Особая солдатская команда

[1] Варламов А.Е. Замятина Ю. Что не жить и тужить

заканчивала заготовку и подвозку дров с горы Бештау в крепость и слободу. Команда подпоручика Фёдорова доделывала ремонтные работы на самоварах для нарзана. Оставались последние работы по парку и бульвару. Всё велось по налаженному армейскому распорядку, и у майора Никанора Ивановича командира кисловодской крепости нашлось, наконец, время для охоты с собакой.

Рано утром 24 сентября (6 октября по новому стилю) 1836 года он отправился в близлежащее урочище. Кисловодск еще не просыпался, когда майор поднимался верхом к вершинам синего Джинала. Легавая впереди радостно принюхивалась, подпрыгивала и виляла репицей. Позади дремал, покачиваясь в седле, денщик Кузьма со съестным припасом.

В небе над Джинальским хребтом мерцало величественное созвездие божественного охотника Ориона. Майор подумал: «Скоро звёздный охотник скроется из глаз», – и прибавил вслух: «*Sit lux! Homo sapiens erit antiqua venator. Astra, benedic mihi!*[1]». Мысленно засмеялся над своим неловким обращением к легендарному охотнику, оглядел открывающееся урочище и сказал самому себе, надеясь на удачу:

– Буду охотиться по небесному благоволению согласно врождённому инстинкту. Боги послали подходящую погоду – бабье лето. Трава полегла и Весте будет удобно челночить. Перепела отлетели на зимовку. Куропатки нажировали. Чтобы не сглазить успех, скажу, не хвастая: «Птицы мне хватит!»

Майор погладил подсумок на поясе:

– Достаточно зарядов с дробью найдётся. И пули тоже есть на всякий случай. В Кисловодске стреляют все. Добро бы метко! Ничего! Научатся со временем. Закончу осенние работы, найду дело для моих солдатушек на стрельбище.

В раннем полусвете всё замерло в ожидании солнца. В тишине глухо и мерно ударяли копыта коней. Заря осветила облака над горами Кабан и Большое седло. И, как-бы сопровождая свет, раздался тихий странный шум. Майор с любопытством обернулся и вздрогнул. В первых лучах

---

[1] *Да будет свет! Homo sapiens сделается древним охотником. Звезды, благословите меня! (лат.)*

солнечного света перед ним открылась поразительная картина – огромный отряд конницы переправлялся через Подкумок.

Майор крикнул денщику: «Кузьма, возвращаемся!» Повернул рывком коня, позвал собаку: «Веста, ко мне!». И поскакал назад.

С Крестовой горы было отчетливо видно, как несколько всадников гонятся за одним. Вслед за ними неумолимо направлялось остальное войско.

– Накаркал я, – думал на ходу майор. – Дело нашлось само! Как могли пикеты не заметить такой огромной партии горцев?

Набег конницы (Рубо Ф.А., 1890 г,
фрагмент панорамы «Штурм аула Ахульго»)

Было видно, как люди выскакивали из домов и в панике бежали в крепость. Донеслись крики от въезда в город. Там разбойники грабили дома и хватали пленных.

Поток конницы вливался в город, вытаптывая бульвар. Передовые быстро продвигались вперед. Когда передние

всадники въехали на нарзанную площадку, домик гауптвахты окутался пороховым дымом.

Майор подумал:

– Это дежурный наряд начал простреливать открытое пространство, чтобы не дать нападающим переправиться через брод на Ольховой и сходу выйти к слободе. – Без сомнения, выстрелы гауптвахты повернут черкесов к ресторации, и под её прикрытием они продолжат движение. Надобно спешить!

Торопливо спускаясь к ресторации, он знал, что там были надёжные люди. Особенно он надеялся на работников из отставных солдат. В сложившейся ситуации они могли ненадолго задержать конницу. Сейчас всё решало время, пока пушки крепости не начнут палить! Нападавших много и спасение было в пушках. Он был уверен, что офицеры крепости не замешкаются.

Во дворе ванных сараев команда подпоручика Фёдорова устанавливала крышки на самоварах, когда мимо ворот промчался верховой казак, громко крича: «Тревога! Нападение! Черкесы! Спасайтесь!».

Продолжая кричать, казак переправился через брод и поскакал по берегу к воротам казачьего сторожевого поста, видневшегося на горке.

Его нагоняли всадники. «Хей! Хей!» – слышалось боевое гиканье черкесов. На казачьем посту раздались одиночные выстрелы и вскоре пальба усилилась.

В команде подпоручика Федорова солдаты были без оружия. В открытые ворота вбежали двое вооруженных. Это была смена караульных: престарелый унтер-офицер и молодой рекрут. Они вернулись от шлагбаума на въезде в город. Караул держали там в ожидании посещения императора.

– Силантий-дружок, – сказал подпоручик унтеру, – беги что есть мочи к Реброву и поднимай тревогу!

А рекруту приказал: «Молнией в ресторацию! Пусть бьют в колокол и спасаются!»

Своим солдатам он велел бежать изо всех сил в крепость. В крепости забил «тревогу» барабан. Когда пробегали мимо стреляющей гауптвахты, им крикнули, чтобы прислали подмогу.

Вскоре убегавшие были на другой стороне речки. Прибавили ходу и, поднявшись на крутой косогор, скрылись в воротах крепости. Едва держащийся на ногах, и задыхающийся старый подпоручик прибежал последним на ближний бастион, обращённый в сторону нарзанного колодца.

Он окинул взглядом окрестности и сразу увидел, что противник находится в секторе бастиона. Артиллеристы уже развернули орудие в нужном направлении. На других бастионах, судя по всему, противник наблюдался плохо, и там стрельба могла задержаться. Солдаты с заряженными ружьями были в готовности у бойниц на эскарпах.

Старший фейерверкер[1] доложил, что картечь не достанет до горящего поста и поэтому зарядили ядром. Подпоручик проверил прицельную дистанцию.

– Вот молодец, – подумал он о фейерверкере, – точно исполнил наставления. Ребятушки, сейчас поможем, как следует! Все прекрасно видно. Гауптвахта располагается на безопасном удалении от настильной траектории.

Но точка прицеливания оказалась, к его досаде, в стороне от всадников, крутившихся перед гауптвахтой. По правилам, составленным императором Павлом ещё в Гатчине, первый выстрел делается как можно скорее, даже если прицел плох. Офицер не стал перенацеливать. Наконец, прибежали с огнём. Второй номер зажёг фитиль пальника.

Подпоручик снял прицел. По команде «Орудие, пали!» все отодвинулись от пушки, номер стряхнул пепел, раздул губами горение и поднёс пальник к скорострельной трубке[2].

Вперед вылетела мощная струя пламени. Ударил протяжный грохот. Ядро улетело и орудие откатилось.

Дым скрыл цель. Позади орудийной площадки села на землю женщина. Прижимая плачущего младенца, закричала охрипшим голосом:

---

[1] *чин в артиллерии, как старший унтер-офицер в пехоте или старший урядник у казаков*

[2] *вставляемая в запальное отверстие тростниковая трубка с чашечкой, набитые пороховой мякотью*

– Ратуйте, люди добрые!»

Женщины стали её успокаивать:

– Не бойся! Наши отобьются! Не бийся!

Рекрут Александр Симонов мгновенно взбежал по лестнице на входной балкон ресторации. С балкона было видно, как на горке за речкой Берёзовой горит казачий пост.

Дверь была заперта. Он стал стучать. Ему открыли. Он прокричал, что пикет горит и разбойники грабят дома.

В зале хозяин Петр и работники в одежде для ремонта дома заряжали ружья и пистолеты, сложенные на столах. Майор, его начальник, смотрел в окно.

Александр вытянулся и спросил: «Ваше высокоблагородие, разрешите доложить?» – и, получив разрешение, доложил, что подпоручик Федоров сказал, чтобы звонили в колокол, а сам с командой благополучно отбыл в крепость.

Пётр послал приказчика Митрича бить набат.

Майор заметил, что прибежавший рекрут не растерялся и доложил по форме. Подтвердил именно то, что было видно из фасадного окна. Майор приказал: «Рекрут, заряди ружье. Газырница на столе. Прими на себя команду у заднего входа. Отвечаешь как военный человек за оборону дома с тыла. Я на тебя надеюсь. Исполнять!»

У заднего входа готовились двое: кучер Тохтар с кинжалом и старый сторож Нефёдыч с саблей на перевязи. Заряженные ружья стояли у подоконника.

Старик уступил место Александру, а сам встал сбоку окна, чтобы хорошо видеть въезд во двор. Поварёнок, брат Анны, с кинжалом в руке подошёл и сказал:

– Командир Саша, я готов бить врагов!

Внезапно раздался гудящий гром пушечного выстрела. Послышались ружейные выстрелы со стороны фасада дома. С последним ударом набата во двор въехали черкесы.

В сверкающем низком шлеме, украшенным красным флажком, в красной куртке, наброшенной на кольчугу, в вышитых ноговицах и чувяках угадывался бий. Его гордое лицо украшали короткая чёрная борода и усы. Позади него всадник держал зелёное знамя.

Нефёдыч негромко напомнил:

– Без команды не стрелять! Целить!

Александр наводил ружьё и шептал тайное заклинание, завещанное покойным другом.

Черкесский князь (по Ж.В. Адам, 1830 г.)

Кучер Тохтар тоже поднял ружье. Ему ещё дед завещал ненавидеть грабителей и конокрадов черкесов. Вдруг он догадался! Перед ним был сам Хырсыз. Отец погиб от его рук. Тохтар внятно проговорил:

– *Аллах болушсун!*[1]

Тут у кухни открылась дверь и на двор вышла помощница поварихи с ведром. За работой она не обратила внимания на частую пальбу и на колокольный звон, но громовой выстрел пушки её встревожил.

Увидела черкесов, бросила ведро и кинулась назад. Ведро загремело, и всадники остановились. Дверь захлопнулась.

Бий засмеялся и один из нукеров поехал к кухне. Неожиданно поварёнок влез на подоконник, спрыгнул на галерейку и с криком «*Не займай, проклятий! Анночка, тримайся, сестричка! Тримайся!*[2]» и что есть силы побежал к кухне, размахивая кинжалом.

Ветеран Нефедыч отдал команду, как заведено в армии, начав протяжно и резко закончив:

– Цельсь! Пли!

В пороховом дыму стрелки разглядели, что конь у кухни вздыбился и повалился. Нукер спрыгнул с коня на землю. Бий покачнулся и начал падать с седла. Нукер успел удержать его и закричал:

– *Ар уага*![3]

Другой черкес помог держать раненого, вскочил на его коня и что есть силы закричал:

– *Щар раисым тефаг*!»[4].

Всадники мгновенно разрядили ружья по окнам ресторации.

Пули ударили в стены. Обороняющиеся, укрывшись за подоконниками, поспешно заряжали ружья.

Всадники повернули и поехали со двора. Нефёдыч выстрелил вслед. Мальчишка отчаянно стучал кинжалом в дверь кухни и истошно кричал: «Нюся! Нюся! Це я!

Нефедыч сказал по-командирски:

-- Благодарю отряд за службу!

Тохтар тихо и удовлетворённо сказал:

---

[1] *Да поможет бог! (карач.- балкар.)*

[2] *Не трогай, проклятый! Анночка, держись, сестрёнка! Держись! (укр.)*

[3] *Ар уІагъэ! – Он ранен! (адыг.)*

[4] *Щэр раисым тефагъ! – Раис поражён пулей! (адыг.)*

– *Аллах, бек сау болугуз*![1]

Совершил короткую *дуа*[2] Всевышнему словами любимой суры «Корова»:

– *Раббана такаббаль мина иннака анта ас-сами уль — алим».*[3] – И собрав мысли, воздевая руки на уровень плеч, произнес – *Уа туб аляйна, иннака анта т-тауабу р-рахим*.[4]

Случилось чудо! Он очень надеялся, что Али Хырсыз ему встретится, и страшился упустить шанс. Сегодня шанс пришёл по воле Аллаха. Обращаясь с мысленной мольбой к Всевышнему, он узнал врага и нашел заряд, давно носимый в крайнем газыре у сердца. Это был увеличенный заряд с пулей против заговоренной брони.

– Спасибо тебе, боже! – Ему вспомнилось, как отец советовал положиться на Хранителя. – Спасибо тебе, папа! Тохтар всей душой чувствовал полное удовлетворение.

Подпоручик, видя готовность артиллеристов, скомандовал:

– Бань орудие!

Тут на бастион въехала охлюпкой на коне местная жительница генеральская вдова Мерлини с саблей на боку. Не замечая, что показывает белые исподние панталоны, она размахивала нагайкой и кричала:

– Старая крыса, стреляй гранатами вперед неприятеля, а когда разрыв снаряда остановит толпу, валяй картечью.

Артиллеристы даже не подали вида, что слышали. Обмакнули банник[5] в баклагу[6] с уксусной водой, стряхнули и пробанили ствол.

А старик подпоручик ответил:

---

[1] *Аллах, большое спасибо тебе! (карач.- балкар.)*

[2] *в исламе мольба (араб.)*

[3] *Господи наш, прими это, Ты – Все слышащий и Все знающий (сура аль-Бакара, аят– 127) (араб.)*

[4] *и прими наше покаяние, Воистину, Ты – Принимающий покаяние, Милосердный (сура аль-Бакара, аят– 128) (араб.)*

[5] *утолщение со щёткой на длинном древке для чистки ствола*

[6] *деревянное ведро*

– Слушаю, матушка, ваше превосходительство!

Он был в подчинении у её мужа в прошлом, и привык, что генеральша всегда вмешивается во всё подряд. Сейчас она говорила дело. Картечь хорошо действует против толпы!

Подпоручик приказал:

– Орудие! Заряжай с гранатой!

Канониры[1] первый и второй действовали точно, как часы. Споро заложили и прибили в стволе новый заряд, поданный гантлангером из стоящего позади зарядного ящика.

Два других канонира протравником[2] пробили протравочное отверстие и по команде вставили скорострельную трубку. Каждый номер знал свой манёвр. Недаром подпоручик Фёдоров обучал своих артиллеристов по новейшему уставу Маркевича.

Быстро и дружно накатили орудие.

Отстранив канонира, подпоручик поставил прицел и стал целить в сторону въезда в город. Не видя за дымом, он по памяти уверенно вертел левой рукой винт подъёмного клина под стволом и жестами правой руки командовал четырьмя гантлангерами[3].

Они поворачивали тяжёлый лафет гандшпугами и правилами[4]. Канониры удерживали колесо.

Вдруг дикие вопли покрыли шум сражения. Дым рассеялся и внезапно открылось, что враги отступили и были уже далеко.

Всё стало ясно, враг отступил. Это было непонятное чудо. Подпоручик перекрестился. Облегчённо вздохнул и сказал: «Слава богу!» Затем громко похвалил орудийный расчёт:

– Молодцы, братцы! Всем по чарке водки!

В ответ раздалось дружное:

– Рады стараться, ваше благородие!

Генеральша прокричала, подняв нагайку:

– Вот как надо бить разбойников! Со мной не пропадёте, ребятушки! Каждому будет щедрый подарок, когда отслужим

---

[1] *звание ниже бомбардира (ефрейтора)*

[2] *заострённая толстая проволока, на тупом конце загнутая в кольцо*

[3] *младший артиллерийский чин (подносчик, физическая сила)*

[4] *прочные палки, используемые как рычаги при повороте орудия: гандшпуги – для станины, правѝла – для опорной подушки лафета*

благодарственный молебен за нашу победу.

Услышав нестройный ответ, подпоручик сказал:

– Отставить! Разве так кричат «ура»? По команде. Трижды. Дружно, – и замахал в лад рукой.

Артиллеристы и зрители кричали громко:

– Ура-Ура-Ура!

Подпоручик, промурыжив время для надёжности, наконец, отдал команду к разряжанию.

Противник исчез, и барабанщик крепости пробил «Отбой».

Последние команды «Чистить ствол после стрельбы» и «Клади принадлежность» выполнялись со смехом. Артиллерийский расчёт весело уточнял, кому что почистить и чью принадлежность куда положить.

Напряжение спало. В крепости радовались неожиданному спасению. Жители расходились по домам, оживлённо обмениваясь впечатлениями.

Вот, что произошло в ресторации. Когда раздались вопли черкесов, майор Никанор Иванович и ресторатор Пётр Афанасьевич побежали с ружьями в руках к заднему входу, чтобы помочь.

В окно, открытое настежь, они увидели бьющуюся на земле жалко ржущую осёдланную лошадь. Кони волновались у коновязи. Лаяли собаки. Посреди двора валялось пустое ведро. Анна помощница поварихи обнимала плачущего поварёнка с кинжалом. К ногам Нефёдыча прижалась дрожащая собачка. Майор спросил, что произошло.

Стоящий от окна Тохтар погладил усы и спокойно ответил:

– Заезжал Хырсыз.

Александр стал восторженно рассказывать, как Тохтар подстрелил бия. Вдруг майор жёстко приказал:

– Молчать! Это не театр! Поговорим после.

Ружейные выстрелы прекратились, и крики толпы удалились. После короткого молчания донеслось далекое протяжное «ура».

Майор понял, что нападение отбито. Чувствуя, как спадает внутреннее напряжение, негромко проговорил Петру:

– Смотри-ка, твой кучер ловко жахнул знаменитого Али Хырсыза! Мы гадали, где чёртов разбойник прячется. И вдруг,

извольте радоваться, он сам явился во всей красе! Как говорят на театре, закончил жизнь, поражая зрителей! Ты скажешь, что он лишь ранен? Только не после такого стрелка, как Тохтар. Он отправил его наповал туда, где ему быть должно, – в ад.

И неожиданно спросил:

– Есть комната с запором?

– Буфетная, – ответил Пётр.

– Тохтар, оставайся на страже! Нефёдыч, Александр и все, кто здесь стоит: ты, и ты, и ты. За мной! – приказал майор.

– Запри дверь! – сказал он Петру Афанасьевичу.

В тёмной комнате с закрытыми ставнями они едва различали друг друга. Майор строго произнёс:

– Тихо! Слушайте внимательно! Вы все храбрецы! Не испугались супостатов!

Вам слава, но с этого дня вы никому ни единого слова не скажете о том, что Тохтар подстрелил бия. Если бий умрёт, Тохтар и весь его род станут для черкесов кровниками и желанными предметами охоты. За знатного черкеса не примут даже щедрый выкуп. Кто бы ни спрашивал, отвечайте: «Не знаем, не видели!». Не проговоритесь! Не опозорьте славы храбрецов, не будьте предателями, пособниками врага!

Все молчали.

– Понятно? – жестко переспросил майор. – Клянитесь перед всеми нами и перед господом, что будете молчать!

Все зашумели. Майор громко повторил:

– Понятно? Клянитесь, как перед господом!

– Клянёмся! – ответили Нефёдыч, Александр и слуги. И перекрестились.

Пётр Афанасьевич тоже поклялся и сказал:

– Если проговоритесь, мы с майором, прости господи, отводя беду, скажем, что вы придумали всё со страху. Тогда бог вам судья! Вас будут считать лжецами, пустомелями, хвастунами, клеветниками. Никанор Иванович, верно, я говорю?

– Точно! – ответил майор. – У меня есть новость. Скажу её всем. Александр Симонов, с сего дня никто не смеет называть тебя «рекрутом», все должны говорить с уважением «солдат». Будешь хорошо служить, можешь даже жениться.

Раздался одобрительный смех. Майор закончил:

– Сейчас тебе отпуск, солдат. В крепость вернёшься к вечерней поверке.

Александр стал смирно и, не показывая радости, чётко ответил:

– Рад стараться, ваше высокоблагородие!

Когда все вышли из буфетной, майор обратился к Петру и сказал, чтобы он зашёл в крепость. Надобно обсудить, как отметить победу. Прибавил, чтобы сообщил своему кучеру Тохтару, о чём следует молчать. Быстро ушел.

Ждущий во дворе денщик отвязал и повёл в конюшню лошадей, на которых они утром выезжали охотиться. Легавая бежала впереди, гордо подняв репицу, будто возвращалась с охоты. Наверное, чувствовала спокойствие своего хозяина, для которого случившееся всего час назад было просто рядовым делом на этой непредсказуемой войне.

Пётр Афанасьевич отпустил слуг и предупредил, чтобы все были на другой день с утра чистые, как стёклышки.

Позвал Тохтара и признался ему, что очевидцы превосходного выстрела поклялись молчать о том, что он ранил разбойника.

«Если выстрел смертельный, пусть помрёт, как собака», – сказал Афанасьевич. – Прости господи! Этот человек продал душу дьяволу и не заслуживает очищающей мести. Незачем злодейскому роду устраивать кровников из тебя и родных. Слишком много чести! Прими мой совет, *тенгим*. Молчи, будто ничего не было!

Тохтар не сказал ни слова, и непонятно было согласен он или нет. Пётр понимал, что другу будет непросто принять решение. Надо идти против горских условностей и унижать себя перед родными. Петра волновало, какое решение примет Тохтар. Их отношения были по-мужски уважительными.

Не услышав согласия, Пётр велел Тохтару успокоить раненную лошадь, а потом снять седло и сбрую. Кучер взял пистолет со стола и вышел. Со двора послышался выстрел. Ржание прекратилось.

Пётр стал думать:

– Пророк Моисей не оставил заповеди «не лги», но всё равно лгать, да ещё заставлять людей так поступать – тяжкий грех!

Даже вынужденно, даже ради спасения жизни или в случае военной хитрости! Его тревожило, простит ли церковь его сознательный грех. Или отец Павел наложит на него епитимью. Ради друга он перенесёт любое божье наказание!

Пётр посмотрел на стенные часы. Битва заняла не более половины - трех четвертей часа, подумал он. Дольше она не длилась! Пришёл Митрич. Петр запер ресторацию, и они пошли в крепость.

Александр помог Тохтару снять седло и сбрую с мертвой лошади и остался ждать Анну. Стал размышлять о заклинании:

– Оно защищает всех вокруг, и противника, и животных. Допускает ранение, иначе говоря, не даёт умереть сразу. Можно было бы назвать его «не убий», как по заповеди.

Александр решил больше не произносить непонятное заклинание. Лучше не связываться с нечистой силой. До добра это не доведёт. Яснее ясного, что Аннушку спасли добрые люди, и заклинание здесь ни при чем! Он вспомнил друга, достал заветную иконку и перекрестился, моля святого Николая простить невольное заблуждение.

После нападения

Нефёдыч, уходя из ресторации домой, по привычке заглянул на кухню. Не постучав, отворил дверь. Она не скрипнула, и он застал Анну и Александра врасплох.

Счастливая Анна с заплаканными глазами смотрела, улыбаясь, как Александр правой рукой брал пирожок, кусал его белыми зубами и клал назад, жевал и запивал чаем, ещё кусал, жевал и глотал. А из левой руки не выпускал её руку. Казалось, прикосновение рук поощряло быстрое исчезновение пирожков.

– Вижу непорядок в войсках! – пошутил Нефёдыч. – Новый солдат вкусно празднует победу, а о ветеране забыли!

Анна засмеялась, пригласила его к столу и налила чаю.

– Голубонька, ради победы надо бы что-нибудь погорячее! – произнес он, – Пошукай-ка горилки в тайничке. Прасковья – я знаю – прятала там склянку для собственной бодрости, а Лукерье это ни к чему. Она другая, и держит бутылочку лишь для таких важных гостей, как я.

Улыбающаяся Анна принесла бутылку. Нефёдыч налил полстакана. Сегодня Анна готова была поить весь белый свет.

Дед снял свою шляпу, и Анна подумала:

– *Це не капелюх, а ганьба! Впевнена, Саша буде не проти, якщо я запропоную купити кашкет або капелюх для діда».*[1]

– Другое дело! – сказал довольный Нефёдыч. – Спасибо!

– Мне не надо. – поспешил заверить Александр, – Не хочется огорчать ротного в такой день.

– Правильно! – согласился Нефёдыч и, крякнув, выпил. – Старайся служить честно! Видишь, милая, парень этот - бедовый солдат. И брат твой тоже храбрец! Как он кинулся защищать тебя! Черкесу было трудов-то – схватить его одной левой и утащить? Господь спас! Он пожалел тебя за доброту! Скажу тебе, что братик твой сегодня заново родился.

У Анны потекли слёзы. Старик укусил пирожок, пожевал беззубым ртом, глотнул чай и рассудительно пояснил:

– Хороший мальчонка растёт. Будущий воин. Убежал смотреть, что сталось после боя. Пущай смотрит! Всё хочет знать про Александр Василича Суворова. Дед, – говорит, – расскажи, как ты молодой вместе с Суворовым воевал.

Я рассказываю. А он снова спрашивает:

– Дед, он точно мальчишек обыграл в бабки?

– Точно! – отвечаю. – Скажу вам сейчас о том, что ему не скажу – он не поймёт. Мал ещё! Надеюсь, что вы поймёте!

– Что такое? – спросил удивленный Александр.

Нефёдыч пояснил:

– «Бог нас водит – он нам генерал!» – говорил Суворов. Ежели вспоминать бесчисленные победы Александра Василича, то вы поймете, что ему, славному полководцу, это было виднее всех на свете!

Однако мне, старому дураку, думается, что на Кавказской войне мы зависим от другого – нас водит судьба.

Кавказ – такое место на Земле, где по неведомой божьей воле встречаются христианский фатум и магометанский кисмет, – парочка, что дружит без границ и ненавидит без предела! Нет

---

[1] *Это не шляпа, а позор! Уверена, Саша будет не против, если я предложу купить фуражку или шляпу для деда. (укр.)*

у них милосердия.

Понял я это ещё совсем зелёным солдатом. Мне было тогда 16 лет, но выглядел я на все 18, таким был крепким. Не то, что сейчас, поверьте старику!

Наша рота бутырцев стояла в *фельдшанце*[1] возле переправы через реку Ея в землях ногайской орды. Как раз тогда Александр Васильевич Суворов по приказанию светлейшего Потёмкина и по велению великой Екатерины переселял ногайцев на просторные земли у реки Урал.

Реку государыня Екатерина повелела называть Урал вместо Яик, дабы старые названия не напоминали ей о смутьяне Пугачёве. Ногаев поэтому и переселяли в спокойные степи подальше от османских подстрекателей.

А цари или царицы, им что? Для них, известное дело, исполняй или жестоко накажут! Ордынцы ослушались, перебили русский отряд, что их сопровождал, и пошли назад. Судьба и кисмет решили дело.

Пока дед разглагольствовал о прошлом, Александр смотрел на Анну. Она казалась такой милой и несчастной, что хотелось гладить её кудряшки и говорить что-нибудь ласковое. Но в присутствии Нефёдыча он не смел выразить свои чувства.

С тех пор, как после госпиталя Александр был радостно встречен Анной, всё вокруг переменилось. Он чувствовал бесконечное счастье.

Командиров считал прекрасными, хотя и суровыми людьми. Исполнял все приказания со старанием. Надеялся, что об этом услышит Анна и не будет строга к нему.

-- Как приятно и трудно быть с ней, -- подумал он и вздрогнул, вспомнив недавний бой. -- Какой ужас, что на неё напал конный черкес!

Вздыхая, Александр не может выразить словами, как он рад видеть её, такую красивую, живую и невредимую.

Счастливым мыслям Александра мешали длинные рассуждения Нефёдыча. Он решительно перебил старика:

– Дед, мы уже слышали, что вы не отбились бы ни картечью, ни залпами ружейного огня от такой огромной толпы ногайцев

---

[1] *земляное полевое укрепление с пушками в 17-18 в.в. (нем.)*

при втором штурме, если бы не прискакали на помощь драгуны владимирцы, и за ними не прибежали роты Бутырского полка во главе с самим полковником Телегиным.

Мы знаем, что в этом упорном сражении погибло много наших, а ногаев ещё больше. Ты был ранен первый раз.

– Правильно, – сказал Нефёдыч, – зато ты не слышал главное. Ихний *мурза*[1] Канакай командовал нападением всё время и был застрелен в голову при окончании разгрома канакаевцев. А наш Хырсыз был подстрелен в самом начале нападения. Кто это определил? Как ни кисмет с фатумом?

Это по их воле Кисловодск остаться спасённым городом, а не разорённым скрозь!

– Ну, ты и завернул, Нефёдыч. Трезвому не понять! – сказал Александр, пораженный логикой старого солдата. И чтобы пьяненький Нефёдыч не сболтнул о выстреле Тохтара, перебил старика:

– Хватит мудрствовать! Скажи лучше, не встретился ли тебе наш поварёнок? Вот тебе крест, он сразу убежал куда-то.

Нефёдыч был хорошо знаком с обычаями слободских мальчишек. С удовольствием сообщил:

– Уверен, твой братик и его приятели облазают поле боя. После отправятся купаться под водопад на Ольховке. Бабье лето держится, но Илья-пророк давно купанье уволок! Сходите оба на водопад и прогоните мальцов оттуда.

Анна встревожилась. Даже слёзы исчезли.

– *Вірно, дидусь! Він хлопчик ніжний, зовсім незагартованої на відміну від цих хлопчаків. Треба поквапитися!* [2]

Александр попытался успокоить её:

– Аннушка, не тревожься! Господь не допустит, чтобы в иордани простудился рождённый в рубашке. Есть примета – повторно крещёный будет жить долго. Недаром зимой все погружаются в прорубь на крещение господне. Водопад будет твоему братику крещенской купелью.

Услышав о зимнем купании, Анна затревожилась ещё

---

[1] *господин, наследный старшина, князь (тюрк.)*

[2] *Верно, дедушка! Он у меня мальчик нежный, совсем незакалённый в отличие от этих мальчишек. Надо поторопиться! (укр.)*

больше. Нефёдыч прошептал молитву и поблагодарил:

– Спасибо, милочка! Я пошёл. Утро нонича выдалось тяжкое. Чуток отдохну. Вечером мне караулить.

Вдруг дед захохотал и сквозь смех сказал во весь голос:

– Охренеть! Один выстрел и джигиты разбежались!

Надел шляпу и вышел, громко распевая [1]:

– Солдатушки, браво, ребятушки, где же ваши детки? Наши детки – пули, ядра метки. Вот где наши детки.

Домой его сопроводила, оглядываясь, собачонка. Он сказал ей: «Жучка, не трясись! Твой дед позади. Ура! С победой!»

Анна поспешила накрыть еду рушником, сняла передник, надела чувяки, заперла кухню и вышла за Александром.

Он закинул ружьё за плечо и взял её за руку. Она не отняла. Под ногами у них шуршали опавшие листья, над головами покачивались оголившиеся ветви деревьев. В начале парка недалеко от ресторации солдаты сгребали опавшие листья в кучи и жгли. Поднимались столбы дыма.

Под лучами остывшего осеннего солнца они шли по опустелому променаду, прижимаясь друг к другу, будто испуганные дети. Оба были одиноки в этом суровом мире. Души их тянулись друг к другу. Было и радостно, и грустно в одно и то же время.

Осенний холод – предвестник суровой зимы – они не чувствовали. Даже не думали о скором будущем, когда в конце сезона закроется ресторация, и встречи станут редкими. Спасенные в бою, они жили сегодняшним счастьем. Души их будто слились. Руки чувствовали одна другую.

Но выйдя из парка на тропинку, ведущую к водопаду, влюблённые разняли руки. Анна пошла позади, будто нет у них ничего общего. Сплетни им были ни к чему!

На водопаде они не нашли никого. Осенью водопад уменьшился, но все равно за шумом воды звать брата было бесполезно. Домой вернулись через базарную площадь, надеясь увидеть мальчишек. Анна молчала. Видимо волновалась. Александр не решился заговорить.

Домой братик пришёл вечером, закопчённый, провонявший

---

[1] Солдатушки, бравы ребятушки

дымом и измазанный углем пожара.

Анна облегчённо вздохнула. Брат был цел. Позже она узнала, что слободские запретили мальчишкам ходить далеко, страшась слухов о бродячих черкесах.

Анна велела братику снять одежду и стать в таз. Мыла брата, как родная мать, тёплой водой, оставшейся от работ, а он рассказывал ей по-украински о своих дневных делах.

Водопад на речке Ольховой
(Р.Р. Голике и А.И. Вильборг, 1902-1903 гг.)

Её он слушался и на людях пользовался русским языком, чтобы не выделяться. Но дома говорил на *рідній мові*. Ему вспоминались покойные родители. Сестра радовалась – братик, как и она, приучался чисто говорить на двух языках.

Жаль, что в пятигорское училище братику не попасть, – не берут бедных на казённый кошт. Но Саша уже научил его азбуке. Читать и писать он тоже научит!

– Мы пошли к горке *допомогти пораненим і подивитися на убитых, а там їх не було. Ось як!*[1] – рассказывал брат. – Тильки

[1] *помочь раненым и поглядеть на убитых, а там их не было. Вот как!*

усе конями потоптано. Скло в викнах розбити, и стенци кулями побити. Коляня, що Горепечкин, выковыривал кулю зи стени.

Тут нас погнали. На пожарище, що за речкою на горке, никого не було. Коляня говóрить: «Добре! Гляньте-ка, сколько всего горит!»

Ну, мы снесли горелые палки в кучу и устроили костер, какого никто не видел. Даже когда казаки на горке сигнал зажигали.

Мы маршировали навколо и писню спивали, якую ты нас вчила [1]: «*Ой на горі та й женці жнуть, /ой на горі та й женці жнуть, / а попід горою, яром-долиною / козаки йдуть. / Гей, долиною, гей, / широкою, козаки йдуть.*» [2]

Майор отправил рапорты с конными гонцами генералу Зассу в Прочный Окоп и полковнику Чайковскому в Пятигорск. Ресторатору Петру предложил подготовить торжественный ужин на третий день, чтобы в складчину помянуть погибших и отметить победу. Было названо число приглашённых.

Пётр предложил меню. Договорились о цене блюд и вине. Вывесили объявление. Предстояло сделать много. За вином и прочим Митрич и Тохтар съездили в Пятигорск.

Пришел день похорон. В обеих церквах, слободской и станичной, совершили отпевание и похоронили жертв нападения: казаков, сгоревших на посту, и поручицу Шатилову, изрубленную в своём доме потому, что её не смогли пленить из-за чрезмерной полноты.

Тело казака-калмыка, поднявшего тревогу и погибшего у ворот сторожевого поста, забрали родственники. Он погиб, как герой, — подняв тревогу, спас многих.

Для солдатских артелей был устроен торжественный обед. Налили по чарке, было мясо, каша и наваристые щи, а к чаю – печенье из ресторации.

Из Пятигорска прибыл комендант укреплений на водах

(укр.)

1 Народная песня «Ой на горі та й женці жнуть»

[2] *Ой, на горе и жнецы жнут, / Ой, на горе и жнецы жнут, / А под горой, яром-долиной / Казаки идут. / Эй, долиной, эй, / Широкой, казаки идут. (укр. песня сечевых казаков)*

полковник Пётр Петрович Чайковский. В ресторации на ужине поздравил офицеров и достойных горожан. Пели с воодушевлением новый российский гимн «Боже царя храни» [1].

Пётр и слуги тоже пели. Они сражались, как все, но о них за столом не говорили. Не по чину! Вспоминали случаи, очевидцами которых все были. Никто не думал искать спасителя Кисловодска. Когда подпоручик Фёдоров признался, что решительный выстрел получился мимо, шутили над ним и артиллеристами.

Восхищались генеральшей Мерлини. Через несколько месяцев она показывала всем золотой фермуар к ожерелью. Золото украшали бриллианты и георгиевский крест. По словам генеральши, этим фермуаром её наградил государь.

Можно представить себе, как был поражен государь, узнав о подвиге генеральской вдовы, которая стреляла из пушки по горцам и одним выстрелом огромный набег остановила.

Торжественный ужин закончился хорошо. Полковник благодарил Петра. Говорил, что он превзошел себя.

– Я был прав, – думал Пётр, – что назначил Лукерью новой поварихой, несмотря на сомнения Алексея. Теперь я совершенно уверен, что Лукерья примет Прасковью как помощницу, и ссориться они не будут. Как ни как, обе свахи. А семейные связи много значат в наше время!

Полковник Чайковский и майор сидели в домике майора и обсуждали нападение, которое случилось третьего дни назад.

– Видит бог – сказал полковник – мы сделали всё, как следует. Поспешное отступление противника, несомненно, объясняется отличными действиями артиллеристов.

Больших потерь не случилось. Генерал посчитает, что это нападение было обычным на сторожевой линии. Офицерам наград и наказаний не последует. Впрочем, я приложил к рапорту список нижних чинов, заслуживающих награждения. Надеюсь, что года не пройдет, как придут эти награды.

Майор помнил тайную договорённость в ресторации о выстреле Тохтара, и поэтому изменил направление разговора:

---

[1] Гимн «Боже, царя храни»

– Держу пари, генерал прикажет служить дальше государю и отечеству, как положено!

Так завершилось нападение черкесов на Кисловодск.

На долгой Кавказской войне было много такого, о чём помнят до сих пор – большие жертвы с обеих сторон и славные подвиги, известные в подробностях. Были и полузабытые случаи. Один из них – уникальная оборона Кисловодска.

Уверен, в мире нет больше ни одной крепости, с таким успехом промахнувшейся по врагу единственный раз за всю свою историю. Эта крепость – кисловодская! Не иначе, был секрет.

И, действительно, настоящую причину бегства врага сообщили агенты, которых командующий Засс содержал среди горцев. Предводитель набега убыхов и абадзехов Али Хырсыз был ранен пулей и впал в беспамятство. Руководить было некому. Черкесов охватило общее отчаяние. В неведении, что делать, они отступили в сторону вершин Эшкакона. Надеялись, что предводитель очнётся, но через несколько вёрст обнаружили, что он умер, и решили уходить. Эшкаконский пост Красивый пропустил черкесов, не смея пикнуть.

Зато стало понятно движение разбойников к реке Аксаут. В ущелье реки генерал Засс послал кавалерию с пушками и устроил засаду в выгодной позиции. Черкесы прорвались ценой больших потерь. Плененные казаки были освобождены.

Кавказский пленник

Со временем Александр Симонов взял в жёны Аннушку и стал полусолдатом. Правду говорят, что сделать это приказал заботливый комендант крепости. Он не забыл отличную службу и героическое поведение рекрута во время отражения набега. Солдаты с радостью строили домик для молодоженов. С тех пор на водах встречается фамилия Симоновы.

Через три года в очередную годовщину Отечественной войны Иван Петрович Бежитов, полковник в отставке, георгиевский кавалер и гусар поддался на уговоры жены Авдотьи Гавриловны съездить снова на Кавказские воды.

Подошло время повторить курс. На этот раз жена решила

присоединиться к мужу, опасаясь, что он не доедет один. Они вместе преодолели трудную и долгую дорогу на перекладных.

После курсов в Пятигорске и Железноводске Бежитовы устроились в Кисловодске. Сняли домик за речкой Ольховой. Лечились нарзаном. Гуляли в парке. Обедали в прекрасном зале ресторации у знаменитого Найтаки. Завтрак и ужин слуга приносил домой.

Как-то прохладным вечером, особенно приятным после дневной жары, пара прогуливалась *en plein air* у нарзанного колодца и наблюдала с благоговейным восторгом, как над горами последние солнечные лучи сражались с мраком опускающейся ночи.

Иван Петрович смотрел на драматический закат и молчал. Нахлынули воспоминания, но он не решался говорить, боясь испугать Авдотью Гавриловну своим рассказом.

Жена спросила:

– Отчего вы молчите, *mon ami* Иван Петрович?

Огненные лучи заката покрыли всю округу червонным золотом. Пораженный триумфом света, Иван Петрович отбросил сомнения и начал:

– Душа моя, интересная история случилась при набеге черкесов на Кисловодск в 1836 году. Её напомнил мне третьего дни пятигорский знакомец, штаб-ротмистр в отставке.

Незадолго до набега купец по фамилии Костюченко привез из Астрахани в Пятигорск вязигу, залом, воблу и другую вяленую рыбу. Продал с прибытком. Искал компаньонов, готовых покупать белую нефть на промыслах в Балаханах и с выгодой продавать в Бессарабии. Но предприятие не сложилось.

Знакомый армянин Аракчеев, торговавший на пятигорском базаре, холодно оценил нефтяную затею и предложил купить в Кисловодске ржаной муки четвертей[1] двести. Дал двести рублей в задаток и верховую лошадь кавказской породы.

Полковник Иван Петрович умолк, любуясь открывшейся картиной. Он и жена как раз дошли до въезда в Кисловодск.

Бледный месяц уже был виден на безоблачном синем небе. Узкая желто-красная кайма венчала вершины гор со стороны

[1] *то есть, четвертей 12-литрового ведра*

солнца. Глубокие черные тени создавали резкий контраст с мягкими желтыми цветами предметов, скал, деревьев и горных склонов. Вечернюю тишину оттенял негромкий шум речки.

Муж прокашлялся и указал жене на ближнее жильё:

– Посмотрите, *ma chérie,* сюда! Тут все и произошло.

За плетеным тыном была видна хата с закрытыми ставнями и дверью. В тихом дворе не было ни души.

– В этом домишке, дорогая, *commis voyageur* [1] Костюченко снимал угол у поручицы Шатиловой, вдовы. Когда набег задержался перед гауптвахтой, черкесы ворвались в дом. Они стали хватать всех, кто подвернулся под руку.

Хозяйку не могли протащить через дверь из-за её тучности. Разбойник зарубил несчастную саблей.

Купца, перепуганного насмерть, вытолкали во двор. Тут прогремел выстрел пушки из крепости. Разбойники поспешно посадили пленника на заводную лошадь, крепко привязали к седлу и молниеносно покинули двор, не забыв прихватить деньги и лошадь коммивояжера.

– *Gens terrible et dangereux!*[2] – сказала Авдотья Гавриловна и покачала головой.

– Ты права, радость моя, эти люди ужасные и опасные, – согласился полковник и продолжил рассказ. – Разбойники ехали быстро. Несомненно, хорошо знали дорогу.

Когда стемнело, стали на привал. Один пошел к лошадям, привязанным поблизости. Другие легли рядом, завернувшись в бурки. Купец всю ночь даже не пытался спать -- задремывал. И часто просыпался. Ночью в осенних горах особенно холодно. Он окоченел так, что не мог даже думать о побеге.

Утром чуть свет поехали дальше.

В пути к ним присоединились трое верховых. На заводной лошади они везли мертвеца, завернутого в бурку и спелёнатого веревкой. На других заводных лошадях везли женщину с грудным ребенком, мальчика лет 12 и маленькую девочку.

Разбойники остановились на привал и стали бурно выговаривать друг другу. Едва не дошло до драки. Было видно,

---

[1] *коммивояжер (фр.)*

[2] *Страшные и опасные люди! (фр.)*

что делили добычу.

Много позже купец узнал, что вместе с пленниками везли главаря черкесов Али Хырсыза, застреленного в Кисловодске. Вечером их встретила группа горцев во главе с почтенным старцем. Они забрали мертвеца.

Перед ночлегом купец справил нужду в сторонке и напился воды из ручья. Съел выданный ему кусочек холодной каши. На седьмой день подъехали к усадьбе старшего разбойника.

Она выглядела невзрачно. На возвышении стояли турлучные домишки и сарайчики, покрытые досками и соломой. Огорожей служил покосившийся плетень.

Рядом были ровные участки обработанной земли. Каждый из них был окружен рядом кустарников и деревьев. Между участками вились узкие грунтовые дороги.

Долина реки Буу – Вардане район Сочи
(Симпсон У., 19.10.1855 г.)

Другие холмы составляли края просторной долины. На холмах стояли усадьбы, а между холмами росли рощицы и выступали сглаженные скалы.

Что будет с ним в этом прибежище разбойников? Душа его дрожала. Он оглянулся. И замер в восхищении!

Открылась потрясающий красоты живая картина. Ничего похожего прежде он не встречал, хотя успел повидать немало в своих торговых поездках.

Свежий ветер гнал по голубому небу снежно-белые облака. Вдали виднелось море. Бегущие тени облаков заставляли земные цвета переливаться.

Желто-оранжевые убранные участки кукурузы и проса делались красно-коричневыми. Нежно-зеленые рощицы синели, а скалы бурели. Синее море местами чернело. Лента бурливой реки оставалась пестро-белой.

Редкие высокие деревья на её берегах покачивались под ветром. Слабый шум ветра и негромкое журчание реки оттеняли земной покой.

В этом прекрасном краю жили *убыхи*, самое воинственное племя среди полутора десятка черкесских племен. Себя они называли *пех*.

Коммивояжер удивился, что его не посадили в узилище, а просто отдали черкесскому мальчишке, пасшему козье стадо.

Помогая жестами, мальчишка сообщил, что его зовут Али, а господина – Аслан Семез. Усадьба, дом и работа по дому – всё называлось *уна*. Свое большое стадо Али назвал словами, неприличными для нашего уха, – *щагу хъайуанхэр*.

Авдотья Гавриловна не удержалась:

– Иван Петрович, не ругайтесь!

– Не буду, любовь моя, – ответил муж, пожал плечами и пояснил, – по-ихнему это значит просто «домашние животные». Продолжил рассказ:

– То ли из озорства, то ли ради значительности, купец назвал себя Коммивояжер. Мальчишка запутался в длинном имени, и укоротил его до Комми. Они посмеялись. И вроде бы подружились.

Жена господина давала Комми работу. Он старался работать хорошо. Помнил свое рабское положение.

Его поселили в *чат*, по-нашему закут для котных коз. В *чате* имелся рабочий инструмент. Комми копал мотыжкой огород и рубил лес на дрова.

Заменил на крыше солому. Дыры в стенах замазал мокрой глиной с коровьим помётом, который приходилось беречь потому, что коровы были редки, а помет высыхал в кизяк. Тогда он собирал его на топливо.

Приходилось часто носить воду снизу из реки *Буу*. Черкешенки кувшин называли тоже «кувшин». Еду, которую ему давали, называли *шхын*. Она состояла из просяной каши, козьего сыра, пресной лепешки и родниковой воды. То же самое ели хозяева.

Первое время Комми очень замерзал по ночам. Обувь у него совсем развалилась. Хозяйка дала ему два куска сыромятной кожи. Он сделал себе чувяки, по-черкесски *чу акы*.

Хозяйка одобрила сделанное и принесла рваную горскую одежду, иглу и суровые нитки для починки. Добавила потрепанный войлочный башлык и старую бурку, называемую *джаока*.

Подневольный труд делает жизнь невыносимой, – размышлял он. – Убить себя – грех тяжкий! А бороться за свободу нет возможности. Местное племя убыхов считается самым воинственным и организованным среди черкесов. Они превратили прекрасную местность в крепость и тюрьму одновременно.

Как здесь красиво! Эта красота зимой может стать моей могилой. Местность населена плотно. Если убегу, то меня, не знающего дороги, возьмет в плен всякий встречный черкес и, если не убьёт, то сделает своим рабом.

Если скажу имя господина, меня вернут ему. Ведь за кражу народное собрание *хасэ* жестоко наказывает по *шариату*. Недоказанную кражу считают молодечеством. Жалобы раба, как и детей и женщин, суд не принимает во внимание. Понятно, почему эти преступники предпочитают красть детей и женщин, как скот. Тех и других продают с выгодой.

Коммивояжер все более терял надежду на побег. В то же время Комми был почти уверен, что в Турцию его не увезут. Умножившиеся русские крейсеры на Черном море пресекали работорговлю каждодневно, даже в зимние шторма. Он слышал, что, завидев корабль, контрабандисты сбрасывали в море живой груз. Русские же моряки не арестовывали работорговцев, а убивали без жалости. Лодки уничтожали.

Комми заключил, что в конце концов его ждет скорая погибель. Бежать надо было даже под страхом смерти. Во что бы то ни стало! Но не сейчас! Зима препятствовала. Надобно хорошо подготовиться к теплой погоде весной.

Порыв ветра принес прохладу. Иван Петрович покашлял и, утешая жену, сказал:

– Старинная поговорка «на бога надейся, и сам не плошай!» помогла ему выжить.

Жена поправила шаль на плечах и взяла мужа за руку.

Они вошли под защиту прогулочной галереи. Сели на лавку. Иван Петрович решил прибавить к рассказу подробности,

надеясь немного развлечь молчащую жену:

– В ожидании зимы Комми обустроился – сказал полковник, – сложил из камней плохонький очаг для согревания. Без трубы. Завесил окно и дверь закута шкурами. Вбил в стену колышки, чтобы вешать одежду.

Соорудил топчан для спанья. Покрыл его камышом и буркой. Как ты знаешь, Козы любят забираться наверх. Каждый вечер Комми приходилось прогонять их и сметать бесчисленные козьи шарики. Иногда козы даже норовили делить с ним ложе.

Авдотья Гавриловна засмеялась, и Иван Петрович продолжил:

– Из-за козьих бесчинств Комми отгородил для себя загон в углу *чата*. Животные не могли проникнуть туда. С заходом солнца пленник ложился на пол, завернувшись в бурку.

Время тянулось. Думы о побеге одолевали его ночами. Звезды и луна светили сквозь дырявую крышу и напоминали о краткости жизни и вечности мироздания.

Козы согревали закут своим теплом. Бывало рождались козлята. Мальчишка Али научил Комми козьей дойке. Молоко сдавали госпоже.

Господин Аслан был *уорк,* то есть, уздень или дворянин. А ещё он был поэт и музыкант, известный всему *Аттехею*. Так черкесы называли свою родину. Вид у Аслана был неприятный. Конопатый, волосы рыжие, борода клинообразная, выражение голубых глаз зверское – сущий дьявол!

При этом он, похоже, был романтическим человеком. Комми не раз видел, как Аслан с женой сидели на одном и том же лежащем стволе дерева. Они подолгу молча смотрели на долину и на море. Видно, мечтали или грустили, как люди.

Иногда Аслан собирался на празднества. Отовсюду съезжались зависимые соседи. Их многочисленность доказывала всем соплеменникам могущество господина. Компания отправлялась в священное место, называемое *тагапк*. Необыкновенное было шествие – настоящий восточный парад или смотр, однако, без флагов и литавр.

Уорк Аслан ехал на прекрасном гнедом аргамаке. Зеленый чепрак коня украшал золотой галун. Алый шелковый плащ всадника был расшит серебром, а красный атласный колпак

оторочен голубым куньим мехом.

Уорк пел высоким голосом запев. Играл на черкесской двухструнной скрипке *шычепщыне* в контрапункт с ударами и тремоло барабана *шонтрып*.

Впереди выступали танцоры. Они шли мелким семенящим шагом, тянулись вверх всем телом и взмахивали широкими рукавами черкесок, будто крыльями. Позади *уорка* ехала блестящая группа вооруженных джигитов. Последними шагали пешие черкесы. Они ритмично били в ладоши и дружно пели припев. [1]

Чувствовалось, что в музыке убыхов пела глубинная душа этого народа. В паузах толпа взрывалась криками и вразнобой стреляла из ружей на воздух. Комми вздохнул и подумал: «Мне не ходить в этих парадах. Как жаль! Чем не путь к бегству? Если бы удалось, плясал бы не хуже черкеса.

Рядом приплясывал знакомый раб Митяй. Он негромко проговорил: «Они поют о себе*: «Над вольным Аттехеем летаем гордыми орлами. Поверженных врагов топчем своими конями. Слава богам!*». Повторяют будто заклинание.

Митяй был крепостной из России, пермяк «соленые уши». Прижился у черкесов давно. У него было две веры. То опускался на колени и всплескивал руками со словами *Аллах, Аллах,* а то крестился и говорил *Христос, Христос*.

Про себя комми называл его Пятницей, как Робинзон Крузо своего дикаря. От него Комми узнавал обычаи и этикет черкесов. Старался научиться словам, но получалось плохо. Известно, что речь черкесов необыкновенно сложна. Беглый Пятница становился для Комми бесценным Вергилиусом.

Как он объяснил, для черкесов достойными занятиями считались молодечество, разбой, охота и война. Черкес всегда ходил с оружием. Рабу к оружию нельзя было прикасаться. Могли убить! Раб не ездил на конях. Уделом рабов была *уна,* то есть работа. Черкесы *пех* ценили трудолюбие *урысов*. Но труд презирали, кажется, сильнее, чем русских людей.

Иван Петрович прервал рассказ и задумался. Стих ветер.

---

[1] 🔔 Адыгейская мелодия

Исчез шум листьев. Сквозь шум речки негромко булькал нарзан. Иван Петрович чувствовал, что самое страшное надо рассказывать скорее. Он начал:

– Смышлёный Пятница был хороший работник и *уорк* его наградил. Для собственной пользы выделил дом, коз, несколько овец, участок земли и жену-пленницу, которая завела кур и ткацкий станок.

Пятница трудился охотно и каждую осень отдавал господину необременительный натуральный налог. Натурой расплачивался также за волов, использованных в поле, и за калым, который господин заплатил за его жену. Своей жизнью, судя по всему, был доволен. Глядя на разумного Пятницу, Комми говорил с отвращением:

– Избави бог! Не стану жить в неволе!

Однако, *уну* исполнял старательно, хотя был твердо убежден, что рабское повиновение редко приводит к добру.

И, действительно, Пятницу постигло страшное несчастье. У него были красивые детки мальчик и девочка. Они, как и сам Пятница, принадлежали господину по обычаю рабства.

Уорк Аслан забрал у Пятницы сына и отправил в дальнюю убыхскую семью на воспитание, надеясь продать затем с выгодой. Дочку решил продать немедля.

Комми увидел самое ужасное горе на свете – родители были не в силах помочь своим детям. Полные отчаяния, они сидели рядом, держались за руки и проливали горькие слезы.

– *C'est terrible!* –воскликнула со слезами в голосе Авдотья Гавриловна. – Бедные детки и родители! Как их жалко! – вздохнула тяжело и прибавила, – Как хорошо, что государь запретил разлучать семьи крепостных и продавать их без земли! Он такой добрый!

Пораженный этим взрывом чувств жены, полковник понял, что не следует сообщать ей о неудачной попытке Пятницы бежать, закончившейся продажей турецкому купцу.

Стал рассказывать иначе:

– Комми думал, лежа в закуте без сна: «Надобно бежать! Однако брать с собой Пятницу не следует. Неважно, знает он дорогу для побега или не знает! В России ему будет плохо, – вольную не получить и жизнь не наладить! Даже если найдутся

деньги, чтобы выкупить его. Всё одно, он останется без дома и без семьи. Но бежать или не бежать – его воля. Выберет он сам!

Волноваться Комми пришлось недолго. В *уну* приехали черкесы, которых Комми не видел прежде. Они потолковали с хозяином, посадили Комми на коня и поехали с ним в лес. Через несколько дней подъехали к зарослям, скрывающим шумящую речку. Подождали, пока не стемнело.

Двое черкесов перевели Комми через речку и свистнули. Им ответили. Комми подтолкнули вперед. Он полез на берег через заросли и почти сразу наткнулся на засаду пластунов.

Так он вернулся из плена. Выяснилось, что его обменяли на черкеса, захваченного в плен войском генерала Засса, пояснил выдумщик муж.

Великолепный конец! *Magnifique fin!* – воскликнула жена.

– Знакомый тебе барон Григорий Христофорович Засс делает все правильно! – одобрил полковник. -- Содержит платных агентов, через которых узнает черкесские намерения.

Перенял у черкесов партизанскую тактику. Сам кавалерист, – тут полковник покрутил усы – барон умело применяет внезапные набеги на горцев, которые провинились разбоем.

Конные атаки поддерживает с помощь вьючных пушек. В набегах лишает черкесов урожая, скота и жилищ. Пехоту пускает за кавалерией. Уничтожает и берет в плен попавшихся с оружием. Пленных и погибших обменивает по-рыцарски.

На землях, брошенных жителями, которые в страхе разбежались по лесам, барон поселяет мирных горцев и казаков, по большей части из бывших запорожских сечевиков.

– Безнравственно воевать против граждан в своем отечестве! – возмутилась Авдотья Гавриловна.

Полковник Иван Петрович ответил иронично:

– Ты права. По международным договорам черкесы – граждане нашего отечества. Вспомни оперу «Жизнь за царя», которая нравится тебе. Она была показана государю и свету в то самое время, когда пленили Комми. Настоящий гражданин Иван Сусанин отдал жизнь за Россию и царя.

Напротив, черкесы предали Россию нашим вечным врагам и в Европе, и на Кавказе. Враги тебе известны. Это Турция, Франция и Англия. Скажи, как поступать с предателями среди

своих? Император правильно повелел «уничтожить тех, кто не покорится». Засс выполняет его волю. Давай, *bien-aimées*[1], не будем снова спорить!

Стемнело. Супруги встали с лавки. Вышли на променад. Под ночным ветром шумели деревья темного парка. Ниже темной ресторации чернел вход в мрачный грот, будто в дьявольскую преисподнюю.

Полковник помолчал и решил переменить тему:

– Любопытно, что старик штаб-ротмистр упомянул ресторатора Найтаки в своем рассказе о коммивояжере.

Жена удивленно спросила:

– Каким боком *ce restaurateur provincial*[2] относится к черкесскому пленению и спасению?

Иван Петрович заметил интерес жены и сказал:

– О, падишах души моей! Поведаю тебе, что армянин, невольно пославший Комми в рабство, чрезвычайно обрадовался, когда они встретились в Пятигорске. Пригласил в дом, и они целую ночь предавались воспоминаниям о войне и плене за бутылкой вина, – улыбнулся полковник. – Утром расчувствовавшийся Комми поставил свечу в пятигорской церкви в благодарность за своё чудесное спасение.

Внезапно ему захотелось помолиться в левом, новом приделе. Он вошел туда. Опустился на колени и стал совершать земные поклоны. Он вспомнил дорогого Пятницу, своего наставника. Осеняя себя крестным знамением, Комми со слезами просил Богородицу спасти несчастного и его семью.

-- Уповаем на тя, божья матерь! – молвила Авдотья Гавриловна и перекрестилась.

Иван Петрович был рад её интересу и заключил:

– Штаб-ротмистр утверждает, что в левом приделе Скорбященской церкви на людей, молящих об узниках, нисходит божье благоволение. Все это знают! Тому есть особая причина. Придел построил благотворитель Пётр Найтаки, известный своей заботой о заключенных. К строительству его побудили замечание императора Николая Павловича. Государь

---

[1] *возлюбленная (фр.)*

[2] *этот провинциальный ресторатор (фр.)*

приезжал в Пятигорск и заметил тесноту церкви.

У мостика через речку их встретил слуга с фонарем.

На столе горела свеча и стыл ужин, принесённый из ресторации. Полусонная служанка помогла госпоже снять шляпку и верхнюю одежду. Принялась разогревать ужин.

ЧАСТЬ V. Памятные встречи

Приезд императора

Император Николай Первый, действительно, побывал в Пятигорске осенью 1837 года во время путешествия по югу.

В Грузии он задержался. Пришлось разбираться со злоупотреблениями местных военачальников. Сурово наказал виновных и поспешил в столицу на открытие железной дороги в Царское Село. Его ждало также множество других дел.

Военно-Грузинскую дорогу император и свита преодолели в осеннюю непогоду. Торопились изо всех сил. Карета императора едва не упала в пропасть. Впоследствии государь говорил, что от падения его спасло чудо.

После Владикавказа ехали без дорожных происшествий и ненадолго останавливались в Георгиевске, Пятигорске и Ставрополе. В дороге император простудился. Не помогла привычка к походной жизни. И ещё разболелся зуб. Может быть, поэтому в Пятигорске он пробыл лишь один неполный день 16 октября.

Как только Пётр Найтаки узнал в Кисловодске, что долгожданный приезд императора состоялся, он отложил дела и срочно загрузил продуктами две повозки. Курсовой сезон заканчивался, и нельзя было допустить, чтобы пропали богатые запасы для императорского пикника.

Так Петр и Тохтар неожиданно оказались с казачьим конвоем в Пятигорске. Отнесли скоропортящиеся продукты в погреб и в ледник ресторации. Покормили и устроили людей и коней на ночлег.

После неспешно пили чай в буфетной, и Петр, наконец, расспросил подробно Алексея, как прошел приезд императора:

– Скажи, сынок, император похож на портрет, который висит в зале ресторации?

– Да, папа, похож.

– А что он делал?

Император Николай Первый (1796-1855)

Алексей стал рассказывать:

– Вначале император посетил офицерскую больницу и казармы военно-рабочей команды. Потом, сопровождаемый небольшой свитой и городским начальством, прошелся по

местам прогулок возле ванного здания. Публика стояла вокруг и встречала его величество восторженными криками.

Наш новый уездный город, его устройство и лечебные заведения строгому императору понравились. Устройство ванного здания государь осмотрел особенно внимательно и сказал, что деревянное здание надобно перестроить в каменное и украсить, как следует. Предложил ванны изготовить из мрамора, а бассейн отделать яшмой.

-- Все правильно! Ему сверху видно такое, что мы не замечаем за каждодневными делами, -- согласился Петр.

Алексей увлеченно продолжил:

-- Еще государь велел выделять на каждый следующий год по двести тысяч рублей. Сказал, что деньги советует держать на специальном счете в банке, чтобы брать оттуда по мере надобности, а неистраченный остаток сохранять на будущее развитие города.

После император и свита проследовали на молебен в Скорбященскую церковь. Тут, – заметил Алексей, – я рассмотрел государя вблизи. Он был точно похож на свой портрет.

Народа набежало множество, и в церкви стало не протолкнуться. Выходя из церкви после молебна, император сказал, что церковь показалась ему тесной и душной. Необходимо строить собор. И указал место.

Он поможет с проектом красивого пяти купольного здания, и считает, что для народного строительства необходимо объявить благотворительный сбор денег по всему российскому государству.

Все благодарили императора. Низко кланялись. Крестили и желали вослед ему здоровья и долгих лет.

Пётр Афанасьевич выслушал рассказ сына и вздохнул:

– Печально, что я не увидел императора, и грустно также, что торжественный пикник не состоялся. Наши хлопоты оказалисьнапрасными.

Но не будем посыпать голову пеплом, а займемся делом. Надобно быстро составить акт о списании продуктов. На другой день отнесу Петру Петровичу в присутствие. Пусть оплачивает! Думаю, предложить ему передать то, что возможно, в госпиталь. Солдатики будут рады угощению.

Петр и Алексей разложили на столе свои блокноты. Стали подсчитывать затраты и составлять акт списания. Когда закончили, Петр задумчиво сказал:

– Не получилось с пикником, так давай ответим делом на недовольство императора и улучшим нашу церковь. Сделаем точно так, как он указал. Увеличим её площадь за свой счет? Например, пристроим обширный придел. На сколько человек и с какой стороны спросим у батюшки. Мне кажется, что лучше делать с восточной, священной стороны.

Обдумаем и посчитаем, во сколько она станет. Если сочтем возможной, то обратимся с официальным предложением в Строительную комиссию и к священнику церкви отцу Павлу Архангельскому. Уверен, что они дадут согласие.

В итоге в следующие два года на пожертвованные деньги к церкви был пристроен левый придел. Все оценили щедрость и богобоязненность отца и сына Найтаки. Потом стали говорить, что придел находится под особым покровительством Богородицы. Так закончился для города визит императора.

Как ни удивительно, но приезд императора не отразился в названии здания пятигорских ванн. Подтвердилось название Николаевские ванны, которое дали в честь дня рождения императора при закладке каменного здания в 1826 году. Но в народе ванны продолжали именовать Ермоловскими в память о генерале Ермолове, указавшем на это место у Александровского источника.

После 1837 года верноподданные чувства жителей города нашли свое окончательное выражение. Ванны достроили и украсили. Вплоть до революции они имели два названия: официальное и народное. После революции получили третье название, оно же современное. Их называют Лермонтовскими в память о поэте, лечившем на этом месте.

Сказать в шутку, ванны не выдержали такой чехарды названий, и перестали действовать из-за резкого сокращения объема поступающей минеральной воды. Сейчас здание пустует и лишь напоминает о сложном прошлом и щедром императорском совете. По-видимому, для этих ванн совсем нет будущего, хотя остатки термальной воды ещё изливаются через старинные Бесстыжие ванны, а также используются в

многочисленных санаториях.

Рядом с разрушающимися с Лермонтовскими ваннами стоит искусственный грот Дианы, построенный архитекторами Бернардацци в память о первом восхождении на Эльбрус. Из него исчез каменный стол, который стоял во времена Лермонтова. Однако таинственные следы славы поэта все еще лежат на всем, что осталось.

Встреча с поэтом

Рестораторы Найтаки общались с Михаилом Юрьевичем много раз. Петру на всю жизнь запомнилась последняя встреча. Случилась она 24 мая 1841 в Пятигорске.

Курсовой сезон еще не разгорелся, и поэтому пятигорская гостиница не была заполнена. Петру не было надобности работать круглые сутки с полным напряжением сил, и он позволил себе ночевать дома.

Уходя ранним утром из дома, он тихо закрыл за собой дверь, стараясь не разбудить семью. Налил свежей воды сторожевой собаке, лизнувшей руку, закрыл калитку и вышел на Бульвар. Утренняя прохлада и чистое небо обещали жаркий солнечный день.

По привычке придерживаясь тени лип, Петр шел в гостиницу, не спеша. Под уклон шагалось легко, даже возраст не сказывался. Он не чувствовал свои 64 года. Навстречу поднимались группки больных со слугами, несущими узлы со всем необходимым для купания. Они торопились к Варвациевским и Сабанеевским ваннам.

Наконец, спешивший на встречу Пётр пришел в центр города к прекрасному зданию гостиницы возле Скорбященской церкви. Часы на колокольне церкви пробили шесть. Петр перекрестился и вошел в гостиницу. Ему доложили, что накануне вечером вселились капитан Нижегородского драгунского полка Алексей Аркадьевич Столыпин и поручик Тенгинского пехотного полка Михаил Юрьевич Лермонтов с услужающими людьми. Господа уже получили завтрак в номер.

Петру следовало самому видеть новых постояльцев. Он вспомнил, как познакомился с Лермонтовым. Это было в 1837

году. Тогда поэт болел тяжелыми ревматизмами и лечился минеральными водами в Пятигорске, Железноводске и Кисловодске с конца мая до середины сентября. Нередко обедал в найтаковских ресторациях, захаживал в благородное собрание, на балы и на представления заезжих артистов.

За прошедшие годы поэт стал известен всей России, слава его выросла необыкновенно. В Пятигорске новые стихи появлялись одновременно со столицей. Их привозили в подарок приезжавшие на лечение. Недавно к купцу Челахову прислали из Петербурга книги с романом «Герой нашего времени». Все заметили, что Челахов был упомянут в романе.

Читали роман с большим удовольствием. Увидев автора, почтительно шептались: «Лермонтов идет!» В городском обществе сложилось неровное мнение о Лермонтове. Одни читатели искренне восхищались лермонтовским гением, поражались описаниям Кавказа, точному знанию местной жизни, обычаев и характеров людей. Другие судили поверхностно. Смешивали творца с его творением, ругали поэта за гордость, высокомерие и непослушание правительству.

Петр Найтаки судил о человеке самостоятельно и без крайностей. Он поднялся на этаж к номеру. Постучал в дверь и, получив приглашение, вошел. За самоваром завтракали двое. Оба умытые, с причесанными влажными волосами, коротко постриженными по-армейски.

Бросилась в глаза разница внешнего вида. Один высокий белокожий красавец с бурыми волосами. Другой черноволосый, среднего роста, крепкого телосложения с широкими плечами. На смуглом скуластом лице с высоким лбом привлекали внимание прекрасные выразительные глаза. Петр узнал возмужавшего Лермонтова.

Постояльцы были по-утреннему одеты в белое нижнее белье и халаты. Ничего удивительного. В гостинице Пётр повидал всякое. Приветливо улыбнулся, поздоровался, выказал радость от встречи и добавил, что окажет любую помощь.

Сказано было достаточно. Следовало остановиться, вежливо попрощаться и не докучать господам. Но перед ним сидели необычные гости, и он решил проявить особое усердие.

Обращаясь к Лермонтову, спросил:

– Сколько лет, сколько зим прошло с тех пор, как я удостоился чести видеть вас, Михаил Юрьевич? Как ваше здоровье? Не дай бог, опять простудились в дороге, как четыре года назад! Или приехали с намерением повторить полный курс? Это правильно! Повторное лечение было бы весьма полезно для укрепления здоровья! С радостью будем принимать вас и вашего спутника!

Лермонтов М.Ю. (Горбунов К.А., 1841 г.)

Лермонтову расспросы Петра не понравилась. Он быстро проговорил приятным грудным голосом:

– Не спрашивай о моем здоровье! Это делает каждый встречный, едва знакомый мне. Лучше спроси меня, как мои дела. Ты ведь мне старый знакомец! Скажу тебе прямо, в чем причина моего приезда, потому что рассчитываю на тебя.

Мы едем в полки и решили остановиться здесь, чтобы отдохнуть и полечиться. По старой дружбе подскажи, как

убедить здешнего коменданта разрешить нам задержаться, чтобы принять ванный курс.

Поэт был уверен, что «ловкий на все руки» ресторатор поспешит оказать необходимую помощь.

Петр догадался, что упомянутое поэтом лечение было лишь подходящим предлогом, чтобы задержатся на водах и хотя бы на время забыть суровые армейские будни. Не подавая вида, что ему известна истинная причина, сказал:

– Я приглашу секретаря комендатского управления. Он напишет необходимые рапорты и отведет вас к коменданту.

Усмехнулся и прибавил:

– Советую вам, господа, оказать почтение коменданту и надеть к визиту парадную форму.

Обещание Петра помочь не было пустым. Каждое утро он посылал в комедантское управление секретарю Карпову список прибывших путешественников, убывших и больных постояльцев. На этот раз написал, что приехали офицеры Столыпин и Лермонтов, заболевшие в дороге. Оба нуждаются в срочной помощи.

Вскоре секретарь пришел в гостиницу и составил рапорты о болезни для подачи коменданту Иляшенкову. Посоветовал посетить ординатора Ивана Егоровича Барклая де Толли, врачующего в госпитале. Он выдаст свидетельство о болезни. Мысленно Пётр с ним согласился. Всем была известна доброта Ивана Егоровича.

Офицеры поблагодарили и сказали, что к врачу они обратятся позднее. Затем выразили желание представиться коменданту. Было 9 часов, когда они отправились вместе с секретарем в комендантское управление. Петр мог заняться привычными гостиничными делами.

Престарелый комендант полковник Василий Иванович Иляшенков принял рапорты молодых офицеров и разрешил остановиться в городе. Отечески посоветовал вести себя беспорочно и «не шалить».

Заботливый секретарь рекомендовал снять частное жилье на усадьбе отставного майора Василия Ивановича Чилаева в верхнем конце Большой средней улицы.

Лермонтов знал город хорошо, и надобность в

сопровождающем отпала сама. Идти было близко. Усадьба располагалась на верхней площадке у подножия горы Машук. Не чинясь, сговорились с хозяином быстро. Заплатили задаток сто рублей серебром за турлучный флигель во дворе, называемый в наше время «Домиком Лермонтова».

В тот же день постояльцы съехали из гостиницы и наняли повара, которого им предложил Найтаки. Кто кроме Петра Найтаки настолько хорошо знал жителей Пятигорска, что мог точно указать подходящего человека для приезжих господ?

Имя этого повара в отличие от слуг, привезенных господами, давно забыто. Записка Найтаки комендантскому секретарю также затерялась во времени. Зато сохранились рапорты, пересланные командирами, и свидетельство лекаря. Неспешная переписка военных канцелярий позволила Лермонтову задержаться на кавказских водах почти на месяц.

В Пятигорске вокруг Лермонтова собрался круг друзей. Для них поэт и его двоюродный дядя Столыпин держали открытый стол. Друзья заходили, будто к себе домой. Привычки гвардейцев обязывали к этому. Лермонтов купил коня и седло для прогулок по окрестностям, принимал ванны и приятно проводил время, забывая об армейских буднях и войне. Почти каждое утро работал за столом, нередко писал и ночью.

Прошли две недели. Начался разгар сезона, и Лермонтов в очередной раз обратился к Петру Найтаки за помощью. Возникли сложности с устройством городского бала.

Распорядителем на праздниках в Пятигорске выступал в этом сезоне заслуженный генерал князь Владимир Сергеевич Голицын, лечившийся после ранения в Чечне. Богатырь и богач, любивший искусство и развлечения, он пользовался авторитетом у молодежи. Очередной бал предложил дать городу не в зале ресторации, а на открытом воздухе. Местом проведения выбрал казенный ботанический сад за городом.

Лермонтов возразил, что ночью невозможно будет развозить по домам дам, усталых после танцев, когда на весь Пятигорск есть только 3-4 биржевые дрожки, а свой экипаж мало у кого имеется. «Так не на повозках же тащить?» – было сказано, как воспоминал Раевский, приятель Лермонтова.

Генерал рассудительно разъяснил, что благодаря

удаленности не будет мешаться разношерстная публика. Он оберегал благородное собрание от низких людей.

Молодежь, однако, поддержала Лермонтова. На его квартире друзья обсудили сложившееся положение. Решено было устроить по подписке собственный бал у грота Дианы возле Ермоловских ванн. Пожелали выбирать сами, кого приглашать. В Пятигорске было много армейских офицеров, но к ним Лермонтов относился пренебрежительно.

Пётр Найтаки, конечно, не знал о разногласии с генералом. И если бы даже знал, он по своему положению не мог отказать молодежи в устройстве бала в благородном собрании. Надобно было поддерживать реноме умелого и нужного человека!

Когда Лермонтов и Столыпин обратились к нему, он, не колеблясь, ответил согласием:

– Рад доставить вам удовольствие! Давайте, Михаил Юрьевич и Алексей Аркадьевич, обсудим, с чего начнем дело. Самое важное – определить, на сколько человек готовить еду.

Вопрос оказался непростым. Пока Лермонтов и Столыпин занимались подсчетами, Петр рассудил, что сообщить властям:

– Ни одно собрание в городе не оставляется без надзора. Поставлю в известность полицмейстера Виктора Афанасьевича Бетаки и напомню ему, что я присматриваю за танцами, которые постояльцы устраивают на бульваре. Он мной доволен и всё оставит на моё усмотрение.

В конце концов ресторатор и его гости договорились об ужине в отдельной комнате гостиницы за обычную цену. Вино решили подавать за отдельную плату. На десерт Петр предложил фрукты и конфекты. Лермонтов прибавил, чтобы было мороженое. Он был большой любитель этого десерта.

Гости задумали украсить грот Дианы и сделать поблизости дамскую уборную. Идея была отличная, и Пётр решился напомнить Лермонтову о галантерейщике Никите Артемьевиче Челахове. Этот приятель Петра, как и другие армянские купцы, не только продавали, но также давали напрокат ковры и всякие вещи для украшения жилищ.

Господа тотчас обратились к купцам. Уплатили задаток 1500 рублей и получили необходимое. Петр предоставил повозку для доставки. Лермонтов и его друзья занялись обустройством места

бала с большим старанием

Бал на воздухе начался 8 июня в 8 часов вечера, обычное время для балов в найтаковской ресторации. Погода благоприятствовала. Ночь обещала быть теплой.

Наверху над гротом Дианы играл оркестр с бульвара. На песчаной площадке перед гротом кружились пары молодых офицеров и девушек в красивых нарядах.

Пятигорский грот Дианы

Вокруг в некотором удалении стояла толпа неприглашенной публики. Пётр протиснулся сквозь её ряды. Как раз объявили перерыв между танцами.

Пётр пришел посмотреть на веселье, когда появились луна и первые звезды. Он увидел прелестную сцену. Грот был богато украшен. Колонны обвивала зелень и украшали цветы. На ковры спускались со свода разноцветные шали и шелковые ткани. Их соединял узел, который был скрыт за круглым зеркалом. Истинно, получилась персидская палатка!

В середине грота свисала трехярусная люстра, обвитая зелеными ветвями и живыми цветами. Петру было известно, что

эту люстру сделали по задумке Лермонтова из веревок и трех обручей. Свечи, расставленные на люстре, освещали грот, показывая красоту драпировки.

Масляные плошки подсвечивали деревья аллеи. На ветвях красовались тысяча разноцветных бумажных фонариков. Их изготовили друзья Лермонтова.

В конце аллеи стояла армейская палатка, щедро украшенная дубовыми ветвями и цветами. В неё вела красная суконная дорожка. Внутри была устроена дамская комната с прислужницей и парикмахерскими принадлежностями.

В огромном зеркале с серебряной оправой, взятой у Челахова, отражалась не палатка, а настоящий восточный дворец. Мы знаем, что через 60 лет это видение, устроенное Лермонтовым, сбылось. Рядом с гротом возвели великолепную галерею и назвали лермонтовской.

– Что только не привидится, – вздохнул Пётр и вспомнил о недавней строгой противопожарной проверке гостиницы. – Ветер не колеблет ни листочка на деревьях, ни пламени в светильниках. Уверен, пожар на балу не случится. Не стоит беспокоиться! Всё идет по порядку. Можно уходить.

Не прощаясь, Пётр отправился домой. Ни одно окно не светилось. Горожане крепко спали. Черное небо было усыпано серебряными звездами. Уличные фонари едва побеждали мрак ночи.

Петр неспешно шагал по бульвару под черными тенями деревьев и размышлял:

– В Пятигорске жители привыкли к ночным балам и музыке, – заметил он. Известное дело, народ смиряется с неизбежным. «Кисмет!» -- говорят. К людскому смирению прибавляется природное свойство кавказцев – уважение к гостю. Смирение и уважение – вот в чем секрет местной услужливости.

Глаза Петра приспособились к темноте. Показалось даже, что вокруг посветлело. Пётр посмотрел туда, где в ярком свете веселилась молодежь. Вспомнил танцующего Лермонтова. Радостно и светло сделалось на душе. Мысли стали яснее и предметнее. Он мысленно поблагодарил Бога за встречу с этим замечательным человеком.

Вскоре он добрался до своего дома. Тихо вошел во двор, стараясь не беспокоить семью. Погладил обрадованную собаку. Убедился, что во дворе всё в порядке и отправился спать.

На следующий день слуги разобрали украшения грота. Вещи, взятые напрокат, вернули купцам. Площадку впереди тщательно очистили. Обнаружилась странность. Голицына не позвали на увеселение и даже не сообщили о нем. Князь разгневался и не пригласил устроителей бала на свои именины, которые собирался отметить через неделю в казенном саду богатым угощением, всеобщими танцами и фейерверком.

Прошла назначенная князем неделя, и случилось страшное несчастье. В 7 часов пополудни Лермонтов был убит на дуэли. Душный тягостный день подошел к ужасному концу. Напряжение природы разрядилось. Над Пятигорском разразилась гроза с громом, молниями и проливным дождем.

– Сама природа возмущалась и оплакивала смерть гения – говорил Пётр Найтаки, не обращая внимание на презрительное отношение некоторых постояльцев. Как верующий человек пояснял: «На всё воля божия! И мысленно повторил знаменитые лермонтовские строфы:

«Погиб поэт! -- невольник чести –
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!

Как немногие, Петр понимал, что в этих словах несчастный гений выразил роковое предвидение.

Похвала наместника

До бога высоко, до царя далеко,
а до Воронцова близко.
Кавказская поговорка

Одно событие в истории легендарных купцов Найтаки до сих пор проявляет себя чудесным образом – это удивительная встреча со знаменитым Михаилом Семеновичем Воронцовым.

27 декабря 1844 года император назначил главнокомандующим кавказской армии и наместником Кавказа

с неограниченными полномочиями графа Михаила Семеновича Воронцова, известного государственного и военного деятеля.

Новый наместник действовал решительно. Не считаясь с потерями, взял штурмом оплот Шамиля аул Дарго. Шамиль бежал, и на Кавказе наступило затишье. Император был доволен и присвоил Воронцову княжеское достоинство.

Чета Воронцовых провела два лета в Кисловодске. Жили в казенной гостинице у Найтаки. Здешний обиход им чрезвычайно нравился. При наездах в Пятигорск Воронцовы останавливались также у Найтаки.

Шамиль выправился после поражения и снова попытался поднять кавказские народы на войну. Письмами призывал Кабарду восстать. В 1846 году начались волнения. Сделалась тревога. Поселения готовились к обороне.

В Пятигорске вооружились. Улицы загородили баррикадами. Ворота усадеб заперли накрепко. Спрятали детей и ценное имущество. Гарнизон города приготовился. Однако Кабарда и Карачай остались верны российскому престолу, и на Кавказских водах продолжилась прежняя относительно спокойная жизнь.

Незадолго до полудня осетин Афай подъехал к дому карачаевца Тохтара Зауровича на краю Пятигорска. Постучал рукояткой нагайки в ворота. Из калитки вышел хозяин. Афай спешился. Поздоровались, и Тохтар сказал:

– Молодец, что приехал. Заходи в дом! Видно по тебе, надобно отдохнуть. Коня я поставлю в денник.

– Спасибо за гостеприимство, дядя Тохтар! Прости, но я спешу! Меня ждёт отец в гостинице у Найтаки.

Тохтар успел сказать:

– Подожди, дружок! Я провожу тебя.

Тохтар пошел рядом с всадником. Спросил:

– Скажи откровенно. Случилось что-то плохое?

– Нет, все в порядке – ответил Афай. Как ты знаешь, папа лечит свои ревматизмы серными ваннами. Но дел не оставляет. Готовится к встрече с наместником, который, как ты знаешь, остановился в той же гостинице. Поэтому я тороплюсь.

Афай попрощался и поехал к отцу.

В это время на кухню гостиницы прибежал коридорный и сказал Алексею Петровичу Найтаки, что его требует наместник.

Алексей Петрович спросил, чем недоволен постоялец. Не получив внятного ответа, обеспокоился. Поторопился по лестнице наверх к номерам. Постучал в номер наместника. Услышал приглашение и вошел.

В номере за столом с бумагами расположился сам Михаил Семенович Воронцов. Против него сидел Самуил Иванович Уптон, главный архитектор на водах.

Главные строители на водах в 50-х годах 19 века:
(слева-паправо) архитектор С.И. Уптон (1814-1874);
князь и граф наместник Кавказа и главнокомандующий
генерал М.С. Воронцов (1782- 1856).

Алексей Петрович поздоровался. Воронцов подождал, пока Найтаки переведёт дух, и спросил без обиняков:

– Отдышись! Можешь говорить? Елизавета Ксаверьевна волнуется из-за посадок деревьев в Кисловодском парке. Особенно беспокоится о каштанах. Волнуется, как приживутся в парке эти природные символы доблести. Она сажает эти деревья на память о присвоении княжеского достоинства.

Алексей знал ревнивое отношение княгини к посадкам и был готов к ответу. Сказал уверенно:

– Все сделали, как её светлость велела. Стволы защитили мешковиной от грызунов. Вокруг поставили крепкую ограду. Уверен, что саженцы переживут зиму без ущерба. В следующий сезон можно будет любоваться первой листвой. Передайте, что мы ждем приезда ее светлости. Рады будем снова сажать деревья! Ведь сказано, сажающий дерево прикасается к будущему!

Афоризм Найтаки произвел впечатление на Воронцова:

– Мудро, Алексей Петрович! – сказал он. – Такое прикосновение, подобно ключу, открывает человеческое воображение. Следуя воображению, можно строить будущее и видеть его, будто воочию.

Я и Елизавета Ксаверьевна сердечно благодарны тебе и Петру Афанасьевичу за гостеприимство! Вы хорошо приняли нас. Мы приятно отдохнули. Убедились, что в Кисловодске напряженные нервы успокаиваются, как нигде в другом месте.

Помнится, ты, Алексей Петрович, говорил, что на кавказских водах должно быть уютно повсюду. И мы согласились с тобой. Пришла пора серьёзно заняться благоустройством здешних мест. Началом всему станет кафедральный собор, который мы начали возводить в центре Пятигорска. Что может быть лучше?

Тронутый похвалой наместника и откровенностью его речи, Алексей поспешил заметить:

– Ваша светлость, скажу искренне. Мы молились за успех строительства, когда Елизавета Ксаверьевна закладывала в фундамент собора первый камень. И мы гордимся, что вместе со всей Россией собирали деньги, чтобы поставить храм на месте, указанном его величеством Николаем Павловичем!

Наместник Воронцов развил прерванную мысль:

– Мы все исполняем волю императора. И это правильно! Вскорости или немного позднее собор будет непременно возведен. Однако, согласись, Алексей Петрович, что кроме возведения собора есть каждодневные дела, требующие быстрых действий.

Приходится поправлять питьевые бюветы, приводить в

порядок ванное хозяйство, строить галереи для удобства больных, расширять парки. И, конечно, не забывать о других неотложных заботах.

Воронцов вернулся к разговору с архитектором:

– Самуил Иванович, ты знаешь, что на днях я уезжаю в Тифлис. В моё отсутствие всем будет заниматься полковник Дмитрий Алексеевич Всеволожский, новый директор Дирекции Кавказских вод. Я предоставил ему все права. Что касается твоих расчетов, то они превосходны! – одобрил князь.

– У меня есть небольшой совет – сказал архитектор.

– Слушаем!

– Пусть Алексей Петрович отведет под строительство какую-либо половину двора. В оставшейся половине продолжат трудиться он и его работники.

Вид на Кисловодск с Крестовой горы (Э.Сисэри, 1861 г.).
На переднем плане ресторация с флигелями и кухнями.

Я задам длину флигеля короче половины длины двора. Сначала построим по очереди флигели и кухни, затем займемся ресторацией. Тогда во дворе, не теснясь, удобно разместятся два флигеля и две кухни, новая и прежняя. При таком порядке строители никому не будут мешать.

Стройка продолжится меньше года, и по ходу работ количество жилых помещений не уменьшится, а увеличится. Поэтому курсовые сезоны пройдут как обычно.

Алексей Петрович не мог удержать восторга:

– Превосходно!

И поспешил сказать, что устроит так, чтобы курсовые почти не заметили ограничения. Пока зал ресторации будет закрыт, еду будут выдавать курсовым на дом.

Довольный Воронцов заключил:

– Видишь, Алексей Петрович, в новом сезоне мы почти не стесним курсовых, а в последующем ты получишь все в новом, наилучшем и удобном виде.

Как только закончим эти работы, ты станешь управлять ресторациями и гостиницами на водах по-другому. Помнишь, когда ты записывался в купцы первой гильдии, то обещал мне взять это дело целиком в свои руки?

Как сейчас заведено, будешь платить налоги вместо арендной платы. Справишься? – спросил Воронцов. Налоги Алексея не пугали. Он знал, что может оплачивать их не хуже других предпринимателей.

Ответил без запинки:

– Справлюсь, ваша светлость. Иначе быть не может!

В этот момент, когда каждый высказал своё, Воронцов сказал слова, которые Алексей запомнил на всю жизнь.

Воронцов улыбнулся:

– Молодец, Алексей Петрович! Я рад! Смею надеяться, что после того, как мы тебе помогли, ты поможешь нам.

Ты, наверное, слышал, что Самуил Иванович заканчивает подготовку сообщения на омнибусах между городами на водах. Омнибус или по-другому дилижанс, – это многоместная повозка. Шоссе уже отделали, и омнибусы скоро доставят.

Возьми-ка на себя, уважаемый, управление перевозками в дополнение к управлению гостиницами. Заодно будешь доставлять почту. Тебе, как купцу первой гильдии, дозволено заниматься большими предприятиями.

Спрашиваю прямо, ты согласен вместе с гостиницами управлять общественными перевозками? Я в тебе уверен! Ты и не с такими делами, дорогой мой, справлялся. Если согласен, составь докладную записку и подай мне на подпись.

Напиши, сколько человек и лошадей надо. Самуилу Ивановичу сообщи, что строить в первую очередь. Помни, он похвалил тебя как хозяйственного человека. Конечно, не забудь о расписании поездок. Цену билетов определи так, чтобы не остаться без небольшой прибыли. Но оставайся умеренным. Поспеши начать наше общее дело. Согласен?

Алексей согласился с готовностью. Прощаясь, прибавил:

– Ваша светлость! Возьму на себя также обслуживание курьеров, едущих по казённой надобности.

Воронцов, довольный, улыбнулся, похвалил его, а про себя подумал, глядя вслед ресторатору:

– Командовать британскими омнибусами у меня будет купец с настоящими викторианскими бакенбардами. Моя Лиза развеселится, когда узнает об этом совпадении. Наверное, шутя, напомнит, что называла их «зверскими».

Для Найтаки предложение князя заняться омнибусами не было неожиданностью. Он и Уптон заранее обсудили, с чего начать, если последует предложение. Алексею предстояло определить расписание движения и цену билетов, нанять кучеров, купить коней и собрать упряжки. За это время архитектор надеялся достроить депо дилижансов в Пятигорске.

Конечно, Алексей Петрович знал, что почтовую доставку и разные экстренные перевозки будет оплачивать казна. По расчету выходило, что можно уложиться в тысячу рублей в сезон. За каждый месяц выйдет похожая сумма также на билетах. Неплохо получится, закончил он эти расчеты!

Подошло время обеда. Князь попрощался и ушел за супругой на дамскую половину гостиницы.

Обрадованный Алексей Петрович вернулся к текущим делам. Душа его ликовала. Господи, благодарю тебя! Он незаметно перекрестился.

Мы не зря давно наметили, что делать в дальнейшем. Теперь главное – обучить всех работников по лучшим столичным образцам! И прежних, и вновь нанимаемых. Подумаю о практике в лучших гостиницах. Несомненно, тогда наши гостиницы станут привлекать постояльцев еще сильнее!

Алексей строил планы, хотя понимал, что загадывать вперед – пустое занятие. Но удержаться не было сил!

Между тем Афай вернулся в дом Тохтара и рассказал:

– Наш зять поручик Ибрахим Крымшамхалов с узденями подпоручиками Байрамуковым и Дудовым пригонят к Пятигорску несколько лошадей из поставляемых в армию.

Хотят показать их Воронцову, пока тот не уехал. Папа устраивает скачки. Наездниками будем я и твой сын Джамбулат.

– Хо! Это честь, – ответил Тохтар, я попрошу Алексея Петровича отпустить Джамбулата на это время.

– Не беспокойся! – поспешил сказать Афай. – Мы с Джамбулатом ему сказали, что ты согласен. Извини, что решили

за тебя. А еще отец просит тебя быть одним из судей.

Нахмурившийся было, Тохтар засмеялся и сказал:

– Спасибо, дружок, за заботу! Я согласен. Скажи, когда и где пройдут скачки?

Афай ответил:

– На другой день после обеда в начале Ессентукского шоссе. На дистанцию две версты с одним поворотом.

В назначенном месте собралось множество зрителей, как только в городе объявили, что устраиваются скачки, на которых прибудет сам наместник с супругой.

Руководил скачками полковник Петр Александрович Принц комендант пятигорской крепости и кавказских вод. Он же был главным судьей.

Князя Воронцова ожидал осетинский коннозаводчик генерал-майор Туганов, одетый в форму личного конвоя его императорского величества. Широкая алая лента ордена святого Станислава и медали украшали его грудь.

Рядом стоял карачаевец поручик Крымшамхалов с орденом Станислава для иноверцев на шее.

Когда подъехала пароконная коляска с командующим и его супругой, генерал Туганов поспешил подойти. Доложил:

– Ваше высокопревосходительство! К проведению показательных скачек готовы. Желаете посмотреть лошадей?

Командующий пожелал. Генерал пояснил, сопровождая:

– В армию мы сдаем таких же двух-трехлеток, только необъезженных. Берейторы в каждой части, кавалерийской или артиллерийской, объезжают их для своих нужд.

Мы кавказцы способны объезжать сами. Если разрешите, ваше сиятельство, мы будем делать это также для армии. Сейчас покажем наши результаты на скачках.

– Не сомневаюсь! Мне ваши способности известны! – улыбнулся князь.

Поздоровался с нукерами-берейторами:

– Салам! Байрай!

В ответ послышалось:

– Салам, ваше высокопревосходительство!

Воронцов и Туганов подошли к старту. Полковник Принц рассказал Воронцову, что один наездник выставлен генералом

Тугановым, другой – поручиком Крымшамхаловым.

Для каждого заезда выбирают пару коней. Распределяют коней по жребию, чтобы дать наездникам одинаковый шанс.

На расстоянии одной версты пара всадников должна обогнуть выставленную на шоссе тележку судьи. Его зовут Тохтар. Я слышал, что вы с ним знакомы. Он следит за правильностью поворота.

Всадникам не разрешается мешать друг другу. После поворота всадники вернутся к месту старта. Состязания закончатся, когда исчерпается количество свежих коней. Наезднику, который добьётся наибольшего числа побед, вы, ваша светлость, вручите этот *grand prix*. Взгляните на него.

Принц спросил: «Если пожелаете, разрешите начинать?»

Услышав «Пожалуйста, начинайте!», Туганов подал знак Прннцу и наездникам. Джамбулат и Афай подъехали к линии старта и выровняли коней под присмотром полковника Принца. Убедившись, что кони стоят ровно, полковник отошел, поднял пистолет и выстрелил.

Джамбулат дал шенкеля. Обученный конь пошел рысью. Вскоре рысь стала быстрой. Борьба началась. Джамбулат ослабил поводья. Наблюдал, как крепкий конь с готовностью выравнивается с соперником. Перед поворотом немного придержал повод. Поворот получился крутым. Джамбулат закончил его первым. Он ослабил поводья. Конь шел хорошо. Джамбулат не подгонял коня, пока не почувствовал готовность к рывку. Откуда бралось это чувство, он не знал. Одновременно с соп рником прокричал: *Вперед! Хайда! Хайда!* И послал коня.

Под громовые удары копыт конь полетел, будто птица. Ветер бил в лицо. Душа пела.

Когда завиднелась толпа у старт-финиша, Джамбулат несколько раз щелкнул нагайкой по крупу. Конь вложил все силы в рывок. На финише был на полкорпуса впереди.

Победа! Подбежавший берейтор взял коня за узду и принял повод. Громко кричала возбужденная толпа зрителей.

Чтобы не умалять качеств наездников, я не стану называть число побед и поражений каждого. Джамбулат показал себя превосходным джигитом, достойным награды.

По окончании скачек князь Воронцов поздравил его и

вручил красивый ковровый чепрак. Повернувшись к генералу Туганову и поручику Крымшамхалову, князь громко сказал, обращаясь к публике:

– Господа, поблагодарим уважаемых устроителей за прекрасное представление!

Переждав всеобщие восторги, Воронцов прокричал:

– Теперь, господа, я выскажу свое мнение о наших скачках, которые понравились мне так, что я не могу ничего не сказать.

Никто не засмеялся. Его тонкий английский юмор не оценили. Не обращая на это внимания, наместник продолжил:

– Состязания в Британии на Аскоте посещает *Her Majesty Queen Victoria*. Однако там нет ни целебных вод, ни высоких гор, какие имеются у нас. И я спрашиваю вас, где больше величия? – Оратор сделал паузу, ожидая реакцию слушателей.

Послышался разрозненный смех. Князь продолжил:

– Конечно, наши местные лошади не подходят *for the smooth racing* по-британски. Но не все потеряно! Смею надеяться, что придет время и вы обустроите *correct racetrack like a real hyppodrom,* то-есть правильную дорожку для бега как у настоящего ипподрома. Он будет лучший в мире! В этом и будет наше величие! – раздались одобрительные крики. – Советую строить ипподром вблизи Пятигорска. Крики его поддержали. Думаю, что местных лошадей полезно будет испытывать *for the steeplechase*.

Несомненно, ваш *racing* привлечет внимание общества к здешнему прекрасному краю. Придет слава. Она долетит до государя, и он приедет посмотреть на пятигорские скачки.

Все радостно зашумели. Князь закончил:

– Придет время, и мы дадим англичанам фору. Так и будет!

– Ура! Ура! – закричали в толпе.

Алексей Петрович понял, что люди ошибались, когда упрекали князя в особенной англомании. Несмотря на англицизмы, речь князя доказывала, что он был патриот.

Коменданту Принцу следовало бы прославить энергичного князя и его красавицу жену, украсив конные скачки флагами и хором музыки. Дальнейшая история прославила их сама. Курорты Кавказских вод украшены постройками и парками, созданными четой Воронцовых.

К сожалению, ничто не вечно. Следы их деятельности стирает время. Как-то осенью 2005 года я с женой Аллой Петровной, и с нами мой шурин Владимир Лиманский с женой Людмилой Филипповной гуляли в кисловодском парке.

Мы прошли весь старинный променад. Он заметен потому, что был обжит более, чем остальной огромный парк, обойти который за лечебный день невозможно даже самому большому любителю прогулок. К нашему удовольствию променад был рассчитан на людей, нуждающихся всего лишь в укреплении здоровья. Это и было устроено за 200 лет курорта. Нас это вполне устраивало.

Последний воронцовский каштан
в кисловодском парке (В.А. Богданов, 2005 г.)

В конце променада мы оказались неподалеку от старинного пресноводного источника на речке Ольховой. Его всегда считали святым. Недавно освятили повторно и поставили над ним красивую беседку будто часовню с позолоченным куполом.

Осенний парк был на удивление ухожен, прекрасен и состоял из разнообразных деревьев и кустов. И тут посреди этого замечательного парка мы вдруг увидели явно умирающее дерево. Там над старинной береговой стенкой прямо у дорожки рос конский каштан такой дряхлый, что его, без сомнения, могли посадить здесь только в далекие времена Воронцовых.

Дерево украшали буро красные листья, явно выделяющиеся на фоне других оттенков осени. Чтобы остановить памятное мгновение, я зарисовал вид парка в красках. Показываю его вам. Кажется, мне удалось передать приятное ощущение ласковой кисловодской осени, украшающей последние дни старого больного дерева.

Конец его был неизбежен, – его спилили. Оно не выдержало рекреационной нагрузки в этом месте. Полтора века каждую весну свечи цветов старинного каштана радовали зрение и обоняние людей, прогуливающихся по променаду.

Листва щедро давала тень и прохладу летом.

Осенью плоды, орехи и листва усыпали землю. Очищая парк, их регулярно и старательно убирали. Чем не удивительные плоды прошлого, которые изучает настойчивый историк? Часто неприглядные и колючие, после очистки от временных коробочек они открывают дивные семена тайны. Воронцовский каштан на берегу Ольховой умер. Но по всем Кавминводам красуются его потомки.

Переезд из Пятигорска

Пик летнего нашествия курсовых на Пятигорск остался позади. Большинство уехало в Железноводск и Кисловодск. Петр Найтаки решил вернуть в Кисловодск работников, которых переводил в начале лета на помощь в пятигорскую гостиницу. Это были опытные работники: горничная Ксения, повариха Лукерья и ее помощница Анна. Анну он собирался сделать поварихой во второй кисловодской кухне.

Он обдумывал, кого ещё надо перевести. Вопрос был непростым потому, что в Кисловодске для обслуживания новых флигелей и кухни он уже нанял коридорных, горничных и подавальщика.

Работников он нанимал из отставных полусолдат и их жён, у кого в доме видел чистоту и порядок. Обычно не ошибался – работники были добросовестные и старательные.

Но умения им не хватало. Настоящее обучение работников было его всегдашней заботой. Он то и дело возвращался к ней, так как знал, что в столичных заведениях работают лучше. Он понимал, что стоило бы послать в учение несколько работников. Но не делал этого, опасаясь, что те не вернутся из столиц.

Было бы разумнее пригласить опытных учителей. Он и сыновья пытались это делать через знакомых купцов, ездивших за товаром. Но никто из приглашенных не хотел ехать на Кавказ, опасаясь войны.

Наконец, Пётр понял, что надо искать учителей, которые нуждались бы в лечении на водах. Если говорить откровенно, ему повезло. Нашелся такой человек. Недаром Петр любил повторять христово высказывание «*Ищите, и найдете*»

Как-то ещё до гостиниц его сыновья ездили в Москву за сукном и случайно познакомились с удивительным поваром в одном из трактиров на Тверской. Там его держали за высокое мастерство, но больше из милости.

Он был запойный пьяница. Обычно вел себя как нормальный человек. Но временами наступали страшные запои. Происходило это всегда одинаково. Он часа полтора молча двигался и жестикулировал, как на сцене, и пил, и пил. Напивался так, что валился с ног и засыпал тут же. Забирала его какая-то невзрачная женщина. Похоже, жена, но детей у них не было. После повар ничего не помнил.

Алексею сказали, что эти припадки – результат прерванного выступления на сцене перед слушателями. Говорили, что он был или, возможно, готовился стать оперным певцом. Но однажды случилась беда: заперло голос, весь покрылся холодным потом, его трясло и ноги не держали. Выводили беднягу со сцены под руки. Теперь во время запоя он верит, что поёт.

Фамилию певец скрывает. Называет себя по-разному. Алексею он представился как Андрэ Жаров. Но позже узнали, что на самом деле его звали Хлёбов Иван Кузьмич.

Пётр Афанасьевич Найтаки и его приятель доктор Иван Ефремович Дроздов проконсультировались у военного врача, сведущего в психиатрии. Врач сказал, что скорее всего перед ними классическая глоссофобия. И объяснил отцу, что это страх выступлений на публике. Подобное расстройство психики считается безнадёжным. Даже погружение в транс или, как сейчас говорят, гипноз не помогает.

Иван Ефремович обещал по-приятельски помочь, но без гарантии. Можно попробовать покой и прогулки, теплые ванны, регулярное минеральное питьё, смену обстановки. И надо понемногу тренировать организм с помощью тщательно подготовленных небольших публичных выступлений.

Петр написал повару в Москву подробное письмо и предложил сменить обстановку и переехать на Кавказские воды, на сколько он пожелает. Здесь врачи готовы лечить от этой болезни. Говорят, что может наступить желаемая ремиссия. Если будет работать у Найтаки и учить персонал, то Пётр оплатит работу и переезд. За обучение кухмистерскому

мастерству будет отдельная плата. Повар согласился и приехал.

Тем временем Пётр и доктор, оба меломаны, разработали тайный план, чтобы приучить Андрэ к публике. Сначала Пётр найдет ему поющих учеников на кухне, одного и больше. Пётр уговорил также мудреца Митрича и хитрушку Лукерью поддержать этот заговор. Они подготовят выступления повара среди своих. Внушим ему, что мы, провинциалы, восхищены его столичным пением, завидуем и хотим научиться петь, как он. Если повар начнет петь, то мы поможем ему с концертами в дворянском собрании.

Дальше поступим в зависимости от результатов. Можно надеяться, что в итоге уникальный повар улучшит кухню ресторанов. Сбудется давнишняя мечта Петра. Конечно, всю затею придется оплачивать. Посчитав расходы, Петр убедился, что может позволить себе это без большого риска.

Пришло назначенное время переезда работников. В Пятигорске было начало летнего дня. Солнце светило с безоблачного неба в полную силу.

Двое работниц, Анна и Лукерья, готовые к переезду, сидели перед ресторацией на бульварной скамейке в тени липы и ожидали повозку для переезда в Кисловодск. Наблюдали за людьми и делились впечатлениями. Под колоннами ресторации стояли пассажиры и провожатые и тоже ждали.

Подъехали два омнибуса, запряженные четверками лошадей. По виду омнибус напоминал комнату вроде половины дыни на колёсах со столом посередине. Сверху имелась крыша. В комнате помещались десять пассажиров.

Ходили омнибусы с 15 мая до конца сентября. Одному экипажу предстояло ехать в Кисловодск через Ессентукскую станицу, другому – в Железноводск через колонию Каррас.

Пассажиры стали покупать билеты. Цена билета была известна из правил, висящих у парадного входа ресторации: один рубль в Кисловодск, 50 копеек в станицу Ессентукскую и 80 копеек в Железноводск. Обратно купленные билеты не принимались.

Пока грузили багаж, кучера достали небольшой ракетный станок. Установили на станок армейскую сигнальную ракету и подожгли фитиль. С шипением и свистом ракета поднялась в

высоту, ярко вспыхнула и с грохотом разорвалась, выпустив большое облако дыма. Упала ракета далеко за городом.

Отправлялись омнибусы ежедневно в 7 часов утра. В 7 45 железноводский омнибус достигал заведения Рошке в селении Каррас. Тут можно было оправиться и перекусить, выпить кофе или освежающее. После 20-минутной остановки омнибус продолжал движение в Железноводск и достигал его в 10 часов. В непогоду допускалось 20-тиминутное опоздание.

Омнибус (1829, музей транспорта, Лондон)

Кисловодский омнибус в 9 заезжал в станицу Ессентукскую, делал получасовую остановку и в 11 прибывал в Кисловодск. В пути полагалось вести себя чинно и не заставлять кучеров ускорять движение. Из конечных пунктов в обратный путь омнибусы отправлялись в тот же день в 3 часа пополудни.

Омнибусы были в новинку и привлекали внимание жителей и приезжих. Вот и сейчас группа зевак стояла в сторонке, наблюдала за отправлением и обменивалась соображениями и замечаниями

Кучера запустили вторую ракету. Зеваки оживились. Им

было интересно, зачем нужны ракеты, тесно или нет в омнибусе, как управляют упряжкой с форейтором и когда используют тормоз, или что означает значок с рожком на околыше фуражки. Высказывали разные суждения. Один знаток даже заявил, что пятигорский омнибус похож на парижские. В Лондоне к ним давно привыкли. Кто-то напомнил, что в Петербурге они появились в 32 году. Нашелся брюзга, заявивший, что мы вечно отстаем от Запада.

Анна и Лукерья прислушивались к разговорам, им тоже было интересно. Но тут из гостиницы пришла горничная Ксения с узлом и сказала, что Алексей Петрович дает им свою коляску. Надобно подождать. Анна сказала:

– Коляска, конечно, лучше, чем повозка. Но мы могли бы уехать на омнибусе. И крыша у него защищает в дороге от солнца. Я, ведь, предлагала тебе попробовать не попусту.

Лукерья возразила не без основания:

– На омнибусе могли бы и не уехать. Вишь, сколько собралось народа! Хорошо, что мы поспешили, а то пришлось бы нанимать извозчика. Это обошлось бы нам в копеечку.

Ксения согласилась:

– Верно! Теперь поедем бесплатно. А если поедет Алексей Петрович, будет весело. Он поёт красиво, и рассказывает интересно. Мы и не заметим, как доедем.

Никто не спорил. Все знали за хозяином эти приятные свойства.

Кучера запустили в небо третью сигнальную ракету. Она с шипением взлетела и с грохотом разорвалась. В правилах был написано, что через пять минут делают отправление.

Действительно, кучера прокричали: «Отправляемся!» Скомандовали «но! пошел!», дернули поводья и хлопнули бичами. Омнибусы тронулись в путь.

Подъехала пароконная коляска с Алексеем Петровичем и кучером Джамбулатом. За ней ехала повозка с Александром, нарочно приехавшим из Кисловодска за Анной и за продуктами, приготовленными для крепости. Это была неожиданность.

С подъехавших экипажей соскочили мужчины и взялись за узлы. Алексей Петрович позвал:

– Прошу садиться!

Анна сказала:

– Алексей Петрович, спасибо за приглашение, но я поеду с мужем! Хоть на повозке не так мягко, но мне там удобнее!

– Понимаю, – согласился Алексей Петрович. Александр помог положить узлы в повозку подсадил жену на козлы.

Расположились в коляске. Алексей Петрович сел спиной к кучеру, предоставив лучшие места девушкам. Когда выезжали на кисловодское шоссе, увидели, что омнибус уже пылит вдали.

На повозке Анна и Александр разговаривали. Видно было, что они соскучились. Им вдвоем было хорошо.

Алексей Петрович чувствовал, что Ксения и Лукерья хотят поговорить, но начать разговор не решаются. Не робеют, а просто уважают, как давно он убедился.

Он тоже не торопился со своими вопросами. Его интересовало мнение Анны и Ксении о новом поваре, которого он выписал из Москвы, чтобы учить работников. Но он не хотел, чтобы об этих вопросах стало известно повару.

Алексей Петрович взглянул на заскучавшую Лукерью:

– Я знаю, что на кухне тебе повезло с новым шеф-поваром. Андрэ хвалил твою французскую кухню. Теперь умеешь делать макарони и другие итальянские блюда. Да ещё выучила итальянские песни и оперные арии. Не споешь ли нам?

– Спою, если желаете, – гордо ответила Лукерья.

– Сами-то вы поёте арии? – взбодрившись, спросила напрямик Ксения.

– Немного пою. Недавно выучил серенаду графа Альмавивы из оперы Россини «Севильский цирюльник», но голос у меня грубоват. Тембр хуже и тон ниже, чем надобно.

Сказал кучеру:

– Джамбулат, останови!

Алексей вышел и достал гитару из твердого чехла, притороченного сзади коляски. Сел обратно, проверил настрой гитары, взял аккорд и напел начало «*Ecco ridente in cielo, spunta la bella aurora.*»[1] Остановился и хотел продолжить.

Лукерья и Ксения зааплодировали, а Анна и Александр, подъехавшие сзади, закричали:

---

[1] *Скоро восток золотою ярко заблещет зарёю.*

– Браво! Браво! Пойте дальше!

Алексей с удовольствием продолжил пение до конца. [1] Все были в восторге. Они давно знали, что хозяин любит петь, но не ожидали от него такого чуда. Лукерья сказала:

– Теперь мой черед петь! Каватина влюблённой Розины.

Когда вступила гитара, Лукерья-Розина начала: « *Una voce poco fa qui, nel cor mi visuono'.»*[2]

Все одобрительно зашумели. Алексей Петрович заиграл аккомпанемент. Лукерья улыбнулась и допела лукаво под ободряющие улыбки друзей, что подобно змее сплетет сто ловушек, прежде чем сдаться.[3]

Раздался общий смех, а Лукерья сказала, что автор оперы любил шутки. Сделала паузу, и напела мелодию финала «Севильского цирюльника».[4]

-- Слышите, --уверенно сказала Лукерья. -- Джоаккино Россини все взял у русской песни. Алексей Петрович знал эту историю и подобрал аккомпанемент. Все засмеялись, посмотрели друг на друга, и запели:

-- Ах, на что-ж бы огород городить! Да к чему же бы капусту садить! Хорошо было по сныти ходить, Во сыром бору погуливати. Хорошо бы приаукивати. [5]

На многозначительную паузу А.П сказал, что кулинар Россини знал и наши деревенские способы нарезки овощей. И сочинил из них сложный способ с названием, заимствованный у музыкантов. Лукерья догадалась, и перебила:

-- Знаю. Называется *турне*.

Алексей Петрович, довольный, что Лукерья помнила уроки Андрэ, подтвердил:

---

[1] 🔔 Россини Дж., Луиджи Альва, Серенада Альмавивы из оперы «Севильский цирюльник.

[2] *В полуночной тишине / сладко пел твой голос мне.*

[3] 🔔 Россини Дж., Аханова Т., Ария Розины из оперы «Севильский цирюльник».

[4] 🔔 Россини Дж., Финал 2 действия оперы «Севильский цирюльник».

[5] 🔔 Русская народная песня «Ах, на что ж бы огород городить».

Верно! А вот салат «Фигаро» нам не готовить. Не такой сложный, но излишне дорогой на каждый день. Подойдет на какой-нибудь особый праздник

Улыбнулся и пошутил:

– Ведь Россини был замечательным знатоком вокала, и его вокализы отлично развивают голоса и аппетит.

Лукерья и Анна спели по вокализу, которым их научил шеф-повар Андрэ в знак одобрения. Чтобы закончить концерт, Алексей Петрович сказал:

– Прекрасное пение! Молодцы! Душа радуется! Ценю, что вы научились делать отличные новые блюда. Они радуют желудок. Но поете вы не хуже! Радуется сердце. Хорошо, что на кухне вы упражняетесь не на одних вокализах Россини!

Приказал:

-- Ну что ж, пора ехать!

Когда Анна ушла на повозку, громко напомнил Лукерье:

-- Сообщи всем по секрету, что скоро Андрэ переедет в Кисловодск. Ждите! Перенимайте у него всё, что услышите или увидите, пока он не уехал назад в Москву.

Нахваливайте, чтобы он вам показал побольше. Пользуйтесь оказией. Когда еще такая удача придет к вам!

Коляска и повозка приблизились к базарной площади Ессентукской станицы как раз, когда омнибус отправлялся в дальнейший путь.

Алексей Петрович спросил:

– Хотите посмотреть новую питьевую галерею?

Все захотели. Поехали по улице на край станицы.

Алексей Петрович сказал:

– *Джамбулат, атгъыз къалыргъа!*[1]

– *Хо*! – ответил немногословный кучер, остановил коляску и замотал вожжи своих коней за передок коляски.

Пошли пешком смотреть питьевую галерею. В низине виднелось новое здание. К галерее спускалась красивая трех маршевая каменная лестница.

---

[1] *Джамбулат, останься с лошадьми! (карач.- балкар.)*

Перед зданием галереи раскинулся обширный цветник. Ветерок затих. Ощущался жар солнца. Внутри галерея показалась необыкновенно прохладной.

Служительница наполнила стаканы минеральной водой. Кисловатая газированная вода освежила.

Галерея источника №17 в Ессентуках

Они гуляли по галерее, Алексей Петрович рассказывал:

– Раньше эти воды называли Бугунтинские. Князь Воронцов велел называть воды Ессентукскими. По заданию императора лет тридцать назад эти целебные воды исследовал медицинский академик Нелюбин.

Он нашёл здесь двадцать три источника. Из них 18 сбегали со склона этой горы. Он назвал её Щелочной. Чтобы не путать, дал источникам номера.

У самого мощного источника №17 архитектор Самуил Иванович Уптон сделал колодец и обложил его камнем. После построил эту галерею. Закончили её в прошлом году. Почти одновременно с Елизаветинской галереей в Пятигорске.

Ходят разговоры, что обе галереи похожи. Но мне кажется, что это мнение неточное. Хотя в обеих зданиях, действительно, чувствуется рука одного мастера. Оба здания сделаны из одного камня – песчаника. Но итальянский стиль пятигорской галереи не похож на мавританский стиль здешней. Согласны?

Никто не возразил, и Александр сказал:

– Как будто так!

Вышли из галереи на площадку цветника. Александр указал на редкие посадки на голых склонах:

– Видите молодые деревца. По приказу князя Воронцова тысячи саженцев брали отовсюду. Из лесного питомника в Пятигорске, а также от ручья Бугунта. Привозили с Бештау и с Железной. Я тоже в этом участвовал.

Почти все саженцы прижились. Скоро здесь образуется тенистый парк, как в Кисловодске. Будущий парк уже называют Воронцовским.

И продолжил:

– Но главное ещё не построено. Хотели еще одну галерею сделать на дальнем конце горы. Там, где вытекает вода номер один. Она первая была опробована для курса местными жителями. Они утверждали, что это самая сильнодействующая вода из здешних. Подойти к источнику мешает болото, которое раскинулось по низине. Чувствуете сырость и зловоние?

Князь приказал болото осушить. Солдаты вырубили заросли, срезали камыш и теперь копают дренажные канавы. Работы заканчивают засветло, так как ближе к вечеру находиться тут невозможно из-за туч комаров.

К источнику номер один можно пройти вон по той тропинке между деревцами. Минут десять идти, не больше! С вершины этого склона особенно хорошо видны Бештау и Машук. Они не предполагали, что здесь построят смотровую площадку Ореанду Никто не захотел идти по открытому склону между прутиками деревцев – было жарко

Ксения предложила:

– Давайте поедем дальше! Тут смотреть больше нечего. Ессентукам далеко до Кисловодска. У нас прохладнее.

Когда поднялись по каменной лестнице, оглянулись и перевели дух, Алексей Петрович рассказал, как тут лечатся:

– Казаки Ессентукской станицы наливают минеральную воду в бочки, везут кружным путем вокруг болота, греют и устраивают ванны для желающих.

Лишняя вода стекает из болота в речушку, которая потом впадает в Подкумок. Местные называют речушку Вонючкой. Некоторые приезжие используют её грязь для лечения.

Едва компания выехала за околицу Ессентукской станицы, Ксения, удовлетворенная, что все послушались её, пожелала рассказать свою очередную байку. Все согласились послушать. Она начала:

– Уверена, вы давно удивлялись, что за странное название «Ессентуки» дали этому месту. Скажу то, что о нем знаю. Черкесы говорят, что это слово означает «обжитое место», а с карачаевского *эсен тюк* переводится на русский как «здоровый волос».

Джамбулат обернулся на седоков и пояснил:

Карачаевцы говорят «*эсен болугъуз!*», то есть «будьте живы-здоровы!» Алексей Петрович согласился:

– Очень хорошо, все будьте здоровы, живите богато! Едем скорее до дома до хаты!

Все засмеялись, а Лукерья пропела:

– И вы, ваша милость, тоже будьте живы, богаты, здоровы!

Дождавшись, когда смех утих, Ксения продолжила:

– По этому поводу у карачаевцев есть байка, которую вы, вероятно, слышали в других случаях. Рассказывают о чудесном исцелении ребёнка.

– Верно, – сказали Алексей Петрович и Лукерья, – такие истории рассказывают!

– Ты какую расскажешь? – поинтересовались они.

Ксения, наконец, дождалась внимания. Продолжила:

– Мы только что видели местность, где эта история случилась. Болото слыло местом целебным, но опасным. Ходил даже слух, что воды, смешиваясь в болоте, превращаются в яд. Священники объявили болото проклятым местом. Однако, заболевшие лошади и другие животные, которые приходили в эту местность, не ведали запретов и пользовались минеральной водой. Не отравлялись, когда пили.

Карачаевцы рассказывают, что в далёкие времена болотом и

здешними богатыми пастбищами владел какой-то бий. Он отвоевал их у местного черкесского бия.

У победителя родился лысый, хилый и покрытый паршой мальчик. Так бывает – в сражениях тебя не побеждают, а пришла болезнь, и ты сражен. Жестокий бий не ведал поражений и задумал избавиться от ребёнка.

В отчаянии бийче, таясь, сходила к старой местной ворожее. Мудрая старуха поведала ей, что животные излечивались горной водой, и открыла секрет, как лечить тело кислой водой изнутри и снаружи.

Бийче послала за водой свою доверенную рабыню и стала поить и купать сыночка, как сказала ворожея. Для вида говорила, что купает его в травяном отваре. Через некоторое время кожа очистилась, и на головке стали расти волосы.

– А я слышала, что он выздоровел на другой день, – перебила Лукерья.

Ксения ответила:

– На другой или не на другой – не будем спорить! Главное, что ребёнок выздоровел.

Тогда бийче и все догадались, что вода не яд. С тех пор люди перестали бояться вод, стекавших в болото. Так было положено начало лечению ессентукскими водами.

Перед Кисловодском коляска и повозка почти настигли омнибус, медленно и осторожно спускающийся с горы к переправе через Подкумок. Четверик, направляемый опытным кучером, успешно преодолел переправу и поторопился дальше.

Наблюдая переправу омнибуса, Ксения сказала:

– Лучше переправляться в коляске, чем в повозке! Не так сильно трясет на каменьях. Так мне кажется. Согласны?

Алексей Петрович внимательно посмотрел на Лукерью. Оба поняли, что Ксения завидует семейным Анне и Александру. Алексей сказал:

– Глубокая мысль! И сильная, как эта горная речка.

Переждав веселье, пропел одобрительно:

– *Мысль прекрасна, нет сомненья! / Мысль прекрасна, нет сомненья.*

Лукерья присоединилась, и они пропели дуэтом:

– *Нет сомненья! Браво, браво, браво, / средство найдено. /*

Нет сомненья! Браво! Средство найдено!

Все засмеялись.

Обновленная гостиница

Скоро коляска и повозка переправились через Подкумок и поднялись на взгорок. Перед ними открылся обновленный Кисловодск.

В последние годы бурное строительство развернулось по всему городу. На Ольховке был возведен Воронцовский мост с солнечными часами. Возле променада прокладывали ровные набережные над подпорными стенками.

Цветник и фонтан с фигурками лягушек
перед Нарзанной галереей.

Продолжала строиться обширная галерея с бюветом над источником нарзана и с ваннами в особом помещении. Ветхую земляную крепость начали заменять каменной.

Кисловодский парк благоустраивался. Из крымского имения Воронцова привозили цветочную рассаду и саженцы деревьев. Посадили много пирамидальных тополей. Быстрорастущие тополи украсили весь городок.

Около Нарзанной галереи появились скамьи для отдыха и первые наметки будущих великолепных цветников. С тех пор заботливо ухоженные парк и цветники всегда выглядят будто новые.

В скором времени изменилась ресторация. По приказанию князя Михаила Семёновича Воронцова архитектор Самуил Иванович Уптон поднял стены кисловодской гостиницы на два метра. Внутренние помещения перепланировал, – комнат стало шесть. Над задней дверью сделал антресоль с хорами для оркестра. В комнату содержателя добавил вход со двора.

Новую крышу покрасили зелёнкой. Стены перекрасили снаружи в серый цвет в подражание пятигорской гостинице. Лестницу к ресторации и отделку грота поправили.

На дворе ресторации теперь стояли два одноэтажных летних флигеля, каждый на 10 номеров. Номер состоял из большой комнаты и небольшой прихожей. Сдавался за серебряный рубль в сутки.

Кроме того, во дворе к прежней кухне и к леднику прибавились новые, более вместительные. Всё покрыли свежим камышом.

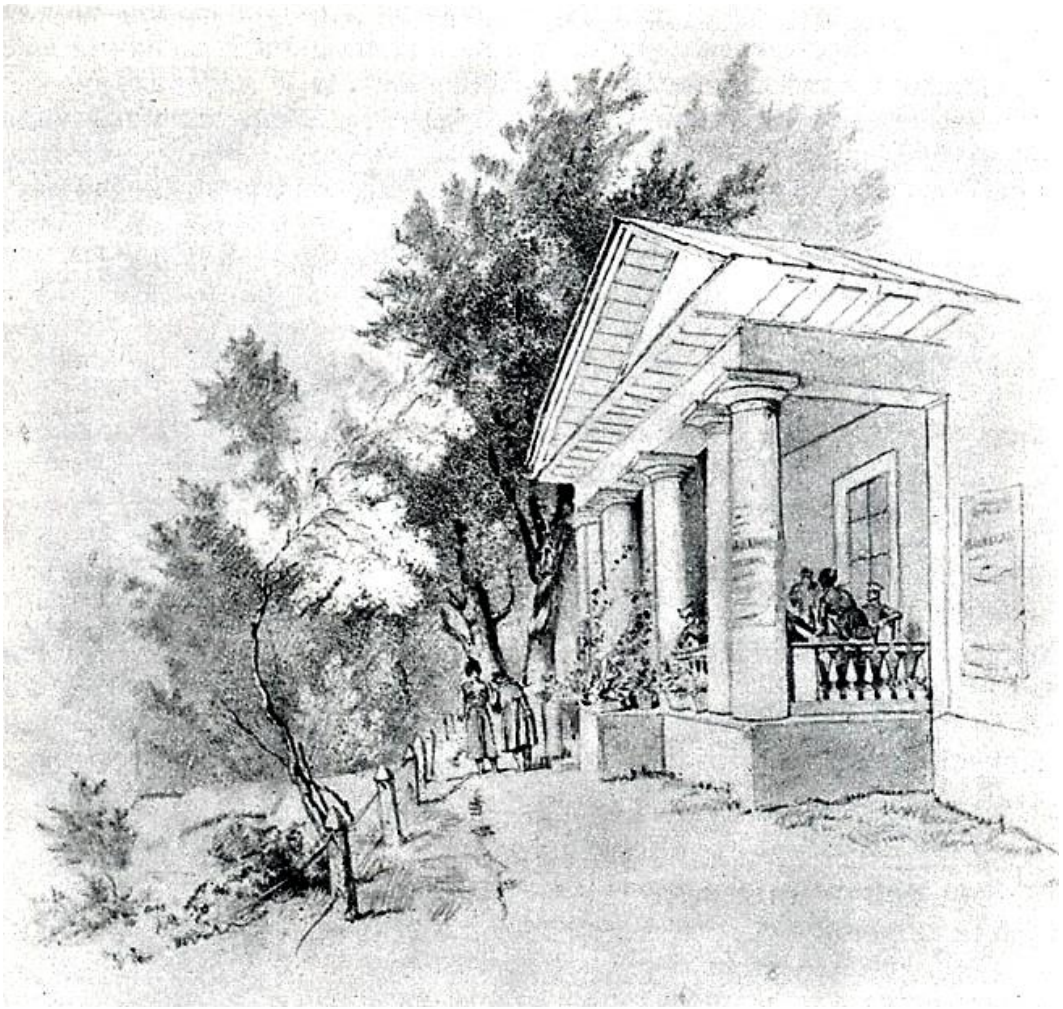
Чрезвычайно довольный Алексей Петрович собирался распределить кухни по роду блюд. Кондитерские работы перевести из старой кухни в новую.

Коляска и повозка миновали бульвар и площадь, где стоял опустевший омнибус. Упряжка омнибуса отдыхала. Придет назначенное время, и она пойдет в обратный путь. Алексей и работники объехали строящуюся нарзанную галерею, повернули и въехали в ворота обновленной гостиницы.

Приехавших встретил буфетчик Илья Дмитриевич и сказал, что приходили от Воронцова и приглашали Алексея Петровича зайти, не откладывая.

Алексей Петрович отпустил своих спутников по домам. Поспешил привести себя в порядок, и отправился в особняк Реброва на прием к наместнику Воронцову.

Алексей Петрович догадывался об истинной причине озабоченности наместника. Летом 1850 г. цесаревич Александр Николаевич[1] с супругой Марией Александровной и свитой путешествовали по югу империи и должны были заехать на воды в бархатный сезон, когда соберется столичный бомонд.

Кисловодская ресторация (М.А. Зичи, 1881 г.)

В Кисловодске наместник князь Михаил Семенович Воронцов с супругой Елизаветой Ксаверьевной ждали престолонаследника с большим нетерпением. Появилась возможность показать свои успехи будущему государю.

Для лечебного питания раненых он задумал ферму с

[1] *Тот самый, который провозгласил отмену крепостного права 5 марта 1861 г. и был убит народовольцами 1 марта 1885 г.*

новомодным сывороточно-лечебным производством. Приезд наследника ускорил дело. К устройству фермы приступили, не мешкая. Место выбрали возле нарзанной галереи на краю бульвара. Горы, где будут пастись козы, находились близко.

Рядом с фермой Воронцов задумал как-бы случайно поселить цесаревича. Таким образом рассчитывал познакомить его и свиту со наисвежайшей новомодной лечебной диетой.

За время наместничества было построено много, но для запоминающегося приема этого было недостаточно. И Воронцов старательно искал новые возможности, чтобы сделать прием необыкновенным.

Свой сюрприз готовил также Алексей Петрович. Ему надо было посоветоваться с Воронцовым. Ожидавший наместник вышел из-за письменного стола, взял Алексея Петровича за руку, подвел к софе и дружески пригласил сесть рядом. Алексей Петрович опять убедился в простоте и доступности князя. Между ними установились, можно сказать, почти доверительные отношения после того, как Алексей Петрович согласился управлять омнибусами.

Правда, через год Воронцов показал, какого рода у них дружба. Когда Найтаки осмелился предложить увеличить плату за проезд, из канцелярии Кавказского наместника, главнокомандующего и гражданского управляющего пришел жесткий отказ без объяснений. Как говорится, всяк сверчок знай свой шесток.

Пока в острастке не было нужды, и Воронцов говорил:

– Накануне я осмотрел твои новые флигели. Мне они понравились – разумно устроено. Постояльцам удобно и для обслуживания приспособлено неплохо.

Молодец! Сразу видно, что тебе не зря присвоена первая гильдия. Первое собственное заведение устроил превосходно.

– Спасибо, ваша светлость! – ответил Найтаки. – Я очень старался, но ваша лестная похвала мне кажется чрезмерной.

– Нет она не чрезмерная! Соответствует твоей золотой медали «За полезное». Надеюсь, другие награды не уйдут от тебя.

Но не будем разговаривать официально! Разговор у меня к тебе откровенный. Так что называй меня по имени-отчеству, как

я тебя.

– Слушаюсь, Михаил Семенович!

Воронцов сказал:

– Ты ведь знаешь, что престолонаследник с супругой и свитой собираются вскоре посетить нас. Я заметил, что ты, Алексей Петрович, перед публикой не надеваешь свою медаль. Это неправильно!

Государевой наградой должно гордится! К тому же больше вершка золота, и особо важно выглядит алая лента ордена святой Анны, матери богородицы, на шее. Перед цесаревичем непременно всегда носи медаль.

– Михаил Семенович, ваше указание для меня чрезвычайно важно. У меня есть встречное предложение, как порадовать цесаревича.

– Отлично! Скажи свое предложение. Если оно будет толковым, мы обсудим. Согласен?

Да, Михаил Семенович! Простите, ваша светлость! Я оговорился, – Алексей Петрович сделал паузу. – Это не предложение, а, правильнее сказать, приглашение.

Мы выписали из Москвы в Пятигорск замечательного повара, чтобы он учил нас готовить пищу по кулинарной науке. Учеба закончилась, и наши повара работают, как в столицах.

Я приглашаю вас и Елизавету Ксаверьевну прийти на другой день в ресторацию на дегустацию. Блюда на обед и ужин будут приготовлены в итальянском вкусе.

– Спасибо! Очень интересно! Сегодня сообщу тебе наше с женой решение.

–Михаил Семенович, извините за настойчивость! У меня есть ещё одно предложение, которое может заинтересовать вас и Елизавету Ксаверьевну.

– Говори, пожалуйста! У тебя, уважаемый, сегодня прямо изобилие идей, – Воронцов поощрительно улыбнулся.

Алексей стал объяснять:

– Вы, ваша светлость, возможно слышали, что в 37-м году император Николай Павлович приезжал в Пятигорск. Мои работники готовили концерт для него, но император торопился и был недолго, из-за чего наши хлопоты оказались напрасными. Приготовленный концерт слушали князь и княгиня Хасновы,

получавшие тогда полный курс на водах. Концерт им очень понравился.

Обязан сообщить вам, что в настоящее время мы готовы показать своё умение перед цесаревичем Александром Николаевичем, как только он приедет. Предлагаем снова устроить небольшой концерт, конечно, если вы, ваша светлость, сочтете такое развлечение уместным.

Наш репертуар состоит из русских романсов и итальянских оперных арий. Облик и манеры местных артистов придадут выступлениям кавказский колорит. Вы почувствуете незабываемое природное очарование.

Однако, я должен признаться, что есть одна закавыка. Мы не знаем музыкальных предпочтений наследника и не можем составить программу в должном виде. Очень надеемся на вашу помощь, Михаил Семенович.

Алексей знал, что затея с концертом обязательно заинтересует супругу наместника. Поэтому высказал предложение с подробностями. Наместник уловил его мысль не сразу. После паузы откликнулся:

– Ты прав. Я слышал, что у тебя есть работники с хорошими голосами. Елизавета Ксаверьевна обязательно зайдет и поможет вам репетировать. Когда вы собираетесь обсуждать программу?

– Начнем репетировать на другой день и продолжим на третий день после ужина, если это будет удобно её светлости. После восьми пополудни.

Воронцов подумал ещё немного и наконец сказал:

– Жена собиралась выписать артистов из столицы. Но твоя идея, Алексей Петрович, выглядит привлекательней. И даже, возможно, заслуживает некоторого обсуждения. Уверен, Елизавета Ксаверьевна пожелает посмотреть репетицию.

– Прекрасно! Благодарю за внимание, ваша светлость! Мы с радостью покажем лучшее, что умеем!

Довольный Алексей простился с Воронцовым. Пока шел к себе в ресторацию, обдумывал вероятные последствия:

– Княгиня повидала разные концерты и ее советы будут, несомненно, полезны при наших репетициях. Если мы понравимся цесаревичу, то легко заинтересуем предводителя местного дворянства Алексея Федоровича Реброва. Он, конечно,

узнает об успехе нашего концерта, и позволит нам заменять при случае приезжих артистов. Будем иметь доход для себя и для работников. После этих концертов шеф-повар Андрэ вылечится от своей глоссофобии. Уверен, княгиня сама предложит включить Андрэ в концерт, когда услышит, как он поёт. Надо срочно переводить шеф-повара из Пятигорска сюда. Устрою его жить у кого-нибудь из работников. В крайности поселю у себя

Тут Алексей остановил себя:

– Прости меня, господи! Некстати я размечтался. Не сглазить бы! Избави меня, господи, от дьявольских заблуждений и соблазнов! -- Алексей перекрестился.

Воронцов смотрел в окно на прелестную зелень во дворе усадьбы Реброва, улыбался и обдумывал дальнейшие действия:

– Место для концерта определим по желанию цесаревича. В ресторации или здесь на усадьбе? Неплохо будет устроить на воздухе. Спрошу Лизу. Она заметила, что кухня улучшила свои блюда, и мы можем питаться без опасений. Сходим на другой день на дегустацию. Ишь, как мудрено заговорил наш ресторатор! Интересно, что он затеял? Надобно обязательно разобраться, чтобы не допустить случайной помехи нашему приему цесаревича Александра

Наместник был доволен:

– К приезду наследника все налаживается. К балу, обеду, охоте и козлиной ферме прибавится необычный концерт вместе с интересной кухней.

К тому же мы удачно предусмотрели обустройство наследника. Лизонька предложила провести тонкую интригу, чтобы с пользой для себя жить рядом с царственной парой.

Чтобы её поддержать, скажу наследнику правду – мол, в гостинице Найтаки неудобно из-за ресторации даже без концертов и балов. Но закрыть ресторацию нельзя. Она питает больных и раненых. Из-за шума приезжие живут в гостинице два-три дня, пока ищут тихое жильё.

Наследник поверит, что лучше поселиться у Реброва, где всегда тихо и спокойно, в чем мы убедились сами, прежде чем осмелились советовать.

Лишь одно Воронцовы, как и другие, не предусмотрели.

Буквально перед самым приездом наследника случилась трагедия с большим числом человеческих жертв. Все началось в домике, соседнем с козьей фермой.

Роковой калым

Утром 19 августа 1850 года небо ещё не начало светлеть над горами, как уже открылся первый признак тревоги.

Конь *Каракёк*[1] поручика *бия* Ибрахима Крымшамхалова чуть не сбросил его и напугал молодую жену поручика, вышедшую проводить. Ибрахиму показалось, что дворовая собачка *Умутчык*[2] нарочно кинулась под ноги коню, заливаясь громким лаем.

Нукеры заспорили: правой ногой споткнулся вороной в воротах или левой. Решили, что правой, и беды не случится. Можно было ехать в Кисловодск.

Слушая нукеров и помня о дурных приметах, поручик тревожился. Однако не ехать нельзя было! Путники проверили оружие, как перед опасной дорогой.

Ехали долго. Рядом на *джоргъа ат*[3] покачивался *къайын*[4] Афай Туганов. Он со своими нукерами присоединился к родственнику, хотя не имел никакого понятия о будущем. Поручик ничего ему не говорил и не просил – сказал только то, что надо ехать.

Ценя уважаемого *къайына*, Ибрахим немного открылся:

– Ты, наверное, недоумевал, почему не приехал на свадьбу дочери мой тесть и твой отец Асламбек Михайлович? Мы тогда объясняли гостям, что вследствие государственных забот. Их много у орденоносного генерала и бывшего конвойного из охраны самого царя. Дело было, однако, в ином.

Доверюсь тебе, и скажу правду! Ведь ты помогал мне при похищении невесты, твоей сестры, и на свадьбе попечителем был. Ты знаешь, что я отдал тестю богатый калым.

---

[1] *Къаракёкъ – чёрная молния (карач.- балкар.)*

[2] *маленькая надежда (карач.- балкар.)*

[3] *иноходце (карач.- балкар.)*

[4] *шурин (карач.- балкар.)*

Мне не стыдно теперь ни перед кем за табуны коней, за отары овец, баранов и коз, за стада коров и волов! Твой отец также не обидел меня приданым жены. Грех жаловаться! Люди будут помнить, чего стоит прекрасная Гочаях.

Как я тебе говорил, вскорости тесть заявил, что я нарушил договорённость и должен ему сто двадцать коней. Он подал жалобу и, кроме коней, требует, чтобы я заплатил штраф.

Табун кабардинских лошадей (Д. Аутлев, 2018 г.)

Разве это справедливо, не разобрав, что произошло, считать меня обманщиком, обижать дочь и подавать жалобу? Я решил разобраться, куда делись кони. Ты удивишься!

Къайын дождался конца откровения и, не услышав ничего нового, сказал, смеясь:

– Увели табун коней, конечно! Выяснил, кто это сделал?

Ибрахим ответил резко:

– Мой табунщик оказался дураком. Обманул его табунщик генерала. Сам генерал – честный осетин. Но его табунщик, тоже осетин, оказался пройдохой.

Хитро сказал, что табун они с помощником доведут сами, а

ты, мол, друг наш, свободен и можешь возвращаться домой.

Мой табунщик поехал домой, как ему сказали. Жулик табунщик заявил генералу, что табун ему не пригнали и ни слова не сказали. Как тебе это нравится?

Что стало с табуном, я не знаю – продали или пасется где-то. Но со временем разберусь.

Генерал сказал мне в личной беседе, что я как порядочный человек и его родственник должен дать хороший штраф, чтобы перед народом доказать уважение к старому тестю.

– Ведь теперь – сказал он мне, – моя семья – твоя семья, и отданное станет общим.

Слева-направо генерал Туганов Асламбек Михайлович (Батырбекович) (1804 — 1868) и начальник центра генерал Эристов (Эристави-Ксанский) Георгий Романович (Ревазович) (1812 — 1891)

Вот хитрец! А сам тем временем повсюду говорит, что потребует с меня весь долг, потому что я позорю род, – украл невесту, а правильно платить калым не умею.

Я надеялся, что все как-то утрясётся. Родня поможет. Но он,

этакая штучка, грозится довести меня до *цугундера*[1]! Даже до начальства дошел со своей жалобой. Теперь главный начальник на линии требует меня к себе на ковёр.

На первое приглашение, которое мне передали, я не поехал. Думал, что это глупая шутка! Чую, что какой-то негодяй подталкивает всех на подлость, как из-за кулис на театре. Сам мой тесть на такое коварство не способен. Буду разбираться, кому это я не угодил.

– Да, уж, задача! – согласился Афай. – Разбирайся, брат, только осторожно. Тут могут действовать большие силы.

Нет ли у тебя серьёзного соперника, недовольного твоей женитьбой? Спроси Гочаях, не знает ли она что или догадывается о ком-то?

– Верно, мудрый друг! Спрошу, когда вернусь домой!

Дальше они ехали молча. Более поручик не сказал ничего, боясь обидеть Афая нехорошими словами об отце.

Поручик вспомнил, как один знающий доброжелатель предупредил, что богатый генерал Туганов – человек хитрый и жадный. По мнению доброжелателя, похищение табуна он устроил сам, подставив табунщика. Суд, конечно, положит табун в карман генералу.

Знаток, посмеиваясь, прибавил, что не нужно было поручику заводить лучших лошадей в округе и, более того, родниться с генералом! Теперь отдашь ему последних лошадей. Когда твои лошади будут у генерала, он, возможно, успокоится.

Знаток спросил, знает ли Ибрахим, почему красивые дочери генерала трудно выходят замуж? А ведь имеется большой выбор: хочешь, мусульманки, хочешь, крещенные христианки. Просто генерал запрашивает за каждую слишком много. Доброжелатель насмешливо поинтересовался, как мое мнение?

Пришлось отправить по инстанции рапорт с объяснениями. Теперь его ждал разговор с князем Георгием Романовичем Эристовым, начальником центра Кавказской линии. И было неясно, чем разговор закончится.

Ибрахим узнал заранее, что Эристов человек честный и благородных правил и не глупый, но самоуверенный и может

---

[1] *порка, гауптвахта (с нем.)*

выйти из себя. Он ругает горцев, не разбирая правого от виноватого, не стесняясь ни положением, ни званием[1]. В этом он не отличается от других грузинских князей. В особенности, от бесчисленной родни Эристави.

Сейчас князь Георгий мог быть особенно зол на горцев. Неделю назад похоронили его двоюродного брата, князя Захария Георгиевича. Их матери были дочерями последнего грузинского царя Георгия XII. Князя Захария убили злодеи на дороге в его собственном округе в Восточной Грузии. Болтали, что это сделали горцы!

Но всё же Ибрахим надеялся, что Эристов представит его наместнику. Как рассудит наместник, так тому и быть! Не к царю же ехать из-за табуна лошадей? А если не представит?

Плохо ещё, что занятый поиском похищенных коней, Ибрахим приехал не на первый, а на повторный вызов. Но он рассчитывал на милость, когда откроется причина.

Расстроенный Ибрахим думал:

– В случае удачной встречи с Эристовым буду говорить с наместником, к чувствительности которого надо прибегнуть. Но риск большой. В случае неудачи впереди меня ждут позорный суд и разжалование.

Ибрахим успокаивал себя:

– Старый князь Михаил Семенович Воронцов слывет строгим, щедрым и справедливым человеком. В армии помнят, как он оплатил долги офицеров и солдат своей армии, когда выводил её из Франции в 1815 году. Едва не разорился.

Один знакомый армеец говорил, что князь «… был среди русских высших чиновников человек редкого в то время европейского образования, честолюбивый, мягкий и ласковый в обращении с низшими и тонкий придворный в отношениях с высшими. Он не понимал жизни без власти и без покорности».[2] Однако, хватит гадать вслепую!

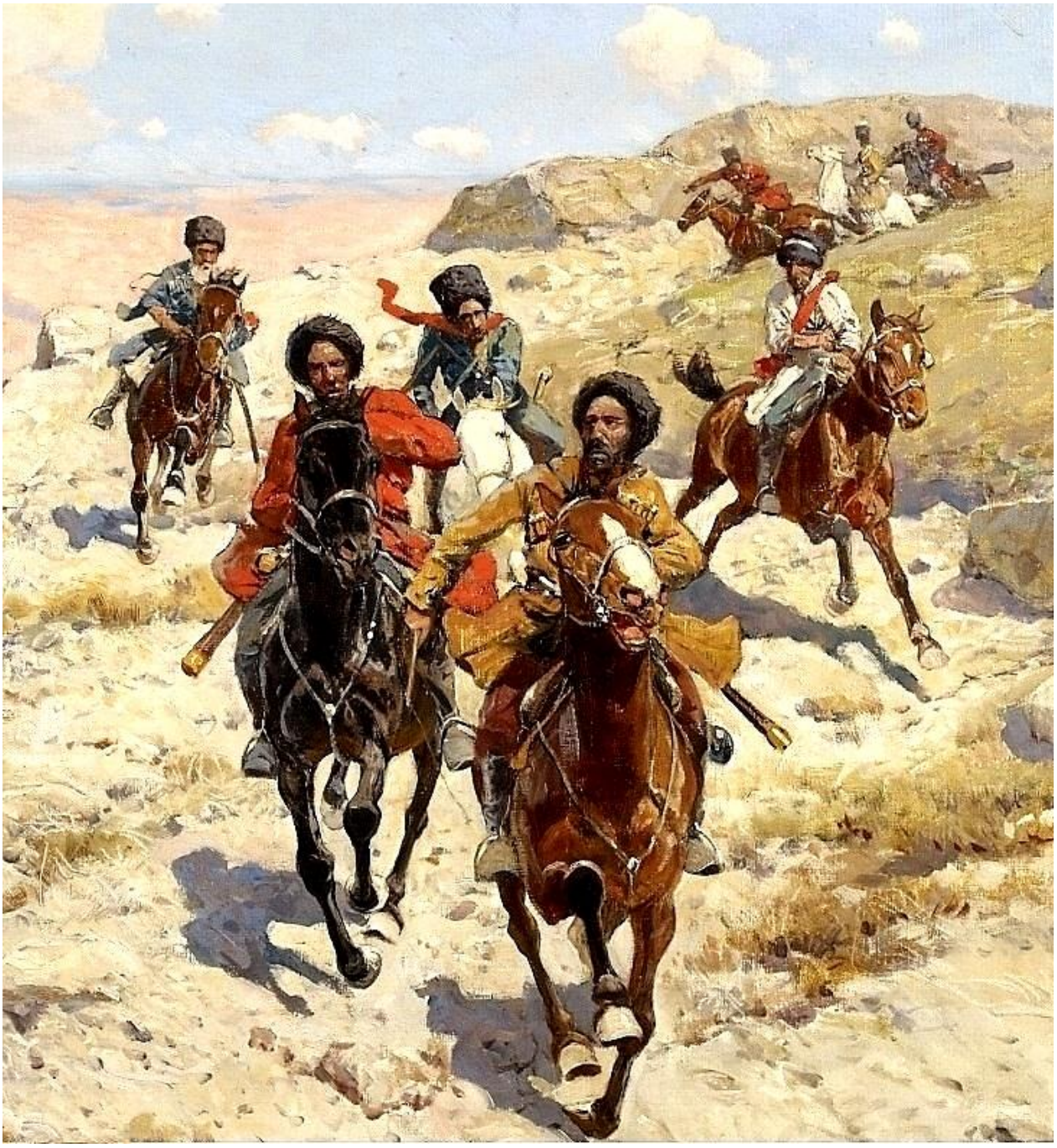
Ибрахим встряхнул головой, разметав длинные пряди шерсти на папахе, поправил кинжал и весело спросил:

---

[1] *Зисерман А., Двадцать пять лет на Кавказе (1842 - 1867)*

[2] *Л.Н. Толстой, Хаджи-Мурат, 1912*

– Я слышал, что иноходь твоего Мерака быстрее размашистой рыси моего Каракёка. Проверим?

Всадники (Ф.А. Рубо)

И они пустились. Ибрахим не раз удерживал своего араба, задиравшего хвост, и заставлял вернуться на рысь.

А иноходец Афая все дальше и дальше уходил вперед. Проскакав порядочно, чтобы размять коней, вернулись на

прежний аллюр. Поехали рядом.

– Видишь, – сказал Афай, – почему наши кони хороши для похода. Летишь на коне, как на волшебном ковре. Ковер не колыхнётся. И конь не устает. Конечно, твой араб лучше в скачках, но карачаи бесценны в походах.

Несчастные арабы-кочевники! Нет у них выносливых коней, и они ездят на верблюдах!

Оба наездника рассмеялись. Перед ними открылся кисловодский бульвар. На нем недалеко от нарзанной галереи и козьей фермы снимал домик начальник центра.

Возле домика наездники заметили странную расстановку войск. На бульваре перед воротами стояла сотня верховых казаков, а во дворе расположилась рота вооруженных солдат.

Афай, видя полное вооружение на Ибрахиме, сказал:

– Мне как-то не нравится всё это. Давай вернёмся домой. Приедем на другой день, когда здесь не будет таких сборов. *Бек анасы джыламаз*[1].

– Нет, – ответил Ибрахим, – я начал и буду продолжать!

– Жаль! – сказал Афай. – А я, извини, лучше поеду, потому что помочь тебе не смогу, а навредить получится. Скажут, слишком много нукеров притащил с собой молодой бий. Значит, чувствует вину и неуверенность, и пытается защититься оружием и людьми.

Прошу тебя, в разговоре с генералом помни правило *сабур – хуцауи лымэн!*[2]

– Я знаю это правило. Спасибо за проводы! – ответил Ибрахим

Афай сказал:

– Я вернусь и ещё раз поговорю с отцом. -- Кивнул нукерам Ибрахима и позвал своих. Выезжая со двора, оглянулся на спокойного и решительного шурина. Сказал напоследок тихо, чтобы никто не услышал: «*Хуцауи, амнэт фэ уэд!*»[3].

---

[1] *Береженого – бог бережёт (карач., погов.)*

[2] *сабур – хуцауи лымæн (осет., посл.) – спокойный – богу друг*

[3] *Хуцауи амнæт фæ уæд! (осет.) – Да, хранит его бог!*

Князь Эристов не заставил поручика долго ждать и пригласил в дом. Выслушав представление прибывшего, генерал сказал громким, но не злым голосом:

– Вас обвиняют, ваше благородие, что вы не заплатили калым за невесту, как положено по законам Шариата. Я думаю, что это – недоразумение. Не сомневаюсь, вы его исправите.

Ибрахим слушал, выказывая явное внимание. А князь Георгий продолжал строго:

-- Но это не главное. Вы, батенька, поступили не как офицер, у которого есть начальник, а как непутёвый баран из вашего калыма.

Первое. Вы не знаете, что к воинскому начальнику не обращаются с гражданским иском. Для этого имеется окружной пристав. Он решает хозяйственные споры.

Кто-то сказал: «Правильно!»

В комнате засмеялись, и князь прикрикнул:

– Молчать!

Все затихли, и он взял суровый тон.

– Извините, поручик, я должен сказать! Вы, любезный, показали дурной пример своим подчиненным. Вы не баран и не можете поступать так, как вам заблагорассудится!

Как вы могли подумать, что армейский устав писали умные люди не для меня и не для вас? Вы поступили не по уставу.

Нарушив воинский порядок, вы обратились не к своему непосредственному воинскому начальнику, а через его голову прямо к генералу!

Довольный собой и своим доходчивым разъяснением порядков, известных всем, генерал прибавил ласково:

– Согласитесь, поручик, вы обидели своих начальников и поставили их в неловкое положение, будто они не могут разобраться в вашей мелкой кляузе.

Вы хотите, чтобы в армии наступил хаос, потому что вами нарушена элементарная субординация. А это в армии – самое худшее, что бывает!

У меня, батенька, этого не будет! Я призову всех к порядку! Извольте-ка, любезный, сдать своё оружие и отправляться на

гауптвахту под стражу! Будете изучать устав. Обещаю, что после я побеседую с вами по уставу особо.

– Позвольте, Ваше высокопревосходительство! Позвольте! Я расскажу, что удалось узнать об этом проклятом табуне. Все станет ясно и понятно, и не надо будет никуда ходить, чтобы беседовать.

Князь вдруг вспылил:

– Не позволю! Хвала государю, вы – военнослужащий! И что же? Вы не имеете понятия о фронтовой службе! Не явились на разбирательство, когда было приказано явиться.

Кисловодская нарзанная галерея (Н. Медведев, 1861 г.). Слева бульвар, за деревьями козья ферма, затем Крестовая гора. Сзади галереи усадьба Реброва и справа ресторация.

Я вас научу действовать, как положено! Исполняйте приказ, как настоящий офицер, а не как бунтовщик, к которому надо применять силу! Что? Молчать! Или я арестую вас!

Голос Ибрахима напрягся от возмущения:

– Вы не хотите выслушать правду. Поймите, ваше высокопревосходительство, дело не требует отлагательства. Послушайте меня, и убедитесь в этом сами. Оружие я не сдам! Не вы мне его вручали, не вам его отбирать!

– Полковник, слушай мой приказ! – разозлённый генерал обратился к коменданту кисловодской крепости Жердеву, стоящему рядом. – Арестовать поручика и доставить на гауптвахту!

– Ну, нет! – возмущенный Ибрахим выхватил шашку дедовскую и выскочил за дверь.

С крыльца прыгнул на коня, которого держал в поводу нукер, и закричал:

– Шашки вон! За мной!

Они выскочили через открытые ворота и помчались по бульвару мимо козьей фермы к усадьбе Реброва, где поселился князь Воронцов. Казаки, заранее предупреждённые, погнались за ними и выстрелили. Один беглец упал вместе с конём.

Беглецы спешились, подхватили упавшего и бросились на гору над домом Реброва, вынимая ружья из чехлов.

Там на вершине стоял заметный каменный крест в рост человека. Крест был особенный. Его два года назад поставил статский советник Ребров на 50-летие первого курортного сезона в Кисловодске, чтобы увековечить память о сподвижнике А.В. Суворова генерале-лейтенанте и графе Ираклии Ивановиче Моркове, командующем кавказской линией. Генерал отдыхал у нарзана с семьей. Ребров служил у него секретарем.

Памятный крест на Крестовой горе

Казаки и солдаты преследовали беглецов.

– Я не бунтовщик! – кричал поручик. – Пусть все видят!

Прошу правильного суда у князя Воронцова!

Горцы гиканьем поддерживали его. Услышав тревогу, солдаты и казаки сбегались отовсюду. Пальба всё усиливалась.

Окруженные беглецы залегли в ограде, поставленной вокруг креста, и стали отстреливаться, видимо, решив дорого продать свои жизни. Двое из них были убиты, и двое нападавших солдат ранены.

Встревоженные сильной стрельбой, люди выходили из домов. Солдаты-строители нарзанной галереи бросили работу. Из усадебного особняка вышел кавказский наместник князь Михаил Семёнович Воронцов и за ним хозяин Алексей Федорович Ребров. Посмотрели вверх в сторону креста.

– В чем дело? Что за сражение? – спросил Воронцов.

– Ваше высокопревосходительство, с утра занимался этим князь Эристов.

– Где князь Георгий Романович? Позовите!

Подбежал запыхавшийся Эристов:

– Разрешите доложить, ваша светлость?

– Слушаю! Кратко и без экивоков!

– Приехал поручик княжеского рода Крымшамхалов, карачаевец, с ничтожной жалобой. Нарушил порядок. Забыл правила субординации и потребовал вашего личного суда!

Я объяснял, что не след так делать. У вас есть более важные дела. Аресту он не поддался и оказал сопротивление.

– Тогда, Георгий Романович, что вы стоите? Велите схватить бунтовщика! Помните приказ государя: не подчиняются – уничтожать! – и вслед прибавил. – Любой ценой!

Генерал поднялся в гору к залегшей цепи. Он хорошо видел, что долго лежать под огнем противника на открытой горе без всякого укрытия нет смысла, и прокричал:

– Слушай, передай!

Команда, подхваченная солдатами, улетела вдаль как эхо: «Слушай! Передай!..» И за ней пошла суровая команда:

– Пленных не брать!

Вслед генерал решительно крикнул:

– В атаку! Вперед!

Посмотрел, как пошли солдаты. Потом, не пригибаясь под выстрелами, вернулся во двор.

Прикрываясь плотным огнем, солдаты перебежками стали подниматься в гору, окружая отстреливающихся.

Лежавшие у, креста, видя безысходность положения, вскочили и побежали врассыпную вниз по круче.

Один из них, простреленный пулями, упал на половине горы и более не вставал.

Князь Эристов сказал князю Воронцову:

– Михаил Семенович, отлично наши показывают себя!

Другой добежал, вскочил в ребровский двор, и, растерявшись, успел прокричать: «Ваше высокопревосхо..!». Но тут же был опрокинут дюжим кучером, находившемся при лошадях наместника.

Вскочил. Ударили в шашки. В схватке он ранил кучера. Через мгновение был зарублен.

– Какая наглость! – переведя дыхание, сказал Эристов. Вытер шашку и, скривившись от вида крови, бросил платок.

Третий, последний, спустился до посадок позади усадьбы Реброва, и под прикрытием посадок добрался до проулка.

Укрываясь за оградой, добежал до ворот ресторации. И в поисках укрытия кинулся внутрь помещения.

Вездесущий буфетчик Илья Дмитриевич стоял в дверях, пытаясь понять, что происходит. Он узнал карачаевца и попытался остановить:

– Джамбулат, стой! Нельзя дальше. Будет беда. Опусти оружие! Сдавайся!

Джамбулат сказал:

– Дядя Илья, прошу, пропусти!

– Не пропущу! Сдавайся!

Догонявшие закричали:

– Он в ресторации! Держи его! Держи!

– Ты с ними! – воскликнул Джамбулат и ударил кинжалом.

Буфетчик схватился руками за голову и упал. Злодей перескочил убитого и вбежал в зал.

Закричали обедавшие курсовые. Карачаевец стремительно взобрался по лестнице на хоры и спрятался.

В зал вбегали гнавшиеся солдаты и казаки. Загрохотали выстрелы. Зал заполнился пороховым дымом. Курсовые спешно

выбегали через парадный вход.

Видя, что стрельба ничего не дает, взводный скомандовал:

– Прекратить стрельбу!

Оглядел всех.

– Нас семь. Счастливое число! Тянем жребий.

Живо взял с ломберного стола полдюжины карт. Показал всем: «Дам нет!».

Нашел даму. Вложил. Стасовал.

– Тяните! Давай, Васька! Ты у нас на дам самый хваткий.

И прибавил крепкое словцо. Васька взял.

– Не повезло! Не всё коту масленица!

Тянул следующий. Взводный сказал:

– Пахомыч, дамский угодник, ты угадал. Черед тебе лезть!

И обратился к остальным:

– Заряжайте, подъюбочники! Прикрываем его! Иван Пахомыч, давай, с богом! Возьми пистолет!

Солдат принял пистолет, перекрестился и стал осторожно подниматься по узкой крутой лестнице на антресоль, держа пистолет наготове.

Выстрел. Загрохотал залп. Солдат с шумом упал в зал. Кинулись – он был зарезан!

Тут прокричали со двора:

– Поберегись! Берём со двора!

Все бросились в дверь и, толкаясь, выскочили на двор. Убегая, взводный крикнул:

– Васька! Стереги!

Василий зарядил ружье.

Во дворе солдаты приставили к галерейке лестницу, оставленную работавшими малярами у цоколя стены. Унтер-офицер сказал:

– Ставь посередине! Отсюда гораздо лучше будет видно. Злодей-то в углу прячется.

Переставляя лестницу, солдаты спросили:

– Так, или подвинуть?

– Годится! Придержи!

Унтер взял ружьё и полез по лестнице наверх. Высмотрел в окно притаившегося беглеца и выстрелил. На крышу посыпались осколки стекла.

– Готов! – крикнул.

Все облегченно вздохнули.

Тут ударил выстрел в зале. Побежали туда. Застреленный карачаевец лежал рядом с зарезанным солдатом.

Взводный усмехнулся:

– Был мираж, стал марьяж[1]! Вот везет, так везет!

И похлопал рукой ружьё солдата. Василий стоял неподвижно, держал дымящееся ружье в руках и смотрел остановившимися глазами на убитых.

Запыленный и запыхавшийся полковник Жердев вернулся к дому Реброва и обратился к Воронцову:

– Ваше высокопревосходительство, разрешите доложить его превосходительству.

– Докладывайте, полковник.

– Операция успешно завершена. Потери: убито 7, из них 1 солдат, 1 штатский и 5 карачаевцев; ранено 4, из них 3 солдата и 1 карачаевец. Последний, раненый в грудь, считался в начале убитым, но ожил.

Итого: потери гарнизона убитыми много меньше, чем потери нападавших, двое против пятерых. Наши показали свое умение в бою в горных условиях на открытой местности против хорошо вооруженного противника.

Воронцов поманил Эристова и Жердева:

– Прошу ко мне! Разберемся, от чего случилось это дикое безобразие? Не хватает, чтобы слухи дошли до цесаревича!

Убитых вынесли из ресторации и положили наземь в тень. Пришел дворник Нефедыч и накрыл простынями покойников.

Тохтар сел подле мертвого сына. Вокруг шёл бурный разговор – он его не слышал. Снял с бритой головы мохнатую шапку и шептал молитву.

Кунак Петр горевал рядом. Можно сказать, это было семейное горе. Старый Нефедыч горевал над слободскими друзьями. Соседи Митрич и Пахомыч лежали рядом.

Старательного Митрича Петр недавно перевел из

---

[1] *ход дамой и королём в карточной игре, от mariage – свадьба (фр.)*

приказчиков в буфетчики, убедившись в его способностях.

Отчаянный смельчак Джамбулат рос на его глазах. Как они веселились на свадьбе и радовались счастью и любви молодых Ибрахима и Гочаях! Несчастная княжеская вдова Гочаях! Несчастный друг Тохтар! Бедные осиротевшие семьи!

Петру было беспредельно жаль погибших. При виде покойников и понуро сидящего страдающего Тохтара он чувствовал жуткую необратимость несчастья. Мысли путались.

Наконец, чтобы избавиться от растерянности и гнева, он тихо проговорил привычную молитву. Ум его прояснился. Он почувствовал, как ветер с гор обдувает мокрое от слез лицо. Листья тополя колебались и шелестели над его головой.

В углу двора воробьи громко чирикали и дрались на ветке за скворечник, покинутый скворцами, улетевшими к теплу. Божья коровка, поспешая, ползла по простыне в верхнюю точку над лбом покойника.

Подул порыв ветра и пошевелил край простыни. Божья коровка подняла надкрылья, расправила крылья и понесла семь черных меток смерти на кровавом фоне.

Пройдут годы. Главные участники трагедии проживут разнообразные жизни. И всю жизнь будут помнить тот ужасный день кисловодской перестрелки.

Основанная Воронцовым газета «Кавказ» почти сразу напечатала сообщение о несчастье без упоминания имен. Они были установлены историком Московского университета в год убийства Александра II.

И что наследник? Конечно, он ничего не знал. Приехал в сентябре с супругой. Человек, превосходно воспитанный, он всё осмотрел, всем восхитился, всех благодарил.

Вместе с будущими подданными молился за императорскую семью, за народ и за успехи русского оружия.

На ферме удивился необычному вкусу айрана из козьего молока. С удовольствием присутствовал на обеде, данном предводителем ставропольского дворянства Алексеем Федоровичем Ребровым для военачальников и цесаревича.

Впоследствии Ребров заказал у местного художника картину маслом, на которой было изображено, как наследник благодарит хозяина за труды и гостеприимство.

Картина была утрачена. Но местная художница и владелица частного музея восстановила её в прежнем примитивном стиле[1] по сохранившейся фотографии.

Были изображены следующие персоны: цесаревич Александр (третий справа впереди) поднимает бокал, вероятно, славного ребровского полу-шампанского; хозяин А.Ф. Ребров (четвертый слева сзади) стоит с бокалом в правой руке у желудка и с левой рукой, прижатой к сердцу; в углу сзади виднеется архитектор С.И. Уптон (слева второй).

Торжественный обед у статского советника А.Ф. Реброва
21 сентября 1850 г. (В. Байрос, копия 2014 г.)

Седой князь М.С. Воронцов сидит справа позади цесаревича. За ним сидит генерал П.Е. Коцебу, начальник штаба Кавказского корпуса. От него справа (в углу) сидит князь А.И. Барятинский, наместник Кавказа, победитель имама Шамиля. В дальнейшем князя Александра Ивановича именовали покорителем Кавказа.

---

[1] *Копия находится в музее «Дом А.С. Пушкина на Кавказе», г. Пятигорск.*

Каждый из присутствовавших на трапезе сделал много полезного на прекрасном Кавказе, этом бриллианте в короне Романовых. Яркий блеск приобретенной драгоценности придал седовласый князь Воронцов. Художник изобразил его, сидящим сразу за спиной цесаревича.

Следует полагать, что итальянские блюда на ужине в ресторации цесаревичу и супруге Воронцова понравились не менее, чем угощение у Реброва. Но от концерта, исполненного работниками, они не были в восторге. Провинциальные концерты похожи один на другой. Певцы выглядят на одно лицо, а пение даже не думает приближаться к мастеровитому. Слушать примитивное пение ужасно надоедает.

Проходили годы, и воспоминания о трагическом происшествии из-за калыма так и не исчезли, несмотря на множество важных событий. На какое-то время текущие заботы успокаивали Алексея Петровича. Душа его защищалась от горьких воспоминаний.

Мы знаем об этом событии детально благодаря частной газете «Кавказ», начавшей выходить в Тифлисе по инициативе Воронцова. Непосредственное участие ресторатора и гибель его людей упомянуты мельком.

ЧАСТЬ VI. Путь к совершенству

Последнее рождество

Люди вечно опасаются, что придут несчастливые времена. У Алексея Петровича Найтаки пока все шло неплохо. Но он не забыл внезапные происшествия, когда его спасло чудо.

Помнил беды в Кисловодске, появившиеся будто ниоткуда. Страшась, что потрясения повторятся, он, как мог, укреплял последний свой оплот – прочное состояние семьи. Внимательно поддерживал добрые отношения между всеми.

Ради этого согласился, чтобы немощный отец, сильно сдавший в последнее время, съездил на рождество Христово в Ставрополь. Отец давно хотел повидаться с сыном Егором, который отдалился, погруженный в каждодневные заботы о

делах и семействе. Алексей надеялся, что долгожданная встреча порадует старого отца и отвлечет его мысли от усилившихся болячек и навязчивых воспоминаний.

Петр замерз за время долгого переезда из Пятигорска в Ставрополь, и ему было приятно забыться на всенощной в тёплом Троицком соборе. Здесь все было знакомо до последней щели в деревянном полу и до мельчайшего завитка в резьбе огромного иконостаса, сверкающего серебром и золотом.

Вспомнились поездки в Москву с обозами. Привиделось, будто много лет назад он подходит к иконе Иверской божьей матери, молится и ставит «хозяйке Москвы» свечку ради удачи в торговле.

Добычливые ставропольские купцы всегда поклонялись чудесной иконе в деловых поездках. Они даже привезли в Ставрополь ценный список этой иконы из Афона. Все убедились, что великие иконы возвращаются к себе домой.

Всенощная служба закончилась. Пётр посмотрел последний раз на иконостас и поблагодарил Богородицу за все доброе в жизни. Раздал милостыню у паперти. Знакомые ставропольцы его окружили. Уважительно поздравляли и спрашивали, как живётся ему в Пятигорске. Он чувствовал удовольствие и благодарил, будто вернулся в родной дом.

Смотрел на старшего сына и думал с гордостью:

– Егор стал самостоятельным, по-настоящему вжился в местное купечество. Даже курит трубку будто важный делец. Но при мне стесняется. Алексей над ним подтрунивает.

Какой молодец Егор! Вошёл во вторую гильдию. Догоняет Алексея купца первой гильдии. Они с братом похожи не одной только внешностью. Наперебой завидуют друг другу. Не удивительно, что некоторые считают их близнецами! Как не гордиться такими сыновьями!

Какой отличный дом Егорушка построил на деньги жены вместо ветхого прежнего! Кирпичный, двухэтажный, с легкой летней верандой и глубоким подвалом. На первом этаже устроил лавку, как положено купцу

Супруга у сына достойная, богатая и домовитая. Родила пять девочек и мальчика предпоследним. Такова божья награда за

веру, надежду и любовь. Как уважительно они меня встречают! – подумал довольный Петр.

Его окружили и повели в дом. С трудом взойдя по лестнице на второй этаж и разглядывая обстановку дома, Пётр радовался счастью своего старшего сына. Любовался его многочисленной семьей. Обнимал посаженного на колени внучонка и не сомневался, что из маленького Петруши вырастет превосходный купец.

Бывший дом Егора Найтаки и Веры Ермаковой. Соединен с соседним домом, чтобы увеличить торговый зал (Ставрополь, ул. Карла Маркса, 92).

Петра одолевали приятные мысли:

– Какой славный малец! Весь в отца-молодца. Жаль, что мне не увидеть успехов его в будущем. Так же я не видел царя в прошлом. А сколько было хлопот в прежние времена! Внучонка ждали нетерпеливее, чем императора. – Пётр улыбнулся и погладил рукой чёрненькую головку смуглого малыша, разбиравшего деревянную игрушку.

Егор с жалостью слушал грустные речи отца о далеком прошлом, когда ему так и не представился случай удивить государя, приезжавшего в Пятигорск. Былое разочарование стало навязчивым до такой степени, что раздражало людей. Егор снова стал утешать дряхлого Петра Афанасьевича:

– Радуйтесь, папаша, что в то время вас не окружили охранявшие полицейские! Серые шинели такие строгие и внимательные, что не удивляются ничему. И нет у них чувства юмора. Хорошо, что вам не случилось испытать огорчение на вашем концерте во время несостоявшегося пикника!

Маленький внук Петруша ласково прижался к загрустившему деду.Из жалости решился сказать:

– Дедушка Пётр, я догадался, какие нехорошие слова говорил солдат, которого ты направил в пикет на горе, чтобы он охранял пикник! Он работал кучером на второй телеге и не хотел возить плохого дядьку Шпака. Правильно? Хочешь, я скажу тебе нехорошие слова на ушко?

Мария, старшая сестра, поспешно перебила брата, чтобы он не сболтнул неприличное, и сказала:

– Ребёнку понятно, что солдат было четверо: барабанщик, два кучера на телегах и майоров денщик. Петя молодец, четыре года исполнилось, а он всех сосчитал!

Молодёжь засмеялась, и кто-то прибавил:

– Петруша, посчитай до десяти!

Пятеро сестёр – Мария, Юлиана, Анна, Евгения, Антонина – загомонили, обращаясь наперебой к деду, который начал раздавать подарки.

Пётр давно убедился, что внучата не знают порядка. Их очень балует ставропольская бабка Ермакова!

Бабка, наконец, утихомирила детей, и они получили разрешение взять подарки, сложенные под елкой. Шум и радостный смех усилились, когда дети стали извлекать из свертков игрушки, сладости и другие соблазнительные вещи.

Хозяйка Вера Егоровна поправила плед на коленях свёкра, вздохнула сочувственно и подумала с досадой:

– Дед опять вспоминает, как готовился к встрече с императором. Надоел всем! Видать, не только ноги болят, когда пытается ходить, да ещё и с головой непорядок, едва пытается

думать. Из последних сил всё делает, а вида не подает, хотя путает прошлые и настоящие времена. Когда перед рождественской службой в соборе ему принесли стул для сидения, стал ни с того, ни с сего спрашивать, как прошёл молебен с императором. К чему вспоминать такую давность? Думаю, старику недолго осталось!

У старого Петра было отличное настроение. Когда семья разместилась за большим праздничным столом, он перекрестился и сердечно произнёс:

– Милые мои детки и внучатки, поздравляю с рождеством Иисуса Христа Спасителя нашего!

Дорогие мои! Желаю каждому счастья и здоровья! Пусть будет полон ваш дом и успешны дела!

Не вставая, сказал застольную молитву. И вдруг вспомнил, что скоро исполнится год, как царь Николай умер. Перекрестился, встал с трудом, поднял рюмку и сказал:

– Господи, прости мою забывчивость! Да покоится государь Николай Павлович с миром! Царствие ему небесное! Жаль, что мне не довелось устроить для него кавказский пикник! Здоровья императору Александру Николаевичу и его семейству! Долгого и счастливого правления нам на радость!

Сидевшие за столом даже не догадывались, что это была их последняя встреча с живым отцом. В Пятигорске он вскоре заболел. Кашлял, отекали ноги, никуда ни ходил, иногда лишь посиживал в палисаднике позади дома. Выбирался туда с трудом. Доктор сказал, что произошло расслабление организма вследствие многолетнего топтания в ресторациях и гостиницах.

В семьдесят шесть лет Пётр Афанасьевич Найтаки мирно скончался. Его похоронили на городском кладбище, что возвышается на пологом уступе Машука.

На сороковой день все Найтаки собрались в Пятигорске у Алексея, чтобы помянуть отца и решить дальнейшие дела.

В Пятигорске курсовой сезон закончился. Пришла зима. Горячая минеральная вода стекала без надобности по оледенелым склонам. Над её потоками к извечному серному пару прибавился дым, поднимавшийся из труб домашних печей. Неглубокий снег, чистый во дворах и на склонах Машука,

подтаивал на улицах и мешался с грязью.

Пришла ночь. Наступила тишина. Не стало слышно ни стука колёс, ни ударов подков, ни голосов полуночников, спешащих домой. Не лаяли даже брехливые собаки. Молчали боевые часы на церковной колокольне. На зиму часы остановили. Масляные фонари на бульваре почти не давали света. Таинственно выделялись темные окна на светлых стенах домов. Лишь одно окно в доме на окраине слабо светилось.

В тёплой столовой в красном углу под иконами и лампадой стоял на отдельном столике полный стакан полугарного вина, накрытый ломтем хлеба.

Рядом портретный дагерротип, наклеенный на картонку с медалями фотографа, показывал солидного господина в сюртуке и галстуке, с аккуратно расчёсанными седыми бакенбардами и редкими волосами на голове. Это был портрет покойного отца.

Прощание закончилось. Ушли гости, соседи, друзья и с ними батюшка Павел, отслуживший поминальный молебен.

Задержался доктор Иван Ефремович. С ним разговаривала Вера, обеспокоенная слабым здоровьем Петруши. Иван Ефремович велел не перегружать мальчика учением, а следить, чтобы он бывал на воздухе как можно больше.

Доктор справился у Егора о ревматических болях в ногах. Напомнил, чтобы принял курс серных ванн весной, как только откроется сезон. Потом отдельно поговорил о диете с Верой, страдавшей отеками. Наконец доктор попрощался и пожелал всем спокойной ночи. Хозяин проводил его.

Ночной разговор

Братья перешли в кабинет, освещенный новой свечой. Захватили стаканы, вино и тарелку с холодной закуской. Наконец, они могли без помех поговорить о жизни и дальнейших планах.

Егор сказал:

– Что твой Григорий? Вижу, радует тебя! Совсем большой стал. Недавно поздравляли с двадцатилетием и свадьбу справляли.

Алексей ответил:

– Спасибо за поздравление и подарки! Григорий – решительный молодец! По милости господа женился рано и, надеюсь, у него детки будут раньше, чем у нас с тобой.

Мы с тобой оба знаем, что аренду гостиниц удалось сохранить лишь благодаря стараниям Гриши.

Алексею было неловко хвастать сыном. Он подошел к секретеру, достал и протянул Егору тонкую пачку писем:

– Егор, вот письма от дяди Дмитрия из Ланчхуты и от родных из Таганрога.

Брат прочитал и сказал задумчиво:

– Ну что же, всё идёт, как должно идти. Они нам сочувствуют. Спасибо и на том! Дядя Дмитрий служит в Сухумской таможне уже в должности надзирателя разъездного поста со званием титулярного советника. Служба важная и место, кажется, хорошее. Поэтому к нам не смог выбраться. Однако приезжали таганрогские. Помянули отца.

Алексей нервно ходил из угла в угол. Пламя свечи колебалось. Черная тень металась по стене. Егор ощущал, как тяжело брат переживает смерть отца. Старался не смотреть на брата, плачущего и стыдящегося слёз.

Чтобы отвлечь мысли Алексея, Егор перевёл разговор на воспоминания об отцовских удачах:

– Помнишь, папа рассказывал о начале своих дел на Ставрополье? Больших денег он тогда не добился.

Нашёл выход. Стал заготавливать соль из соленого озера недалеко от Медвеженского хутора, и неплохо заработал.

Алексей немного оживился:

– Да, да, эту историю я хорошо помню! Папаша был очень находчивым и ловким в делах! Нам далеко до него.

Егор продолжил отвлекать брата от горьких дум, и поспешил сказать:

– В старости папаша стал болтливым. Когда приезжал на рождество ко мне в Ставрополь, опять вспоминал, как готовил пикник в Кисловодске для императора Николая. И снова огорчался, что не увидел царя. Ты заметил?

Алексей согласился:

– Да, в последнее время это было его навязчивым

воспоминанием. Из-за него он очень расстраивался. А когда расстраивался, тотчас рассказывал о прощании с Лермонтовым в 1841 году после дуэли. Читал грустный стих о листочке дубовом: «*Ты пылен и желт — и сынам моим свежим не пара. / Ты много видал — да к чему мне твои небылицы?*»

А потом вспоминал, как бледный поэт лежал в гробу среди полевых цветов. Доктора правильно говорили об этой дуэли. Она случилась вследствие сильного напряжения нервов во время войны и последующего расслабления на водах. Человеческий организм, как объясняли врачи, утрачивает ощущение опасности и не бережется.

Егор удивился научному толкованию Алексея. Наступила долгая пауза. Мысли Егора вернулись к покойному отцу.

Он решил продолжать:

– Я пытался развеселить его. Думал, что подействуют напоминания о победных сражениях на кавказских водах. Папаша рассказал, как в 43-ем году казаки храбро отразили набег трёх тысяч всадников на Пятигорск. Вспоминал также нападение на Ессентукскую станицу в 32-ом, когда погибли казаки и скот угнали. Мы тогда ещё жили в Ставрополе.

Алексей тяжело вздохнул и сказал:

– Ты знаешь, что память у отца была прекрасная! Помнил много песен и стихов. Знал церковный календарь наизусть. Но я заметил, что он избегал говорить о нападении на Кисловодск в 36-ом году. Сразу прекращал разговор. А ведь он был там! Закрывал ресторацию на зиму.

Алексей откликнулся:

– Верно! Я тоже обратил на это внимание. Мне кажется, тогда случилось нечто, о чём он не хотел говорить.

Егор задумчиво сказал:

– Ты знаешь, что он никогда не праздновал труса. Стычки с разбойниками в то время, можно сказать, входили в привычку. Значит, странное молчание относилось не к действиям отца, а к чему-то другому, таинственному. Что бы это могло значить?

Алексей согласился:

– Ты прав! Я расспрашивал людей, и они говорили, что черкесы отступили из-за того, что был убит предводитель. Однако никто не знал, как это случилось. Отец, наверное, знал и

скрывал правду. Думаю, это была не его тайна. За всю жизнь ни разу не проговорился! Теперь нам остаётся только догадываться, как всё произошло.

Они задумались оба. Наконец Егор сказал:

– Помнишь, как на следующий год отец купил в Туле у Пономарева лучшее ружье для своего карачаевского кунака Тохтара? Почему?

Алексею подарок показался естественным:

– Понимаешь, отец просто порадовал своего друга. Случалось, он бывал таким щедрым доброхотом, что его приходилось удерживать. Благотворителей, какие бывали в старину, теперь днём с огнём не сыщешь!

Егор возразил:

– Так-то оно так, но почему он дарил ружье в следующий год, а не раньше? Я думаю, они с кунаком знали и скрывали человека, застрелившего этого черкесского главаря. Видно, была основательная причина скрывать, чтобы не навредить кому-то. Слишком важное случилось убийство. За славой, как ты знаешь, никто из них не гнался. Наград от начальства они не ждали. Дружба и доверие были для них превыше всего.

Вот отец и наградил друга за общую победу. Теперь нам не узнать, кто был героем. Наверное, это правильно! Война-то продолжается, и лучше не знать, о чём молчали старики столько лет. Будем не знать и дальше. Ничего не поделаешь!

А всё-таки интересно, как всё было? Помнишь, отец любил повторять: «Кавказ –место на Земле, где по божьей воле встречаются христианский фатум и магометанский кисмет, – парочка, которая дружит без границ и ненавидит без предела!»

Он прав. Бог всё видит. Никому не избежать божьей кары! Пора каяться каждому и молить господа о прощении!

Алексей вздохнул, помолчал и задумчиво заключил:

– Суетный мир не прощает. В лучшем случае, он забывает. Отец советовал нам это понимать. Могу привести пример из отцовской и моей жизни, если позволишь.

– О-о! – протянул Егор удивленно – разве есть что, чего я не знаю? Я-то думал, что мы с тобой всегда говорим откровенно! Согласись, это помогает нам в жизни и в делах.

– Но у меня есть кое-что такое, о чем лучше не знать!

– Есть? Тогда не говори!

– Нет! Не могу! Это касалось переживаний отца, а также судьбы другого человека. Но прошло достаточно времени, и я думаю, что пришла пора тебе это знать. Но рассказывать чужим ты поостерегись! Поймешь сам, почему.

Это случилось, когда приезжал император Александр II, тогда ещё наследник. В Кисловодске перед приездом перестреляли много народа.

И Алексей рассказал брату историю убийства молодого бия из-за украденного калыма. В заключение сказал:

– Тохтар тогда очень горевал – сын его погиб. Убиты были другие родственники. В переживаниях Тохтар дошёл до того, что хотел открыть кровную месть. Но никто не знал, как мстить начальникам на войне? Он даже собирался идти к старикам выяснять точную степень родства и ответственности.

Папаша уговаривал кунака не делать этого и объяснял на примерах, что старики не безупречны и могут ошибиться. Но уговоры были напрасны. Отчаявшийся кунак решил, что это ему прислано свыше наказание за убитого главаря черкесов, напавших на Кисловодск. Папаша едва убедил его, что он невиновен, ведь адат разрешает убивать врагов на войне.

Алексей вздохнул. Потом улыбнулся смущенно и сказал:

– На меня сейчас что-то нашло. И хорошо, что я мог рассказать тебе, как было дело! Надеюсь, что мне станет легче. А в тот страшный день я чрезмерно возмутился. До сих пор трясёт, когда вспоминаю эту историю! Ужасно, что никто из виновников смертного злодейства не изъявил никакого желания покаяться!

История произвела впечатление на Егора, ведь убиты были и ранены солдаты гарнизона и местные жители, знакомые ему. Причина была самая глупая, всем давно известная, даже новичкам на Кавказе, – неуважение и незнание местных обычаев не только неуместно, но и опасно. Разве можно требовать у джигита отдать оружие, да ещё публично. Как можно было заставлять делать такое? Ведь даже снять папаху с головы горца считается смертельным оскорблением!

Егор досадливо поморщился и высказал своё мнение:

– Да, что ты извиняешься, Алексей? Рассказал, ну и ладно. И хорошо. Темная история! Похожа на интригу против того бия.

Наверное, его специально поставили в положение виноватого перед генералом.

Оба примолкли. Чтобы успокоить Алексея, Егор перевел разговор на другую тему:

– А чем закончилась история с шеф-поваром певцом?

– В конце концов ему потребовалось выступить вместе с работниками перед цесаревичем Александром. Он долго готовился. Репетировал итальянские песни и арии из опер. Прекрасно пел на репетиции перед нами и даже перед Елизаветой Ксаверьевной Воронцовой.

Но на концерте перед наследником не смог. Опять перехватило голос. Мы все расстроились и жалели его. А он не уронил ни слезинки, собрался и уехал в Москву. Отец не мог уговорить его остаться.

Зато выяснилось удивительное – на Кавказе он бросил пить горькую! Оказывается, что он собирал мелодии местных песен и танцев и мечтал сочинить оперу-буфф на кавказскую тему. Кавказские сюжеты увлекли его необычайно. Не удивлюсь, если со временем появится новый композитор. Сочинит, если не оперу, то водевиль обязательно. Глядишь, и в антрепризе поставит! Что с ним стало дальше, я не слышал.

Разговор перешёл от прошлого к настоящему. Братья стали обсуждать, что предпринять в сложившейся ситуации для улучшения насущных дел.

Егор как старший принял на себя роль советчика, каким был прежде отец! Посоветовал Алёше подумать об открытии собственных заведений в Пятигорске и Кисловодске. В будущем они пригодятся сыну Григорию. Следует написать прошение ставропольскому губернатору генерал-майору Волоцкому. В прошении объяснить надобность в современных гостиницах. И сослаться на действующее разрешение для купцов первой гильдии создавать предприятия.

Очевидно, что после тяжелой войны в Крыму денег в государственной казне будет не хватать. Если денежную помощь не искать, то от Алексея, как человека известного, прошение примут и решение скорее всего будет положительным.

Егор обещал помочь деньгами. Но просил понять, что много не сможет дать, поскольку собирает приданое для дочерей. Что

думает Алексей насчёт стороннего займа?

Чувствуя неловкость за свой отказ, Егор сменил тему:

– Говорят, что тебя выдвигают на выборы в городскую думу?

– Верно! – ответил Алексей, – но пока это одни разговоры. Тем не менее, признаюсь, шансы у меня есть.

– Брат, будь готов! – оживился Егор – и не думай отказываться! Почет, знаешь ли, помогает в делах.

В связи с этим напоминаю тебе снова, что пришла пора подать прошение о почетном гражданстве. Главное – ты более десяти лет состоял купцом первой гильдии, а теперь ты во второй. Кроме того, поведение у тебя беспорочное, награжден медалью и, наверное, будешь избран гласным в думу города.

Давай, пиши прошение в Герольдию! В Ставрополе я схожу в канцелярию губернатора, чтобы помогли составить необходимое ходатайство в Первый департамент Правительствующего Сената, а ты тем временем приготовь и пришли мне копии гильдейской и других грамот.

Егор собирался советовать дальше, но брат опередил его:

– Копии у меня давно готовы.

Алексей достал из стола необходимые бумаги. Показал черновик прошения.

– Очень хорошо! – похвалил Егор, – Пошлины и другие расходы при выдаче грамоты составляют по закону около тысячи трехсот рублей. Сколько потребуется платить на самом деле, я не знаю. Заплачу, сколько потребуется. Сочтемся после.

Алексей достал деньги и передал брату:

– Спасибо, брат! Сделаем всё, как ты сказал. В этих делах ты разбираешься. Папа тебе всегда доверял, и, как прежде, будем надеяться, что все получится.

Заканчивая разговор, Егор задумчиво произнес:

– Вот и стал окончательно родным для нас Кавказ. В его земле лежит наш отец.

Перекрестился и сказал:

– Небесного блаженства тебе, дорогой папочка! Благодарность и вечная память!

Братья перекрестились. Пошептали молитвы, обращённые к божьей матери. Легли спать глубокой ночью.

Утром Егору надо было возвращаться в Ставрополь. Там за

детьми присматривали старшие дочери и бабка. Его жена Вера Егоровна волновалась, всё ли у них в порядке. Сам Егор беспокоился о гостинице, хотя зимой клиентов было мало.

Благословение вод

Закончилась Крымская война, и жизнь вернулась в привычное русло. Зимой состоялись сословные собрания правомочных жителей Пятигорска, плативших налоги. Они приговорили избрать в городскую думу новых гласных, в том числе купца первой гильдии Алексея Петровича Найтаки.

Ему, удачливому распорядителю гостиниц и ресторацій, перевозчику на омнибусах и заметному члену купеческого сословия доверили общественные обязанности. По дополненному городовому положению Екатерины Второй шесть гласных ведали городскими подрядами, распоряжались хозяйственной деятельностью горожан, контролировали с базарными старостами, подчиненными думе, городскую розничную торговлю, а также порядок на базаре.

В январе 1858 года новые гласные назначили своего коллегу Алексея Петровича главой города и городской думы. На следующие три года ему передали гербовую печать и определили годовое жалование 1500 рублей. В том же январе случилось другое важное событие в Петербурге. Там в Казанском соборе был рукоположен в епископы преосвященный Игнатий (Дмитрий Александрович Брянчаниов). Его назначили на Кавказскую и Черноморскую епархию.

Будто предвидение будущих нововведений в Пятигорске салютовали подземные удары, похожие на удаленные выстрелы пушки. Строители прокладывали тоннель сквозь гору Машук к Провальному озеру. Щедрый московский купец П.А. Лазарик, пожелав остаться неизвестным, пожертвовал на строительство двадцать тысяч рублей.

В памятное утро 2 июня 1858 года в зале пятигорской ресторации сидели именитые горожане. Они ожидали приезда нового епископа. Городничий Мовес уже уехал на Георгиевскую дорогу встречать владыку. Присутствующие беседовали, не

обращая внимание на глухие звуки взрывов.

Приятный дух свежеиспеченного хлеба заполнял пространство обширного зала. На столе сверкало начищенное серебряное блюдо с краюхой хлеба и солонкой. Перед блюдом сидел готовый для встречи голова Пятигорска Алексей Петрович Найтаки с золотой шейной медалью «За полезное» на алой Аннинской ленте.

Провальное озеро в Пятигорске.

Против него расположился украшенный многочисленными наградами новый управляющий Кавказскими Водами барон Армин Карлович Унгерн-Штернберг казачий генерал-майор.

Неизвестные намерения епископа его беспокоили:

– Владыке ничто человеческое не чуждо! Ему, конечно, свойственно любопытство. Но его любопытство не порок, а дельное свойство. Скоро мы почувствуем, как оно влияет на дела в наших палестинах. Ведь он старший брат нашего вице-губернатора Петра Александровича.

Алексей Петрович поддержал с готовностью:

– Действительно, говорят, что Владыко необыкновенно активный и любознательный человек. Его добродетельные свойства, несомненно, приносят пользу. Тем более, что по слухам к этим свойствам расположен император, который его поддерживает во всем.

Армин Карлович высказал осторожную уверенность с некоторым сомнением:

– Это не слухи, а, думаю, правда. Но скажите мне, в чем польза того, что владыка пожелал увидеть недостроенный тоннель к пятигорскому провалу?

Глухо прозвучал очередной подземный взрыв. Армин Карлович пояснил, показывая глубокое знание дела:

– Конечно, можно предположить, что ему любопытно узнать состав горных пород, вскрытых тоннелем. Знаете ли, епископ – военный инженер. Он окончил Главное военное инженерное училище. Очень кстати, что у нас нашли много интересного для него. Кроме известняка, окаменевшего ила и желтой глины обнаружили пласты кремнистого сланца и мрамора, черного и синего с прожилками, что необычно.

Тяжело идут и сами работы. Взрывы пороха с трудом справляются с плотными породами. После взрывов воздух насыщается пороховыми газами, пылью и обильными испарениями серы, растворенной в воде. Эти испарения сильно затрудняют дыхание. Рабочие отказываются работать и покидают тоннель. Приходится уговаривать их вернуться.

Досадливо вздохнув, барон заключил:

– Дело продвигается медленно. Владыке придется отложить осмотр тоннеля месяца на два.

Алексей Петрович тотчас откликнулся:

– Эта задержка может обернуться неожиданной пользой. Гласные городской думы убеждены, что владыка пожелает освятить новое строение. Мы успеем приготовиться к этому торжеству заранее.

Поспешил сказать:

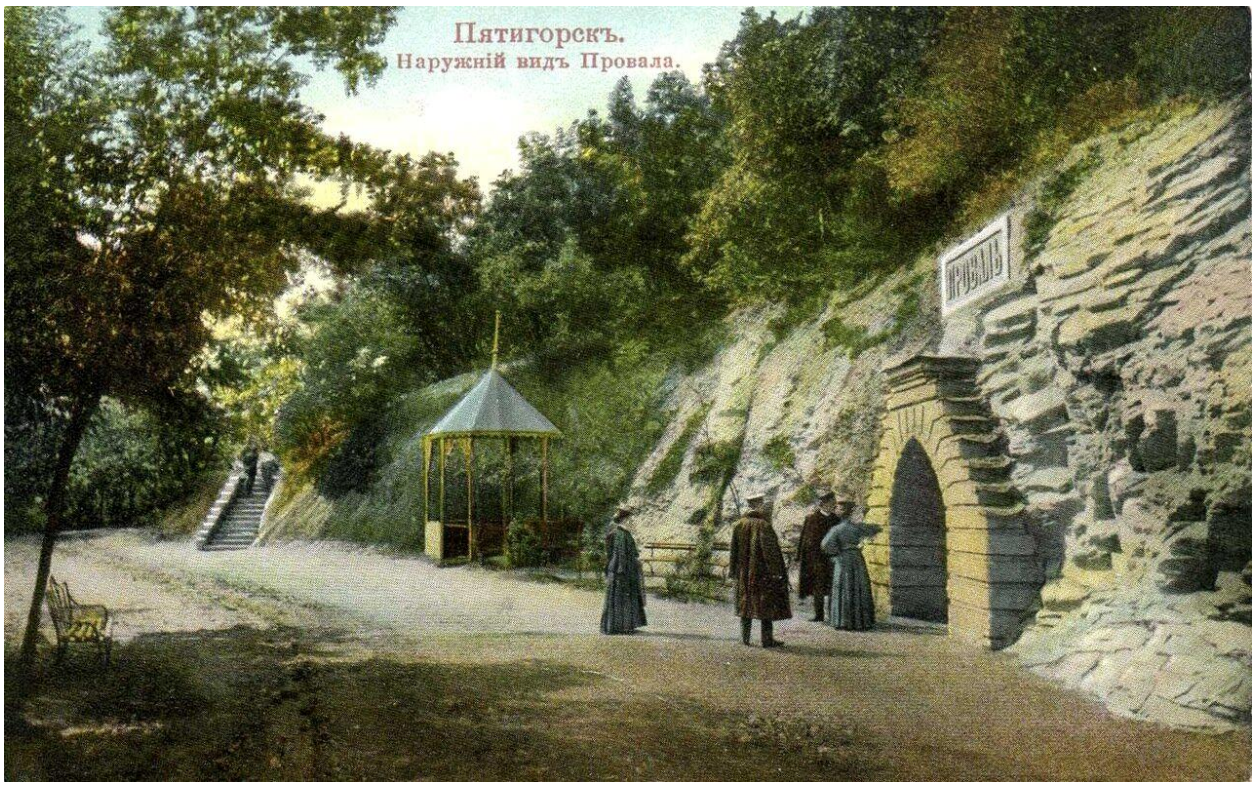
-- Просим вас, Армин Карлович, пока есть время, сделать владыке встречное предложение.

Армин Карлович заинтересовался:

– Какое предложение?

Алексей Петрович уверенно пояснил:

– Ради сохранения от бесовских воздействий, а также от несчастных случаев и стихийных бедствий городская дума единогласно решила просить у епископа разрешения установить на Провале список иконы Пресвятой Богородицы всех скорбящих радость, покровительницы города. И, конечно, освятить список иконы на месте. Дума готова принять на себя расходы по этим работам.

Вход в тоннель к Провалу (открытка Раева Г.И.)

Присутствующие горожане, внимательно слушавшие беседу начальников, наперебой одобрили предложение думы.

-- Превосходно! – заключил управляющий – Икону уже заказал в Москве на свои деньги губернский секретарь Петр Лазарик. Он пожелал установить её на входе в тоннель.

Городской голова Найтаки сказал:

– Нет сомнений, сделать это надобно, но лучше установить не снаружи, а внутри возле озера минеральной воды.

– Хорошо, – поддержал управляющий, – для целебной воды это важно. Обязательно предложу владыке. Если он согласится,

тогда Дирекция вод построит над провальным озером крепкий помост, чтобы можно было подойти к иконе при освящении.

В зал вбежал слуга и прокричал, что подъехала карета.

Алексей Петрович взял двумя руками поднос с хлебом-солью и поспешил, опережая всех, навстречу епископу.

После торжественной встречи владыка, не откладывая, посетил лечебные заведения. В субботу 7 июня в городской церкви он читал народу проповедь «Условие усвоения Христу». Начиналась проповедь словами «Не требуют здравые врача, но болящие…» и закончилась словами «Добрые дела ваши да будут единственно осуществлениями всесвятой воли Божией, а не вашей воли растленной! Да будут они уплатою долга вашего Богу…»[1]. В беседе с начальствующими лицами города архиерей предложил пристроить правый придел в честь Святого Александра Невского и возвести барабан и купол храма. Для того, чтобы ускорить строительство, посоветовал собрать пожертвования жителей.

Его пожелание исполнили в течение той же осени и зимы. Голова Пятигорска Найтаки энергично собирал деньги на кавказских водах. Здесь ему были знакомы все и это облегчало дело. Алексея радовало, что его любимая церковь будет украшена двумя приделами: левый был построен его отцом, а правый помогает строить он сам.

15 июля на Машуке прогремел последний взрыв. Он открыл проход к провальному озеру. Установили икону и даже сделали вход с запором. Зачистку стен закончили быстро и тоннель приготовили к осмотру.

Интерес владыки к устройству тоннеля проявил себя самым неожиданным образом. Никто в старину не догадывался, что ревнитель чистоты веры Владыка Игнатий (Брянчанинов) будет причислен в 1988 году к лику святых Поместным собором обновленной русской православной церкви накануне всемирного празднования 1000-летия крещения Руси.

Субботним утром 23 августа в Скорбященской церкви при огромном стечении простого народа собрались представители гражданской и военной власти с чадами и домочадцами,

---

[1] *Брянчанинов, 2011-2019, том 4, глава 30*

знатные горожане и важные посетители Вод.

По окончании Божественной литургии начался крестный ход, возглавляемый архиереем, священнослужителями и именитыми людьми в праздничных одеждах. Городской голова Алексей Петрович Найтаки шел впереди горожан. Все остановились на площадке перед Провалом.

Атлетического телосложения владыка, окруженный почтительной толпой, исполнил каждение чаши с водой. Диакон густым голосом произнес: «Благослови, Владыко!».

Послышался голос епископа: «Благословен Бог наш всегда, ныне и присно, и во веки веков.» В ответ было сказано: «Аминь! Слава тебе, Боже наш, слава тебе!» Алексей перекрестился и стал мысленно вторить словам молитвы. Говорил: «Аминь!», «Слава тебе!», «Ибо твое есть царство!» и опять крестился.

Он не раз молился на Великом крещенском водосвятии в храме. Сейчас впервые наблюдал, как епископ и диакон вели водосвятный молебен вне храма.

Прохладный ветерок с запахом ладана обдувал молящихся. Солнце ласково согревало. Вдыхая священный фимиам, Алексей ощутил благоговение и отдался молитве.

Он наблюдал троекратное погружение креста в воду. Вместе со всеми получил от епископа окропление святой водой. Вряд ли понимал, что эта встреча предшествовала чему-то загадочному. Не исключено, конечно, мог чувствовать, что встретился с необычным человеком.

А между тем, владыка, видный собой, но болезненный и плохо понимаемый современниками, устремлялся к духовной жизни и к познанию заветов отцов церкви. Настойчиво укреплял православие. Поддерживал паству, как в миру, так и особенно в монастырях. Оставил богатое богословское наследие, очень скоро высоко оцененное.

Молебен завершился. Епископ и диакон с чашей святой воды скрылись в тоннеле, чтобы освятить стены и воды подземного озера.

Алексей Петрович поспешил вернуться в ресторацию. Там у него готовился торжественный обед для руководителей праздника. Ресторатор торопился, несмотря на то, что дело не требовало от него сиюминутного участия.

Под уклон ноги несли его сами. На окраине Пятигорска он быстро прошел по хорошо утоптанной известной тропе от Провала мимо Бесстыжих ванн, затем грота Лермонтова, беседки Эолова арфа и Елизаветинской галереи.

В конце тропы был его дом. Второпях он не заметил, как пробежал дом и оставил позади городской бульвар. Это было беспокойство мастера, достигшего в своем деле высоких результатов.

Он никогда прежде не испытывал ничего подобного. Впечатление было такое, будто он делает последний торжественный обед в жизни.

Мимолетное предчувствие его не обмануло. Через три месяца он узнает, какие непреодолимые силы начали действовать в Пятигорске.

Тропа от Провала к дому Найтаки.
Справа Елизаветинская галерея, вверху беседка Эолова арфа, в склоне грот Лермонтова.

Однако в тот день вышло, что беспокойство было ни к чему. Как признал владыка Игнатий, ресторатор достиг вершины мастерства. трапеза была превосходной. Соответствовала мясоедению, наступившему после долгого петровского поста.

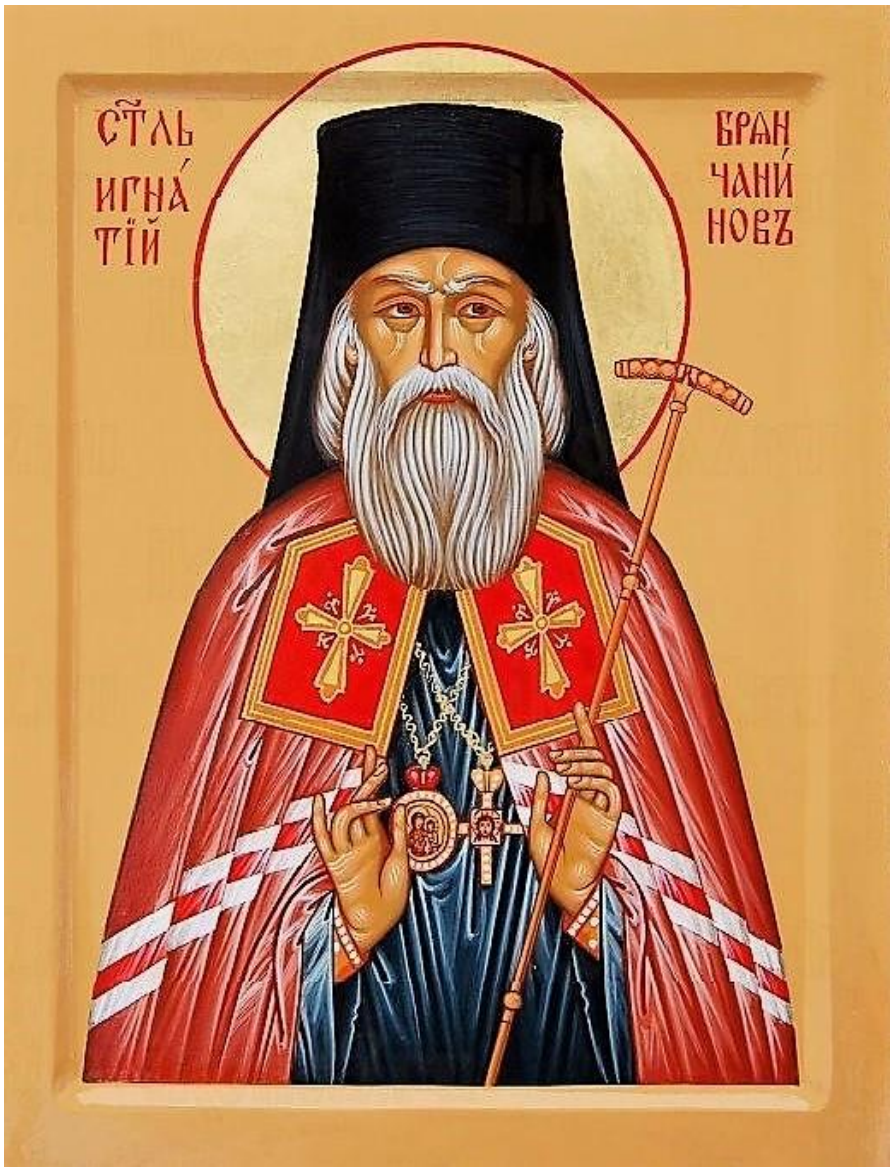
После трапезы Алексей Петрович расслабился: владыка отдыхал, да и Петр окончательно упокоился. Где им было предполагать, что через полтора столетия освящение целебных вод станет местной традицией?

Современный архиепископ Феофилакт, настоятель Бештаугорского монастыря, восстановил церемонию, хотя деревянной прежней Скорбященской церкви в Пятигорске давно пришел конец. Поэтому крестный ход начинается у старейшей Лазаревской церкви возле некрополя, где лежат Найтаки. Шествие возглавляет епископ и украшенный образ Игнатия с частицей мощей в окружении церковного клира.

Божественное чудо

За сто лет до полета Гагарина -- современного Икара -- у Алексея Найтаки истек трехлетний срок полномочий городского головы. Казалось, что его ждет обычная жизнь.

Но 5 марта после обедни в церкви прочитали Манифест об отмене крепостного права. Начались Великие реформы императора Александра Второго. Жизнь Найтаки едва не переменилась к худшему.

Икона православного святого Игнатия (Брянчанинова)

Но произошло чудесное спасение. Оно случилось точно

таким образом, как писал Святитель Игнатий:

«*Во время напастей не ищи помощи человеческой; не трать драгоценного времени, не истощай сил души твоей на искание этой бессильной помощи. Ожидай помощи от Бога: по Его мановению, в свое время, придут люди и помогут тебе.*» [1]

Зададим наивный вопрос. Как мог предвидеть Святитель, что произойдет с Найтаки? Ведь он записал своё откровение много позже события.

Ответ содержится в самой цитате. Будучи богословом, он знал, как происходят божественные чудеса. Их делают люди по тайной воле, ниспосланной в помощь тому, кто молит от души.

Святитель не раз говорил своему родному брату и сподвижнику, *«что он ни о каком духовном делании не говорил, а тем более не писал, не проверив своим обственным опытом того учения или делания и его последствий...»*[2]

Важно было то, что Алексей Найтаки даже не догадывался, что ему было ниспослано чудо. Как сказал апостол Павел, пути Господни неисповедимы. Ход событий казался естественным, и произошедшее выглядело как неожиданный счастливый случай.

Напасти на Кавказских водах начались осенью. В Пятигорске, как обычно, занимались заготовками на зиму. Бочки и кадушки заполняли квашеной капустой и солеными огурцами. Был ненастный день, когда к Марии Найтаки пришла соседка Мария Николаевна жена доктора Дроздова и попросила одолжить душистого перца. Рассуждая о капусте, мимоходом упомянула неприятную новость:

– Наместник присылает комиссию, чтобы проверить медицинские заведения. Главный в комиссии – сам ставропольский губернатор. Говорят, что он намерен без пощады наказывать всех. Что тебе об этом известно?

Когда Алексей Петрович пришел с работы, обеспокоенная жена передала ему сказанное соседкой. Он успокоил её:

---

[1] *Брянчанинов, 2011-2019, том 1, глава 56*

[2] *Жизнеописание свт.Игнатия (Брянчанинова), гл. 15*

– Наместник недоволен малым числом приезжающих на воды и большими расходами дирекции кавказских вод. Меня это не касается. Свои дела я веду самостоятельно.

Однако через несколько дней Алексей Петрович встревожился, когда узнал, что комиссия проверяет всё подряд, и даже осмотрела лес на горе Машук. Разбиралась, много ли было порублено. Стало известно, что между губернатором и директором был разговор за закрытыми дверями.

– Надобно узнать, что происходит, – решил Алексей Петрович. Он выбрал из своей коллекции дагестанский кинжал, покрытый прекрасной кубачинской гравировкой, и отправился к директору Армину Карловичу Унгерн-Штернбергу.

Генералу подарок, похоже, понравился. Пригласил присесть. На вопрос, когда ждать губернскую комиссию, ответил:

– Спасибо за подарок на прощание! А я, было, подумал, что ты уже все знаешь, как всегда. Но это не важно, скоро об этом будут говорить.

Покачал головой и сообщил новость:

– Алексей Петрович, скажу тебе первому, по какой причине прислали комиссию. Наверху думают передать хозяйство Кавказских минеральных вод в руки частных предпринимателей. Считают, что частные предприниматели работают лучше честных чиновников. Утверждают, что сам государь благосклонно поддержал это мнение.

Возбудившийся директор махнул рукой и сказал:

– Радуйся! Тебя назвали примером такого предпринимателя. Оказывается, ты начал вести дела с дирекцией ровно четверть века назад. Поздравляю с юбилеем!

– Спасибо, – успел сказать Алексей Петрович. А директор продолжал с горечью:

– Работал превосходно – цен не увеличивал и налоги платил исправно. Молодец! Мной, наоборот, недовольны. Собираюсь в отставку. Обидно, но что есть, то есть. Прощай и не поминай лихом!

Алексей Петрович уходил из дирекции с двойственным чувством. Его радовала похвала высокого начальства, но усилилась тревога. Он был уверен, что после отставки Армина Карловича наступит что-то непонятное и вряд ли лучшее.

Действительно, 1 декабря 1861 года пришла беда. Получив Высочайшее одобрение, наместник генерал-фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский упразднил казенное управление на Кавказских Минеральных водах. По контракту на 8 лет передал контрагенту все дела, финансы, земли и казенные заведения. Контрагентом стал действительный статский советник Николай Александрович Новосельский, директор-распорядитель Русского общества пароходства и торговли, а также общества «Кавказ и Меркурий».

Для Алексея Петровича Найтаки это была катастрофа. Рухнул договор с дирекцией вод, по которому он работал. В один миг исчезло всё, чем он жил, чему отдавал свою душу, все силы своего разума. Жизнь потеряла смысл.

С горечью Алексей Петрович сдавал дела новому управляющему незнакомому кондитеру и ресторатору Каруте, итальянскому подданному из Одессы. Так распорядился Новосельский.

Безделье угнетало Алексея Петровича, привыкшего всё время трудиться. Он перестал выходить из дома. Отдалился от своих знакомцев. В рождественский пост усердно говел: постился, читал Евангелия и ходил в церковь. Исповедовался и причастился. На всенощную его душа наполнилась глубоким смирением.

В любимую церквь народу пришло много. Он хотел быть незаметным. Ни с кем не заговаривал. Его не покидала уверенность, что все вокруг знали, как он унижен и оскорблен. Угнетенный этим ощущением, он молился и ставил свечи. Отходя от храмовой иконы и уступая место следующему прихожанину, думал:

– Неужели прежние друзья оставили меня?

Но тут же убедился, что сомневался напрасно. Его привычное место вблизи амвона никто не занял. Он вздохнул, перекрестился и поклонился образу Иисуса Христа. Мысли Алексея обратились к богу:

– Господи Боже, прости мои прегрешения и прими искреннее покаяние! Благодарю за наказание, ниспосланное мне, ничтожному, за гордыню! Слишком я вознесся в самомнении. Нескромно вел себя. Воображал, что лучше других

в этом городе, – тут он вспомнил со стыдом, как обрадовался похвале генерала. – Накажи меня, господи! Склоняюсь перед волей твоей. Прости меня, Боже! От всего сердца хочу исправиться. Господи, помилуй меня!

Величественная рождественская служба нравственно обновила его душу, и отчаяние исчезло. Святки прошли тихо, с небольшой радостью. Он узнал, что Тарута не уволил никого из прежних работников. Почудилось, что помогла всевышняя сила. На Крещение он снова молился в церкви.

На второй день после Крещения в тихий дом Найтаки пришла с подарком и поздравлениями давняя знакомая купеческая вдова Челахова, известная и уважаемая горожанка. Её приветливо встретила Мария Найтаки.

Увидев Алексея, бледного и задумчивого, Челахова оставила хозяйку дома и приблизилась к хозяину. Как можно осторожнее проговорила:

– Алёша, послушай, что я тебе скажу.

Алексей поднял голову. Казалось, очнулся и внезапно увидел Челахову. Поспешно сообразил, что она пришла после армянского рождества, и сказал ласково:

– *Барев дзес,*[1] Гаянэ! Поздравляю с Рождеством Христовым! *Сртанц шнораворум энк дзез Сурб ценунд*![2]

Вспомнил, что дочь Гаянэ недавно родила наследника:

– Как самочувствие Лизы? Как здоровье милого внука Эммануила? *Ерджанкутюн эм цанканум*![3]

Челахова прервала его:

– Спасибо! Милостью божией всё хорошо. Погоди, Алёша! Выслушай меня внимательно. Хочу сказать тебе кое-что очень важное.

– Что хочешь? Что у тебя случилось? – Алексей ясно видел, что Гаянэ очень волнуется и действительно собирается сказать что-то необычное:

– Говори, дорогая, я тебя внимательно слушаю.

Гостья начала свою речь издалека:

---

[1] *Здравствуйте! (арм.)*

[2] *Сердечно поздравляю вас с Рождеством Христовым (арм.)*

[3] *Желаю счастья! (арм.)*

– Извини меня! Стану говорить о мирских делах. Хочу украсить светлый день дружеской радостью. Пожалуйста, послушай меня! Тебе, верному другу нашей семьи, я должна открыть кое-что важное.

Ты знаешь, что мой Никита Артемьевич построил рядом с магазином новый дом на западном углу участка. Мечтал непременно сделать там гостиницу. Не простую, а по сравнению с казенной самую лучшую в городе!

Было заметно, что Алексея заинтересовали откровенные слова о гостинице. Челахова сделала паузу и решилась перейти к главному вопросу, ради которого пришла:

– Зять Богдан (или по-армянски Багдасар) освоился с магазином. Боюсь, однако, что ему одному трудно тянуть ещё и гостиницу. Да что я говорю? Как человек, опытный в гостиничном деле, ты, наверное, заметил это сам. Обращаюсь к тебе с просьбой. Помоги нам!

Как ты посмотришь, если я предложу тебе взять эту гостиницу в аренду? На тех же условиях, которые ты когда-то имел от Строительной комиссии на водах. Сделай, пожалуйста, нашу гостиницу не хуже казенной! Уверен, что у нас с тобой получится даже лучше. Порадуй память своего друга Никиты!

Чтобы заинтересовать Алексея как можно сильнее, она решительно прибавила:

– Переманим клиентов от Таруты и его несносной жены Матильды! Ведь неспроста наша гостиница стоит прямо против них. Как ты на это смотришь? Подумай! – Челахова хитро улыбнулась. Она учитывала, что Алексей был унижен на прежней работе и будет не прочь поквитаться. – Я слышала, что ты сейчас свободен, и очень рассчитываю на твоё содействие. На столько времени, на сколько сможешь.

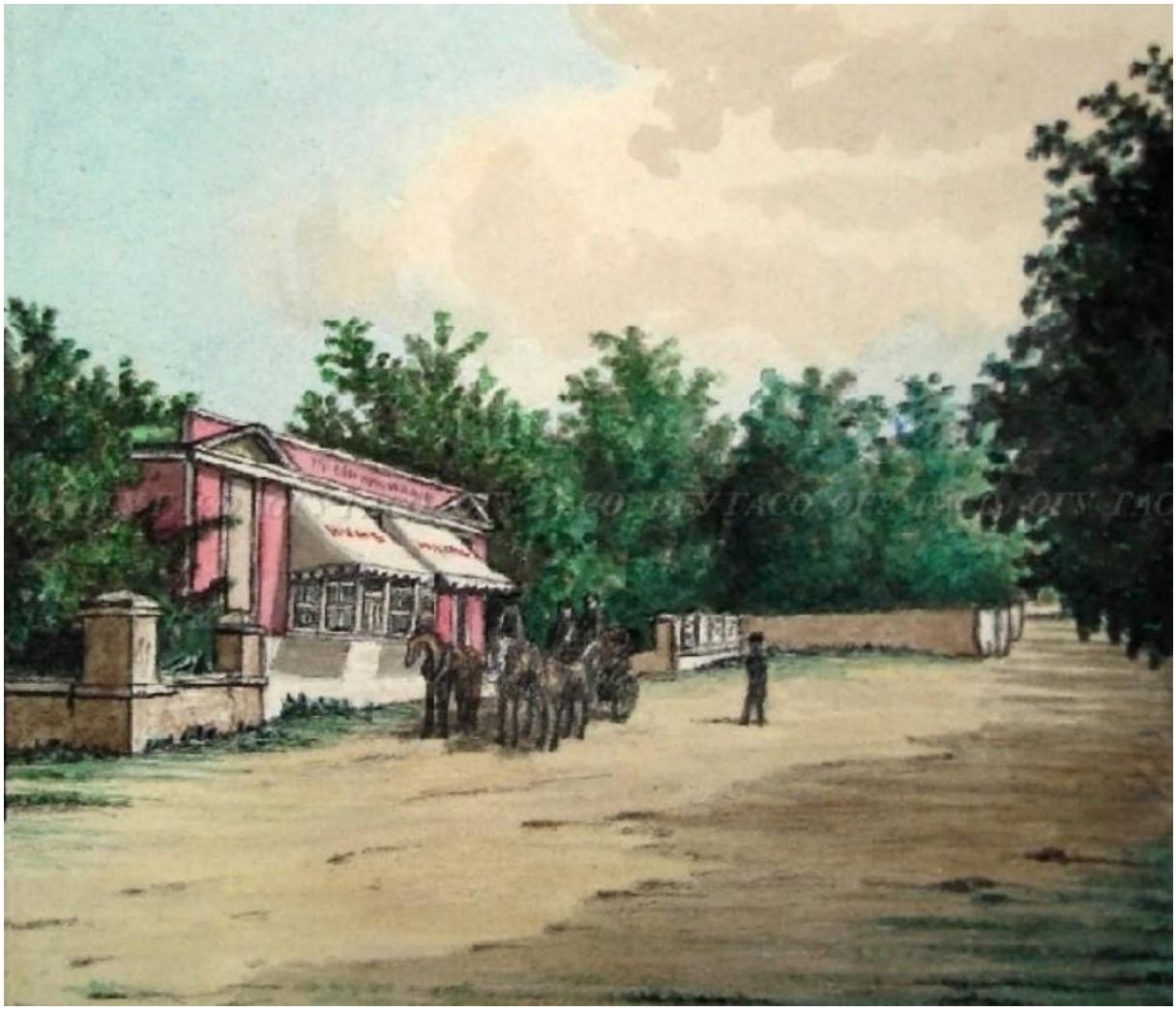
Гаянэ закончила свою речь и протянула Алексею правую руку с раскрытой ладонью. Алексей внимательно посмотрел ей в глаза, и осторожно «ударил по рукам». Оба попытались скрыть довольные улыбки на серьёзных лицах. У Алексея на глазах выступили слёзы. Совершилось чудо. По мановению Господа семья Найтаки получила помощь в своё время.

Сияющая Мария Найтаки поспешила накрыть праздничный стол. Гаянэ помогала хозяйке и рассказывала о маленьком внуке

Мануильчике. В конце застолья довольный Алексей Петрович взял гитару. Среди песен, которые они пели, был новый романс, посвященный рождественской звезде: «*Гори, гори, моя звезда, / звезда любви приветная! / Ты у меня одна заветная, / другой не будет никогда!*»

Закончили с особенным чувством благоговения: «*Твоих лучей небесной силою / вся жизнь моя озарена. / Умру ли я, ты над могилою / гори, сияй, моя звезда!*» Все были растроганы. Ближе к вечеру муж и жена Найтаки проводили дорогую гостью.

На следующий день Алексей поставил большую свечу к иконе богородицы «Всех скорбящих радость», а после подписания договора аренды заказал благодарственный молебен ко Господу. Спасение Алексея Петровича Найтаки, моего прадеда, на этом не остановилось.

Гостиница Найтаки в доме Закорковой (Минх А.Н., 1881 г.)

Горожане высоко оценили его многолетние заботы о Пятигорске, и не дали пришельцам в обиду своего голову.

В 1865 году Алексей расширил гостиницу ещё на один дом, расположенный по другую сторону Бульвара восточнее церкви. Аренду ему предоставила местная жительница Закоркова. В доме были оборудованы 14 номеров. Снова, как и прежде, Найтаки занимались на Водах гостиницами в двух домах. Только теперь эти дома располагались поблизости. Это удобство заметно повлияло на дальнейшие решения семьи.

Слава Алексея Петровича возросла необыкновенно. Вскоре его гостиницу люди стали называть, как привыкли, «казенной». Полагаю, что порядок в ней был тоже почти прежний. В частности, было организовано трехразовое питание *prix fixe,* и, как прежде, его легко было получать в долг.

Тем временем исторические события шли своим чередом. Через год князь Барятинский оставил должность наместника. Его место занял Великий князь Михаил Николаевич Романов брат императора. Через полтора года он закончил Кавказскую войну молебном и парадом войск на поляне Кбаадэ (Красной поляне. как её называют теперь).

Не быстро, но после окончания войны по представлению Сената император Александр II пожаловал купцам второй гильдии пятигорским Найтаки звание потомственных почетных граждан Российской империи.

Случай был не рядовой, ведь потомственное гражданство с его важными привилегиями полагалось давать только купцам первой гильдии. Судя по всему, заслуги Найтаки были признаны исключительными. Кроме успехов в гостиничном деле была отмечена щедрая благотворительность Найтаки ради общественной пользы.

Осенью 1864 года грамоту Правительствующего Сената получил Алексей. Петр и Егор не дожили до момента славы. Как всегда, начальство все сделало по-своему: труд вложили все, а награду получил лишь один, самый заметный.

Жизнь устроилась так хорошо, будто продолжалось божественное чудо. Аренда домов шла спокойно, Алексей Петрович с сыном Григорием успешно управляли гостиницами

в домах Челаховой и Закорковой.

Мечта о санатории

Радость не бывает одна, у неё много деток. В семью почетных граждан Найтаки пришла не простая, а большая радость. Неожиданно к 28-летнему сыну Григорию прибавились два маленьких гражданина: сначала Михаил, а затем Петр. Точные сведения о счастливой матери и датах рождения не сохранились. Младшенькому не было года. Очень интересно! Не от другой ли жены были эти двое?

Многодетный престарелый отец – ему исполнилось уже 59 лет – был счастлив. Очень похоже, что он возложил особые надежды на любимого младшего сына.

Деловая обстановка благоприятствовала его мечтам. В 1869 году совет министров рассмотрел предложение наместника Кавказа Великого князя Михаила проложить железную дорогу от Ростова до Владикавказа, и 2 января 1870 года последовало высочайшее повеление приступить к строительству не позднее 1872 года. Приближалось процветание Кавказских вод.

В том же 70-м году правительство отказалось от услуг недоброй памяти контрагента Новосельского. Нетрудно представить себе, какое удовольствие испытал Алексей Петрович!

Новым контрагентом на 12 лет стал статский советник Андрей Матвеевич Байков. Учли опыт предыдущего контрагентства и ввели дополнительный контроль. Наместник и областная администрация не вмешивались в хозяйственные дела, но жестко регулировали благоустройство курортов.

Готовились к возрастающему приезду посетителей на Воды по железной дороге. В ноябре 1872 году контрагент Байков получил согласие наместника на продажу земель под дачи. Первым делом нарезали участки земли в Кисловодске восточнее Нарзанной галереи. Плата назначалась от 20 до 40 копеек серебром за квадратную сажень в зависимости от качества участка. Срок строительства дачи ограничивался 3 годами,

иначе участок изымался из частного владения и уплаченные деньги не возвращались.

Услышав о продаже земли, Алексей Петрович Найтаки поспешил с приобретением. Помощник контрагента Анатолий Павлович Колунов лично показал прославленному содержателю гостиниц планы участков и список покупателей, изъявивших желание.

Алексей Петрович решительно выбрал три соседние дорогие участки, и, к удивлению Анатолия Павловича, не стал их осматривать, а сказал, что оплатит сразу всю названную сумму. Контрагентский счет в банке ему был известен.

Анатолий Павлович, глядя на старика, подумал, что сказался долгий купеческий опыт, и был прав – опытный Найтаки заранее копил деньги от аренды пятигорских гостиниц, потому что предвидел расширение хозяйства Кавказских вод и неминуемую распродажу земли.

Алексей Петрович не колебался с оплатой. Он знал, что перед ним красивейший исторический центр курорта. Не напрасно они с отцом много лет арендовали здесь казенную гостиницу! Предложенные участки располагались невообразимо удобно: возле самой Нарзанной галереи и недалеко от входа в парк, где было исконное место для прогулок и развлечений. Алексей Петрович радовался – сбывались давние мечты о собственной гостинице в лучшем месте на Водах!

Тотчас были получены межевые документы. Предстоящая встреча с архитектором не слишком волновала Алексея Петровича. Архитектором у Байкова служил Николай Иосифович Невинский, заменивший знаменитого Уптона ещё при Новосельском. Алексей Петрович был уверен, что опытный Николай Иосифович пойдет ему навстречу во всём, и не станет вводить строительные ограничения без надобности.

В этом он убедился ещё тогда, когда приспосабливал под гостиницы дома, арендованные в Пятигорске. Какие эффектные маркизы они с архитектором придумали для дома Закорковой! Прохожие удивлялись необычно украшенной гостинице.

Расчеты Алексея Петровича оправдались. Зима не успела закончиться, как Николай Иосифович приготовил эскизный проект дач. Пришла пора привязать проект к месту.

Алексей Петрович знал проект наизусть, но решил последний раз убедиться, что не допустил никаких упущений. Заодно он считал полезным ознакомить сыновей с принятыми решениями и внушить им, малоопытным, как важна эта стройка для всех.

Весной 1873 года в Кисловодск приехали трое: старик Алексей Петрович, взрослый Григорий и подросший Михаил. Маленького Петра оставили дома.

Разминая ноги после долгой дороги, прошлись по парку. Покрытый свежей зеленью, он был чист и пуст, – готовился к новому курортному сезону.

Когда подошли к старинному зданию ресторации, Алексей Петрович вспомнил, как много лет назад он с отцом начинал в этом доме гостиничные дела. Восхитился вслух:

– Снова у ресторации собрались трое Найтаки. С нами бог, самое время надеяться на удачный почин!

Поднялись по лестнице и вошли в зал. Трое Найтаки привычно следили за качеством обслуживания, однако держали себя скромно, стараясь сохранять инкогнито. Тон задавал Алексей Петрович, опасавшийся, что его непременно обнаружат. Ничего удивительного – всем были известны роскошные найтаковские бакенбарды.

Так и случилось. К ним поспешил пожилой официант и почтительно поздоровался. Алексей Петрович обратился к официанту по имени-отчеству. По-свойски похвалил за обслуживание и спросил, как жизнь.

Довольные обедом Найтаки вышли в проулок позади ресторации. Нашли купленные участки и осторожно поднялись выше по чистой зеленой травке, которую пятнали редкие россыпи белых звездочек первоцветов, среди которых светились желтые цветы баранчиков. Кое-где ярко синели скрипки. Так называли эти хрупкие цветочки потому, что они издавали тихий скрипучий звук, если их брали пальцами.

Алексей Петрович подумал, что скрипки расцвели здесь в последний раз, – начнется стройка, и они исчезнут. Он взял у

Григория подстилку, захваченную из дома, и разложил её, стараясь не трогать цветы. Все уселись, разглядывая участок. Сыновья приготовились слушать, что скажет отец.

Ему вспомнилось, как весело играли его дети на склоне Машука в Эммануэлевском парке поблизости от дома. Интересно, что на склоне здешней горы думают его дети, будущие продолжатели дела? Веселые игры закончились. Вряд ли кто-либо из них, и даже взрослый Григорий, понимает, что начались серьёзные дела. Поэтому свою речь он обдумал заранее.

Начал нарочито уверенно:

– Смотрите и слушайте. Склон придется выровнять в расчете на три здания, – он протянул руку и обвел участки по воздуху. – Поместить три небольшие здания будет проще, чем одно огромное. – Он указал пальцем, где будут стоять здания. – Первое, второе, третье. Но не больше! Больше не поместится.

После паузы продолжил:

– Если будем строить дома по очереди, то в назначенный срок уложимся, а строителей не придется менять. Может быть, даже сэкономим деньги. Без всякого сомнения!

– Отлично, папаша! –откликнулся старший сын. – По частям будет удобно брать кредиты в банке. Сберегая копейку, соберем рубли. Вы думаете верно!

Расчетливые слова сына не были похожи на одобрение, и Алексей Петрович помолчал, огорченный. Все почувствовали неловкость. После паузы отец сказал резко:

– Слушай дальше, Григорий! Займы стеснят будущее, поэтому поступим иначе. Для экономии сделаем дома однообразными и одноэтажными, как спроектировано.

Отец посмотрел внимательно на сыновей и улыбнулся. Чтобы снять напряжение, доверительно раскрыл секрет:

– Три дома будет полезно иметь ещё и потому, что нам, я уверен, предстоит будущее развитие. Прошу вас, однако, никому не говорите об этом: ни своим друзьям ни, тем более, архитектору. Развитие – наш секрет! Например, со временем можно будет дешево надстроить вторые этажи. И в одном из домов даже устроить кухню и зал ресторации.

– Правильно, папочка! – воскликнул Михаил. – Не хуже той, в которой мы сегодня обедали.

Отец не знал, что ответить на восторг сына, он почувствовал, что его снова не понимают.

Продолжил объяснять:

– Дома в проекте расположены по периметру участков. Входы в них предусмотрены не с улицы, а со двора. Получается замкнутый двор. Он не похож на просторный римский атриум, но может быть устроен вроде уютного испанского патио. Можно даже украсить его изящной арабской беседкой.

Отец явно увлекся, и Григорий поспешил остудить его пыл:

– Украшения двора влетят в копеечку! Но беседка, ты прав, – это не то, что, например, фонтан.

Отец передохнул, и спокойно продолжил:

– Верно оценил, сынок. Ради экономии нам придется сделать дома как можно проще. Согласен, изящный вид стоит дорого, однако он привлечет внимание и поднимет престиж. Взгляни, например, на пятигорскую ресторацию. Какая она красивая! Красота – великая сила! Не правда ли, сынок?

Скажу ещё об услугах в новом нашем заведении. Сама жизнь велит заводить услуги, проверенные временем. Многие мы уже использовали, а новые подсмотрим у других.

Отец заметил, что его слушают, и начал новую тему:

-- Пригодится опыт, полученный вашим дедом Петром Афанасьевичем в казенных ресторациях. Особенно в Кисловодске, где номера во флигелях состояли из одной приличной комнаты и небольшой прихожей для слуги и вещей.

Услышав про деда, сын Михаил вернулся к прежней мысли:

– Правильно, папочка! Постояльцы могут питаться в той самой казенной ресторации, которую арендовал дедушка. Всего то – улицу перейти! Они захотят. Не сомневайтесь!

Отец почувствовал, что сыновья его не поняли опять. Они не знали, насколько были удобны когда-то простые флигели, построенные Уптоном во дворе ресторации.

Григорий подумал:

– Старый отец говорит лишнее! Мы сразу догадались, к чему все это обсуждение. Нам тоже нравится новое.

Произнес язвительно:

– Как вы считаете, не время ли нам возвращаться назад?

Встал, подождал, когда поднимутся остальные. Стал собирать подстилку, приговаривая:

– Постараемся собрать вместе все полезное, что мы узнали.

Но тут же, беспокоясь о неприятном впечатлении, произведенном на отца, промолвил, как бы извиняясь:

– Вы, папаша, правы полностью! Мы вас давно поняли и со всем согласны, будьте уверены.

Сыновья смотрели на отца, молча. Они видели, как он огорчен, но не знали, что предпринять, чтобы его успокоить.

-- Все устали на этом солнцепеке, -- решил отец.

Осторожно начали спускаться по неровному склону к ждущему экипажу.

Отец попытался улучшить настроение сыновей и сказал:

– Сейчас скажу вам то, что вас удивит. Я намерен дать нашему Петру медицинское образование. Найму репетиторов, подготовлю мальца к экзамену и отправлю в Москву. Он способный – из него выйдет хороший доктор.

Пораженные сыновья остановились в изумлении. Молчали и прятали глаза.

Отец снова уловил общее недоумение. Объясняться не стал. Скрывая огорчение, энергично задал риторический вопрос:

– Как вы думаете, зачем люди приезжают сюда, не боясь долгой и трудной дороги? Отвечу коротко. За здоровьем! Здоровье – понятие относительное, ведь известно, что на свете нет абсолютно здоровых людей. Поэтому к нам приезжают в большинстве своем больные люди.

Он указал на Нарзанную галерею и сказал:

– Какое роскошное здание! Вот вам доказательство того, что прежде всего нужна медицинская помощь. Медицина обнаруживает и излечивает всякие болезни. Мы должны это понимать и поддерживать.

Довольный своими рассуждениями, заключил:

– Следовательно, нам необходим знающий медик. Он привлечет внимание к нашей особенной гостинице. Согласны?

– Постойте! Причем здесь мы? – не удержался Григорий.

Все удивленно смотрели на него, а уверенный в себе Григорий не мог остановиться:

– Я имею в виду, что здесь на Водах врачи направляют лечение издавна. Наше дело – всего лишь услуга, и мы знаем своё место! Наши гостиницы всегда помогали врачам.

Отец решительно прервал:

– Тут ты, сынок, не совсем прав! Соглашусь с тобой, что работать, как прежде, можно. Но тогда мы упустим из вида важное обстоятельство. Для него сейчас пришло самое время. Обрати внимание, что на курортников влияют неделимо и воды, и природа, и гостиницы, и лечение. Главное здесь, повторяю, -- лечение. Следовательно, врач – всему голова!

Хочу, чтобы этой головой стал один из нас. Приложим все усилия, чтобы в наших гостиницах он правильно соединил профессиональное лечение с полезным бытом. Получим высшую форму гостеприимства – гостя мы примем как посланника бога. И дадим ему то, что он желал всегда, – крепкое здоровье. Тогда гостиница превратится в храм здоровья. Врач в нем станет жрецом этого храма.

– Что-то слишком красиво получается, – покачал головой Григорий. – Вы, папаша, всегда придумываете невесть что. Есть над чем поразмыслить. Даже не знаю, что на это сказать.

– А я знаю! – воскликнул отец. – Мы не первые. Похожие храмы существуют с древних времен. Они необыкновенно успешны. Сейчас их называют санаториями. Самые известные находятся в Карловых Варах, Виши, Баден-Бадене и в других городах Европы. Пришла пора нам тоже устроить санатории.

И прибавил с досадой:

– Кончим Ваньку валять! Пора за ум браться и заняться делом. Кавказ не ждёт!

Желая успокоить отца, Григорий поспешил сказать:

– Папаша, мы согласны с вами полностью. Сделаем нашу гостиницу лучше любых заграничных!

По дороге из Кисловодска в Пятигорск сыновья помалкивали, пристыженные собственной недогадливостью и откровенностью отца. Они видели, как сильно он стремился убедить их, но все ещё не верили в пользу его предложения.

Сыновьям трудно было разобраться в идее, которой отец не придал окончательный вид. Они не знали и не могли понять

простую истину, что время от времени следует искать новые формы гостиничных услуг. Успешное дело не терпит застоя!

Предвидение не обмануло Алексея Петровича! Через полстолетия мечта о санатории сбылась при Советской власти. В 1921 году ЦЕКУБУ (Центральная комиссия по улучшению быта ученых) открыла первый кисловодский санаторий на вершине той самой Крестовой горы, на склоне которой триада Найтаки собиралась строить санаторий.

Бывшие дачи Найтаки в Кисловодске (ул. А. Реброва, 7)

Стало понятно, что комплекс зданий, созданный Найтаки в 1875 году, свидетельствует об упорных стараниях сотворить не просто собственную гостиницу, но нечто оригинальное и успешное в будущем. Крепкий фундамент фасадного дома все еще служит подпорной стенкой на красной линии первой улицы города Кисловодска.

Четыре года назад эту улицу назвали в часть Алексея Федоровича Реброва, здешнего первопоселенца, статского советника и предводителя местного дворянства. Он сразу оценил выгоду этого места, когда закладывали город. Будучи умным человеком, устроил здесь свою усадьбу. В 19-м веке он сделал много полезного для развития Ставропольского края, в частности, в шелководстве и виноградарстве.

Кисловодские дачи Найтаки принадлежали другим владельцам так долго, что намерение Найтаки превратить их в санаторий забылось. По крайней мере, мне нигде не попадалось ни одно упоминание об этом. Все найденные сообщения касались других санаториев Кисловодска.

Следовательно, вы вправе спросить, откуда известно, что Найтаки мечтали создать санаторий вместо трех дач? Ответ не очевиден, хотя лежит буквально на поверхности.

Найтаки действительно обучили медицине своего младшего сына Петра и после обучения вернули его к себе на работу. Необычный факт для рестораторов, не правда ли? Ведь известно, что дружное взаимодействие хорошей гостиницы и знающего врача – это основа санаторного дела.

Особая профессия

Через 5 лет после открытия кисловодских дач Найтаки лишились аренды у Челаховых. Дело перешло к наследникам Ходжаевым, которые, судя по всему, откладывали до последнего отказ от услуг Алексея Петровича.

В том же 1878 году в Новочеркасске открылась военно-фельдшерская школа, чтобы удовлетворить нужду казачьих войск в медиках, обнаруженную во время Крымской войны. На учебу принимали 13-15-летних иногородних мальчиков. Бесплатно учили 4 года на помощников врачей. Младшему Петру Найтаки как раз исполнилось 13, и он имел преимущество при поступлении, как сын почетного гражданина. Алексей Петрович, наконец, решил подготовить своего медика для будущего собственного санатория. Он планировал, как всегда, основательно.

Старший брат Григорий начал действовать, едва только стало известно об открытии школы. По поручению отца он получил в станичном правлении необходимую справку об имущественном состоянии и отвез брата в Новочеркасск.

Поездка была удобной, так как три года назад открылась железная дорога от Владикавказа через Тихорецкую в Ростов. А из Ростова в Новочеркасск дорога имелась давно. Искать жилье для Петра в Новочеркасске не пришлось. Вступительный экзамен был сдан, и брата сразу приняли на казенный кошт.

Выбор Новочеркасской школы подтверждается известным в нашей семье фактом. Жена у Петра Алексеевича была с Дона. Я знаю об этом из записки моего собственного отца, которую чудом доставили в Ессентуки отцовским родителям и нашей матери Марии Петровне Найтаки весной 1943 года.

Записку красноармейца, идущего на фронт, передали из рук в руки добрейшие люди. Отец сообщал, что ему не удалось зайти к свахе, когда его часть проходила близко от станицы Обливской. Станица расположена в Донском краю рядом с Волгоградской областью.

Новочеркасская фельдшерская школа была рассчитана всего на 75 человек, то есть, каждый класс состоял менее, чем из 20 учащихся. Хотя все они были не из казачьих семей, их сразу одели в казачью форму. Выдали шаровары с лампасами и фуражку с околышем.

Подход к обучению был практический и одновременно основательный. Из-за малограмотности населения учение начиналось с первичных школьных предметов: чистописания, закона божьего и латыни. Затем шли хирургия, фармация, терапия и навыки врачевания. Обязательно осваивали правила дезинфекции и гигиены. К военной службе подготавливали воинские уставы, а также фронтовые занятия.

Особое внимание обращалось, конечно, на преподавание медицины. Начальником школы был не офицер, а гражданский врач. В армии в то время врачи были исключительно гражданские.

В последний год процесс медицинского обучения сопровождался практическими занятиями и работой в госпитале и аптеке. Обучение было жестким. За неуспеваемость

или проступки отчисляли без жалости, независимо от заслуг родителей. Петр благополучно проплыл между этими Сциллой и Харибдой.

Его отец Алексей Петрович Найтаки, доброй ему памяти, умер в ноябре 1881 года. Не дожил до окончания учебы любимого младшего сына Петра. Похоронили его рядом с дедом Петром Афанасьевичем в Пятигорске. Наследники Найтаки поставили на могиле крест из черного мрамора.

При виде этого креста я вспоминаю не только знаменитого прадеда, но и то, что мой родной дед Петр Алексеевич стал донским казаком и получил звание аптечного или медицинского младшего фельдшера. В казачьем войске начал служить вольноопределяющимся (6 лет из расчета полтора года за один год учебы на казенный кошт). По длительности это равнялось обязательной службе в армии.

Через три года войсковой службы он поступил на классную должность фельдшера. Фельдшер в казачьем войске имел чин старшего или младшего урядника (по-армейски ефрейтора). Это значит, что Петр принял присягу.

Служил он вместе с казаками на так называемой «льготе в станицах» и в лагерях на двухмесячных сборах. После 6 лет получил отставку, однако был обязан в необходимых ситуациях возвращаться на казачью службу. С тех пор в его гардеробе имелась форма донского урядника.

Во время казачьей службы он женился. Чудом сохранилась совместная с женой фотография. Петру на ней больше 50 лет, а жене Елизавете Николаевне заметно меньше. Судя по фото, выдающиеся найтаковские бакенбарды не особенно мешали Найтаки в любви. Однако, казачий чуб исчез. Несомненно, он не подходил для содержателя гостиницы.

По бытовым признакам, о которых я расскажу далее, его жена получила гимназическое образование. Женская гимназия первого разряда открылась в Новочеркасске в 1867 году. По ходатайству войскового атамана ей присвоили почетное название Мариинская Донская в честь государыни. Тогда в России Донской край был самым образованным. Мариинская гимназия была особенной. В отличие от остальной империи в

неё принимали не только дворянок, но также девиц среднего казачьего и торгового сословий.

Одной из них оказалась Елизавета Николаевна. Её гимназическое образование было не совсем классическое, а несколько упрощенное. В женской гимназии из программы были исключены классические языки, а точные науки преподавались в сокращенном виде.

Обучение в гимназии первого разряда было достаточным, и окончившие её выпускницы могли наниматься на работу домашними учительницами. С 1900 года им разрешили работать учительницами в государственных и частных начальных школах. Елизавете Николаевне это пригодилось.

История скрыла, как познакомились молодые Петр и Лиза. Случилось это не вдруг и не просто. Естественно, не в гимназии. Там надзор был суровый. Например, в театр ходили по списку, причем не на всякий спектакль и обязательно в сопровождении классной дамы. Гимназистки приучались к скромному поведению. Одевались в строгую форму. Обучались умению танцевать, но балы в гимназии не устраивались.

Город Новочеркасск был просторен, почти как окружающая его степь. Люди на улицах встречались редко, не то, что в крупных городах и столице. Вольным казакам были любезны бескрайние степи, широкие улицы и большие площади.

Где могла сблизиться молодежь? Приходилось полагаться на знакомства в церкви или на общественных праздниках. Общение молодёжи быстро переходило в сватовство. Это было обычным делом для купечества с его обширными родственными связями. При сватовстве обговаривали подробно условия будущей семейной жизни.

В записке нашего папы упоминается станица Обливская. Несомненно, во время службы новоиспеченный урядник Петр Найтаки снимал в этой станице жилье. Может быть, даже у родственников Лизы.

Итак, молодые соединились, получив одобрение родных. Крепкая любовь возникла в традиционных обстоятельствах. Лизу и Петра ждала необычная судьба. В начале их жизнь была безоблачной и счастливой, а в конце – грозной и трагической.

Для семейной пары, образ которой сохранила старинная фотография, подходят строфы из начала и конца прекрасного стихотворения поэта Александра Ивановича Полежаева, жестоко пострадавшего в конце жизни: «Она взошла, моя звезда, моя Венера золотая; она блестит, как молодая, в уборе брачном красота! ... Предавшись ей, я вижу вновь мои потерянные годы, дни счастья, дружбы и свободы, и помню первую любовь.»

Елизавета Николаевна и Петр Алексеевич Найтаки

Отслужив положенное время в Донской армии, Петр Алексеевич вернулся на Воды и, не мешкая, присоединился к братьям Михаилу и Григорию, занимавшимися дачами. В 1888

году он поселился с женой в Кисловодске в даче с братом Григорием и стал набираться премудростям содержания гостиницы. Брату было уже за 50, так что опыта у него можно было поучиться. Другой брат Михаил продолжал жить в Пятигорске в отчем доме, где сдавал комнаты приезжим.

Доходы семьи Найтаки резко уменьшились после смерти отца и прекращения аренды домов в Пятигорске. Речь уже не шла о превращении кисловодских дач в санаторий, как мечтал покойный отец. Петра удручало, что его образование не приносит никакой пользы семейному делу. Курортники предпочитали обращаться за помощью не к малоизвестному фельдшеру, а к врачам, получившим образование в университетах или в медико-хирургических академиях.

Петр, несомненно, понимал, насколько его образование было недостаточным. Горько ему было от того, что отец и братья, отдавая его в учебу, не предвидели, как важно качество образования медика в успехе нового дела. Он «дозрел» окончательно через шесть лет, чтобы, как должное, принять следующий поворот судьбы, обусловленный его недостаточным медицинским образованием.

В мае 1894 года открылось железнодорожное сообщение по однопутной ветке Владикавказской дороги между городами Кавминвод. Это изменило жизнь курортов навсегда. Они стали легко доступны для всей России.

Узловая станция Кумская в начале ветки была тогда не тем большим поселением Минеральные воды, которое мы видим сейчас, а всего лишь маленьким поселком Султановский, где жили в основном железнодорожники, всего 36 домов. Здание станции было деревянное двухэтажное. Имелся медицинский пункт, а также дом отдыха для приезжающих курортников.

Акционерное общество железной дороги искало человека, способного поддерживать должный порядок в этом доме. В начале 1894 года или ранее акционеры обратили внимание на тридцатилетнего Петра Найтаки, как на содержателя гостиницы, имевшего военно-медицинское образование.

Вероятно, Петра соблазнили хорошим окладом, казенным жильем и тем, что его образование нашло применение. Эти

стимулы были достаточно весомыми, чтобы он оставил семейное дело в Кисловодске и перебрался с женой в Минводы.

Три аргумента доказывают, что так было. Во-первых, мои родственники в Ессентуках говорили, что мой дед Петр Найтаки жил в Минеральных водах и содержал там свою аптеку. Во-вторых, мне самому пришлось убедиться в этом. После Великой Отечественной войны в апреле 1946 года наша мама Мария Найтаки возвращала меня и сестру из эвакуации.

В ожидании поезда нам пришлось заночевать на недавно восстановленной станции Минеральные воды. Она выглядела по-старинному. Лишь через десять лет она получит свой современный помпезный вид.

Вокзал Минеральные воды (начало 20 века)

Было очень холодно. Мама в один момент нашла на станции знакомого, и мы тут же оказались в теплой комнате, где обычно отдыхали поездные бригады. Топилась большая печь и было необыкновенно жарко. Рано утром железнодорожники и мама с

большим трудом занесли вещи в переполненный вагон, а меня и сестренку всунули через окно.

Учитывая тогдашнюю обстановку на железных дорогах, я прихожу к выводу, что случившееся свидетельствовало, фамилию Найтаки на станции знали очень хорошо.

Ехали мы долго. Все здания вокзалов на остановках поезда были разбиты. Но кипяток на них был, и маме приходилось доверять мне доставлять его в бидоне для нас и для соседей по плацкартной секции.

В районе станции Поныри, так мне запомнилось, вдоль железной дороги тянулся бесконечный ряд разбитых зеленых танков и наших, и немецких, и другой техники.

Я отвлекся зря. Что мог знать особенного маленький мальчик о великой битве на Курской дуге, которая происходила, когда он оставался в эвакуации?

Вернемся к далекому прошлому. Несомненно, самый важный аргумент был принят во внимание моим дедом Петром Найтаки с самого начала! Не столь важно, что для него в Минводах нашлось занятие, которое он желал. Более существенно, что он знал, дела в Кисловодске без него точно не остановятся. Их твердо и надежно продолжат братья.

Старший брат Григорий был страшно поражен, когда узнал от младшего брата о соблазнительном предложении железнодорожников.

Григорий, спросил:

-- Значит, братишка, ты бросаешь нас? Скажи прямо.

-- Да, Гриша, -- признался Петр. -- Иначе я не могу поступить. Согласись, я здесь лишний, и моя медицинская подготовка не пригодилась. Мне кажется, что из-за меня так и не исполнилась мечта отца о будущем санатории?

-- Братишка, тебе ли не знать, что это зависело не от нас?

-- Знаю, Гриша, знаю! Но факт есть факт! Ты, уж, извини меня, дорогой брат, -- пожаловался Петр -- я не хочу оставаться далее в неопределенном положении!

-- Милый Петруша-- так тебя называл папаша! Пойми, я понимаю твои чувства. Тем более, что во всем случившемся есть также моя вина. Ведь это я отправил тебя учиться проклятой

медицине! Извини меня, дорогой! Давай обнимемся и перестанем обижаться друг на друга.

Григорий перекрестил младшего брата. Они обнялись.

Шесть лет они трудились бок о бок. Понимали друг друга без слов. Григорий горевал о предстоящем расставании, но скрывал свои переживания глубоко в себе. Как старший, он изо всех сил сдерживался. Григорий Алексеевич Найтаки скончался в том же году. Не исключено, что причиной был стресс из-за неудачи в давно задуманном деле. Петр и Михаил похоронили 58-летнего брата рядом с отцом и дедом.

После смерти старшего брата никто не объединял найтаковскую семью своим непререкаемым авторитетом. Они перестали заниматься общим делом. Петр связал себя контрактом с железной дорогой в Минводах. Михаил по-прежнему жил в Пятигорске. Большая семья распалась.

Могильный крест Петру Афанасьевичу
и Алексею Петровичу Найтаки

В мае 1896 года случилась трагедия Ходынского поля Коронацию Николая II последнего императора потрясло страшное предупреждение о грядущих бедах. В тот же год прекратились шестидесятилетние труды Найтаки в гостиницах. Братья решили продать кисловодские дачи. Выгодно купить поспешил Иван Павлович Щербина, брат будущего кисловодского головы.

Каждый из братьев стал искать себе занятие на деньги, вырученные от кисловодской продажи.

Но первым делом поставили классический каменный крест на могилах деда и отца в пятигорском некрополе. Согласия братьев хватило на то, чтобы потратиться на дорогой черный кавказский мрамор.

На кресте написали «Наитаки Алексей Петрович 76 л., 1881 ноября 5 Пятигорск; Петр Афанасьевич 80 л., 1857 ноября 8 Пятигорск; Мир праху вашему.

Не известно, по какой причине Михаил и Петр заменили в фамилии букву «и краткое» на обычное «и». С этого началась легенда о фамилии Наитаки.

По легенде много лет назад во времена Екатерины Великой у грека, иммигрировавшего из Оманской империи, спросили фамилию. Грек не знал русского языка и вместо фамилии сообщил, что жил на Итаке. Легко найти этот остров на карте Ионического моря и вспомнить о гомеровском Одиссее царе Итаки. Сказанное было записано как фамилия «Наитаки».

Начиная новую жизнь, почетный гражданин Михаил Алексеевич Наитаки построил в Пятигорске на месте отцовского дома дачу для приезжих и для проживания своей семьи. Отличный проект в стиле кирпичного модерна создал внук Челаховой и друг семьи знаменитый архитектор Эммануил Багдасарович Ходжаев. Предположительный год окончания строительства 1906.

В старину, когда на этой стороне улицы ещё не было больших строений, новая необычная дача очень выделялась, хотя и стояла в дальнем конце бульвара как бы на отшибе. Дача была много меньше Елизаветинской галереи и Пушкинских ванн, но почти не уступала им в красоте.

Дом Найтаки в Пятигорске, Пр. Кирова 8.
Справа на углу видна мемориальная доска А.П. Найтаки.

И действительно. Очень украшает фасад обширного дома угловой балкон над парадным входом. Крышу венчает аттик с красивым окном. Он своими очертаниями похож на пламя или на цветок. Этот прелестный символ домашнего уюта и любви напоминает о чудесной взаимопомощи между Челаховыми и Найтаки. Святитель Игнатий определял подобную дружескую поддержку, как исполняемую по велению бога.

После гражданской войны и национализации этот прочный дом переходил из рук в руки разных владельцев. С годами превратился в памятник знаменитой пятигорской семье, отмеченный мемориальной доской Алексею Найтаки. Другим общим памятником стал черный крест на некрополе. Со временем он превратился в кенотаф на заброшенном месте

захоронения членов семьи. Оба памятника – историческая достопримечательность города.

Гора Машук и центр города Пятигорска. Вид с Горячей горы в начале 20-го века. Внизу Цветник, Лермонтовская галерея и ванны. Вдали Елизаветинская галерея. Ниже её правого крыла Пушкинские ванны, ниже левого -- дача Найтаки.

В Минеральных водах дела у Петра Алексеевича Найтаки тоже шли своим чередом. Он построил свой дом. Открыл в нем аптеку, на которую имел право благодаря медицинскому образованию.

Дети у Петра и Лизы никак не рождались. Тогда они приняли в семью дочь Петра, случайно рожденную от другой женщины. И не просто приняли, а скрыли от всех, что она была не от жены. Лиза Найтаки не могла не согласится, ведь муж необыкновенно сильно любил свою единственную доченьку.

Думается, что оба, Петр и Лиза, сразу почувствовали, что с

появлением ребенка у них началась новая жизнь – появилась, наконец, долгожданная собственная семья. В Минеральных водах прошли детские годы Марии Найтаки в счастливой семье с любящими папой и мамой.

Итак, в итоге распада большой семьи пятигорских Найтаки появились две. Каждая из них имела собственный источник доходов: Михаил сдавал свою дачу курортникам. Петр занимался аптечными делами на новом железнодорожном узле. У каждой семьи Найтаки были свои дети. У Михаила трое: Анна, Екатерина и Вадим. Они учились в пятигорской гимназии. У Петра была одна дочь Мария. Она училась в Минводах в начальной школе для девочек.

Три прочные кисловодские дачи Найтаки тоже развивались. Новый владелец превратил их в дома с меблированными номерами. В наше время они окончательно перестроены. Теперь в них многоквартирные жилые дома.

ЧАСТЬ VII. Новое время

Прощание братьев

Не дай бог жить в эпоху перемен.
Китайская пословица

В 1917 году в России случилась судьбоносная февральская революция. Императора заставили отказаться от престола, и расцвела беспредельная свобода. Власть ослабла. Преступность выросла. Армия разложилась.

Распространились бесконечные забастовки работников, долгие стачки на железных дорогах. Рабочие комитеты и профсоюзы увеличили производственные требования.

Содержать аптеку стало разорительно. Петр Найтаки с трудом продержался почти год. И вдруг бросил заработанное за 20 лет, и переехал с семьей в Ессентуки. Очень быстро. Человек, не живший в то время, вряд ли поймет, насколько грозной была сложившаяся обстановка.

Разобраться в этой круговерти очень трудно. Многое было забыто или неправильно понято. В условиях революции люди скрывали, что им известно и что они думают.

В начале я предполагал, что у Петра возникли проблемы из-за национальности. Ведь ядовитые семена национализма, как и бандитизма, обильно прорастают, едва ослабевает порядок в государстве.

Но по мере изучения ситуации стало понятно, что дело было не в этом. Греки тогда ничем не отличались в правах от других аборигенов юга России. Более того, память о принятии христианства от Византии вызывала к ним уважение.

В Минводах претензий у новых властей к Петру, надо полагать, тоже не было. Никто не знал, что успешный фельдшер Найтаки был донским урядником, пока в начале 1917 года не создался профсоюз Викжель[1], контролирующий железнодорожников.

Все стало проблемой после рождества 1918 года. Вот что произошло. Генерал Лавр Корнилов, устроивший мятеж против Временного правительства, сбежал на Дон. Здесь же оказался генерал Михаил Алексеев, сыгравший роковую роль в отречении императора. После победы Октябрьской революции он объявил, что создает в Новочеркасске Добровольческую армию для борьбы с большевиками. Зовет на Дон под Белое знамя всех, кто верен присяге.

На призыв Алексеева, разосланный в условленных письмах известным ему людям, отозвались царские офицеры, которые ещё не присоединились к большевикам. Их поддержало донское казачество во главе с Войсковым атаманом Калединым. Быстро набрав силу, добровольцы белого движения преступили к свержению большевиков.

На станции Кумской круглые сутки работал телеграф, и быстро узнавали новости. Прошел зловещий слух о создании на Дону Добровольческой армии.

Тогда в рождество в Петрограде Чрезвычайная Комиссия во главе с Феликсом Дзержинским, убила Шингарева и Кокошкина, лидеров партии кадетов. Начался красный террор.

---

[1] *Всероссийский исполнит. комитет профсоюза железнодорожников*

До сведения всех был доведен февральский декрет Совета Народных Комиссаров «Социалистическое отечество в опасности!». В декрете было приказано расстреливать на месте преступления контрреволюционных агентов, агитаторов, германских шпионов, спекулянтов, громил, хулиганов.

Тут-то и вспомнили, что Петр казачий урядник. Можно представить себе, как покупатели в аптеке и просто его соседи обзывали Петра при каждом недоразумении агентом контрреволюции, засланным с Дона. Некоторые угрожали расправой, рассказывали о случаях самосуда. К Петру приходили из местного ЧК с обыском. Со злобой сказали, что скоро придет его черед. Петр понял, что надо срочно уезжать.

Он решил бежать с семьей в Ессентуки, где было тихо, имелось продовольствие и еще приезжали курортники. Там жили знакомцы, с помощью которых он надеялся найти работу.

Чтобы определить точно, когда случился этот внезапный переезд, рассмотрю логическую цепочку очевидных фактов.

Меня всегда удивляло, что моя мама, дочь Петра Алексеевича, писала старинным аккуратным, как бы ученическим, почерком.

Владикавказская железная дорога открыла в Кумской школу для девочек в начале 20-го века. В мае 1908 года в России был принят закон, утвердивший бесплатное начальное образование. Дочь Петра Мария Наитаки родилась в 1910 году. Значит, в школу её отдали осенью 1917 года.

Делаю уверенный вывод, что переезд Петра в Ессентуки произошел в конце первого учебного года дочери, а точнее, в дни Великого поста и страстной недели 1918 года.

Начал Петр с того, что спрятал дочь и жену в Пятигорске у брата Михаила. Конечно, им были рады.

Наша мама однажды немного рассказала, как жилось ей в Пятигорске в большом доме. Было шумно, интересно и весело. Брат и сестры пели и плясали. У неё не получалось, и они были рады учить. На прощание подарили фотографию.

Неудивительно, -- малышка, искавшая друзей, стала общей любимицей. Закончив рассказ, мама призналась, что хотела бы побывать там снова, когда-нибудь. В этом доме она больше не была ни разу. Вынужденное расставание оказалось для неё

настолько горьким, что нам, своим собственным детям, этот дом она не разу не показала!

Пока дочь с женой прятались у брата, Петр распродал за бесценок все, что имел, прежде всего аптеку и дом. Купил новое жилье в Ессентуках и перевез имущество. Громоздкие вещи, необходимые на новом месте, отправил железной дорогой.

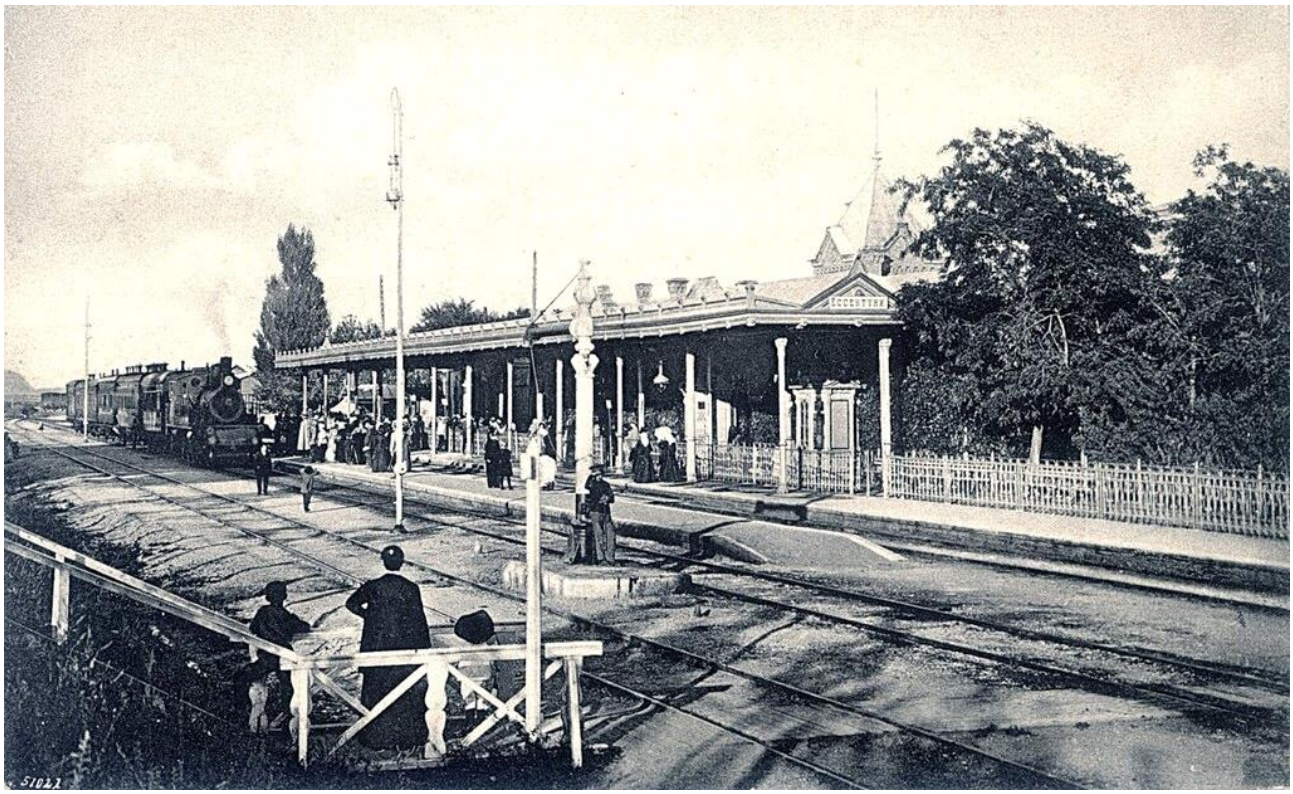

Мария Найтаки и курортники в Пятигорске(1917 г.)

Он поселился в той части Ессентуков, где располагалась казачья станица. Вероятно, считал, что донское прошлое ему поможет. Хатка, по-видимому, была плохонькая, но ремонта не требовала, так что переселение прошло быстро. Петр,

несомненно, представился атаману и, конечно, молился в станичной Никольской церкви.

Далее предстояло определиться с работой. В пасхальную неделю он ходил с поздравлениями и христосованиями к едва знакомым людям – прежде всего к местным врачам. Думаю, что подарочные паски ему испекла одна из новых соседок. Наконец, один из врачей – вероятно, бывший коллега и, возможно, грек по национальности, – предложил Петру заниматься лечением больных по назначениям.

Вокзал Ессентуки (1910-е годы)

Таким образом, в конце весны 1918 года на святую Пасху Петр Алексеевич Найтаки бросил свои прежние дела в Минеральных водах, обосновался в Ессентуках и приготовил жилье к приезду жены и дочери из Пятигорска. Он поехал за ними сам потому, что давно не получал никаких известий.

Курортный сезон только начинался, и на ессентукском вокзале людей было мало. Вагон не был заполнен, и Петр сел так, чтобы ехать лицом вперед. Когда вокзал остался позади,

справа на Щелочной горе показался величественный собор великомученика Пантелеймона Целителя.

Высоко над крышей собора, будто покрытой уральским малахитом, сверкал большой золотой купол, видимый даже из Пятигорска. Он указывал всем, что здесь в прекрасном Воронцовском парке, укутавшем гору нежной зеленью, находятся исцеляющие воды.

При виде собора Петр вспомнил:

– Говорят, там недавно установили изумительный и очень редкий майоликовый иконостас. Надо будет обязательно побывать и посмотреть. Как никак, а великомученик Пантелеймон – покровитель врачей и мой тоже. Прости, святой мученик, что за делами я не подумал обратиться к тебе за помощью! Ты бы меня понял. Петр перекрестился на храм.

Его мысли прервал проплывший мимо железнодорожный пакгауз. Здесь предстояло получить громоздкие вещи, отправленные из Минвод. Петр вспомнил сколько усилий стоило везти комод из станицы Обливской через Новочеркасск сначала в Кисловодск, а потом в Кумскую. Жена не хотела терять приданное. Оно было ей дорого, как последнее напоминание о родителях.

За пакгаузом показались дачи, недавно построенные в курортной зоне. Слева проплыли деревья молодого Английского парка, погруженные в зеленую весеннюю дымку. Парк закончился, и поезд аккуратно двинулся по высокой насыпи к мосту через ручей Капельный. Справа показались белые одноэтажные здания заразной больницы с высоким каменным забором. Ессентуки закончились. Открылись зеленые всходы кукурузы и подсолнечника.

Петр чувствовал сильнейшую усталость, накопившуюся от визитов к врачебным покровителям и бесконечной ходьбы к больным. Он закрыл глаза и расслабился, не думая ни о чем. Задремал под ритмичный стук колес и покачивание вагона.

Послышался скрип тормозов. Вздрогнув, Петр внезапно вышел из дремы. Пыхтел и шипел паровоз. Из клубов паровозного пара появился уютный перрон пятигорского вокзала. Когда Петр вышел из вокзала, на площади перед ним

завершил конечный круг знакомый красный вагончик электрического трамвая и, названивая, остановился.

Отдыхая душой от забот и радуясь любимому с детства городу, Петр доехал до Цветника по Романовскому проспекту, который в старину называли просто Бульваром. После большого пятиглавого собора его внимание, как всегда, привлекли колонны Ресторации. Здесь прежде трудился его отец и другие предки. Впереди был вход в сквер Цветник, где было все знакомо. Зимой он гулял по парку с няней. Летом гуляния ограничивались Эммануэлевским парком возле дома.

Парк Цветник в Пятигорске (2023 г.)

При виде родного Цветника Петра охватило волнение. Он вспомнил недавний сон, в котором празднично одетый и

улыбающийся брат Григорий стоял среди цветов и протягивал навстречу руки. Сон в руку – подумал Петр. – приближается очередная годовщина смерти брата. Надо его помянуть.

Он присел на ближнюю скамью. Вернулась странная смесь тоски и радости; – радости от того, что он повидал, хотя бы в воображении, любимого брата; печали от того, что пришла уверенность -- воображаемая встреча случилась неспроста.

Родные приснились потому, что он, увлекшись переездом, не договорился с братом Михаилом о поминках, как положено. Пора исправить упущение.

Он вернулся на бульвар. Идти по Пятигорску было приятно. Липы посреди бульвара давали густую тень от яркого солнца. Побеленные домики обещали уют. Прогуливающиеся курортники радовались жизни.

Он вспомнил прошлогоднюю радуницу, на которую брат Михаил пригласил всех родных. Вместе ходили в церковь и на могилы. Вместе помянули и причастились. Жена брата Пелагея Никитична устроила поминальный обед.

После обеда Екатерина, дочка Михаила, играла на пианино. Она готовилась к концерту в городской думе. Слушать музыку Петру мешал брат. Он рассказывал о новшестве в зале думы. Там только что устроили яркое электрическое освещение, и брат хотел сделать такое же дома, ежели недорого станет. Это привлечет больше постояльцев.

Вспоминая прошлое и волнуясь, Петр приближался к отцовской усадьбе. Каждое деревце и каждый камушек мостовой -- все были знакомы. В голове звучал трогательный вальс Брамса,[1] и дочь брата старательно успокаивала мелодию нежными аккордами. Вот и знакомые ворота.

Едва он постучал, вышел улыбающийся старший брат. Сказал, светясь от радости:

– Братишка! Лёгок на помине. Я только что думал о тебе. Христос воскресе, дорогой! Молодец, что приехал. Рассказывай, как дела. Полностью ли обжился на новом месте?

– Воистину воскресе! Все хорошо, Миша, – ответил Петр.

---

[1] Брамс И., Вальс ля-бемоль мажор

– И ладно – согласился брат и, приобняв, повел Петра к себе. В кабинете был полумрак. Тюль и плотные шторы закрывали вид из большого окна.

Петр отвечал на вопросы брата. Вошла хозяйка Пелагея Никитична. Сухо поздоровалась и поставила на стол поднос с закуской и чайник. С криками радости вбежала дочь. За ней вошла жена Лиза. Дочь бросилась обнимать отца. Он прижал её к себе. Говорил ласковые слова.

Михаил поддержал общую радость:

– Пелагеюшка точно в воду глядела. Предсказала, что сегодня увидимся, сколько бы ни было у тебя дел.

Пелагея вмешалась:

– Старый, что ты все вокруг да около вертишься? Петруша, дорогой, не волнуйся. Скажу тебе прямо. Зря ты приехал. Сегодня же все уезжайте! Лучше было бы не встречаться!

Петр растерянно глядел на неё, ничего не понимая. Пока умывался и собирался с мыслями, узнал, что здесь случилась беда, хуже, чем у него.

– У нас тут такое началось, боимся из дома выходить – нервно сказала Пелагея. -- Да ты пей чай и угощайся. У тебя была долгая дорога. Михаил, угощай брата!

Пока пили чай, дочь Мария притихла на коленях отца. Михаил рассказал, как на Страстной неделе его сын и обе дочери, не объясняя причины, вдруг быстро собрались и уехали. Сын, прощаясь, успел сказать только: «Так надо!»

После приходил человек из Пятигорского Совета и спрашивал, куда уехал поручик Вадим с сестрами. Я сказал ему, что к родственникам в Ростов-на-Дону.

Признался этому человеку, что потом мы услышали, что на Дону начались волнения, и теперь мы беспокоимся. Просим сообщить нам, когда узнается хоть что-то. Такой был разговор.

Нам не угрожали, как тебе, но велели сообщить, когда дети вернутся. Но вчера за полночь снова приходили с проверкой. Теперь за нами, кажется, следят.

Петр сказал:

– Понимаю, что приехал зря. Жаль, что в этом году радуницу не удастся провести вместе, как положено и как мы привыкли. Самим бы уцелеть в этой невиданной круговерти.

Не удержался и рассказал, что видел во сне зовущего покойного Григория, и что это неспроста.

– Да..., – ответил Михаил, -- годовщина! Но ты не беспокойся, я все устроил. На кладбище навел порядок у креста, и на вечернем парастасе молился. Помянул всех.

Петр поспешно сказал:

– Что ж, спасибо тебе за все! Нам пора ехать.

Лиза быстро собралась. Попрощались. Когда Петр с женой и дочерью вышли из дома, небо хмурилось и собирался дождь. В Цветнике слышалась музыка. На внешней сцене Лермонтовской галереи оркестр играл что-то явно рахманиновское, новомодное.

Концерт в Пятигорском цветнике (после 1916 г.)

Они остановились и прислушались. Дочь сказала:

Папочка, я хочу послушать.

В оркестре то нарастали, то спадали жалобы скрипок и виолончелей. Их нежно утешали кларнеты и гобои. Лиза, не

выпуская руки дочери, негромко проговорила: «Вокализ». К скрипкам присоединились все инструменты. На широких волнах мелодии они бодрились и печалились. [1]

Наконец, флейты громко подали сигнал, что пора успокоиться. Тишину прервали аплодисменты.

Публика не расходилась, несмотря на плохую погоду. Дирижер прокричал: «Шуберт. Вечерняя серенада.». Из-за шума публики не было слышно, кто исполняет. Дочь громко сказала: «Послушаем ещё!» Накрапывал дождь. Лиза поддержала дочь: «Папочка, ну пожалуйста!»[2]

Музыка успокаивала Петра. Курортники своим обычным поведением внушали оптимизм. Казалось, что неприятности, случившиеся недавно, -- явление временное, и все уладится. Трое Найтаки едва успели на последний поезд в Ессентуки. Концерт под дождем они запомнили. Ничего похожего им слушать больше не пришлось.

Брат Михаил не обманывал брата Петра. Действительно, ходил на кладбище, не обращая внимание на слежку. Убрал прошлогодний мусор и обмел могилы, обмыл крест. На прощание положил на него полевой цветок, нечаянно выросший среди кладбищенского бурьяна. Это было как бы напоминание о степных просторах, по которым отец и дед когда-то ходили с армейскими обозами

В Скорбященской церкви Михаил поставил свечи на парастасе. Закончил переговоры о поминальных службах. Постоял на месте, на котором молились дед и отец, и после них брат Григорий. Мысленно молился вместе с ними.

Когда в очередной раз делал поклон, внезапно заболела голова. Стало мелькать и темнеть в глазах. Шумело в ушах и чудилось, что в храме летают тени предков, похожие на колеблющиеся клубы дымящего ладана.

---

[1] Рахманинов С.В., Вокализ.

[2] Шуберт Ф. Громова Н., Вечерняя серенада

Движущиеся тени и позолота иконостаса мерцали от дрожащего пламени свечей. На счастье, среди мерцаний света он увидел неподвижные лики икон. И успокоился.

Отстояв молебен до конца, возвращался домой с трудом. Дома о болезненном состоянии умолчал, – не хотел никого тревожить. Постарался успокоить жену, заметившую его бледность и рассеянность.

Он никогда не узнает, что приступ в церкви был первым знаком будущего страшного несчастья, жертвами которого стали он сам и вся семья. Сведения о том, что случилось, я получил буквально из первых рук неожиданно и при совершенно удивительных обстоятельствах.

Гибель семьи

В конце 1972 года последний американский астронавт покинул Луну, и через год Генеральный секретарь коммунистической партии Леонид Ильич Брежнев закрыл лунную программу в СССР. Закончилась борьба за престиж между СССР и США. Прервались уникальные проекты.

Я участвовал в одном из них как инженер-конструктор сразу после окончания МАИ.

Уже был запущен первый искусственный спутник Земли. В Томилино на заводе «Звезда», создавали скафандры и средства спасения для полета космонавтов.

В конструкторской бригаде Анатолия Стоклицкого, как и я, выпускника МАИ, мне поручили проектировать теплозащитный костюм с гибкими трубками для вентиляции внутреннего пространства скафандра.

Помню неприятное ощущение при испытаниях. Тогда в холодовой термокамере при минус 50-ти градусах с вентилятором мою поясницу припекло горячим узлом разводки вентиляционных трубок, который я проектировал. Пришлось этот узел дополнительно изолировать от тела.

12 апреля в созданном на заводе «Звезда» скафандре СК-1 Юрий Алексеевич Гагарин благополучно облетел планету Земля, катапультировался и приземлился.[1]

Гагарин Ю.А. в защитном костюме 12.04.1961 г. Виден входной патрубок системы вентиляции скафандра.

[1] Пахмутова А. Добронравов Н. Гуляев Ю., Знайте, каким он парнем был.

Это была неожиданная радость для всей Земли. Люди, как умели, выражали свою искреннюю любовь к храброму первопроходцу и прекраснейшему человеку.

Сразу после приземления Юрия Алексеевича фотографировали в нашем небесно-голубом защитном костюме, а также во время доклада по телефону Н.С. Хрущеву,

В начале 1966 года умер на операционном столе Главный конструктор Сергей Павлович Королев. который сыграл ведущую роль в освоении космоса. Под его руководством была исполнена вся работа.

После смерти Королева стало заметно отставание СССР от США. В Томилино разобрали стенд, на котором изучали передвижения человека в скафандре в условиях Луны. За изобретение этого устройства мы получили авторское свидетельство. Стенд состоял из высокого строительного крана, длинных упругих тяг и опорной поверхности в виде усеченного конуса большого диаметра. Он неплохо моделировал влияние лунного тяготения на движения человека.

394Впервые было доказано, что в условиях одной шестой земного тяготения человек даже без скафандра предпочитает передвигаться прыжками двумя ногами, при этом рефлекторно пригибается, как и при стоянии. Открывшийся двигательный феномен был описан впервые в журналах «Биофизика» и «Космические исследования» АН СССР. Видео, снятые американцами на Луне, подтвердили наши выводы.

После прекращения лунной программы мы постарались не допустить, чтобы первоклассное измерительное оборудование пропало без пользы. Под научным руководством профессора Физтеха Виктора Семеновича Гурфинкеля, участника войны и в конце жизни академика, продолжились исследования регуляции ходьбы человека и роботов в Институте проблем передачи информации ИППИ АН СССР. В трудах прошли десять лет. Был написан и выпущен в свет том «Физиология движений» в серии «Руководство по физиологии».

Зимой 1986 года новый Генеральный секретарь КПСС Михаил Горбачев объявил о введении гласности. Страна открылась всему миру, особенно американцам.

Как-то в начале лета Гурфинкель предложил мне помочь приехавшему в Москву профессору из Нью-Йоркского университета Миромиру Вукобратовичу с женой. Профессор, серб по национальности, занимался в Штатах антропоморфными роботами и биомеханикой. Осенью мы получили от него шагающий экзоселетон с пневматическими приводами, предназначенными для реабилитации парализованного человека. Требовалось провести испытания.

Исследование ходьбы экзоскелетона в поддерживающей треноге на колесиках проводилось в широком и светлом коридоре второго этажа института биохимии на Ленинском проспекте 33, где наш институт имел четыре комнаты.

Не буду вдаваться в технические сложности и результаты. Замечу лишь, что испытуемым был Дмитрий Хаспеков правнук Петра Алексеевича Найтаки и сын моей сестры Людмилы. Он был тогда худенький и легкий мальчик, соответствующий по росту и весу истощенному взрослому.

В это время в СССР происходила так называемая «перестройка». Изменилось право собственности, и сломалась экономика. Ученые, как и другие простые люди, лишились всего, что имели. Работу потеряли. Жизнь внезапно стала очень дорогой. В частности, без конца приходилось искать по Москве хоть самые дешевые продукты. Многие покинули Россию.

Вслед за стариками родителями уехал в Израиль Марк Шик, занимавшийся в соседней комнате электрическим стимулированием локомоций децеребрированных кошек. Однажды его сотрудник Виктор Селионов зашел ко мне и сказал, что в булочной на улице Косыгина стоит большая очередь покупателей – в одни руки дают две пачки чая «Три слона», а рядом в гастрономе на площади Гагарина «выбросили» мороженного минтая. Обычно в этом магазине, как и везде по Москве, прилавки были пустыми. Пришлось отложить дела и бежать за продуктами.

На следующий день, угостившись жаренным минтаем с варёной картошкой и душистым чайком, моя мама оторвалась от телевизора, где шел какой-то душещипательный иностранный сериал, и вдруг подала мне две фотографии, бережно завернутые в листочек кальки. Пока я их рассматривал,

она рассказала жуткую историю смерти своего отца Петра Алексеевича Найтаки.

Я теперь старше, чем была тогда моя мама, и понимаю, что она стала откровенной потому, что боялась забыть важное. Ей исполнилось 80. Слишком долго Мария Найтаки скрывала, из какой семьи был её отец. Наступившая в стране гласность открыла возможность рассказать правду, не опасаясь репрессий правителей.

Рассказ мамы нуждался в уточнениях. Во время смерти отца ей было семь лет, и она не все знала. Важные подробности обнаружились в немногих исторических источниках.

Стало понятно, что после переезда из Минеральных вод Петр Найтаки искал в Ессентуках как можно больше врачебной практики, так как платили мало. Хорошо ещё, что вознаграждали продуктами. Он вывесил объявления в аптеке и других местах скопления людей. Поместил объявление в газете «Сезонный листок для посетителей Кавказских Минеральных Вод». Однако работал Петр недолго, около месяца.

В это время в городе развернулась смертельная борьба за власть. В начале тайная, а далее открытая. Иногородние и рабочие выдвинули своим лозунгом «Вся власть Советам!», противники требовали -- «Долой Советы!».

Тогда-то и случился тот самый ужас. Поздним вечером в праздник православной Троицы Пётр Алексеевич возвращался домой после срочного вызова к больному. Быстро темнело. Людей на улице было мало.

Петр спешил. Навстречу брел пьяный казак. Увидел встречного и остановился в недоумении.

-- Здорово, мил человек! С праздником! -- сказал заплетающимся языком.

-- Здравствуй! – вежливо ответил Петр.

– Кто это у нас идет? – настаивал казак, вглядываясь.

Отшатнулся и вдруг закричал:

-- Ах, это ты, советская сволочь! Попался!

Казак увидел перед собой нерусского человека с большой черной бородой, как у председателя ессентукского Совета Рухадзе. Привычно достал револьвер и выстрелил. Классовая ненависть искала жертву!

В этот страшный момент моему деду было всего лишь 53 года. Тяжело раненный в грудь, он с неимоверным трудом добрался до дома. Видимо, удалось зажать рану и перевести пневмоторакс из открытого в закрытый.

Местный врач, с которым он работал и за которым побежали, побоялся прийти. Ночью Петр Алексеевич задыхался и истекал кровью. Его маленькая дочь принимала от беспомощной мачехи полотенца, пропитанные кровью отца. Пережитый ужас она запомнила навсегда.

Я обнаружил, что злодейское убийство произошло в июне 1918 года. Это следовало из воспоминаний того самого председателя Ессентукского Совета Давида Исидоровича Рухадзе. Они были опубликованы в Кутаиси в 1926 году.

Он писал, что однажды вечером в июне месяце он выступал на шумном митинге в обширном помещении ессентукского кредитного общества и разъяснял решения совета по земельному вопросу. Вдруг из Совета прибежали вооруженные товарищи, поднятые по тревоге. Оказалось, что в Ессентуках прошел слух, будто Рухадзе убили. Все ужасно перепугались, когда кто-то крикнул, что Рухадзе достал револьвер.

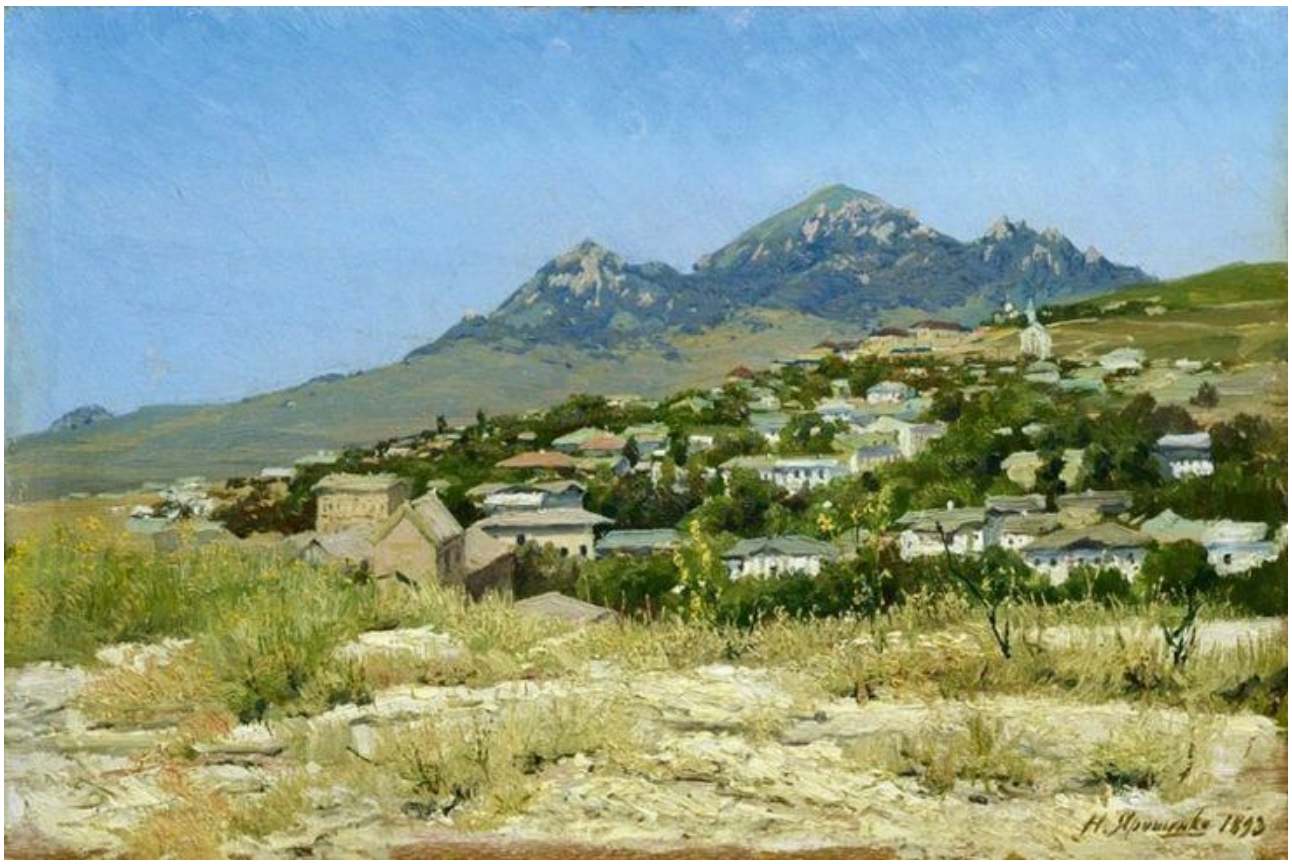
Как рассказывала наша мама, казак, застреливший её отца, приходил на следующий день и стоял на коленях на улице, – каялся. В дом его не пустили и, конечно, не объяснили, что он по пьяни убил казачьего урядника. Не думаю, что казачья форма с галунами на обшлагах и воротнике спасла бы деда –начиналась гражданская война.

По словам Рухадзе, утром в тот день на город напала банда «Волчья сотня» казачьего генерала Шкуро. Это было второе нападение. Первое, случившееся в начале месяца, выбили быстро.

Второе нападение было особенно страшным. Опять грабили население, убивали большевиков и советских работников. Особенно много было убито «на пятачке» в центре города у гостиницы «Метрополь». Во время «поспешной эвакуации» случилось крушение поезда. Бандиты добивали раненых. Наконец на выручку пришел из Пятигорска отряд красноармейцев на бронепоезде. Бандиты бежали в Кисловодск.

Историки подтвердили, что второе нападение случилось 24-го июня 1918 года. Это был следующий день после роковой для Найтаки Троицы. С убийства Петра начался конец пятигорской семьи Найтаки.

Вот что тогда произошло. Закончилась гражданская война, и советские власти принялись экспроприировать имущество и жильё богачей. Заодно реквизировали повсеместно всё зерно, даже семенное. Наступила разруха и страшный голод. Исхудалые люди стекались на юг отовсюду. Оставив в дороге последние силы, ложились в тени под заборами, тянули руки, просили кусочек хлеба и умирали.

Пятигорск (Ярошенко Н.А., 1893 г.)

Эти мучения голода испытал Михаил Найтаки. В начале 20-х годов его дачу национализировали. Может быть, оставили бывшему владельцу комнатку в подвале, хотя в этом я сомневаюсь. Такой, была практика в те времена.

Пятигорск стал другим, враждебным и грозным, лишившийся своей былой привлекательности. Его потрясали бесконечные аресты и расстрелы. Тяжело говорить, но в этот момент дети бросили старика. Спасая свои жизни, они эмигрировали в Турцию с последним пароходом из Крыма. Покинутый Михаил Алексеевич Найтаки умер в 1923 году от голода. Что сталось с Пелагеей Никитичной, его женой, не знаю. Как страшно умереть от голода профессионалам, всю жизнь прекрасно кормивших людей самой изысканной пищей!

Пятигорск, вид на центр с Горячей горы (2025 г.)

Так из Пятигорска исчезли Найтаки, потомственные почетные граждане Российской империи. Прямо сказать, город потерял свою былую славу и гордость.

Это происходило не только в отдаленном юге. Та же беда охватила всю страну, от самых маленьких деревень до крупных центральных городов. Что за ужасная жизнь – первыми в России всегда лишаться лучших, будто это жертвоприношения неведомым богам. Сия тайна эволюции общества велика!

Прошли годы, и хотя Пятигорск сильно изменился, в нем по-прежнему живут гостеприимные люди и по-прежнему истекает из недр Земли целебная вода.

Тайна круглой сироты

До горбачевской гласности непролетарское происхождение нашей семьи скрывалось. Из рассказанного нашей мамой Марией Петровной Найтаки мы помнили лишь, что большое родимое пятно у неё на лице чудесно удалила старая казачка, посадив у теплой печки и пошептав молитву. Знали, что у мамы в волосах появилась седая прядь после того, как умер первенец Адик. И даже ходили на его могилку.

Ещё она признавалась, что не знает точного дня своего рождения, несмотря на то, что у неё в паспорте имелась запись «24 июня». В предыдущей главе я рассказал, что на самом деле эта запись была датой смерти Петра Алексеевича, и, следовательно, паспорт Марии Найтаки, был своеобразным памятником любимому отцу.

Без сомнения, нашему папе Анатолию Андреевичу Богданову этот секрет был известен ещё со времени знакомства с мамой.

Они встретились, по свидетельству родственников, в ессентукском клубе медработников. Вероятно, в 1925-26 году. В клубе папа руководил комсомольской бригадой «Синяя блуза», занимавшейся агитацией на Кавказе.

Подобные агитационных группы были популярны в начале 20-х годов в СССР и в Германии. В своей бригаде Анатолий исполнял любые обязанности: сочинял стихотворные речитативы и режиссировал в стиле Меерхольда-Брехта, становился ведущим актером и даже художником-авангардистом и аккомпаниатором.

Можно сказать, что он действовал по поговорке «и швец и жнец и на дуде игрец». Впечатлял своим оптимизмом и бодростью. Не удивительно, что юная Мария потянулась к нему. Трудная жизнь сироты, конечно, способствовала этому.

Мария и вдова Елизавета Николаевна после смерти Петра Алексеевича выживали, продавая вещи. Испытали крайнюю нужду. Елизавета Николаевна учительствовала.

Её воспитанница Мария выросла строгим человеком. В то же время душа у неё не была лишена чувствительности. Например, она не могла есть курятину, – помнила, как во время голода зарезали её любимую курочку.

В начале 20-х годов юная Мария устроилась на работу санитаркой, кажется, в санаторий Медсантруд или, может быть, имени Клары Цеткин. Затем перешла в Верхние ванны.

Когда она собиралась выйти замуж, Елизавета Николаевна внезапно призналась, что она ей не мать. Народная мудрость гласит: выходя замуж, готовься к сюрпризам. Но при этом стать круглой сиротой – это было слишком!

Много лет спустя мама говорила моей сестре, что чувствовать это было особенно тяжело. Ведь именно Елизавета Николаевна познакомила её с Анатолием. Вдова и сирота объяснились. Мария заставила мачеху назвать имя матери.

Впоследствии мы с ней близко познакомились. Её звали Степанидой Степановной Клеменчук. В момент раскрытия тайны эта женщина была вдовой с двумя детьми сыном Гарри и дочерью Любовью. Их отец Ульян, железнодорожник, погиб в Минводах, спасая товарища, задохнувшегося от испарений мазута при чистке колесной цистерны.

Мария и мачеха расстались после тяжелого объяснения. Елизавета Николаевна вернулась на Дон к родным, а Мария ушла жить к родителям жениха. Адаптация сироты к обычаям, принятым в старообрядческой семье Богдановых, прошла неплохо, несмотря на то, что Мария пришла бесприданницей в довольно суровую семью мужа. Помогло то, что она переняла от мачехи навыки правильно вести себя с людьми.

Мария принесла с собой две ценности и несколько фотографий. Эти бесценные фотографии были показаны здесь в начале и в конце повествования.

Ценностями были раковина тигровой ципреи (кауры) и грибок для штопки. В новом доме эти вещи превратились в подобие милых семейных талисманов. Морская раковина,

возможно, ассоциировалась с греческой фамилией отца, а грибок напоминал о заботливой и доброй мачехе.

Анатолий, муж Марии, обожал эти памятки. Придя с работы, непременно мылся, и, меняя одежду на чистую, добродушно надевал «текинские ковры», как он называл свои любимые носки. Его жена штопала их на грибке разноцветными нитками. Какое прекрасное средство психотерапии! Отвороты рубашек мужа и свои платья красиво вышивала «крестиком», как научила мачеха.

Мария Петровна Найтаки и Анатолий Андреевич Богданов

В 1926 году, когда Мария ждала первенца, Анатолий с несколькими друзьями поехали в Москву на Всесоюзный съезд синеблузников. После съезда ессентучане оказались без денег.

Мама однажды обмолвилась, как отец с товарищами мостили булыжником московские улицы и один из них по фамилии Чайка пел и развлекал друзей. Мимо проезжал на пролетке Григорий Ярон, известный певец, артист и основатель театра Московской оперетты. Представление ему понравилось.

Он остановился и пригласил друга отца на прослушивание. Похоже на легенду! Остальным «везло» по-другому.

Они разбирали печи и устраивали паровое отопление в Шереметьевской больнице на Сухаревке. Потом строили новые дома в Марьиной роще.

Постепенно набрались опыта, получили квалификации строителей, и стали неплохо зарабатывать. Отец одновременно заведовал клубом рабочих. В итоге получил комнатку 6 квадратных метров по адресу Москва, Большой Трехгорный переулок, дом 6, квартира 5 (на первом этаже, вход со двора).

Часы досуга отец посвящал сочинению повести «Марш гладиаторов», описывающей поездку бригады синеблузников по кавказским станицам. Он послал её Максиму Горькому. Великий писатель ответил советом учиться.

Следуя совету, отец регулярно занимался в литературном кружке, пытаясь научиться литературному мастерству. Много читал – тогда в СССР усиленно печатали и продавали недорого классическую литературу. Народное творчество поощрялось, и он копировал по открыткам известные картины, когда научился работать маляром.

В 1928 году Анатолий забрал к себе из Ессентуков жену и ребенка. В дороге первенец Адик заболел и умер от крупозного воспаления легких. Последние стихи, которые отец написал в жизни, были прощанием с умершим сыном.

Когда родились я и сестра, папа заботился о нашем образовании. Книги, бумага, карандаши и краски не переводились. Он радовался, когда мы декламировали стихи. Сестра это любила. В редкие часы, когда папа бывал дома, мы, случалось, пели песни. Мама не пела – она не имела голоса.

Папа купил волшебный фонарь и наборы стеклянных раскрашенных слайдов. По вечерам дети коммуналки -- их было семеро -- набивались в нашу комнатку. На дверь вешали белую простыню. Смотрели сказки. Помню сказку о веселом бобе, горячем угольке и грустной соломинке. Кто-то постарше читал текст. Со временем мы уже «читали» сами по памяти.

Один семейный праздник запомнился нам на всю жизнь. В то лето, кажется, 1940-го года, мы жили с родителями в городе Кирсанов. Мне было шесть лет, а моей сестренке три года.

Папа работал в конторе по добыче золота в Европейской части СССР. Помню, как мы с ним ходили по городу и расклеивали объявления о наборе старателей в артели. Для жилья отец снимал комнату и веранду в частном доме.

Вечерами мама водила нас недалеко на близкую речку, чтобы мы помылись перед сном. На обочине дороги в пыли лежали разомлевшие свиньи, которых Люся пыталась разбудить хворостиной, но мама не позволяла.

Мелкая речушка протекала через обширный зеленый луг. Стадо коров пило воду. Пастух мыл лошадь. Мы мылись в сторонке. Вытирались и самостоятельно одевались. Дома на ужин получали по солидному ломтю ржаного хлеба и по большой кружке холодного молока, бидон которого доставали из колодца посреди мощенного двора. Спокойно засыпали.

Однажды нас разбудил веселый разговор. Из Москвы приехали хорошо знакомые нам дяди Петя Захаров и Ника Богданов, двоюродные братья нашего папы.

После завтрака папа предложил братьям интереснейшую прогулку и купание в замечательной местной реке Ворона. Мама осталась дома, судя по всему, готовить обед.

Шагали мужчины быстро. Скоро городская улица закончилась. Дорога вела в широкие поля с перелесками.

Мне приходилось почти бежать позади. Увлеченные разговорами взрослые будто не замечали эти старания, и моё самолюбие почти не страдало. Люсю папа нес на закорках.

Наконец, мы пришли к большой реке. Поток в ней был по вороньему темным. Широкий берег, поросший зеленой травкой, круто обрывался в воду. На противоположном берегу росли разрозненные кусты и деревья. Река уходила вправо за большой песчаный бугор, на котором густо росли высокие сосны.

Мы на песок не пошли, а расположились на травке, где берег обрывался в воду не слишком круто. Но у берега было глубоко для меня с сестрой. Мне приходилось стоять на цыпочках, а веселый дядя Ника предложил покатать Люсю на спине. Папа взял её на руки, положил дяде на спину и велел держаться за шею.

Мне оставалось только завидовать. Все плавали, я не умел, на Кавказских водах еще не было тех прудов и бассейнов, где можно было бы научится плавать малышне.

Последний сосновый бор на реке Ворона (2025 г.)

Когда вылезали на берег, дядя Ника вдруг воскликнул:

– Уверен, здесь точно есть раки! Надо проверить. – и стал шарить под берегом. Вскоре закричал:

– Я прав! – и выбросил на траву первого рака. Братья мгновенно превратили свои майки в мешки, и дружно принялись искать под берегом норы с раками. Когда мешки наполнились, компания весело отправилась домой. Пообедали.

Папа взял бидон из-под молока и ушел за пивом. Тем временем раки, шуршащие в большом тазу с водой, готовились встретить свою судьбу. Мама вскипятила большую кастрюлю воды. Дяди обсудили, надо ли заправлять раков специями.

Дядя Петя авторитетно остановил дискуссию: – Маруся, посоли, как будто это бульон. С солью кипяток будет круче. – Дядя Ника стал помогать бросать несчастных раков в кипяток.

В центре стола появилось большое блюдо, полное ярко красных раков. Все тут же принялись за них. Дядя Петя объяснил мне, как их едят. Люсенька пробовала рачью икру, которую папа доставал для неё. Признаюсь, раки нам, детям, не понравились.

Речные раки Тамбовской области

Тем временем разговоры взрослых развернулись. Было, о ком и о чем поговорить. Друзей и родни была множество. Застольная беседа стала интересной. Центром интереса был папа. Все внимательно слушали умные речи Петра. Компанию веселили шутки Ники.

Ника был сыном одного из девяти братьев нашего дедушки Андрея Георгиевича. Работал в каком-то учреждении в Москве. Петя был племянник нашей бабушки Марии Дмитриевны. У неё

(в девичестве Мани Ветохиной) были две родные сестры: старшая Даша (в замужестве Дарья Захарова) и средняя Душа (Евдокия Сурова, в слове Душа ударение на У).

Летнее застолье (Деймоназ А., 2015)

У Души был один сын Слава. У Даши старший сын Петр и младший Володя. Петр Иванович мой крестный, закончил рабфак и работал главным инженером на деревообрабатывающей фабрике в Химках, когда строился канал имени Москвы. Бывало, мы ездили к нему в гости. У Пети был приемный сын Игорь, немного косивший. Скоро Петина жена Ирина утопилась в канале из-за болезни.

Мама подолгу молчала. Это её не тяготило – все относились к ней дружески. Когда мы стали клевать носом, мама дала нам

молока с печеньем и отправила спать. Сквозь сон мы долго слышали разговоры. Как ушли гости, не заметили. Встреча, можно сказать, удалась!

Просматривая в интернете старинные календари, я обнаружил, что наше празднество происходило по шестидневному рабочему календарю в выходной день 24 июня. Как я уже пояснил, это был день рождения мамы по паспорту, и он совпадал с днем смерти её отца. Добрые дяди, не зная того, невольно поминали моего деда Петра Найтаки.

Через день в СССР начал действовать крутой указ Верховного совета о замене шестидневной рабочей недели на восьмичасовую семидневную. По указу опоздание на 21 минуту наказывалось принудительной работой, прогул – тюремным заключением. Веселья затруднились, и скоро исчезли совсем, но по совсем по другой, неожиданной причине.

Подвиг милосердия

Если предыдущие события мы запомнили, как самые прекрасные, какие могут быть в жизни, навсегда оставившие самое светлое чувство из всех возможных, то последующие страшные события мы не забудем, что бы не случилось, хотя они принесли самое страшное горе и для нас, и для всех жителей страны. Эти тяжелейшие воспоминания никто из нас не забудет, как бы наша жизнь не складывалась в дальнейшем. Болезненные шрамы от многолетнего тягостного горя напоминают о себе, чем бы мы ни занимались.

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. После страшной бомбардировки в 4 часа утра немецкие фашисты развернули наступление на СССР через всю западную границу.

В октябре 1941 года Москву бомбили уже каждую ночь. Город тушил зажигалки и спасал дома. Отца мобилизовали в армию, но отпустили на время, необходимое для эвакуации детей. Отец проявил удивительную энергию. В те дни детей вывозили из Москвы в массовом порядке. Он нашел и уговорил взять нас с собой малознакомую женщину, уезжавшую в Ессентуки с дочкой. Низкий поклон этой доброй женщине!

Помню, как в затемненном Курском вокзале с синими путевыми фонарями звучала воздушная тревога. Под устрашающие звуки сирены отец пробрался через людей и груды вещей в темном вагоне, посадил нас на верхнюю полку, поцеловал и велел слушаться тётю. На память оставил запах своего любимого трубочного табака. Мама нас тихо поцеловала.

Мобилизованного папу долго держали в воинской части поблизости от Беговой улицы. Думаю, что там формировался воинский резерв. Изредка отца отпускали домой в увольнительные.

Первая военная зима была очень суровой. По воспоминаниям мамы отец сильно мерз в своих ботинках с обмотками. Она часто ходила к нему. Едва не погибла у Ваганьковского кладбища, где был похоронен её первенец.

Звучали тревожные звуки сирен. Слышались глухие взрывы бомб. Земля вздрагивала. Лучи многочисленных прожекторов освещали суровые тучи и немецкие самолеты. Осколки зенитных снарядов смертельным градом сыпались вокруг. Человек, дежуривший в ближнем доме, втянул растерявшуюся маму в подъезд.

Ей тогда необыкновенно повезло. Она не была ранена. Полутонная бомба упала на угол Трехгорного вала и Шмитовского проезда. Взрывная волна была такой силы, что в нашем доме она уничтожила остекление, а двери вынесла наружу. Окна забили фанерой. Двери починили. Но по-прежнему было ужасно холодно, ведь паровое отопление в доме не работало.

Чтобы не оставлять отца одного, мама устроилась недалеко от воинской части уборщицей в булочную рядом со станцией метро Аэропорт. Она ночевала там в относительном тепле. На Пресню ходила редко, чтобы помыться.

Ближе к весне папу отправили куда-то в Горьковскую (теперь Нижегородскую) область. Он писал, что учится на мотоциклиста. И даже приложил к письмам рисунки мотоциклетных тренировок.

Добрая женщина благополучно довезла нас до Ессентуков. Нас встретили дедушка Андрей Георгиевич Богданов и тётя

Зина Шукунова, родная сестра отца. Она была моей крёстной матерью.

Пока мы шли, тетя все пыталась нас расцеловать. Мы поселились у дедушки и бабушки на улице Орджоникидзе 54. Дедушке Андрею было 70, а бабушке Мане 64. Они стали для нас на всю жизнь близкими людьми.

Дедушка работал ночным сторожем в санатории. Вечером надевал старую солдатскую шинель. Насыпал в карман подсолнечные семечки, которые бабушка жарила еще днем, и, не говоря ни слова, уходил.

Как-то утром он пришел с работы в хорошем настроении, достал из шинельного кармана помятый ломтик хлеба, завернутый в белую тряпочку, угостил нас и сказал, что это лисичка прислала угощение. Мы догадались, что он превратил свой ужин в угощение для нас. А дедушка сказал:

– Послушайте новую песню!

Замечательно запел:

– Поезд из Тамбова мчится по полям, парня молодого он везет к боям. Эй! Пой, играй, гармошка, едет первый взвод. Дальняя дорожка товарищей зовет.[1]

Допел до конца и стал учить сестренку Люсю словам. После они спели песню вместе. Бабушка сказала, улыбаясь:

– Старый, тебе бы сейчас гармошку.

И пояснила:

– Торговля у него шла бойко, когда играл на гармошке. Все казачки сбегались из станицы в лавку. Они покупали у него орехи да сладости. Шелухой от семечек заплевали весь пол. Я еле-еле могла их прогнать.

Через много времени мы узнали, что дедушка знал много песен. У него был хороший голос В царской армии был полковым запевалой. Над бабушкиной кроватью висела цветная литография восседающего на красивом коне гусара с фотографическим лицом дедушки.

Жаль, что мы слышали его песни редко. Может быть потому, что наши старики были истинными старообрядцами и

---

[1] Морозов И. Сафронов А. Пой, играй, гармошка (1942 г.)

развлечения строго ограничивали. Праздники посвящали домашним молебнам из-за того, что церкви были закрыты. Дедушка читал по церковным книгам нараспев длинные молитвы и кадил ладаном – у него была своя кадильница.

После прекращения гонений на церковь он взял меня молиться в Покровскую церковь на пасху 1943 года. Помню, как тесно и жарко было в храме, как радостно все шествовали в прохладе по двору с горящими свечами в руках, выкрикивая «Воистину воскресе!» в ответ на возгласы священника «Христос воскрес!» После решительного перелома в войне, в стремлении окончательно победить фашизм, церковное священнодействие стало совершаться повсюду.

Проводив отца, мама приехала к нам и устроилась работать сестрой-хозяйкой в Верхние ванны. Пригодился прошлый еще с юности опыт. Теперь здесь был сортировочный госпиталь, распределявший раненных по профильным госпиталям, открытым в бывших санаториях.

Сменились три поколения людей, и приоткрылась история хаоса, возникшего при оккупации Кавказских вод. Пришло время отдать должное и героям, и трусам. Ведь известно, что лишь одна правда позволяет современникам не забывать подвиги народа и не умаляет славы, обретенной родиной за победу в то страшное лихолетье, едва не уничтожившее не только наши надежды, но всю страну вместе с нами.

Главный врач Верхних ванн погрузил на грузовик свою семью, документы и самое ценное из госпиталя, и уехал. Люди говорили, что потом его нашли и расстреляли за трусость. Легкораненые ушли пешком в сторону Нальчика.

Медицинский персонал госпиталя – это были одни женщины – проявили невероятную самоотверженность. Беспрекословно разобрали тяжелораненых по домам.

Но отказались брать хорошо заметного рыжего политрука из Башкирии, раненного в правое бедро. Уже было известно, что за сокрытие комиссара немцы расстреляют всю семью.

Мария Найтаки имела достаточно оснований отказать в помощи этому человеку. По сути он был из тех людей, которые убили её отца и погубили семью Найтаки. Она поступила иначе,

– поднялась до высшей формы милосердия. В ней открылись лучшие качества рода Найтаки!

Как старшая по должности, она взяла запас медикаментов и средств по уходу, погрузила это и раненого на ручную тележку и привезла к нам ночью, чтобы никто не видел.

Верхние ванны в Ессентуках

Старики родители отца ничего не сказали. По крайней мере, мы не слышали. Как я понимаю, они многое повидали и, будучи настоящими старообрядцами, никого не осуждали.

Раненого положили на кровать, где перед этим спали бабушка с Люсей. Новую постель для них устроили на полу. Когда все разместились, дедушка достал домовую книгу и при свете керосиновой лампы нашел свободную строчку на более раннее число. Туда записал прибывшего «родственника». После этого пошел во двор прятать его документы.

В городе наступило недолгое время безвластия. Какие-то люди грабили санатории, магазины, склады и так далее.

Дедушка тоже «ограбил» свой сарай. Он срочно перенес дрова и прочее из сарая в дом, и захламил, как мог, свою комнату.

На следующий день я бегал с соседскими мальчишками смотреть, как зеленые тупорылые немецкие грузовики с тентами на кузовах съезжают с Пятигорской улицы вниз на нашу улицу и проезжают мостик через ручей Вонючку. Вечером прибежала тетя Зина. Она жила тогда на Садовой улице. Преодолела полгорода несмотря на опасность.

Это оказалось судьбоносным решением, знаком спасения не по чужой воле, а по зову родного сердца. Дальнейшее происходило страшно и удивительно.

Поздно вечером отворилась дверь хаты. Из темного чулана вошли, не постучав, однако склонив головы под низкой притолокой, два высоких немца в темной форме: один пожилой, другой, вроде бы, молодой, – трудно было разобрать в полумраке. Остановились молча и неподвижно.

Могу представить, какую мрачную картину они увидели. В хате под низким потолком открылись две слабо освещенные небольшие комнаты, заставленные старой мебелью.

Дрова, мешки, тазы, коробки и ещё что-то непонятное заполняло переднюю комнату. Посреди этого хлама тусклая керосиновая лампа освещала стол, покрытый старой клеенкой. За столом сидел плохо одетый худой дед с бледным лицом и седой бородой. Рядом с дедом угадывалось деревце ядовитого олеандра. В темном углу в свете синей лампадки виднелись мрачные темные иконы. Под ними на столике лежали толстые молитвенные книги.

В простенке между комнатами располагалась небольшая двухкомфорочная печурка. Позади простенка угадывалась комната чуть побольше. Туда вела убогая тканевая дорожка.

Там в углу висела красная лампадка перед киотом с иконами. Она едва высвечивала сидевших у стены на сундуке двух испуганных детей, темноволосого мальчика и светловолосую девочку. Их прижимала к себе маленькая старушка в темном платке. У противоположной стены на низкой кровати сидели две бедно одетые женщины с мрачными горестными лицами, и позади них лежало тело, накрытое белой простыней.

Немцы не сделали больше ни шага. Пожилой резко и строго проговорил что-то вроде:

-- *Der Tote im Haus ist ein schlechtes Omen. Lass uns schnell von hier verschwinden!*[1]

Оба быстро вышли. Мы услышали, что во двор въезжает грузовик. Утром обнаружили поваленные ворота. На дверце пустого грузовика увидели нарисованную белую голову какого-то зверя -- то ли шакала, то ли волка.

Опытный дедушка, по-видимому, знал, как будут вести себя эти люди. Он служил в царской армии, воевал и помнил, как солдаты становятся на постой. Подумайте, кому на войне захочется ночевать в мрачном загадочном доме с покойником? Немцы у нас больше не появлялись.

Бабушка и мама лечили раненого, как могли. Выгоняли нас с Люсей из дома, когда меняли повязки и давали судно. Бинты стирали и кипятили. Сушили на веревках, натянутых по всему дому. После гладили утюгом с тлеющим древесным углем. Нам доверяли скатывать рулончики чистыми руками.

Перед зимой почти закончилась еда. Бабушка покопалась в двух сундуках, где хранилась в основном зимняя одежда. Достала что-то из хорошей одежды, отрез ткани и все самое ценное, что можно было найти в доме. Мама и тетя сложили собранное в два заплечных мешка, оделись в теплое и отправились в поход по селам, чтобы менять вещи на еду.

После возвращения тётя Зина восхищенно рассказывала, как мама никого и ничего не боялась. Их подвозили даже немцы. Однажды на полевой дороге остановил полицай. Он был русский. Спросил, куда они идут. Мария ответила, что в село и объяснила зачем. Полицай сказал, чтобы они поворачивали, – идти вперед опасно. Объяснил, что в селе стоят румыны и лютуют страшнее, чем немцы. Мария спросила, что делать. Полицай ответил, идите поскорее по тропинке. Там перейдете речку по кладке и спасётесь.

Вспоминая это, тетя дрожащим голосом восторженно рассказывала, как она перебиралась по узенькой обледенелой

---

[1] *Мертвец в доме – это плохая примета. Уйдем отсюда поскорее! (нем.)*

кладке высоко над бешеной горной речкой, а мама звала, уговаривала и хвалила её.

Вернулись они с менее чем наполовину наполненными мешками. Там были мука, подсолнечное масло, шмат соленого сала, кукурузное зерно и ещё что-то. Мама сильно простудилась. Бабушка Маня её долго потом лечила травами.

Дедушка Андрей купил или достал где-то небольшую кустарную крупорушку, сделанную из отрезка оребрённой стальной трубы с ручкой. Это устройство надевалось на граненый стальной стержень с насечкой. Каждый вечер, сидя на полу, мы с Люсей по очереди всыпали кукурузу сверху и крутили крупорушку за ручку. Бабушка просеивала полученное, чтобы отделить муку. Кукурузная мамалыга с салом и лепешки из кукурузы были основной едой в доме.

Ночью в католическое рождество по всем Ессентукам гремела стрельба, пели и кричали немцы. Бабушка заложила окна подушками, чтобы защититься, если будут падать стекла. Все легли на пол, чтобы не попала пуля. Кроме раненого. Ему это не требовалось, – он и без того лежал на низкой кровати.

В начале января немцы незаметно исчезли ночью. Тяжелые прицепы для перевозки понтонов бросили в саду нашей школы. Днем мы, уличные мальчишки, видели, как по улице Бештау в сторону Октябрьской площади быстро ехали конные телеги, заполненные мужчинами, одетыми в гражданское. Ездоки кричали и размахивали винтовками. Это были партизаны. Политрука забрали в госпиталь.

В одно зимнее утро 1942 года яркий солнечный свет лился в окна хаты, а бабушка Маня, хлопотавшая по хозяйству, будила нас с сестрой, весело декламируя прекрасные стихи: «Мороз и солнце день чудесный! Еще ты дремлешь, друг прелестный – пора, красавица, проснись: открой сомкнуты негой взоры...»[1] «Шалун он заморозил себе пальчик: ему и больно, и смешно, а мать грозит ему в окно...»[2]. И провожала меня в школу словами: «Ноги босы, грязно тело, и едва прикрыта грудь... Не стыдися!

---

1 Пушкин А.С., Зимнее утро.

2 Некрасов Н.А., Однажды в студеную зимнюю пору.

Что за дело? Это многих славный путь.» Через годы мы узнали, что так говорили Пушкин и Некрасов.

В то утро я шагал на учебу в начальную мужскую школу номер 4 в приподнятом расположении духа. Люди уже протоптали дорогу в глубоком снегу, выпавшем за ночь. Снежная траншея скрывала меня почти с головой. В котомке я нес букварь, химический карандаш и тетрадку, сшитую мамой из газетных листков. Сестренка в это время писала дома кусочком известки первые буквы на грифельной дощечке.

Наше счастье длилось недолго. На семью обрушилась страшная лавина тяжелых испытаний.

Случилось это после принесенного почтальоном армейского треугольника от дяди Володи, младшего брата отца. Он писал, что воевал на Украине в партизанах. Раненого, его вывезли самолетом. Потом в госпитале долго лечили тяжелую рану от разрывной пули немецкого снайпера.

История спасения дяди Володи произвела сильное впечатление на всех нас. Все знали слова недавно появившейся песни «Жди меня, и я вернусь всем смертям назло»[1]. И вот тут, будто нарочно, один из раненых, поступивших в мамин госпиталь, рассказал нашей маме, что видел отца в переполненном госпитале в Калаче на Дону. Мария Найтаки не захотела следовать советам песни и ждать. Не колеблясь, действовала решительно. Чтобы помочь раненному мужу, она нанялась на работу в Таманскую дивизию, пополняемую на Водах, и уехала, рассчитывая добраться до Дона. Что произошло с мамой, мы узнали позднее.

В Ессентуках почти сразу после отъезда мамы к нам пришли вооруженные люди и арестовали дедушку. Тетя Зина побежала в милицию спасать его. Там она узнала, что рыжий политрук оклеветал дедушку, когда спросили про документы. Трусоватый политручок просто боялся непременного наказания за утрату партбилета. Выдумал, что тот специально забрал документы, чтобы передать немцам.

Нашей семье за сотрудничество с немцами грозили арест и высылка. Деда посадили и били, выбивая признание. Он

[1] Блантер М. Симонов К. Виноградов Г., Жди меня.

признался, что ночью спрятал бумаги на огороде. Когда Красная армия прогнала немцев, искал, но не нашел.

К нам пришли двое с оружием и провели строжайший обыск. Но документов не нашли. Только украли новые карманные часы отца, последнюю ценность, которую он, уходя на войну, велел продать в случае, если наступит крайняя нужда. Заодно прихватили большой цветной карандаш. Бабушка берегла его. Он напоминал ей о любимом сыне.

В поисках документов я ковырял холоднючий огород. Долго и без успеха. Потом сообразил, что следует начать с самых вероятных мест, и прежде всего с межи. Тогда на окраине Ессентуков соседи не отгораживались заборами. Защищались только со стороны улицы, чтобы не забрела скотина, которую гнали кнутами на скотобойню, действующую в конце нашей улицы на берегу Подкумка.

У нас на межевом земляном валике росла густая трава. Под ней вблизи нашей уборной, действительно, нашлась стеклянная банка с документами. Дедушку отпустили и даже извинились, но отцовские часы и карандаш не вернули.

Сестра до сих пор убеждена, что к нам приходили не оперативники НКВД, а бандиты, так как на следующий день она опять видела этих людей на нашей улице, а в доме на отшибе была убита одинокая женщина.

Политрук приходил из госпиталя с извинениями, но бабушка не пустила его на порог, вопреки тому, что любила повторять заповедное «не судите, да не судимы будете».

И тут мы испытали настоящий кошмарный ужас. Глухой ночью нас обворовали в наглую. Мы, беспомощные, сидели в хате и боялись пикнуть, пока через крышу нашего сарая выносили дрова и папину библиотеку. На прощание воры уволокли со двора толстое бревно, служившее нам скамьей.

Мы остались в совершенно нищем состоянии – ни еды, ни дров, ни вещей. Впору было идти побираться.

На наше счастье из госпиталя на побывку после ранения приехал дядя Володя и пришел к родителям за советом. Пока он воевал, его жена нашла себе хахаля. Дедушка и бабушка советовали помириться с изменщицей ради маленького сына. Дядя Володя так и сделал.

Стал работать на станции МТС. Там получил почти полмешка соленой селедки и сколько-то торфа. Это было наше временное спасение потому, что дядя скоро вернулся на войну. Он воевал до победы, и с женой все-таки развелся.

В поисках реального спасения дедушка обнаружил на пятигорском базаре оптового торговца. Стал регулярно брать у него в долг товар для розницы. Это была разная мелочь: суровые нитки, мелкие гвоздики, иголки, кремни для зажигалок, пузырьки резинового клея и тому подобное.

Дед, сестренка и я разделяли это как можно точнее на небольшие доли и делали кулечки из старых газет и моточки. Обязательно прибавляли немного лишнего. У сестренки это получалось особенно аккуратно. Рано утром дедушка шел на ессентукский базар, раскладывал свой товар на чистой белой тряпочке на земле и продавал. Иногда вместо него торговала Люсенька. У неё это получалось очень хорошо.

Наценка для розничной торговли нас спасла. Милиция называла это спекуляцией. Для порядка старика иногда арестовывали. Но мир не без добрых людей! За деда билась моя крестная мать Зина. Так в борьбе за существование шла наша жизнь, пока на фронте мужчины гнали немцев.

Мария и дети в Москве

Мама не нашла отца на Дону, и заболела. Уволилась из армии, когда Таманская дивизия повернула на Керчь. Ростов-на-Дону брали части 28 армии.

Куда было ехать заболевшей Марии? Путь в Москву для неё, гречанки, был закрыт – шла жуткая депортация греков и других народов юга России. Переселение этих людей начали из-за того, что с точки зрения высшего командования они вели себя в оккупации как предатели. Вину отдельных людей переложили на целые народы. Порядочные люди были поражены в правах. Маме особенно запомнилось, как в её части чеченец Герой Советского Союза лейтенант хотел застрелиться, когда узнал, что его семью депортировали.

Больная Мария Найтаки вернулась в Ессентуки. И тут нам принесли извещение о том, что красноармеец Богданов

Анатолий Андреевич пропал без вести. Мама рыдала в голос. Старики ушли в дедушкину комнату и затихли. Наверное, молились. На следующий день мама решила ехать в Москву, считая, что только там есть смысл продолжать поиски мужа.

Первым делом получила новый паспорт. Не могу сказать каким способом, но думаю, что благодаря знакомствам. Ведь её, как и нашего отца, прекрасно знали здешние комсомольцы, ставшие к тому времени начальниками. Из гречанки мама превратилась в русскую. Родилась 22 июля в Ессентуках вместо Минеральных вод и стала Наитаки вместо Найтаки. Нам она признавалась, что не знает своего настоящего дня рождения.

С новым документом она уехала в Москву. В московской коммунальной квартире вдовы и горюющие матери её не выдали. Война страшно ударила по ним. С войны вернулся лишь один сосед израненный дядя Коля. Слава нашим воинам, защитившим страну, и нашим женщинам, по зову сердца беззаветно следующим чувству «чужих детей не бывает»!

В этот решительный момент домоуправ отказал маме в прописке в её комнатку, и принялся нахально домогаться благосклонности, соблазняя обещанием все устроить.

Маму спасли от унижения соседки по коммуналке. Подозреваю, что её лучшая подруга Катя Звягина посоветовала обратиться к самому высокому начальству. Катя была чрезвычайно энергичным человеком. Работала всю войну сварщицей на 30-м авиазаводе Ильюшина. После войны заслуженно была выбрана депутатом райсовета.

Общественная приемная Председателя Верховного Совета СССР Михаила Ивановича Калинина находилась напротив Манежа на углу улиц Моховая и Воздвиженка. Все её хорошо знали. Мама записалась на прием.

Калинина не зря называли Всесоюзным старостой. Его имя внушало и уважение, и страх. Страх особенно усилился после того, как за один год до войны Калинин подписал небезызвестный указ о введении семидневной рабочей недели вместо шестидневной. Карательные меры указа запомнились.

Через много лет, когда Мария работала инспектором отдела кадров Гипромеза (Государственного института по

проектированию металлургических заводов), ей приходилось приводить в чувство пожилых сотрудников.

В институтской проходной она от души упрекала их за то, что они, стараясь успеть минута в минуту, прибегали на работу, едва дыша. Она успокаивала: «Уже не требуется так делать – надо беречь своё здоровье.» И усаживала рядом с собой, чтобы они отдышались. За доброту сотрудники избрали её в местком.

На прием к Калинину Мария пошла, собрав в назначенный день всю силу своей воли. Её сразу предупредили, чтобы говорила кратко и по существу дела.

Маленький седенький старичок сидел за большим столом. Оглушенная страхом Мария, села в кресло, напротив. В углу большого кабинета что-то записывал секретарь. Мама, как умный человек, не стала говорить обо всех своих трудностях. Ограничилась рассказом о приставаниях к вдове с двумя малолетними детьми из-за прописки на малую площадь.

Как потом мы узнали, мама разлучила нас с дедушкой и бабушкой, исполняя наказ мужа, уходившего на войну. Он просил, чтобы дети получили настоящее образование после войны. А где, как ни в Москве, это можно было сделать?

Первым делом маме пришлось заняться нашей одеждой. Она перешила папину сорочку для меня, свою кофточку для Люси и отвела нас в фотоателье.

В ответ она услышала ободряющие слова. Через много лет открылось, что жена Калинина тоже была репрессирована. Старичок искренне сочувствовал и утешал вдову словами:

– Миленькая, успокойся! Все будет хорошо.

В условиях войны бюрократия действовала мгновенно. Насмерть перепуганный домоуправ буквально валялся у мамы в ногах, умоляя о прощении. Она была прописана.

После посещения Всесоюзного старосты Мария Наитаки спокойно приехала и забрала нас из Ессентуков. К нашему стыду, радуясь встрече с ней, мы не сразу почувствовали, что значит расставаться с родными стариками, которые любили нас и делали все, чтобы спасти наши души и жизни.

Представляю, какие скрытые чувства кипели в маме в этот момент! Её дочери было почти столько лет, сколько ей самой, когда она лишилась в Ессентуках любимого отца.

Может быть, поэтому Люсеньку она никогда не наказывала. Мне часто попадало, и было за что. Особенно доставалось моим ушам. Через некоторое время, когда мы немного освоились в Москве, она перестала это делать.

Валя и Люся Богдановы дети Марии Найтаки (1946 г.)

В ярком свете Победы для нас началось восстановление страны и осуществление мечты родителей. Вечером 9 мая 1946 года я и мои друзья по коммуналке Юра Устюков и Вадим Звягин -- племянник и сын тёти Кати -- с разрешения матерей отправились на Манежную площадь, где происходило гуляние во вторую годовщину Великой Победы.

К сожалению, сохранились лишь вечерние фотографии начала сбора людей. Фотографии эффектных ночных видов не могли получиться. По меньшей мере я их не нашел. Поэтому ограничусь кратким словесным описанием.

Проход на Красную площадь был, ко всеобщему сожалению, закрыт. Огромную Манежную площадь постепенно заполняла толпа, сильно прореженная за время войны.

Манежная площадь перед реконструкцией 1990 годов

Гуляние на манежной площади в 1947 году

Гражданские люди то тут, то там качали военных на руках. Все, ошалели от радости, обнимались, танцевали и пели. На сцене перед фасадом Манежа играл оркестр. [1]

В ограду Александровского сада смотрели радиаторы военных грузовиков с зенитными прожекторами в открытых кузовах. Вольтовы дуги прожекторов гудели. В их дрожащем свете в небе сияли портреты Ленина и Сталина, подвешенные к заградительным аэростатам, знаменитым «колбасам».

Поверх кремлевской стены таинственный Арсенал смотрел на это отчаянное веселье, охватившее всех после слез. Следов повреждения от попадания бомбы в 1942-м заметно не было.

Время от времени яркий луч мерцающего света резко падал вниз. На противоположном краю площади ярко вспыхивали фасады гостиницы «Националь», американского посольства, университета. Луч выхватывал части толпы. Люди кричали и смеялись. Общее счастье сверкало и кипело на площади. [2]

После кавказского уединения столичное зрелище ошеломляло. Признаюсь, я не помню, какую музыку играл оркестр. При попытке использовать звуковую память, хаотично слышатся популярные в то время мелодии вроде «Рио-Риты» [3] и разной другой танцевальной музыки [4]

Я знаю причину перемены памяти. Она пыталась уйти от глубочайшего горя. В душе каждого жителя этой страны поселилось воспоминание о страшных утратах близких людей в войне с безжалостным фашизмом. Они любят грустные песни[5]. Души содержат горечь за погибших в неблагодарной Европе.[6]

Через годы, уже при Генеральном секретаре ЦК КПСС М.С. Горбачеве, была подсчитана и названа ужасающая цифра суммарных потерь населения 26,6 миллиона человек!

---

[1] Фрадкин М. Матусовский М. Бунчиков В., Вернулся я на родину.

[2] Строк О. Брызги шампанского, танго (1937 г.)

[3] Сантеухини Э. Льюиси, Рио-Рита, фокстрот (1930 г.г.)

[4] Дунаевский И. Вальс из фильма «Моя любовь» (1940 г.)

[5] Блантер М. Жаров А. Бунчиков В. Грустные ивы (1943 г.)

[6] Лученок И. Ясень М. Майский вальс (1985 г.).

Приблизительно каждый шестой из довоенных жителей. В два раза больше древнеримской децимации! Это общенародное горе помнится до сих пор. Его правдиво выражает любимая всеми песня об улетающих журавлях.[1]

Вернулись мы с Манежной площади поздно. С тех пор нашей компании разрешалось ходить везде. Впоследствии, когда я близко сошелся с соседскими мальчишками, мне разрешили ходить вечерами даже в центр города в бесплатное кино. Там на дальнем краю пустынной площади Пушкина собиралась толпа зрителей. Как только немного темнело, нам показывали так называемое «трофейное» кино.

Особенно запомнились музыкальные фильмы «Девушка моей мечты»[2], «Серенада солнечной долины»[3] и, конечно, «Большой вальс». Вальс Штрауса «Сказки венского леса» потом звучал много раз в концертах и по радио. Помню, как замечательно пела Надежда Казанцева.[4] После этих походов мы не раз ходили везде по большому городу. Но не в одиночку. Мама об этих походах меня не спрашивала. Несомненно, доверяла!

Но мы не оставались без должной заботы. Мама была для меня и для сестры опорой жизни в Москве. Только теперь, когда прошло много лет, я понял, насколько ей трудно было растить двух детей, нуждающихся буквально во всем. Она была само бесконечное терпение. Ничто не должно было огорчать её детей. Так, наверное, она думала. Действительно, наша жизнь, несмотря ни на что, была счастливой. Мама нас любила.

Воображаю, как сложно было зарабатывать на жизнь семьи женщине без настоящей профессии.

Случайную работу она нашла в буфете Трехгорной хлопчатобумажной мануфактуры. Это было буквально в двух шагах от дома, так что она могла уделять время своим детям, чтобы они не потерялись в Москве.

---

1 🔔 Френкель Я. Гамзатов Р. Бернес М. Журавли (1969 г.)

2 🔔 Гроте Ф. Марика Рёкк, Я жду тебя (1944 г.)

3 🔔 Гленн Миллер, Серенада солнечной долины (1941 г.)

4 🔔 Штраус И. Казанцева Н. Сказки Венского леса. Вальс.

Зарплата была минимальная. Работать было необходимо прежде всего ради рабочей карточки. Продукты, которые она получала по своей и по нашим карточкам, были единственным надежным источником жизни.

«Каланча» на Пресне.
Окно нашей комнатки внизу слева дальнее

В коммуналке мы сошлись с соседями очень быстро. Они жили приблизительно так же, как мы. Это были люди разных национальностей. Прежде, чем рассказывать дальше, сделаю важное отступление. Коммуналка учила нас не поднимать национальный вопрос на бытовом уровне, относиться к нему,

как к обычной антропометрии, вроде тембра голоса и цвета глаз. Думаю, что навыки коммуналки внесли свой вклад в победу СССР над нацизмом, целью которого было уничтожение русского народа, как и других унтерменьшей.

Досмотр за детьми поручили очень старенькой бабушке Ульяне Звягиной. Что она могла сделать одна? Днем она давала своим внучатам и нам с Люсей по кусочку хлеба. Питались мы с матерями вечером после того, как они, торопясь после магазинов, готовили еду на печке или на керосинке.

Особых развлечений, кроме игр во дворе и на улице у нас почти не было. Даже мяча у нас не было. Пыльный двор был небольшим и неогороженным. Во время войны деревянный забор жители сожгли, как и одинокое старое дерево у забора.

Открылись проходы между одно и двухэтажными домиками, окружающими нашу «каланчу», как жители округи называли этот выдающийся дом. В сравнении с современными человейниками, запрудившими Пресню, наш домина по-прежнему заметен своими прочными подкосами из рельсов.

Между нашим двором и соседним была высокая голубятня. Как она сохранилась за войну, не понимаю! Шума голуби не боялись. Мы могли бегать и кричать, везде. где хотели. Почти не шумели, когда в дождь играли в коридоре квартиры.

В то жаркое лето мы буквально каждый день купались позади Краснопресненского парка в Москва-реке. На этом месте теперь расположился огромный Экспоцентр.

Меня ребята научили плавать по-собачьи, и, наконец, я переплыл реку туда и обратно напротив Бадаевского пивного завода. Какое-то время этим гордился, но маме о своих достижениях не рассказывал, щадя её чувства. Наверное, скрывал, что река была довольно грязной, а мы, мальчишки, опасались, что нам запретят в ней купаться.

У нас лучшим местом для купания считался выход теплой воды в реку из пруда сахарного завода имени Мантулина. Чистым был пруд в детском парке имени Павлика Морозова, на дне которого бил холодный родник.

Это был один из прудов, оставшихся от исчезнувшей речки Пресня. Там даже взрослые купались. Берега пруда были усеяны

«чертовыми пальцами», по-научному белемнитами, останками каракатиц из мелового периода в истории Земли.

Вход в парк культуры и отдыха «Красная Пресня» (1940-е г.г.)

Дети двора дружно ходили в кино. В доме пионеров имени Павлика Морозова билеты стоили, кажется, 15 копеек. Детские фильмы были хорошими, а публика благодарная. С восторгом много раз смотрели полюбившиеся фильмы. Для нас устраивали встречи с популярными артистами. Они были буквально близки нам. В соседнем доме жил, тоже в коммуналке, артист Кузнецов из фильма «Тринадцать».

Невероятное кино случилось недавно. Сейчас в доме пионеров восстановили церковь Святителя Николая и вернули патриархату. Как говорится: «Свято место пусто не бывает!»

Интереснейшие занятия предлагались для детей в Доме пионеров. Общий дух того дома отлично передал Эльдар Рязанов в фильме «Карнавальная ночь». Лозунг «Всё лучшее детям!» советская власть проводила в жизнь неукоснительно. В бывшей алтарной части располагался зрительный зал и кинобудка, а в притворе был устроен зал для детского хора и

комната кружка «умелые руки». В средней части находились комнаты других кружков: фотографического, биологического, а также кукольного театра и оркестра народных инструментов.

Кукольный театр давал представления во дворах. Оркестр участвовал в московских концертах и музыкальных соревнованиях. Мы побывали в каждом кружке. Друзья по коммуналке задержались в оркестре. Сестренка увлеклась театром. Помню, как она пела дома песню кукольного героя на мотив песни «Вдоль да по речке» с повторяющимся припевом «Ишь ты, подишь ты, что ты говоришь ты»[1].

В хоре меня по-доброму попробовали с песней «Вечер на рейде» и пригласили приходить. Тогда благодаря прекрасному юному певцу Сережи Парамонову эту песню все хотели слушать.[2] Но задержался я ненадолго. Заинтересовался биологией. Скоро, однако, выяснилось, что наблюдать за жизнью в террариуме белых аксолотлей менее интересно, чем читать в библиотеке книгу Фабра о насекомых. Несомненно, хорошая книга – это всегда волшебство!

Детская библиотека располагалась в уютном двухэтажном особнячке около Красной Пресни. На втором этаже в читальный зал выдавали замечательно иллюстрированные дорогие книги путешественников Арсеньева, Козлова, Пржевальского, Миклухо-Маклая и других.

На первом этаже в зальце для занятий проводили лекции и обсуждения. Помнится, как студенты Московского университета увлеченно рассказывали о поэте Н.А. Некрасове и читали отрывки поэмы «Кому на Руси жить хорошо». Стало понятно, отчего произошла революция. «Доля народа, / Счастье его, / Свет и свобода / Прежде всего!» Поэт просил у бога силы в честном деле борьбы за счастье народа.

Жизнь налаживается

Первого сентября мы пошли в школы. Я в мужскую №95 на улице Заморенова, а Люсенька в женскую №81 на

---

1 Народная песня «Вдоль да по речке».

2 Соловьев-Седой В. Чуркин А. Парамонов С. Вечер на рейде.

Большевистской улице напротив музея «Красная Пресня», посвященного революции 1905 года.

Моя школа была построена недавно, но мне она не казалась привлекательной, по-видимому, было почему. Классы были переполнены. Учителя, как и дети, были всякие. Классной руководителем трудилась добрый биолог заслуженная учительница Дыгмерец Цицилия Ильинична, Все мужчины были инвалиды войны. Дети не знают жалости. Умного учителя истории, хромавшего после ранения, называли, конечно, Гефестом. Один год учебников на всех не хватало. Я брал некоторые у мальчика из класса «Б». Мы подружились. Вскоре он попал в сумасшедший дом Кащенки, потрясенный внезапной смертью матери, работавшей ткачихой на Трёхгорке. Стать сиротой -- это было ужасно! Особенно рядом с нашим счастьем -- у нас была мать!

С другими ребятами я нормально уживался. Даже со своими соседями по «камчатке». Там сидели «отпетые» двоечники и троечники, но интересные ребята. Они меня терпели, наверное, за то, что я подсказывал ответы и безотказно решал чужие задачки. Да и драк не избегал, хотя очень не любил это делать.

Самой важной моей общественной обязанностью как пионера было художественное оформление стенной газеты класса к важным праздникам. Учить уроки было не просто. Мои отметки едва превышали тройки. Тем не менее я себя не перегружал, о чем до сих пор жалею. Люсенька училась ответственно, и закончила школу с серебряной медалью. Вскоре столица преподала нам важнейший урок жизни. Такое никто из нас не предполагал. Ближе к осени мама начала готовиться к зиме. Нашла скорняка и перешила роскошную медвежью шубу папы в отличную дамскую куртку.

Наша коммунальная квартира днем не запиралась. Мама была на работе, а мы с Люсей дома. Пришла солидная тетя, вежливо поздоровалась, присела на наш табурет и передала мне записку, в которой было написано: «Валик, передай тёте – далее шло имя, которое я не помню, -- деньги и куртку. Ваша мама.» Я вгляделся, почерк был определенно мамин.

В это время квартире никого не было. В комнате смотрели со стены лишь кипренский портрет Пушкина, последняя память о

погибшем отце, и черная тарелка репродуктора московского радио. Оба молчали.

В таких случаях москвичи задавали вопрос:

-- Ты это что? Пушкин за тебя решать будет?

Так говорили после довоенного 37-го года, отмеченного страшными сталинскими репрессиями и торжествами по случаю 100-летия гибели поэта.

Пушкин А.С. (Кипренский О., 1827 г.)

Мне надо было принимать решение.

Пока мы с Люсей читали записку, тётя продолжала доходчиво объяснять:

-- Вашей маме предложили красивый лисий воротник для зимней куртки. Совсем недорого! Говорят, что будет очень красиво и даже модно.

Мария хочет обязательно примерить, чтобы зря не тратиться. Проверит и купит, если сочтет, что воротник подойдет. Но её не отпускают с работы.

Такие вот дела, -- сказала тетя и вздохнула. -- Попросила меня помочь. Мы знакомы с вашей мамой давно, и всегда помогаем друг другу!

Я как раз закончила смену и уходила домой. Отнесу ей всё без задержки. Не беспокойтесь! Она сможет все проверить.

Тетя ещё что-то говорила. Непонятную тревогу я ощутил сразу. Однако вопреки этому чувству снял свою ночную постель с сундука. Открыл крышку сундука и вынул куртку. Затем достал деньги, спрятанные в один из больших томов словаря Ушакова, который стоял на папиной полочке под Пушкиным рядом с томиком Гейне и учебником западной литературы.

Как зачарованный, не говоря ни слова, передал куртку и деньги услужливой тёте. Наша бабушка сказала бы: «Детки, детки, не будьте едки, не ешьте матку!» Я добавлю, что матерям приходилось тогда особенно трудно из-за множества настоящих жуликов и паразитов -- от клопов до воров – расплодившихся за годы войны.

Вечером мама молча выслушала свежую московскую сказку о хитрой лисе. Нам, конечно, было очень стыдно. В глаза смотреть матери не смели. Неизгладимый урок на всю жизнь!

Зиму мы встретили без обновок. Мама по-прежнему работала в буфете на Трехгорке. Одевалась в старенькую плисовую куртку, отделанную потертым мехом. Она мерзла, конечно. Дома отогревалась благодаря тому, что котельная находились под нами в подвале, отопительная батарея – рядом с единственной в комнате двуспальной кроватью, а печь коммунальной кухни – за дверью.

У нас в «каланче» было всегда тепло потому, что в подвале жил истопник. Жёг антрацит с красивыми отпечатками листьев древних деревьев. Они сохранились потому, что уголь в шахтах

добывали ручными кайлами, а не машинами. Уголь сваливали с грузовика позади дома, а потом спускали в подвал по деревянному жёлобу.

Наша мама вполне справлялась с текущими проблемами. Коммунальные услуги оплачивались. Мы не голодали. Но детские врачи все равно назначали курсы рыбьего жира. С едой случались казусы. Один раз пришлось есть жареные хлебные дрожжи. Очень невкусные!

Наитаки Мария Петровна
(22.07.1910 г. – 30.04.1996 г.)

Мылись мы в недавно открытых Рочдельских банях. Было близко и сравнительно дешево. На один билет, взятый в кабину душа, мы трое по очереди торопливо мылись, а мама устраивала небольшие постирушки.

Незадолго до Нового года к нам заехал армейский капитан с орденами на груди, демобилизованный сослуживец мамы, приятный на вид. Звали его, кажется, Иваном. Его деликатность и воспитанность нам всем очень понравились. Пришлось нам потесниться.

Почти сразу он направился за покупками в центральные магазины Москвы. Мама отпустила меня помочь ему. Первым делом он купил мне ботинки взамен старых, подошвы которых приходилось подвязывать веревочками. Помню, как меня обрадовал этот неожиданный подарок и как жалко было пачкать новенькие блестящие ботинки в грязной уличной слякоти. Сестренке Люсе мы купили теплое пальто, украшенное кроличьим мехом. Капитан покупал много, что именно уже на помню. В военторге заказали орденские планки.

Мы заметили, что неожиданный гость очень нравился маме. Ощутили её сильное огорчение, когда она неловко объяснила, что он уехал так поспешно, чтобы успеть вернуться до Нового года к семье. Где он жил, она не сказала.

К празднику Нового года мы нарядили в нашей комнатке небольшую елочку. Как замечательно пахла её хвоя! Под елочкой стоял новенький ватный дед Мороз. Но почему-то было грустно. Мне капитан оставил на память американскую поршневую авторучку из вороненой стали с золоченым пером. Она потерялась, но память о доброте этого человека у меня сохранилась. После я редко встречал подобные характеры.

После отъезда капитана мама сразу сменила место работы. Ведомственная кухня находилась в подвале всемогущего министерства тяжелого машиностроения на Садово-Кудринской улице. Её взяли помощницей повара.

Через некоторое время маму перевели в повара. «Не в повара, а в поварихи», – поправили бы предки. Теперь мы её почти не видели. На работу она уходила очень рано и возвращалась поздно, уже затемно.

Дома она почти перестала готовить еду, времени на это уже не было. Тут на наше счастье открыли столовую для детей в Люсиной школе, и начали выдавать еду на дом по продовольственным карточкам. Теперь каждый день после

школы я ходил туда с алюминиевыми судками за обеденными порциями на двоих. Дома разогревал еду на электроплитке.

Мама, придя с работы, иногда пила чай, но ничего не ела. Говорила, что на работе напробывалась еды так, что не могла даже смотреть на неё.

Зима пролетела быстро. Не буду рассказывать, какое замечательное катание было вниз по улице от нашего дома к пожарной части у проходной и ворот Трехгорки. Легкие санки из дюралюминия и короткие лыжи мы брали у друзей, коньки «снегурочки» привязывали к валенкам и прикручивали палочками.

Весной мама заболела. Физических и нервных сил ей, очевидно, не хватало, а здоровье ухудшилось. Случилось мощное гормональное расстройство, и она попала в больницу. Мы с сестрой часто видели её благодаря тому, что больница была буквально на соседней улице. Но помочь ей не могли.

Дома мы оставались одни, пока нас ни отправили в летний пионерский лагерь в Подмосковье. Наверное, это был первый лагерь после войны. С мамой мы обменивались записками.

Обстановка в лагере была никакая. Правда, однажды приезжал с концертом актер Василий Качалов. Восхитительно читал стихи! Сотрудницы были в неописуемом восторге, когда услышали на бис есенинское «Дай, Джим, на счастье лапу мне.»[1]

Друзей в лагере мы не нашли, да и стихотворными собаками не занимались. Не до собак было! После лагеря мама встретила нас на Савеловском вокзале. Мы были потрясены её видом. Она стала невероятной толстухой. Лечение в больнице продолжалось долго. Упомянутая выше подруга Катя Звягина покупала на Ваганьковском рынке и регулярно носила свежую капусту для приготовления лечебного сока.

После этого случая с маминой болезнью мы, дети, большую часть лета стали проводить в Ессентуках у бабушки и дедушки Богдановых. Каждый год они копили и присылали нам деньги на железнодорожные билеты. Получали они тогда маленькую

---

[1] Есенин С. Ильин И., Дай, Джим, на счастье лапу мне.

пенсию за пропавшего на войне без вести сына. Об этой пенсии бабушка говорила: «Не зря цыганка нагадала, что ваш папа, мой дорогой сыночек, будет заботливо содержать нас, родителей, когда мы постареем!»

Мы по-детски, как могли, помогали старикам и дома и в поле. В то время всем работникам выделяли 8 соток вспаханной земли в поле под огороды. Иждивенцам не выделяли, поэтому нашим старикам свой участок передавал Иван Тимофеевич муж тети Зины. В последний раз наш огород был в Сухой падине в 12 километрах за Греческим поселком.

Сажали картошку и кукурузу, подсолнечник и фасоль. Нужно было следить за огородом, окучивать вовремя и убирать сорняки. Урожай на черноземе получался неплохой. Будылья от подсолнуха и кукурузы не выбрасывали -- вместе с высохшими коровьими лепешками это было топливо для домашней печки. В перелесках собирали хворост и рубили сухостой. За него конные лесники не штрафовали.

Очень трудно было доставлять домой собранное. В помощь дедушка собрал тачку. Катить её, груженую, по горам было тяжело! Задыхавшийся старый дедушка то и дело просил меня подкладывать камни под колеса. Передохнув, он упорно тянул наш воз, и я за ним толкал и в дождь, и в вёдро. Пришлось нам заночевать как-то в дождь в кошаре с пастухами.

Дома урожай обрабатывали и закладывали на зиму всей семьей. Выжить помогал домашний огород, за которым присматривала бабушка в дополнение к ежедневным делам. Еще бабушка варила в большом латунном тазу варенье в основном из алычи, меньше из слив, и солила в небольших кадушках огурцы и помидоры. Помню, какими замечательно вкусными были эти шипучие красные помидоры.

Эта самоотверженная помощь, как я понимаю, очень помогала одинокой матери. Кроме стариков, родителей мужа, никто ей по сути, да и материально, не помогал.

В те времена все вокруг упорно трудились. Маму даже отметили за труд медалью «800-летие Москвы». Наконец, она получила в Краснопресненском райвоенкомате справку, которая официально сообщала, что красноармеец Богданов

Анатолий Андреевич был убит 30 июля 1943 года в районе станицы Константиновская на Дону.

В 1949 году она вышла замуж без регистрации брака за вдовца украинца Ивана Трофимовича Титова, 1905 года рождения. Вдвоем им было легче нести трудности жизни.

Иван Трофимович был ранен в Сталинграде, когда их зенитку, установленную на крыше тракторного завода, обстрелял немецкий миномет. Всю холодную ночь он, раненный, пролежал на мокром песке под крутым берегом Волги и ждал эвакуации. После войны бывало, что в холодное время рана на его ноге открывалась снова.

Его первая жена Юлия погибла на пожаре в селе Яруга на Украине в начале войны. После демобилизации он забрал у соседей своих малышей Степана и Милу, чуть младше нас. И перевез их в Москву. Трудно им пришлось. Чувствовалось, что батя очень любил детей. Мама говорила, что он изумительно пел украинские песни. Работал шофером в гараже Гипромеза.

В объединенной семье мы жили по-доброму. Удивительное дело, батя поддерживал мамину привычку принимать с готовностью в доме друзей, просто знакомых и родственников. Несмотря на текущие проблемы, гость получал еду и ночлег на столько времени, на сколько было необходимо. Видимо, найтаковские гены сказывались!

Прошло немного лет, и семья получила хорошую двухкомнатную квартиру от Гипромеза в одном из последних «сталинских» домов по адресу Проспект Мира 103-148. Мама вела домашнее хозяйство. Опыт, приобретенный на министерской кухне, ей пригодился. Помню в какие вкуснейшие котлеты она превращала полуфабрикат, купленный в «сером» магазине напротив Гознака.

Она показала своё поварское умение публично, когда Гипромез построил недалеко от станции Катуар Савеловской железной дороги замечательный летний лагерь для детей сотрудников. С тех пор каждое лето Марию Найтаки, инспектора отдела кадров, переводили туда на лето работать поваром. Для своих четырех детей она покупала у профсоюза за символическую плату путевки в тот же лагерь. После одной смены мы с Люсей уезжали в Ессентуки.

Верхом маминого поварского совершенства, особенно памятным для нас, стали два больших изобильных стола, которые были накрыты в нашей новой квартире в 1959 году. Один для старших членов семьи, другой для молодежи. Это была запомнившаяся надолго свадьба моей сестры. Дверь между соседними комнатами была широко распахнута, будто это был символ общения поколений. Старики радовались молодым. Молодые были благодарны старикам.

Мама, радуясь всем сердцем, выдавала свою Люсеньку замуж за Виктора Георгиевича Хаспекова. Торжество удалось, и гости были довольны. Её радовали родители Виктора Георгий Эммануилович и Тамара Кирилловна. Это было последнее изобильное застолье, устроенное Марией Найтаки по-домашнему. Наверное, так делали греки Найтаки в старину.

Прекрасные люди, которые её окружали, не догадывались, какие мысли о прошлом посещали последнюю представительницу старинной семьи пятигорских Найтаки во время торжественного пиршества.

Наверное, на этом собрании она представляла всем своих замечательных предков. Дети новой семьи понесут в мир наследуемые части предков, и в них не исчезнет память ни о ней, ни о Петре Найтаки, её отце.

Она молила о светлом будущем для молодежи. Материнское напутствие исполнилось. Новая семья прожила счастливые долгие годы. Отметила золотую свадьбу. Родила двух детей, Дмитрия и Карину. Жизнь продолжилась.

После того памятного застолья на Проспекте Мира Мария Найтаки прожила 37 лет семейной жизнью, типичной для СССР. Она не раз попадала в стрессовые ситуации, которые и не снились её деду Алексею Петровичу Найтаки.

После революции она осталась одиноким осколком большой дружной семьи. Бедствовала и страдала во время войны. В заслуженной старости, на пенсии, застала падение социалистического строя и самого СССР. Вместе со всем народом испытала на себе обманное обещание правителей страны «наше поколение будет жить при коммунизме». Сами эти правители, в отличие от ленинско-сталинских времен, действительно, жили, как при коммунизме. Но им было нужно

больше. Они пожелали безграничное личное богатство, и превратились в буржуазию.

К этому времени Мария и я, её сын, остались жить одни. Мария вышла на пенсию, а я потерял работу, когда наука перестала быть интересной для новой буржуазии. Ученые потянулись за границу. Уехали все, кого там принимали. Оставшиеся перебивались, как могли. Жить стало трудно.

Среди этих напастей вдруг оказалось, что для Марии Найтаки все еще действовало спасение от напасти, о котором знал знакомец её деда Святитель Игнатий. Достаточно было мне упомянуть о постигшем несчастье, как друзья неожиданно пришли на помощь: Прежние мамины знакомые по Гипромезу нашли спасительную работу. В соседней школе меня наняли учителем информатики, нового школьного предмета. Конечно, помогло то, что в Академии наук я получил опыт работы с компьютерами, а большинство людей такого опыта не имело.

Школа, где меня приняли по-доброму, была знаменитой, носившей имя поэта Александра Трифоновича Твардовского. Управлял школой замечательный директор Андрей Максудович Исхаков. Тем временем мама болела. В основном старческими болезнями. Мы, дети, за ней ухаживали. Ночью 30 апреля 1896 года она незаметно умерла в соседней со мной комнате. Ей было 86 лет. Драгоценные воспоминания о нашей совместной жизни не оставляют меня до сих пор.[1]

Опыт долгой жизни Марии объясняет главное в жизни её предков. Подсказывает, от чего прежде зависело чудо спасения семьи Найтаки, изложенное Святителем Игнатием. Божественное чудо стало судьбоносным лишь потому, что здоровье Алексея Петровича выдержало неожиданный стресс во времена былого контрагентства. Лишь крепкое здоровье пострадавшего позволило друзьям спасти его.

Совсем иное случилось с Марией Найтаки. Ничего не дали самые отчаянные усилия спасти своего первого мужа Анатолия Богданова. Он был убит. По-другому обстояло дело со вторым мужем Иваном Титовым. После страшного дорожного

[1] Твардовский А.Т., Перевозчик водогребщик

происшествия он получил инфаркт миокарда, но был спасен врачами. Марии удалось поддерживать его жизнь долгие годы.

Таким образом, практика жизни Марии подтвердила очевидную истину -- условием, при котором доступны любые чудеса, является здоровье. Не зря говорят: «Здоровье -- прежде всего, остальное приложится!». Для здоровых людей не исчезает надежда на будущее.

Предки Марии также знали это. Именно укреплением здоровья своих посетителей занимались Найтаки, когда совершенствовали гостиницы. На этом пути они создали основательную систему обслуживания, возвращающую здоровье раненным воинам. Это был высший класс гостеприимства! Когда война закончилась, они продолжали своё творчество, и заложили санаторий, для которого готовили из младшего сына специалиста по медицинской части.

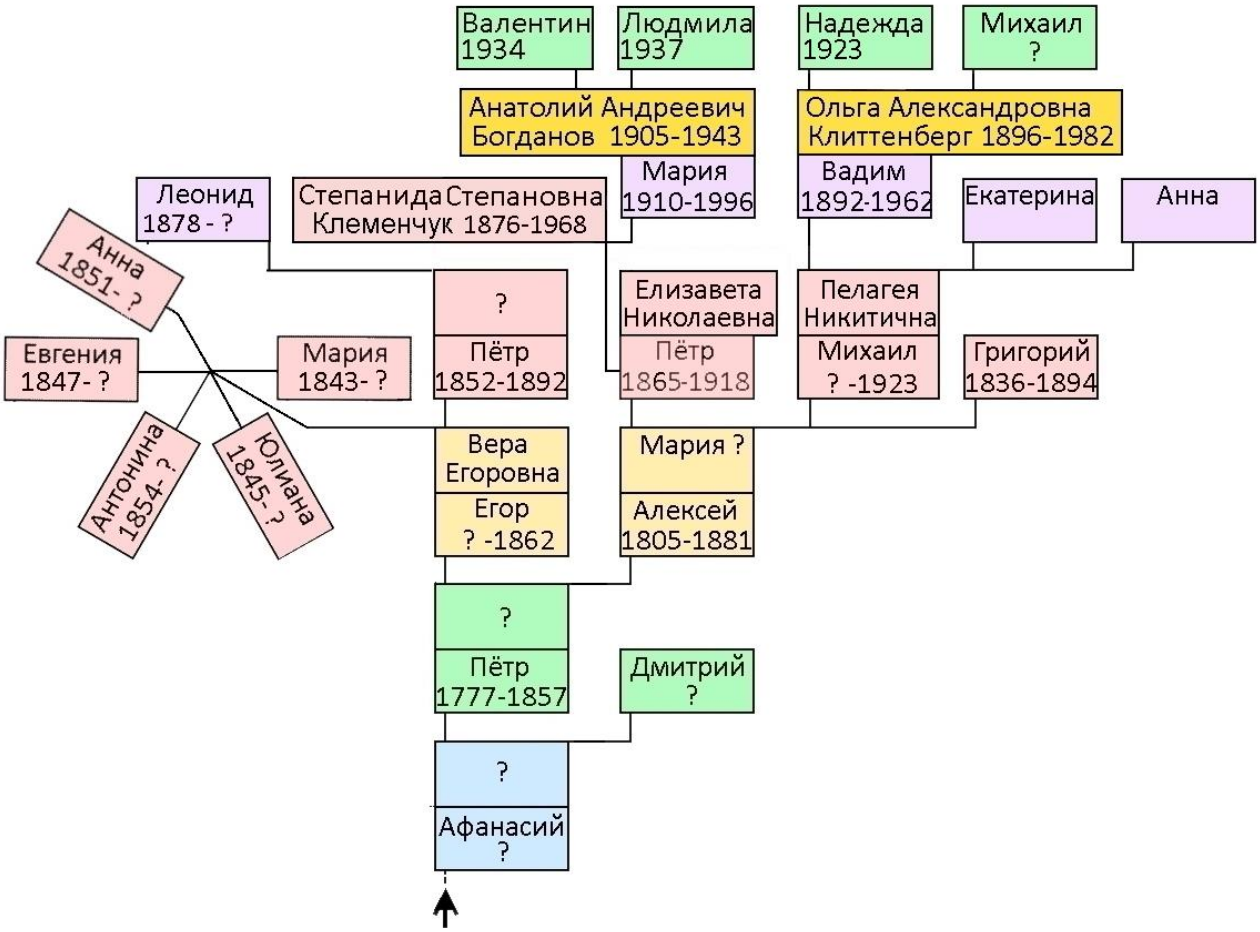
Итак, жизнь Марии напомнила, что два века назад чудесное спасение семьи пятигорских Найтаки от напасти стало возможным лишь благодаря тому, что Алексей Петрович, не лишился здоровья после стресса. Род пятигорских Найтаки продолжился. Работая в гостиницах, они превратились в настоящих творцов гостеприимства. В Марии эта творческая жилка сохранилась. Общий опыт этих людей бесценен.

Послесловие

Надеюсь, что я достаточно разобрался в неординарных трудах и необыкновенных событиях в жизни талантливых Найтаки Как мог, проник в мысли и намерения. Наглядно описал обстановку, в которой они жили и трудились.

Завершая свои старания, выражаю искреннюю благодарность родным за поддержку. Приступить к историческим изысканиям настойчиво советовала родная сестра Людмила Анатольевна Хаспекова. Помогала доброжелательными обсуждениями и продуманной критикой. Я глубоко благодарен ей и моему дорогому зятю Виктору Георгиевичу. От всего сердца благодарю мою милую и заботливую супругу Аллу Петровну Богданову (Лиманскую).

Они сделали возможным выход в свет нескольких книг, доступных для чтения и скачивания в интернете. Мне помогали за плату московские издательства «Онто-принт» и «Ваш-формат». Эти редкие книги, рукописи и другие материалы автора можно получить бесплатно в библиотеках веб-сайтов «Российский Кавказ» roskav.ru и «Греческий культурный центр» hecucenter.ru. Автор особенно благодарит администратора первого сайта Анастасию Цыбульникову и директор центра Теодору Янници. Сделано все было превосходно. Сердечное им спасибо!

Родословная Найтаки в 18-20 веках

Опубликованные книги содержат наброски данного романа, а также постепенно пополняемую родословную пятигорских Найтаки. Прежде чем перейти к её описанию, остановлюсь на происхождении фамилии Найтаки.

С точки зрения лингвистики фамилия Найтаки сложилась удивительно удачно. Она напоминает греческое прозвище

ναυτάκης, что читается как наутакис и нафтакис и переводится как маленький моряк. Если убрать звук «с» в конце прозвища, оно зазвучит на греческом языке ласково.

В русских вариантах звуки «ау» «аф» заменены на «ай», «аи», «ои», «ой» из-за стремления к благозвучию. Итак, фамилия «Найтаки» означает приблизительно «славный маленький моряк» Действительно, свидетели отмечали небольшой рост Найтаки.

Родословная пятигорских Найтаки начинается с таганрогского купца грека Афанасия, родившегося в 18-м веке. Его имя восстановлено по отчествам детей. Тогда во время повторного занятия Таганрога русскими Найтаки занимались винокурением. Получили землю от коменданта Дежедераса.

На рубеже 19 века Петр и Дмитрий, сыновья Афанасия, уехали из Таганрога на Кавказ. Дмитрий служил таможенным чиновником в Грузии, а Петр ходил из Ставрополя с купеческими обозами, снабжавшими кавказскую армию оружием и всяким довольствием. Торговал также в Ставрополе и занимался другой купеческой деятельностью.

В последние годы Кавказской войны он управлял гостиницами с ресторациями, а также перевозкой пассажиров и почты на омнибусах между городами Кавказских минеральных вод. Ему помогали сыновья Егор и Алексей.

Радушная троица Петр, Алексей и Егор соединила практически две вроде бы несовместимые вещи: столичный сервис и знаменитое местное гостеприимство. В основу были положены народные традиции. На Кавказе говорят: «Гость – посланец божий». Найтаки действовали предметно: «Гость – первый человек в доме, а гостиница – лучший из домов». Петр Афанасьевич явился первопроходцем в этом исключительно полезном общественном деле.

Великодушный отзыв о Найтаки оставила писательница, генеральша и светская дама Екатерина Петровна Лачинова, описавшая выдуманные похождения лермонтовского Грушницкого. а сатирическом романе «Проделки на Кавказе».

Она жестко обличала персонажей. Но вдруг похвалила великолепного содержателе ставропольской гостиницы: «Честь и слава Неотаки, хозяину этого заведения!». Показала, как

умело и благородно он определял линию своего поведения с людьми разного характера и возраста, состояния и положения.

Герои романа зло шутили о реверсе золотой медали на шее Неотаки. Вместо девиза «За полезное» читали «За бесполезное». Хозяин умело скрывал свою обиду. Можно сказать, действовал, помня поговорку «На обиженных воду возят, а на добрых сами катаются».

Хозяином в Ставрополе был Егор Найтаки. Но медалью был награжден не Егор, а его брат Алексей. Получается, что в своем романе писательница совместила образы братьев.

Егор Найтаки умер в 1862 году. Его жена Вера Егоровна (урожденная Ермакова) умерла вскоре. Осиротевшие шестеро детей продали родительский дом с усадьбой. С их согласия сиротский суд поделил полученные деньги поровну. Но дети Найтаки продолжали жить в том же доме. Можно думать, что старшая дочь Мария сделалась невесткой в семье новой хозяйки богатой купчихи Ефросиньи Стасенковой.

Через много лет сын Егора Петр стал начальником Сахалинской почтово-телеграфной конторы. О нем нелестно отзывался писатель А.П. Чехов в книге «Остров Сахалин». Обозвал его Яго, будто встретил персонажа Шекспира. Пётр и его помощник занимались фотографированием сахалинских видов и каторги. Чехов покупал эти фото.

Леонид сын этого Петра учился в Первой Казанской гимназии. Вероятно, стал студентом Казанского университета. Сахалинские краеведы установили, что после революции 1905 года студент Леонид Найтаки с товарищем агитировали на Сахалине среди ссыльных за создание республики в России.

Мой прадед Алексей Петрович жил в Пятигорске и был самым успешным членом семьи Найтаки в 19-м веке. 11 ноября 1864 году, после окончания Кавказской войны, пятигорским Найтаки купцам второй гильдии было пожаловано потомственное почетное гражданство России. Надо заметить, это был уникальный случай среди рестораторов и отельеров России. Таким остался навсегда! Всего Найтаки занимались гостиничным делом в 19-м веке более 60-ти лет.

У Алексея Петровича и Марии (называю прабабку по имени внучки) родились трое сыновей. Сын Григорий появился на свет

намного раньше остальных. О нем почти ничего не известно. Похоронен он в Пятигорском некрополе. Два его брата Михаил и Петр трагически погибли после революции.

У Михаила было трое детей: Вадим, Екатерина и Анна. Сын Вадим закончил пятигорскую гимназию и сразу ушел добровольцем на первую мировую войну. Воевал на Кавказском фронте. В гражданскую войну стал на сторону белых.

В 1920-м году, спасаясь от победивших красных, Вадим, Екатерина и Анна эмигрировали из Ялты в Турцию. Бывает, что счастье ходит рядом с бедой. В Стамбуле Вадим встретил Ольгу, свою любовь ещё по Пятигорску. Они поженились. После скитаний Найтаки осели во Франции.

Поручик Вадим Михайлович Нойтаки (Noitaky) умер в 1962 году и похоронен под Парижем на русском кладбище Сент Женевьев де Буа. Рядом могила жены Ольги.

Их дети и внуки – граждане Франции. Дочь Надежда Вадимовна, почетная медсестра министерства обороны Франции и, кстати, моя троюродная сестра, дважды приезжала в Пятигорск. Была на открытие мемориальной доски деду.

Известно, что на юге Франции в городе Безье (Beziers) живет её племянник Петр Михайлович Нойтаки (Pierre Noitaky). Московский университет даже выбрал его в качестве одного из объектов при исследовании эволюции русского языка во Франции в среде эмигрантов. Сейчас Пьер занимается кинезиологией, физиотерапией и массажем. Несколько объявлений об этом можно прочитать в интернете.

Младшим сыном Алексея Петровича был мой родной дед Петр Найтаки. Его единственная дочь Мария, наша мама, вышла замуж за ессентучанина Богданова Анатолия Андреевича. Он погиб в ВОВ в 1943 году на Миусском фронте.

После войны Мария жила в Москве, но часто бывала в Ессентуках у свекра и свекрови, а также жила в Кисловодске у своей матери Степаниды Степановны Клеменчук и родной сестры Любови Ульяновны Михайленко, которая как медсестра была ранена в первом Керченском десанте. Мария виделась со своим братом Гарри Ульяновичем Клеменчук, героически руководившем партизанами, защищавшими Кавказ в снегах Эльбруса. Не забывала также друзей кавказского детства.

Мария Петровна Найтаки прожила полную жизнь вместе с Советским Союзом. Испытала редкие радости и многие трудности. Вырастила и дала образование двум своим и двум приемным детям. Умерла дома от старости в 1996 году перед Первым Мая. В своем последнем коротком письме с фронта отец мечтал встретиться на Первое мая. Кажется, их общее желание исполнилось. Прах Марии покоится в колумбарии Введенского кладбища в Москве.

Время пощадило здания, в которых работали Найтаки. На них установлена мемориальные доски. На даче Найтаки установлена доска, созданная Ильей Харлампиевичем Илиади.

Лермонтовская площадка и памятник
первой гостиницы в Кисловодске

Исключением стала судьба казенной гостиницы, с которой Найтаки начинали свою деятельность. В начале 20-го века первоначальное летнее здание в кисловодском парке много раз перестраивали. Чего только в нем не было! Во время оккупации немцы устроили здесь гараж. После здание частично разобрали

на дрова и сожгли. Решение горсовета о восстановлении, принятое в 1947 году, не исполнено до сих пор. Хорошо, что поставили рядом скульптурный памятник знаменитому Алексею Федоровичу Реброву.

Любопытные ручки детей стерли до основания сияющую бронзовую ящерицу на памятном камне в парке – символ возрождения, связанный с началом этих изысканий.

На память о прошлом на Лермонтовской площадке в 2004 году был сооружен памятник к 200-летию основания Кисловодска и в память повеления Александра I о признании государственного значения КМВ.

Памятник из бетона воспроизводит вид портика замечательной ресторации, стоявшей здесь. Так и видится среди его колон удивительная троица похожих друг на друга Найтаки: старший Петр Афанасьевич и братья Алексей и Егор. Они приступают к новой жизни в гостинице. Дружелюбно улыбаются сквозь одинаково пышные бакенбарды. Охотно и с привычной сноровкой приветливо встречают каждого гостя.

Часто мне казалось, что чем ближе я знакомился с этими замечательными людьми, тем все чаще они поддерживали мои намерения.

Чудилось, что они щедро передают свои идеи, предлагают интересные темы и забытые слова. Возникало отчетливое ощущение услужливой доброты. Вероятно, таким способом проявляло себя старинное гостеприимство, в котором Найтаки достигли необыкновенных успехов.

Поэты знают, что приятное общение с предками в мыслях, как и с современниками в реальности, -- первейшие признаки того, что вокруг родина. Оказавшись на родине и закончив увлекательный знакомство с прошлым, благодарю от всего сердца помогавших родных людей. [1] Говорю вместе со всеми:

-- Вечная память предкам!

[1] Петров А. Хачатурян Э., Осень

СОДЕРЖАНИЕ

стр.

Предисловие.....3

ЧАСТЬ I. Знакомства у источника.....5
Посетители и работники.....5
Удачное начало..... 16
Ресторатор Пётр.....23
Чудо природы.....30
Соглядатаи в городе.....40
Курсовой обед.....45
Соглядатаи в горах..... 53

ЧАСТЬ II. Курсовые заботы.....64
Курьер в крепости..... 64
Купеческая сметка.....74
Привычная дорога..... 81
Пятигорский госпиталь.....91
Вечер в Кисловодске..... 101
Курсовая ночь..... 109
Схватка у водопоя.....116

ЧАСТЬ III. Развлечения на курсе..... 125
Сборы на охоту.....125
Конная охота.....132
Раут у генеральши..... 144
Поездка на водопад.....154
Большой пикник.....165
Возвращение кунака..... 179
Поиски абрека.....188

ЧАСТЬ IV. Набег на Кисловодск.....194
Дальняя разведка.....194
Совещание черкесов.....205
Крестины внука.....217
Отражение набега..... 224
После нападения..... 237
Кавказский пленник..... 245

стр.

ЧАСТЬ V. Памятные встречи.....257
Приезд императора.....257
Встреча с поэтом.....261
Похвала наместника.....269
Переезд из Пятигорска..... 282
Обновленная гостиница..... 294
Роковой калым..... 301
Перестрелка в Кисловодске..... 308

ЧАСТЬ VI. Путь к совершенству..... 318
Последнее рождество.....318
Ночной разговор.....323
Благословение вод.....330
Божественное чудо.....337
Мечта о санатории.....346
Особая профессия.....354

ЧАСТЬ VII. Новое время.....366
Прощание братьев.....366
Гибель семьи.....377
Тайна круглой сироты.....385
Подвиг милосердия.....393
Мария и дети в Москве.....403
Жизнь налаживается.....413

Послесловие.....424

Богданов Валентин Анатольевич, правнук А.П. Найтаки. Родился в 1934 году в Москве. Закончил Московский авиационный институт, к.т.н., с.н.с. АН СССР, учитель 1-й кат., ветеран труда.